

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
*INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES*

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
*INSTITUTE OF ECONOMY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES*

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

4(125)
2024

В Н О М Е Р Е

In This Issue:

Статус России в многополярном мире
*Russia's Status in a Multipolar World Russia and China
in the new geopolitical environment*

***Роль энергетических факторов
в сотрудничестве России и Индии в Арктике***
The Role of Energy Factors in Russian-Indian Cooperation in the Arctic

Электоральная стратегия социального популизма
Electoral Strategy of Social Populism

Глобальные вызовы и российский ответ на них
Global Challenges and Russia's Response to Them

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Редакционная коллегия

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *А.Г. Володин* – доктор исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *З.А. Дадабаева* – доктор политических наук, ИЭ РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.В. Кузнецов* – зам. главного редактора, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Н.Ю. Лапина* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *А.И. Миллер* – доктор исторических наук, Европейский университет, Россия, *И.Н. Молчанов* – доктор экономических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *А.Д. Некипелов* – академик РАН, доктор экономических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь – кандидат исторических наук *М.В. Ковалев*

Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

**РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Гребнев Р.Д.
Концептуализация статуса
России в многополярном мире **6**

Молчанов И.Н.
Поведенческая экономика
в глобализирующемся мире **25**

Филатов Г.А.
Российско-португальские
отношения: от первых
контактов до Второй
мировой войны **44**

**РОССИЯ И МИР
В XXI ВЕКЕ**

Степанов Н.С.
Влияние концепции
«синей экономики» на развитие
Северного морского пути (СМП) **59**

Харина О.А.,
Стрельникова И.А.
Роль энергетических факторов
в сотрудничестве России
и Индии в Арктике **77**

Галимуллин Э.З.,
Набиев Х.Х.
Арктический поворот на восток:
эволюция российско-китайского
сотрудничества в регионе **90**

Трунов Ф.О.
Эволюция сил быстрого
реагирования НАТО **105**

Жидкова А.В.
Социально-экономические
аспекты программы
Национального объединения:
электоральная стратегия
социального популизма **124**

**RUSSIA YESTERDAY,
TODAY, TOMORROW**

Grebnev R.D.
Conceptualization of Russia's
Status in a Multipolar World

Molchanov I.N.
Behavioral Economics
in a Globalizing World

Filatov G.A.
Russian-Portuguese
Relations: from Initial
Encounters to the
World War II

**RUSSIA AND THE WORLD
IN THE 21ST CENTURY**

Stepanov N.S.
The Impact of the Blue Economy
Concept on the Development
of the Northern Sea Route (NSR)

Kharina O.A.,
Strelnikova I.A.
The Role of Energy Factors
in Russian-Indian Cooperation
in the Arctic

Galimullin E.Z.,
Nabiev Kh.Kh.
Arctic Pivot to the East:
Evolution of Russian-Chinese
Cooperation in the Region

Trunov Ph. O.
The Evolution of NATO
Response Force

Zidkova A.V.
Socio-Economic
Aspects of the
National Rally Program:
Electoral Strategy
of Social Populism

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

Юрганов А.Л.
«Крушение гуманизма».
Доклад Александра Блока
в историко-культурном
контексте

142

Стыкалин А.С.
«Острый и открытый
разговор только начат...»
Чехословакия кануна
Пражской весны в восприятии
советской делегации

157

**РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ,
КОММЕНТАРИИ**

Полосин А.В.,
Аникин Д.А.
О векторно-осевом подходе
к цивилизационному
многообразию

173

Шаткин М.А.,
Орлов М.О.
Этнокультурная традиция как
наследие: реконцептуализация в
условиях современности

190

Опарина Е.О.,
Раренко М.Б.
Городские топонимы
как социокультурный фактор
и как инструмент региональной
идентичности

205

Коданева С.И.
Миграционная политика
в Британии: история
и современность

222

Матюнков Е.С.
Динамика развития
национально-государственной
идентичности молодежи Крыма
в контексте реинтеграции

242

**PHENOMENOLOGY
OF SOVIET SOCIETY**

Yurganov A.L.
«The Collapse of Humanism»:
an Analysis of Alexander Blok's
Report within Historical and
Cultural Contexts

Stykalin A.S.
«A sharp and open conversation
has just begun...»:
Czechoslovakia on the Eve
of the Prague Spring through
the Eyes of a Soviet Delegation

**REFLECTIONS, COMMUNICATIONS,
COMMENTS**

Polosin A.V.,
Anikin D.A.
On the Vector-Axial
Approach to Civilizational
Diversity

Shatkin M.A.,
Orlov M.O.
Ethnocultural Tradition
as Heritage: The Modern
Reconceptualization

Oparina E.O.,
Rarenko M.B.
Urban Toponyms as
a Socio-Cultural Factor
and as a Tool of Regional
Identity

Kodaneva S.I.
Migration Policy
in Britain:
History and Modernity

Matiunkov Ye.S.
Reintegration-Driven
Development of The Crimea
Youth Residents' National
Identity

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Пархалина Т. Г.
Европейские институты
и общество в процессе
трансформации (обзор
материалов конференции)

254

Мирзеханов В. С.
Глобальные вызовы
и российский ответ на них.
Рец. на книгу: Преодолевая
пределы роста. Доклад
Римскому клубу: монография /
под ред. В.А. Садовниченко. М.:
Издательство Московского
университета, 2024. 553 с.

302

Белинский А. В.
Близкие и опасные.
Рец. на коллективную
монографию:
Невоенные угрозы
безопасности ЕС.
М.: Издательство
«Весь мир», 2023. 658 с.

309

Чернега В. Н.
Рец. на: Gomart Th.
*Les ambitions inavouées:
ce que préparent
les grandes puissances.*
Paris: Tallandier, 2023. 336 p.

313

Глотов С. А.,
Скворцов И. П.
Как всегда блистательно,
но вопросы остаются...
К вопросу о докладе
«Политика России
в отношении Мирового
большинства»

321

REVIEWS

Parkhalina T. G.
*European Institutions and Society
in the Process of Transformation
(Overview of the Conference
Materials)*

Mirzekhanov V. S.
*Global Challenges
and Russia's Response to Them.*
Book review: *Overcoming
the Limits of Growth.*
Report to the Club of Rome:
a monograph / ed. by V.A.
Sadovnichy. Moscow: Moscow
University Press, 2024. 553 p.

Belinskii A. V.
*Close and
Dangerous.*
Review
of the Collective
Monograph
«Non-military threats
to EU security»

Chernega V. N.
Review: Gomart Th.
*Les ambitions inavouées:
ce que préparent les grandes
puissances.*
Paris: Tallandier, 2023. 336 p.

Glotov S. A.,
Skvortsov I. P.
*Brilliant as always,
but still leaves
some questions...*
On the report
«Russia's Policy towards
the World Majority»

Р.Д. Гребнев

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СТАТУСА РОССИИ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ¹

***Аннотация.** Целью настоящего исследования является концептуализация статуса и роли России в формирующемся многополярном мире. Предметом исследования, предопределившим исследовательские задачи и структуру статьи, являются цивилизационная идентичность и основы внешней политики современной России в региональном и глобальном измерениях. В статье приведены результаты исследования ключевых концептов, содействующих достижению стратегических целей внешней политики Российской Федерации.*

Проанализированные в данной статье концепты, рассматриваемые в целостном единстве, формируют ядро Концепции внешней политики современной России, нацеленной на развитие статуса Российской Федерации как одного из ключевых гарантов многополярности, центра региональной системы международных отношений и влиятельной мировой державы.

Источником особого статуса России в формирующемся многополярном мире является цивилизационная идентичность Российской Федерации и возникающие в ее развитии конкурентные преимущества Русского мира. Внешнеполитические интересы России в региональном измерении могут быть реализованы в порядке дальнейшей институционализации региональной системы регулирования международных отношений посредством реформирования СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, а также создания специального учреждения СНГ в области гуманитарного сотрудничества. Российская Федерация обладает всеми необходимыми атрибутами для развития статуса влиятельной мировой державы, в составе блока БРИКС Россия является инициатором нового этапа глобализации политических процессов.

Систематизация региональной политики Российской Федерации, наравне с ШОС и АСЕАН, способна оказать влияние на формирование архитектуры Большого Евразийского партнерства, которое, в свою очередь, является модельным процессом формирования многополярного мира. В условиях децентрализации глобального регулирования международных отношений развитие статуса России как влиятельной мировой державы обеспечено ее вовлеченностью в глобальные и сторонние региональные политические процессы в качестве непосредственного участника, модератора или наблюдателя.

1. Работа выполнена в рамках государственного задания для факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, по теме НИР: «Актуальные вопросы глобализации политических процессов и глобального регулирования международных отношений в контексте концепции нового справедливого миропорядка».

Ключевые слова: внешняя политика России; государство-цивилизация; российская цивилизация; СНГ; ОДКБ; ЕАЭС; БРИКС; многополярный мир; глобальное управление; глобальное регулирование международных отношений.

Гребнев Руслан Дмитриевич – кандидат юридических наук, заместитель декана по международному сотрудничеству, старший научный сотрудник факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва.

E-mail: rusl4n.grebnev@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2966-521X

Grebnev R.D.

Conceptualization of Russia's Status in a Multipolar World²

Abstract. *The purpose of this research is to conceptualize Russia's status and role within the context of an emerging multipolar world. The focus of the study, which shapes the research objectives and structure of the article, is on civilizational identity and the underpinnings of contemporary Russian foreign policy at regional and global levels. The article provides an analysis of key concepts that facilitate the achievement of the strategic goals of the Russian Federation's foreign policy.*

The concepts analyzed in this article, considered in their entirety, form the core of the Foreign Policy Concept of modern Russia, aimed at developing the status of the Russian Federation as one of the key guarantors of multipolarity, the center of the regional system of international relations, and an influential world power.

The source of Russia's special status in the emerging multipolar world is the civilizational identity of the Russian Federation and the competitive advantages of the Russian World that arise in its development. Russia's regional foreign policy interests can be advanced through the further institutionalization of the regional system for regulating international relations, achieved via the reform of the CIS, CSTO, and EAEU, and the establishment of a dedicated CIS institution focused on humanitarian cooperation. The Russian Federation has all the necessary attributes to develop the status of an influential world power; as part of the BRICS bloc, Russia is the initiator of a new stage in the globalization of political processes.

The systematization of the regional policy of the Russian Federation, in conjunction with the SCO and ASEAN, has the potential to shape the architecture of the Greater Eurasian Partnership. This, in turn, serves as a model process for the establishment of a multipolar world. In the context of decentralized global regulation of international relations, Russia's status as an influential global power is bolstered through its engagement in global and third-party regional political processes, either as a participant, moderator, or observer.

Keywords: Russian foreign policy; state-civilization; Russian civilization; CIS; CSTO; EAEU; BRICS; multipolar world; global governance; global regulation of international relations.

2. The research was carried out within the state assignment for the Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University, on the research topic: «Current issues of globalization of political processes and global regulation of international relations in the context of the concept of a new fair world order».

Grebnev Ruslan Dmitrievich – PhD in Law, Deputy Dean for International Affairs, Senior Researcher, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: rusl4n.grebnev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2966-521X

Введение

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Указ Президента от 31 марта 2023 г.] была обеспечена определенность исторически сложившихся (эволюционным образом) концептуальных основ статуса России в формирующемся многополярном мире.

Заложенные Указом Президента основы регулирования международных отношений с участием Российской Федерации открывают положительную перспективу стратегического развития России в актуальной стадии глобализации политических процессов, связанной с переходом от универсализации социальных и политических концепций англо-саксонского мира к возрастающей роли региональных систем международных отношений и суверенных государств. Внешняя политика современной России характеризуется акцентированностью на формирование статуса Российской Федерации как одного из ключевых гарантов многополярности.

Концепция многополярности и связанные с ней актуальные течения незападного регионализма оперируют цивилизационным подходом, в связи с чем в текст Концепции внешней политики России было введено понятие «государство-цивилизация, составляющее культурно-цивилизационную общность Русского мира» [Указ Президента от 31 марта 2023 г.].

В контексте заявленной темы Русский мир понимается как формирующийся полюс многополярного мира, сопоставимый с Российской Федерацией и зонами ее политического, экономического и культурного (ценностно-ориентированного) влияния, обеспеченного цивилизационной общностью и исторической близостью наций.

Концепт 1. Российская (русская) цивилизация

Феномен коллективной идентичности России выходит за рамки самоопределения граждан Российской Федерации по национальному признаку. Цивилизационная идентичность Российской Федерации возникает вследствие единства многонационального народа России и культурно-цивилизационной общности русскоязычного населения зарубежных стран.

Как известно, национальная идентичность мононациональных государств соотносится с этническим происхождением политически самоопределяющих-

ся наций. Полинациональным государствам, как правило, свойственно внутреннее административно-территориальное деление по национальному признаку. Для мультинациональной России характерен иной порядок совместного проживания наций.

Некоторые субъекты Российской Федерации хоть и образованы по национальному признаку, но они представляют собой открытые социальные системы, а обобщенно³ равные возможности граждан обеспечены разнообразными социальными нормами: правовыми, нравственными, религиозными и производными от традиций, обычаев и обыкновений более 190 народов России. Такие субъекты Российской Федерации, как, например, республики Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия, где совместно проживают граждане Российской Федерации тюркского и черкесского происхождения, свидетельствуют об эффективности указанных норм, содействующих определенности межнациональных отношений в Российской Федерации.

В соответствии с «интегральной теорией происхождения и эволюции мира цивилизаций» [Яковец 2023, с. 15] и «закономерностями взаимодействия и взаимопроникновения локальных цивилизаций» [там же, с. 29] с применением методологии глобальной истории [Шестова 2022, с. 23] можно сделать вывод о том, что основы цивилизационной идентичности России сформировались интегральным образом под влиянием следующих факторов: создание племенных союзов [Сахаров и др. 2024, с. 12], участие норманнов в формировании русской государственности [там же, с. 19], ордынцев – в ее развитии [там же, с. 175], а также вследствие тесных связей Руси с Византией [Федоров 2012, с. 21]. В результате эволюционных процессов синергетическим образом [Ильин и др. 2012, с. 93] сложились основы коллективной идентичности России, обладающей качественно новыми характеристиками по сравнению со своими источниками. Эти характеристики получили развитие в эпоху абсолютизма, затем – самодержавия и в период диктатуры пролетариата. В настоящее время феномен цивилизационной идентичности России осмысливается в контексте формирования многополярного мира.

Роль истории в формировании цивилизационной идентичности России сложно переоценить. В преамбуле и ст.ст. 44 и 67 Конституции Российской Федерации [Конституция от 12 декабря 1993 г.] установлены публичные интересы России в области сохранения исторической памяти. В развитие указанных конституционно-правовых норм принят и издан массив законов и подзаконных актов, регулирующих общественные отношения в области защиты исторической памяти [Болтырова 2022, с. 84]. А «в целях сохранения и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти»

3. В контексте метода социального обобщения (абстрагирования).

[Указ Президента от 2 ноября 2023 г.] создан Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации. Особое место в системе публичных интересов России, отведенное вопросам сохранения исторической памяти, содействует формированию цивилизационной идентичности Российской Федерации в части понимания ее исторического суверенитета не только в контексте «неприкосновенности» истории России, но и особой важности добрососедских отношений и интеграции государств, входивших в состав СССР и Российской империи.

При исследовании феномена цивилизационной идентичности России, выходящей за рамки национальной, обращает на себя внимание тот факт, что этническое большинство граждан Российской Федерации обозначается словом «русские», которое как часть речи является именем существительным, образованным от имени прилагательного путем его субстантивации [Михеева 2019, с. 60]. Указанный способ словообразования используется в тех случаях, когда характеристика предмета, его признак, начинает в смысловом отношении превалировать над самим предметом [Макарова 2011, с. 23]. Феноменологические характеристики национальной принадлежности русских доминируют над онтологическими, что открывает положительную перспективу самоидентификации человека любого этнического происхождения как «русского».

Феномен русской идентичности, по-видимому, является связующим фактором единства многонационального народа Российской Федерации, предопределяющим возможность воссоединения других народов с Россией. В соответствии с основами государственной политики в области исторического просвещения русский народ характеризуется как государствообразующий [Указ Президента от 8 мая 2024 г.]. Данный тезис в целом подтверждается сложным, многообразным национальным составом Российской Федерации, историей Российской империи и Советского Союза, объединивших множество народов и в настоящее время независимых государств.

Об указанном свойстве русской идентичности можно сделать вывод и на частных примерах. В современной России на государственном уровне поддерживается практика вступления в российское гражданство лиц, разделяющих традиционные российские духовно-нравственные ценности [Указ Президента от 9 ноября 2022 г.]. Например, американский спортсмен Джефф Монсон в 2018 г. получил российское гражданство [Указ Президента от 28 мая 2018 г.], а по итогам выборов в Государственное Собрание – Курултай Республики Башкирия в 2023 г. был избран депутатом башкирского законодательного органа власти [Сменивший гражданство...].

Цивилизационная идентичность России воспринимается гражданами Российской Федерации в контексте органицистского подхода [Маслобоева 2014, с. 132] на интуитивном уровне. Русскими по духу людьми Россия почитается как живой организм, о чем можно судить по таким устоявшимся выражением,

как «Россия-матушка» или «Родина-мать», а также по бесчисленным формам изложения народной мудрости. Традиционный тип российской культуры позволяет одухотворять Россию, для чего в разных значениях в русском языке используется словосочетание «русский дух». Феноменология духа [Гегель 2008] как методологический подход позволяет определять русский дух как всеобщее сознание русских людей, отличающее их от представителей других цивилизаций, цивилизационных общностей и обществ.

Как было сказано выше, для обозначения культурно-цивилизационной общности России в тексте Концепции внешней политики используется термин «Русский мир», анализ которого также требует внимания в контексте рассматриваемой темы. С точки зрения геополитического подхода Русский мир является антагонистом англо-саксонского мира и русскоязычным смысловым аналогом термина «хартленд», введенным в научный оборот в развитие концепции «географической оси истории» [Маккиндер 1995, с. 162–169]. Однако при применении цивилизационного подхода Русский мир, история которого ведется от Древней Руси до Российской Федерации, следует понимать как единую формацию, «характеризуемую определенным общественным строем, культурными и социально-историческими признаками», по аналогии с понятиями античного, капиталистического или цивилизованного мира [Большой толковый словарь].

Цивилизационная идентичность российского государства находит отражение в тексте Концепции внешней политики в определении России как государства-цивилизации. Несмотря на обоснованное цивилизационное измерение России, сам термин «государство-цивилизация», на наш взгляд, является не самым удачным, так как «государство» и «цивилизация» являются разносистемными понятиями, имеющими общепризнанные дефиниции. В то время как «государство» соотносится с формой организации власти [Глобалистика 2003, с. 274], «цивилизация» является особым видом культуры, обладающей характерными только для неё атрибутами [Глобалистика 2003, с. 1147]. Безусловно, понятия «государство» и «цивилизация» являются смежными в контексте Концепции внешней политики России. Однако во избежание терминологической путаницы и в целях внесения большей определенности значение, заложенное в термин «государство-цивилизация», могло бы быть передано словосочетанием «российская цивилизация». Принадлежность Российской Федерации к российской цивилизации является фактором формирования внешнеполитической доктрины современной России.

Принимая во внимание представленные выше особенности цивилизационной идентичности, мы можем утверждать, что термины «российская цивилизация» и «русская цивилизация» являются равнозначными. Однако в силу существования различных подходов к пониманию национальной идентичности, о которых было сказано в начале настоящего раздела статьи, наиболее ре-

левантным понятием, на наш взгляд, выступает понятие «российская цивилизация».

На основании изложенного представляется обоснованным сделать следующий промежуточный вывод. Уникальный опыт государственного строительства и управления многонациональным народом России, а также цивилизационная идентичность Российской Федерации, соотносимая с понятием российской цивилизации, предопределили ее субъектность в современной системе международных отношений и способность к конструктивному диалогу с представителями инокультурных цивилизационных общностей.

Концепт 2. Российская Федерация – центр региональной системы международных отношений

«Не обольщаясь никакими захватническими планами, я, тем не менее, остаюсь при убеждении в необычайной исторической важности для России ее среднеазиатских владений и сопредельных с ними стран...» – в контексте значения Средней Азии как стратегической транзитной зоны между Россией и Персией «писал в отчете на Высочайшее имя за 1909 г. командующий войсками Туркестанского военного округа генерал от кавалерии А.В. Самсонов» [Стрелянов (Калабухов) 2007]. Внешнеполитический поворот современной России на Восток возобновляет актуальность вопросов обеспечения безопасности транзитных зон и коммуникационных магистралей в Большой Азии, сопоставимых с проектом торгового пути «Север – Юг».

Не прибегая к методам экспансии, при соблюдении принципов равенства, общности интересов и верховенства международного права, реализация указанных внешнеполитических интересов России должна быть обеспечена развитием институтов региональной системы международных отношений. К таким институтам относятся СНГ, ОДКБ и ЕАЭС.

Международное сотрудничество принято классифицировать по его областям на военно-политическое, политико-экономическое и гуманитарное (социально-гуманитарное) [Лебедева и др. 2024, с. 7]. Очевидно, что региональные интеграционные объединения ОДКБ и ЕАЭС по своим целевым признакам призваны содействовать развитию отраслевого военного и экономического сотрудничества, последнее – вплоть до формирования макрорегиона, обладающего признаками автаркии.

В соответствии с Соглашением о создании Содружества Независимых Государств [Соглашение от 8 декабря 1991 г.] и его Уставом [Устав от 22 января 1993 г.] СНГ является межгосударственным (не ограничивающим суверенитет государств-участников) политическим объединением, к компетенциям которого относятся консультации по всему спектру вопросов региональной системы международных отношений. Очевидно, что вследствие отсутствия институцио-

нальных связей СНГ с ОДКБ и ЕАЭС возникает дублирование полномочий Содружества и организаций региональной военной и экономической интеграции.

Обязательства государств – участников СНГ и ОДКБ по совместному реагированию на угрозы территориальной целостности и государственному суверенитету одновременно закреплены в уставах обеих международных организаций: в соответствии со ст. 12 Устава СНГ [Устав от 22 января 1993 г.] и ст. 8 Устава ОДКБ [Устав от 7 октября 2002 г.]. По указанному кругу вопросов встречи в формате СНГ представляют интерес для Азербайджана, Молдовы и Узбекистана, в то время как остальные участники Содружества проводят свои консультации в области коллективной безопасности в формате ОДКБ.

Вопросы таможенной политики одновременно относятся к ведению СНГ и ЕАЭС в соответствии со ст. 3 Устава СНГ [Устав от 22 января 1993 г.] и Разделом VI Договора о ЕАЭС [Договор от 29 мая 2014 г.]. В составе СНГ только Азербайджан не имеет статуса участника или наблюдателя в ЕАЭС. Приведенные примеры дублирования полномочий региональных организаций, на наш взгляд, свидетельствуют об отсутствии отвечающей признакам системности и концептуальной целостности региональной политики, выработанной и согласованной всеми ее участниками.

При анализе основополагающих документов СНГ, ОДКБ и ЕАЭС обращает на себя внимание тот факт, что при наличии международных организаций, специализированных на вопросах военного и экономического сотрудничества, в региональной системе регулирования международных отношений отсутствует институциональное решение в области организации гуманитарного сотрудничества.

Развитие международного гуманитарного сотрудничества на постсоветском пространстве обеспечено лишь консультациями в формате СНГ, деятельностью Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств, функционал которого ограничен вопросами финансирования мероприятий и проектов в данной области [Устав от 25 мая 2006 г.], а также Россотрудничеством, которое является органом исполнительной власти Российской Федерации. В такой конфигурации организации регионального гуманитарного сотрудничества оно обладает потенциалом мягкой силы России, но не может в полной мере содействовать процессам культурно-социальной интеграции на постсоветском пространстве. Недооценка значения международного гуманитарного сотрудничества, на наш взгляд, является одной из причин успешной реализации США и их сателлитов проекта «анти-Россия» на постсоветском пространстве и распространению русофобии в мире в целом.

Наличие пробелов в институциональной структуре региональной системы международных отношений на постсоветском пространстве характеризует ее как незавершенную, т. е. не обеспечивающую ее функциональный аспект. След-

ствие возможной недооценки значения завершенности региональной системы регулирования международных отношений возникают риски геополитического, геоэкономического и культурного влияния зарубежных стран на государства, представляющие внешнеполитический интерес Российской Федерации.

В контексте геополитического подхода указанные риски связаны с возможностью размещения военных баз США и их сателлитов на постсоветском пространстве и дальнейшего расширения НАТО на Восток. Геоэкономический фактор потенциального внешнего регулирования возникает в случае не обеспеченных национальными экономиками постсоветских государств международных кредитных отношений и реализации хищнической инвестиционной политики экономически могущественных держав. Актуальные риски установления культурного влияния на часть постсоветских республик связаны не только с проектированием антироссийских настроений со стороны США и их сателлитов, но и с реализацией проекта по формированию тюркского мира, промежуточными лингвокультурными и социокультурными результатами которого можно считать переход на латиницу некоторых государств – участников СНГ.

Впрочем, перевод письменности некоторых языков азиатских стран – бывших республик в составе СССР – на латиницу можно интерпретировать не только как лингвокультурное и социокультурное вхождение этих стран в тюркский мир, но и (на более глубинном уровне) как развитие ранее уже осуществленного лидерами тюркского мира вхождение в западный мир, англосаксонский в своей идейно-ценностной основе: латиница есть одно из лингвокультурных проявлений западного мира и западничества как ориентации ряда незападных в своей географической и социокультурной основе стран на Запад.

В целях ликвидации несогласованности региональной системы регулирования международных отношений на постсоветском пространстве, на наш взгляд, обоснованно поставить вопрос о целесообразности реформирования СНГ, ОДКБ и ЕАЭС. Предполагается, что реформа СНГ может быть связана с расширением полномочий Содружества в области координации региональной политики, нормотворчества и международного правосудия, а также с приобретением ОДКБ и ЕАЭС статуса специализированных учреждений СНГ. Также представляется обоснованной постановка вопроса о создании специализированного учреждения СНГ в области гуманитарного сотрудничества.

О назревших предпосылках предложенного реформирования региональной системы регулирования международных отношений свидетельствуют актуальные тенденции развития ЕАЭС. Инициатива ЕАЭС, связанная с контролем в области торговли автомобилями, предполагает создание наднационального органа, уполномоченного выдавать электронные паспорта автотранспортных средств, что обладает признаками политической интеграции. А другая инициатива ЕАЭС по взаимному признанию ученых степеней отвечает требованиям развития гуманитарного сотрудничества.

Темпы экономической интеграции на постсоветском пространстве опережают региональные политические процессы в соответствии с идеей прагматичного евразийства [Искаков 2022, с. 137]. Прагматичное евразийство, лишний раз подчеркивающее принцип сохранения суверенитета государств, образующих региональную систему международных отношений, предполагает политическое согласование экономических процессов, не переходящее в форму регионального управления или регулирования. Прагматизм евразийской идеи возникает вследствие преследования национальных интересов государств-участников ЕАЭС.

Развитие идеи прагматичного евразийства, на наш взгляд, связано с формированием коллективного актора глобальной политики, образованного на принципах сетевого политического образования, обеспечивающего наилучшую реализацию национальных интересов всех участников региональной системы международных отношений. Так как стабилизация системы международных отношений в многополярном мире связана с формированием геэкономического паритета и нового геополитического баланса сил, коллективный характер актора глобальной политики содействует повышению международной конкурентоспособности и безопасности его участников. Коллективный актор глобальной политики обладает объективно более значительным потенциалом в условиях формирования многополярного мира.

Политическая «турбулентность» в Армении, приостановившей в 2024 г. членство в ОДКБ и заявившей о неактуальности размещения военной базы России на своей территории, демонстрирует разницу в статусе третьей страны и активного участника интеграционных процессов с участием Российской Федерации. Россия является военно-политическим и социально-гуманитарным стержнем мирового большинства. Транспарентность указанного статуса России в мире предопределяет системообразующую роль Российской Федерации в формировании системы региональной безопасности, экономического и гуманитарного сотрудничества. Вовлеченность государств в региональные политические процессы с участием Российской Федерации предполагает выполнение Россией функций гаранта международно-правового порядка, что содействует их безопасности и повышению конкурентоспособности. В то время как государства, стремящиеся сохранить статус третьих стран, обречены стать плацдармом геополитического и геэкономического противостояния ключевых акторов глобализации политических процессов.

Что не менее важно, прагматизм евразийской идеи возникает при обеспечении стратегического партнерства России и Китая. Принимая во внимание приверженность двух держав политике невмешательства в дела Средней Азии [Совместное заявление от 21.03.2023 г.], ряду пограничных с Россией и Китаем государств предстоит сделать цивилизационный выбор между ними, получив справедливую долю в мировой экономике, или же сохранить статус транзитной

зоны между ключевыми акторами глобальной политики, используя свою связующую роль в Большой Азии.

В заключение настоящей части статьи необходимо подчеркнуть значение региональных политических процессов на постсоветском пространстве. Развитие постсоветской региональной системы регулирования международных отношений в большей степени содействует реализации национальных интересов Российской Федерации и государств, обладающих признаками цивилизационной общности с Россией. Региональная интеграция исключает нежелательную перспективу внешнего регулирования и повышает статус постсоветских республик с ключевых транзитных зон до самостоятельного коллективного актора глобальной политики, позволяющего участвовать в формировании повестки мирового развития.

Систематизация региональной политики Российской Федерации, наравне с ШОС и АСЕАН, способна оказать влияние на формирование архитектуры Большого Евразийского партнерства, которое, в свою очередь, является модельным процессом формирования многополярного мира.

Концепт 3. Российская Федерация – влиятельная мировая держава

В соответствии с Концепцией внешней политики публичные интересы России связаны с укреплением «ее позиций на международной арене в качестве влиятельной мировой державы» [Указ Президента от 31 марта 2023 г.]. Развитие статуса России как мировой державы является геостратегической задачей.

В составе блока БРИКС Россия является инициатором нового этапа глобализации политических процессов, который характеризуется переходом с геополитических на геоэкономические основания мирового развития. На смену либеральной идеологии глобализации политических процессов странами БРИКС предложена идеология справедливости, равенства и порядка.

Предложенная формулировка идеологии нового этапа глобализации политических процессов возникает в результате анализа российской концепции справедливого многополярного миропорядка. Эволюционный подход к исследованию глобальных процессов и систем [Ильин и др. 2009, с. 27] позволяет рассматривать идеологическую основу многополярности в контексте ее преемственности идеологии марксизма-ленинизма, в связи с чем, по-видимому, дополнительно возникает смежность внешнеполитических стратегий современной России и Китая.

Глобализация политических процессов в контексте концепции многополярности подразумевает суверенизацию ключевых акторов полицентричной системы международных отношений, несиловое распространение их политического влияния на зарубежные государства, формирование региональных си-

стем международных отношений на принципах культурно-цивилизационной общности и, наконец, развитие межрегионального партнерства.

В связи с диверсификацией субъектного состава ключевых акторов глобализации политических процессов в формирующемся многополярном мире, приоритетности геоэкономического и социокультурного подхода над геополитическим, происходит усложнение оснований стабилизации системы международных отношений. Многополярный мир не может быть основан исключительно на балансе сил, понимаемом как соотношение военных потенциалов. В подтверждение данного тезиса обоснованно обратить внимание на тот факт, что ядерный потенциал мировых держав не является решающим фактором стабилизации системы международных отношений на современном этапе ее развития, как это было в эпоху биполярности.

Специфика многополярного мира заключается в культурно-цивилизационном характере формирующихся региональных систем регулирования международных отношений и акцентированности внешней политики региональных лидеров и держав на извлечение справедливой доли в мировой экономике. С указанной спецификой нового этапа глобализации политических процессов связаны непреодолимые противоречия между двумя глобализационными проектами: геополитическим проектом США и формированием многополярного мира на идейно-ценностной основе, предлагаемой Российской Федерацией.

Вследствие указанных противоречий существующая в настоящее время система международных отношений характеризуется ярко выраженной геополитической дуальностью по признаку приверженности государств одному из двух глобализационных проектов. Геополитическому расколу мира соответствует поляризация международных отношений [Ильин и др. 2023, с. 15], сопровождающаяся кризисом ООН и международно-правовым беспорядком.

В сложившихся условиях развитие статуса России как влиятельной мировой державы связано с активным противодействием расширению НАТО на Восток в порядке Специальной военной операции на территории Украины, внешнеполитическим поворотом России на Восток, в частности – развитием отношений всеобъемлющего, стратегического в своей основе партнерства с Китаем, системным развитием международных отношений с государствами Глобального Юга, а также с участием Российской Федерации в выработке глобальной политики в формате БРИКС.

Негативный опыт «неосознанного атлантизма»⁴, воспринятый Россией в результате отказа от социалистической идеологии, позволил разобраться

4. Термин А.Г. Дугина.

в сути и содержании англо-саксонской геополитики. Практическое знакомство с методами неоколониальной политики Запада позволило выявить ключевые факторы противодействия внешнему регулированию и стратегическим образом скорректировать внутреннюю и внешнюю политику Российской Федерации. Суверенизация современной России содействует развитию и укреплению ее субъектности в глобальной политике и статуса мировой державы.

Во многом благодаря современной России глобальная повестка и вопросы мирового развития стали приоритетной тематикой международных отношений. Важную роль в развитии статуса России в формирующемся многополярном мире играет членство в БРИКС. БРИКС выполняет функции выработки новой глобальной политики и нормотворчества в части утверждения принципов организации системы международных отношений. В условиях опережающих процесс реформирования ООН темпов трансформаций международных отношений БРИКС содействует решению задач ООН по «выполнению существующих международных обязательств и восстановлению доверия в международной политике» [Резолюция от 8 сентября 2022 г.].

БРИКС выступает гарантом соблюдения права народов на сохранение культурно-цивилизационной идентичности, принципа недопустимости злоупотребления лидерством в международных отношениях и связанных с ним неоколониальных практик. Членством России в БРИКС обеспечена реализация согласованной с мировыми лидерами и державами внешней политики Российской Федерации, направленной на формирование более справедливого миропорядка. Стратегической задачей внешней политики России в глобальном измерении является формирование альтернативной макроэкономики, не зависимой от доллара США. Этому процессу содействует развитие международной торговли между государствами, находящимися под экономическими санкциями коллективного Запада. Международная торговля России обеспечена взаиморасчетами в национальных валютах, что позволяет проводить эффективную инвестиционную политику России в зарубежных государствах, используя излишки накоплений в зарубежных национальных валютах. При поддержке КНР внешняя экономическая политика России нацелена на формирование новой финансовой системы, основанной на евразийской цифровой валюте. А в повестку БРИКС включен вопрос о создании единой денежной единицы, претендующей на статус мировой резервной валюты.

Основополагающий принцип равноправного диалога государств и цивилизаций на платформе БРИКС открывает перспективу для развития сетевой дипломатии – формирования альянсов нескольких стран по внешнеполитическим интересам, изначально обеспеченных соответствующими консультациями и договоренностями. Сетевая дипломатия как одна из форм децентрализованной системы регулирования международных отношений является действенным методом обеспечения коллективных внешнеполитических

интересов государств. Сетевая дипломатия дополняет существующие представления о глобальном регулировании международных отношений и предполагает возможность вовлечения России в сторонние региональные политические процессы в качестве наблюдателя или модератора.

Китайско-индийские противоречия внутри БРИКС возлагают на Россию потенциальную роль медиатора в группе БРИКС. Отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с Китаем, с одной стороны, и привилегированное стратегическое партнерство с Индией – с другой, определяют ключевую роль России в урегулировании разногласий в БРИКС и новой системе глобального регулирования международных отношений. В актуальном состоянии глобальная роль России проявляется в последовательной политике с акцентом на отмену разделительных линий влияния мировых держав в Большой Азии.

В заключение настоящего раздела статьи обоснованно привести мнение главы МИД Индии Субраманьям Джайшанкар о статусе и роли России в глобальной политике. «Россия – держава с огромными традициями государственного управления. Такая сила никогда не стала бы вступать в отношения подавляющего характера» [МИД Индии]. На протяжении всей своей истории Россия не раз выступала в роли «спасителя мира» в критических для человечества ситуациях. Например, система коллективной безопасности в Европе, предложенная Императором Александром I, была эффективной в течение 40 лет, вплоть до начала Крымской войны.

Система коллективной безопасности, созданная при непосредственном участии СССР после победы над фашистской Германией, могла бы оставаться эффективной в настоящее время, если бы США не допустили злоупотребления глобальным лидерством. Исторически неизбежное формирование новой евразийской системы глобальной безопасности послужит развороту геополитики США в сторону многополярности. Необходимо подчеркнуть, что Российской Федерацией не только обеспечивается глобальный баланс, но и охраняется запас природных ресурсов, позволяющий рассчитывать на достижение устойчивого развития.

Выводы

Внешнеполитическая доктрина современной России основана на нравственных императивах, соотносимых с понятиями справедливости, равенства и порядка, совместно обладающих потенциалом формирования новой государственной идеологии Российской Федерации и идеологических основ концепции многополярности.

Проанализированные в настоящей статье концепты, рассматриваемые в целостном единстве, формируют ядро Концепции внешней политики совре-

менной России, нацеленной на развитие статуса Российской Федерации как одного из ключевых гарантов многополярности, центра региональной системы международных отношений и влиятельной мировой державы.

Источником особого статуса России в формирующемся многополярном мире является цивилизационная идентичность Российской Федерации и возникающие в ее развитии конкурентные преимущества Русского мира. Уникальный опыт государственного строительства и управления многонациональным народом России, а также цивилизационная идентичность Российской Федерации, соотносимая с понятием российской цивилизации, предопределили ее субъектность в современной системе международных отношений, способность к конструктивному диалогу с представителями инокультурных цивилизационных общностей.

Внешнеполитические интересы России в региональном измерении могут быть реализованы в порядке дальнейшей институционализации региональной системы регулирования международных отношений посредством реформирования СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, а также создания специального учреждения СНГ в области гуманитарного сотрудничества. Региональная интеграция исключает нежелательную перспективу внешнего регулирования и повышает статус постсоветских республик с ключевых транзитных зон до самостоятельного коллективного актора глобальной политики, позволяющего участвовать в формировании повестки мирового развития.

Российская Федерация обладает всеми необходимыми атрибутами для развития статуса влиятельной мировой державы, в составе блока БРИКС Россия является инициатором нового этапа глобализации политических процессов. Систематизация региональной политики Российской Федерации, наравне с ШОС и АСЕАН, способна оказать влияние на формирование архитектуры Большого Евразийского партнерства, которое, в свою очередь, является модельным процессом формирования многополярного мира.

В условиях децентрализации глобального регулирования международных отношений развитие статуса России как влиятельной мировой державы обеспечено ее вовлеченностью в глобальные и сторонние региональные политические процессы в качестве непосредственного участника, модератора или наблюдателя.

Библиография

Болтырова Т.М. Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации // Вестник института комплексных исследований аридных территорий. 2022. № 2. С. 82–84.

Большой толковый словарь русского языка // Грамота. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=мир&mode=slovari&dicts%5b%5d=42&ysclid=lvpgedct4v772432055> (дата обращения: 30.05.2024).

Гегель Г.В.Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа / пер. Г. Шпета. Москва: Акад. проект. 2008. 767 с.

Глобалистика: Энциклопедия. Москва: ОАО Издательство «Радуга». 2003. 1328 с.

Договор о Евразийском экономическом союзе // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/02b5e971c960351127087f2503d149fcfe216e16/ (дата обращения: 30.05.2024).

Ильин И.В., Леонова О.Г. Формирующиеся тенденции глобальных политических процессов // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2023. № 3. С. 3–22.

Ильин И.В., Урсул А.Д. Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). Москва: Издательство Московского университета. 2009. 192 с.

Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. Москва: Издательство Московского университета, 2012. 616 с.

Искаков И.Ж. Политический тренд евразийской интеграции // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2022. № 11. С. 135–139.

Конституция Российской Федерации // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 30.05.2024).

Лебедева М.М., Кузнецова Д.А., Антюхова А.Е. и др. Москва: Проспект. Международное гуманитарное сотрудничество: учебное пособие, 2024. 256 с.

Макарова Е.А. Субстантивация прилагательных: когнитивный аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 10(64). С. 22–25.

Маккиндер Х.Д. Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 162–169.

Маслобоева О.Д. Российский органицизм и космизм: теория, методология, мировоззрение // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10–3(48). С. 132–138.

МИД Индии призвал дать России возможность выбора партнеров в условиях ее сближения с КНР // ТАСС. 2024. 23 фев. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20065897?ysclid=Iwt3nncyf5774992104> (дата обращения: 30.05.2024).

Михеева С.Л. Субстантивированные прилагательные в русских пословицах // Научный диалог. 2019. № 12. С. 59–69.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 08.09.2022 № 76/307 // Организация объединенных наций. Официальный сайт. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/587/52/pdf/n2258752.pdf?token=y49jRrhGt3GStjnh2&fe=true> (дата обращения: 29.02.2024).

Сахаров А.Н., Боханов А.Н., Шестаков В.А. История России с древнейших времен до наших дней: учебник. М.: Проспект, 2024. 864 с.

Сменивший гражданство США на российское боец Монсон стал депутатом // РИА Новости. 2023. 13 сент. URL: <https://rsport.ria.ru/20230913/monson-1896221377.html?ysclid=lvqzovaqtd645063457> (дата обращения: 30.05.2024).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху от 21 марта 2023 года // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 30.05.2024).

Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (9 декабря 1991) // Интернет-Портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/page/3373/79405/> (дата обращения: 30.05.2024).

Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии 1909–1918. Москва: Центрполиграф. 2007. 33 с. URL: <https://itexts.net/avtor-p-n-strelyanov-kalabuhov/130013-kazaki-v-persii-1909-1918-p-strelyanov-kalabuhov/read/page-1.html> (дата обращения: 30.05.2024).

Указ Президента Российской Федерации от 28.05.2018 г. № 272 «О приеме в гражданство Российской Федерации» // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43096> (дата обращения: 30.05.2024).

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 30.05.2024).

Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 30.05.2024).

Указ Президента Российской Федерации от 02.11.2023 № 817 «О создании автономной некоммерческой организации “Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311020022?ysclid=lvmpiiir7h820865023> (дата обращения: 30.05.2024).

Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 30.05.2024).

Устав Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств // МФГС. URL: <https://mfgs-sng.org/mfgs/ustav/> (дата обращения: 30.05.2024).

Устав Организации Договора о коллективной безопасности // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/?ysclid=lvusy6sxs3828042134#loaded (дата обращения: 30.05.2024).

Устав Содружества Независимых Государств (22 января 1993 года) // Интернет-Портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/page/3373/79407/> (дата обращения: 30.05.2024).

Федоров М.В. Договоры Руси с Византией: учебно-методическое пособие. Москва: РУДН, 2012. 87 с.

Шестова Т.Л. Глобальная история: учебное пособие. Москва: Издательство Московского университета, 2022. 576 с.

Яковец Ю.В. Российская цивилизация: исторический путь и стратегия восхождения: монография. Москва: ИД Академии Жуковского, 2023. 272 с.

References

Bolty'rova T.M. Gosudarstvennaya politika po soxraneniyu istoricheskoy pamyati grazhdan Rossijskoj Federacii [State policy for preserving the historical memory of citizens of the Russian Federation]. Vestnik instituta kompleksny'x issledovanij aridny'x territorij [Bulletin of the Institute for Complex Research of Arid Territories]. 2022. N 2. P. 82–84. (In Russ.)

Bol'shoj tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka [Great Dictionary of Russian language] // Gramota. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=mir&mode=slovari&dicts%5b%5d=42&ysclid=lvpgedct4v772432055> (date of access: 30.05.2024). (In Russ.)

Dogovor o Evrazijskom e'konomicheskom soyuze [Treaty on the Eurasian Economic Union] // Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/02b5e971c960351127087f2503d149fcfe216e16/ (date of access: 30.05.2024). (In Russ.)

Fedorov M.V. Dogovory' Rusi s Vizantiej: uchebno-metodicheskoe posobie [Treaties between Rus' and Byzantium: educational and methodological manual]. Moscow: RUDN. 2012. 87 p. (In Russ.)

Gegel' G.V.F. Sistema nauk. Chast' pervaya. Fenomenologiya duxa [System of Sciences. Part one. Phenomenology of spirit] / Moscow: Akad. proekt. 2008. 767 p. (In Russ.)

Globalistika: E'nciklopediya [Global Studies: Encyclopedia]. Moscow: OAO Izdatel'stvo «Raduga». 2003. 1328 p. (In Russ.)

Il'in I.V., Leonova O.G. Formiruyushiesya tendencii global'ny'x politicheskix processov [Emerging trends in global political processes]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika [Bulletin of Moscow University. Issue 27: Global studies and geopolitics.]. 2023. N 3. P. 3–22. (In Russ.)

Il'in I.V., Ursul A.D. E'volyucionnaya globalistika (koncenciya e'volyucii global'ny'x processov) [Evolutionary globalistics (concentration of the evolution of global processes)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 2009. 192 p. (In Russ.)

Il'in I.V., Ursul A.D., Ursul T.A. Global'ny'j e'volyucionizm: Idei, problemy, gipotezy' [Global evolutionism: Ideas, problems, hypotheses]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 2012. 616 p. (In Russ.)

Iskakov I.Zh. Politicheskij trend evrazijskoj integracii [Political trend of Eurasian integration]. Evrazijskijstvo: teoreticheskij potencial i prakticheskie prilozheniya [Eurasianism: theoretical potential and practical applications]. 2022. N 11. P. 135–139. (In Russ.)

Konstituciya Rossijskoj Federacii [Constitution of the Russian Federation] // Prezident Rossii. Oficial'ny'j sajt. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (date of access: 30.05.2024). (In Russ.)

Lebedeva M.M., Kuznecova D.A., Antyxova A.E. i dr. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe sotrudnichestvo: uchebnoe posobie [International humanitarian cooperation: a textbook.]. Moscow: Prospekt. 2024. 256 p. (In Russ.)

Makarova E.A. Substantivaciya prilagatel'ny'x: kognitivny'j aspect [Substantivization of adjectives: cognitive aspect]. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [News of the Volgograd State Pedagogical University]. 2011. N 10(64). P. 22–25. (In Russ.)

Makkinder X.D. Geograficheskaya os' istorii [Geographical Pivot of History]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies]. 1995. N 4. P. 162–169. (In Russ.)

Masloboeva O.D. Rossijskij organicizm i kosmizm: teoriya, metodologiya, mirovozzrenie [Russian organicism and cosmism: theory, methodology, worldview]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy' teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. 2014. N 10–3(48). P. 132–138. (In Russ.)

MID Indii prizval dat' Rossii vozmozhnost' vy'bora partnerov v usloviyax ee sblizheniya s KNR [The Indian Foreign Ministry called for Russia to be given the opportunity to choose partners in the context of its rapprochement with China] // TASS. 2024. 23 Feb. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20065897?ysclid=ltwt3nncyf5774992104> (date of access: 30.05.2024). (In Russ.)

Mixeeva S.L. Substantivirovanny'e prilagatel'ny'e v russkix posloviyax [Substantivized adjectives in Russian proverbs]. Nauchny'i dialog [Scientific dialogue]. 2019. N 12. P. 59–69. (In Russ.)

Rezolyuciya General'noj Assamblei OON ot 08.09.2022 № 76/307 [UN General Assembly Resolution No. 76/307 of 09/08/2022.] Organizaciya ob''edinenny'x nacij. Oficial'ny'j sajt. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/587/52/pdf/n2258752.pdf?token=y49jRrhGt3GSjng2&fe=true> (date of access: 29.02.2024). (In Russ.)

Saxarov A.N., Boxanov A.N., Shestakov V.A. Istoriya Rossii s drevnejshix vremen do nashix dnei: uchebnik [History of Russia from ancient times to the present day: textbook]. Moscow: Prospekt. 2024. 864 p. (In Russ.)

Shestova T.L. Global'naya istoriya: uchebnoe posobie [Global history: textbook]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 2022. 576 p. (In Russ.)

Smenivshij grazhdanstvo SSHa na rossijskoe boecz Monson stal deputatom [Fighter Monson, who changed his US citizenship to Russian, became a deputy] // RIA Novosti. 2023. 13 Sept. URL: <https://rsport.ria.ru/20230913/monson-1896221377.html?ysclid=lvqzovaqtd645063457> (date of access: 30.05.2024). (In Russ.)

Soglasenie o sozdanii Sodruzhestva Nezavisimy'x Gosudarstv [Agreement on the establishment of the Commonwealth of Independent States] // Internet-Portal SNG. URL: <https://e-cis.info/page/3373/79405/> (date of access: 30.05.2024). (In Russ.)

Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki ob uglublenii otnoshenij vseob`emlyushhego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstviya, vstupayushhix v novuyu e`poxu ot 21 marta 2023 goda [Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on deepening relations of comprehensive partnership and strategic interaction, entering a new era, dated March 21, 2023] // Prezident Rossii. Oficial'ny'j sajt. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (date of access: 30.05.2024). (In Russ.)

Strelyanov (Kalabuhov) P.N. Kazaki v Persii [Cossacks in Persia]. Moscow: Centrpoligraf. 2007. 33 p. URL: <https://itexts.net/avtor-p-n-strelyanov-kalabuhov/130013-kazaki-v-persii-1909-1918-p-strelyanov-kalabuhov/read/page-1.html> (date of access: 30.05.2024). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28.05.2018 g. № 272 «O prieme v grazhdanstvo Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation dated May 28, 2018 No. 272 “On admission to citizenship of the Russian Federation.”] // Prezident Rossii. Oficial'ny'j sajt. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43096> (date of access: 30.05.2024). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po soxraneniyu i ukrepleniyu tradicionny'x rossijskix duxovno-nravstvenny'x cennostej» [Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809 “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values.”] // Prezident Rossii. Oficial'ny'j sajt. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (date of access: 30.05.2024). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31.03.2023 g. № 229 «Ob utverzhdenii koncepcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation dated March 31, 2023 No. 229 “On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation.”] // Prezident Rossii. Oficial'ny'j sajt. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (date of access: 30.05.2024). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.11.2023 № 817 «O sozdanii avtonomnoj nekommercheskoj organizacii “Nacional'ny'j centr istoricheskoy pamyati pri Prezidente Rossijskoj Federacii”» [Decree of the President of the Russian Federation dated November 2, 2023 No. 817 “On the creation of an autonomous non-profit organization “National Center of Historical Memory under the President of the Russian Federation”] // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311020022?ysclid=lvmpiiir7h820865023> (date of access: 30.05.2024). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 08.05.2024 g. № 314 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti istoricheskogo prosveshheniya» [Decree of the President of the Russian Federation dated May 8, 2024 No. 314 “On approval of the Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the field of historical education.”] // Prezident Rossii. Oficial'ny'j sajt. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (date of access: 30.05.2024). (In Russ.)

Ustav Mezhgosudarstvennogo fonda gumanitarnogo sotrudnichestva gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimy'x Gosudarstv [Charter of the Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of the Member States of the Commonwealth of Independent States] // MFGS. URL: <https://mfgs-sng.org/mfgs/ustav/> (date of access: 30.05.2024). (In Russ.)

Ustav Organizacii Dogovora o kolektivnoj bezopasnosti [Charter of the Collective Security Treaty Organization] // Organizaciya Dogovora o kolektivnoj bezopasnosti. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoj_bezopasnosti_/?ysclid=lvusy6sxs3828042134#loaded (date of access: 30.05.2024). (In Russ.)

Ustav Sodruzhestva Nezavisimy'x Gosudarstv [Charter of the Commonwealth of Independent States] // Internet-Portal SNG. URL: <https://e-cis.info/page/3373/79407/> (date of access: 30.05.2024). (In Russ.)

Yakovecz Yu.V. Rossijskaya civilizaciya: istoricheskij put' i strategiya voskhozhdeniya: monografiya [Russian civilization: historical path and ascension strategy: monograph]. Moscow: ID Akademii Zhukovskogo. 2023. 272 p. (In Russ.)

И.Н. Молчанов

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и особенности поведенческой экономики как области научного знания в период становления и развития ее теоретической базы. Актуальность темы обусловлена особенностями современного периода, характеризующегося геополитической нестабильностью и формированием многополярного миропорядка. В статье представлена совокупность психологических, социальных, когнитивных и эмоциональных факторов, являющихся предметом поведенческой экономики как раздела экономической науки. Проанализировано развитие концептуальных положений поведенческой экономики в период с середины XIX до начала XXI в. На примерах поведенческих моделей рассмотрены методы соединения достижений психологии с постулатами неоклассической экономической теории. Раскрыта роль эксперимента и социологических методов в становлении и развитии поведенческой экономики. Аргументированно представлено влияние инструментария психологии и социологии на принятие экономических решений индивидами и организациями. Обращается внимание на закономерное проявление последствий принимаемых решений в экономической деятельности на макроуровне. На основе анализа и обобщения научных положений, литературных и информационных источников установлены предпосылки, оказывающие разнотензорное влияние на состояние и развитие поведенческой экономики как направления экономических исследований, объектом которого являются границы рациональности экономических агентов. Выявлены особенности профессиональной деятельности участников рыночных отношений в контексте идей поведенческой экономики. Уточнены концептуальные положения и практические рекомендации, имеющие значение при принятии управленческих решений инвесторами на финансовом рынке. Обоснована своевременность применения теоретических подходов поведенческой экономики на практике в условиях глобальной неопределенности. Подтверждена целесообразность применения ее научных основ не только в межличностном общении членов общества, но и в корпоративном управлении. Сформулированы рекомендации о необходимости дальнейших исследований поведенческих моделей с целью более предметного применения полученных результатов в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: поведенческая экономика; научные исследования; экономические агенты; предпосылки экономического поведения; факторы принятия решений; социальные нормы.

Молчанов Игорь Николаевич – д-р эконом. наук,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.
Россия, Москва.
E-mail: 9392940@gmail.com
Researcher ID: J-7684-2012
Scopus Author ID: 57207529880
ORCID: 0000-0003-4252-2387

Molchanov I.N.

Behavioral Economics in a Globalizing World

Abstract. *The article considers the essence and features of behavioral economics as a field of scientific knowledge during the formation and development of its theoretical base. The relevance of this topic arises from the unique challenges of the current era, marked by geopolitical instability and the emergence of a multipolar world order. The article delineates a variety of psychological, social, cognitive, and emotional factors that define behavioral economics as a branch of economic science. It traces the evolution of key theoretical concepts in behavioral economics from the mid-19th century to the early 21st century. Through examples of behavioral models, the paper explores the integration of psychological insights with neoclassical economic principles. It highlights the pivotal role of experiments and sociological methods in the discipline's development. The paper argues cogently for the significant impact of psychological and sociological methodologies on the economic decision-making processes of individuals and organizations. The focus of this article is on the macro-level effects of economic decision-making. It synthesizes and analyzes scientific principles, literary and informational sources to identify the multi-faceted influences on the development and state of behavioral economics, particularly in exploring the rationality boundaries of economic agents. The professional activities of market participants are examined through the lens of behavioral economics. Conceptual principles and practical recommendations critical for investors' decision-making in financial markets are articulated. The article justifies the timely application of theoretical approaches in behavioral economics to practical scenarios amid global uncertainty. The applicability of its scientific foundations in both interpersonal communication and corporate management is confirmed. The study formulates recommendations for further research into behavioral models for more substantive applications in professional activities.*

Keywords: *behavioral economics; scientific research; economic agents; prerequisites for economic behavior; decision-making factors; social norms.*

**Molchanov Igor Nikolaevich – Doctor of Economics Lomonosov
Moscow State University; Financial University under the Government
of the Russian Federation. Russia, Moscow.**

E-mail: 9392940@gmail.com
Researcher ID: J-7684-2012
Scopus Author ID: 57207529880
ORCID: 0000-0003-4252-2387

Введение

Поведенческая экономика и ее роль в экономической науке. Поведенческая экономика (Behavioral economics)¹ – сравнительно новая область экономики, отличающаяся многоаспектностью целей и решаемых задач. Это и раздел экономической теории, и направление экономических исследований. Объект изучения – границы рациональности экономических агентов², а предмет – психологические особенности человеческого восприятия и суждений в явном виде.

Если рассматривать поведенческую экономику как направление научных исследований, то в данном контексте в центре внимания находится изучение влияния разнообразных факторов (как внешних, так и внутренних) на экономическое поведение человека и принятие решений. Задача данной науки – выявление влияния «социальных, когнитивных и эмоциональных факторов на принятие экономических решений отдельными агентами и последствий этого влияния на основные рыночные переменные (цены, прибыль, инвестиции)» [Басс 2021, с. 135].

По результатам обобщения и систематизации массивов эмпирического материала с применением методов экспертного анализа, эконометрического моделирования и др., поведенческая экономика создает основания для объяснения поведения различных агентов на основе учета комплекса факторов, позволяющих более точно описать это поведение применительно к той или иной конкретной ситуации.

Инструментарий поведенческой экономики, используемые ею модели традиционно ориентированы на совмещение идей и достижений психологии и неврологии с неоклассической экономической теорией. Поведенческая экономика рассматривает процесс принятия рыночных решений исходя из интересов экономических агентов и изучает применяемые при этом механизмы, которые стимулируют общественный выбор.

-
1. Поведенческая экономика изучает поведение людей, процесс принятия решений, особенности коллективного выбора с акцентом на границы рациональности и роль психологических факторов в этом процессе.
 2. Экономические агенты – субъекты экономических отношений, принимающие участие в производстве, распределении, обмене и потреблении экономических благ (в трехсекторной (закрытой) модели экономики – это домохозяйства, фирмы, государство).

Научный базис и направления поведенческой экономики

Даниэль Канеман³ стал лауреатом Нобелевской премии по экономике 2002 г. «за применение психологической методик в экономической науке, в особенности – при исследовании формирования суждений человека и принятия решения в условиях неопределенности» (вместе с Верноном Смитом) [Белянин 2003]. Он проводил научные изыскания не как экономист, а как психолог, базируясь на своих убеждениях о склонности людей по-разному реагировать на ситуацию в зависимости от того, теряют они или выигрывают [Канеман 2023].

В основе научного базиса поведенческой экономики лежит когнитивно-поведенческая теория, как общая концепция, синтезирующая совокупность взаимосвязанных категорий, объединяющих теоретические труды, клинические опыты и эмпирические исследования поведенческих и познавательных ориентированных психологов. Единого определения когнитивно-поведенческой теории до настоящего времени не создано. Индивидуальные теоретические разработки связаны друг с другом общими предположениями, методами и технологиями исследований, но сохраняют разнообразие взглядов на роль когнитивности (от лат. *cognitio* – познание, изучение, осознание)⁴ в изменении поведения экономических агентов. Поведенческая экономика специализируется на рассмотрении влияния различных факторов, а именно: психологических, когнитивных, эмоциональных, культурных и социальных, – на принимаемые отдельными лицами и организациями экономические решения и отличие их от постулатов классической экономической теории.

Темы исследований поведенческой экономики формируются в рамках ряда направлений, основными из которых являются эвристика, фрейминг, эмоции, неэффективность рынка.

Эвристика⁵ (Heuristics), понимаемая как повседневный опыт, применительно к поведенческой экономике есть средство сокращения потребности в когнитивных ресурсах, необходимых для принятия решений. Практика по-

3. Даниэль Канеман (*Daniel Kahneman*) (1934–2024) – израильско-американский психолог и экономист. Один из основоположников поведенческой экономики, в которой объединены экономика и когнитивистика для объяснения иррациональности отношения человека к риску в принятии решений и в управлении своим поведением.

4. Когнитивность – термин, используемый в нескольких, довольно сильно друг от друга отличающихся контекстах, обозначающий способность к умственному восприятию и переработке внешней информации.

5. Эвристика – 1) отрасль знания, научная область, изучающая специфику творческой деятельности; связана с психологией, физиологией высшей нервной деятельности, кибернетикой; 2) совокупность приёмов и методов, облегчающих и упрощающих решение познавательных, конструктивных, практических задач.

казывает: люди принимают 95% своих решений, используя быстрые умозаключения или эмпирические правила. При этом, наблюдается разнообразие поведенческих способов принятия решений: аффект, репрезентативность, доступность, корректировка, доступная среда, самоуверенность, статус-кво, избегание потерь, психический учет. Для эвристики характерны упрощенные способы мышления, простые подходы к формулированию выводов, не прибегая к математическим расчетам или к научному мышлению. Построенные на основе эвристики выводы в одних случаях приводят к правильным заключениям, в других – к ошибочным.

Фрейминг⁶ (Framing) трактуется как принятие решения в зависимости от оформления («обрамления»). Специалисты фрейминга не только диктуют, что людям думать, но и то, как им это делать. Существует коллекция стереотипов, которые составляют психические фильтры: люди полагаются на понимание и адекватное реагирование на события. Когнитивное искажение, при котором форма подачи информации влияет на ее восприятие человеком, известен как «эффект фрейминга». Как известно, одно и то же утверждение, в зависимости от формулировки и смысловых акцентов, может быть представлено и в качестве потери (в негативном свете), и в качестве выгоды (в позитивном свете).

Эмоции⁷ проявляются на практике в случаях, если принятие решения во многом основывается на эмоциях и связанных с ними универсальных неосознанных человеческих нуждах, страхах и фантазиях.

Неэффективность рынка (Market inefficiencies) в действительности можно оценить посредством влияния на рынок и рыночные цены когнитивных ошибок и склонностей отдельных индивидов и социальных групп. К рыночной неэффективности относятся неправильное ценообразование и нерациональное принятие решений (например, неэффективное распределение ресурсов).

Прикладные аспекты поведенческой экономики основываются на таких областях научных исследований, как этология, психология, нейроэкономика.

Важным направлением является этология (от греч. *éthos* – характер, нрав и *lógos* – учение). Этология входит в число направлений, которые изучают особенности поведения животных. Специалисты в данной области специализируются на рассмотрении наследственных либо инстинктивных, т. е. генетически обусловленных компонентов поведения и их эволюционировании. Накопленные в данной области научные знания о реакциях животных, наиболее схожих

6. Фрейминг – 1) абстрактное понятие, которое служит для организации или структурирования социальных смыслов; 2) метод, который позволяет оказывать влияние на восприятие информации аудиторией.

7. Эмоция (от лат. *emoveo* – потрясаю, волную) – психический процесс средней продолжительности, отражающий субъективное оценочное отношение к существующим или возможным ситуациям и объективному миру.

с людьми, позволяют углубленно исследовать процессы эволюции живых существ и коллаборации в их поведении.

Исключительно важное значение для развития поведенческой экономики имеет применение теоретических положений и законов психологии как гуманитарной науки, которая нацелена на изучение закономерностей возникновения, развития и функционирования психики и психической деятельности человека и групп людей.

Использование научных концептов нейроэкономики⁸ позволяет повысить обоснованность выводов и практических рекомендаций поведенческой экономики.

Существенное место в исследованиях по поведенческой экономике принадлежит эксперименту (от лат. *experientia* – проба, опыт) как методу *научного познания*. Посредством экспериментов организуется проведение исследований окружающего мира в рамках специально разработанных программ. Наиболее приемлемой формой проведения экспериментов с учетом специфики поведенческой экономики являются опросы участников в различных формах, на основе результатов которых могут быть впоследствии приняты различные решения.

История становления и развития поведенческой экономики

Тесная связь микроэкономики с психологией прослеживалась уже в период развития классической экономической теории. Адам Смит (Adam Smith)⁹ при рассмотрении проблем справедливости, сочувствия или симпатии предложил психологическое объяснение особенностей индивидуального поведения [Смит 1997]. Психологические основы полезности были глубоко проработаны Джереми Бентамом (Jeremy Bentham)¹⁰.

В период развития неоклассической экономической теории ученые стремились изменить форму экономики и представить ее как естественную науку, выводя поведение из предположений о природе экономических агентов. В кон-

8. *Нейроэкономика, как междисциплинарное направление в науке на пересечении методов экономической теории, нейробиологии и психологии изучает процессы принятия решений при выборе альтернативных вариантов, распределении риска и вознаграждения; реакции различных участков головного мозга на окружающую среду и ее изменения, в том числе и в экономическом контексте.*

9. *Адам Смит (1723–1790) – известный шотландский экономист и философ, основоположник классической школы политэкономики. Наиболее известными его работами являются: научная работа «Теория нравственных чувств» (1759) и книга «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776).*

10. *Иеремия Бентам (1748–1832) – английский философ-моралист и правовед, социолог, юрист, один из крупнейших теоретиков политического либерализма, родоначальник одного из направлений в английской философии – утилитаризма.*

цепции «человека экономического» (*homo economicus*)¹¹, поведение предполагалось как принципиально рациональное. К настоящему времени в некоторых слоях общества устоялось понимание «человека экономического» как корыстного агента, который стремится к оптимизации результатов и максимизации полезности.

Однако далеко не все ученые, которые проводят исследования в сфере в социально-гуманитарных наук и особенно в экономике, согласны с данной трактовкой. В качестве факторов, разнонаправленно влияющих на мнение индивида, указывается на ограниченность знаний и бескорыстность людей, отсутствие обратной связи, явных предпочтений и последовательных стремлений к личной выгоде, а также высокая неопределенность, наличие вероятности изменений в приоритетах под влиянием изменяющихся условий жизнедеятельности и др.

Неоклассические экономисты Френсис Эджуорт (Francis Ysidro Edgeworth)¹², Вильфредо Парето (Vilfredo Pareto)¹³ и Ирвинг Фишер (Irving Fisher)¹⁴ включили психологические объяснения в поведение человека. Экономическая психология возникла в XX веке в работах Габриэля Тарда (Gabriel Tarde)¹⁵, Джорджа Катона (George Katona)¹⁶. В социологии Г. Тард и Эмиль Дюркгейм (Emile Durkheim)¹⁷ основывали свои теории на статистических данных, интересовались природой

-
11. *Homo economicus* (с лат. – «человек экономический», «человек рациональный») – понятие о том, что человек как существо, действующее разумно, всегда стремится к максимизации получаемой прибыли и делает выбор из-за значения экономических результатов этого выбора.
 12. Фрэнсис Исидор Эджуорт (1845–1926) – ирландский британский экономист. Был сторонником идеи прогрессивного налогообложения, мотивируя его убывающей предельной полезностью доходов. В честь него названы «ящик Эджуорта» и «налоговый парадокс Эджуорта». Входит в число ста великих экономистов до Кейнса по версии Марка Блауга.
 13. Вильфредо Федерико Дамасо Парето (1848–1923) – итальянский инженер, экономист и социолог, один из основоположников теории элит. Разработал теоретические концепты, названные впоследствии его именем: «статистическое Парето-распределение» и «Парето-оптимум», широко используемые в экономической теории и иных научных дисциплинах.
 14. Ирвинг Фишер (англ. Irving Fisher) (1867–1947) – американский экономист, представитель неоклассического направления в экономической науке.
 15. Жан Габриэль Тард (1843–1904) – французский социолог и криминолог, один из основателей субъективно-психологического направления в западной социологии.
 16. Джордж Катона (1901–1981) внес существенный вклад в социальные науки своими исследованиями ожиданий и поведения потребителя, представленными в таких его работах, как «Стремления и богатство», «Новая экономическая эра» и «Очерки по поведенческой экономике».
 17. Давид Эмиль Дюркгейм (1858–1917) – французский социолог и философ, основатель французской социологической школы и предшественник структурно-функционального анализа. Один из основоположников социологии как самостоятельной науки.

социальных норм, придавали большое внимание сравнению как методу научного исследования.

При создании психологической экономики Д. Катона основывался на гештальтпсихологии, полагая, что существующие различия между людьми в интерпретации окружающего мира и развития событий в будущем могут инициировать изменения в их поведении. Он разъяснил механизм влияния отношений на поведение, подчеркивая способности людей к обучению и умению корректировать свои цели. В этом аспекте с Д. Катонкой не были согласны некоторые экономисты, которые не видели необходимости заниматься исследованием отношений (*attitudes*) и ожиданий (*expectations*) вследствие их эндогенного характера.

Теоретические основы поведенческой экономики

Когнитивно-поведенческая теория, формирующая научный базис поведенческой экономики, основывается на теоретических трудах, клинических опытах и эмпирических исследованиях¹⁸. Ее составными элементами являются *социально-когнитивная теория, теория когнитивного диссонанса, теория регулятивного фокуса, концепция ограниченной рациональности, теория (гипотеза) ожидаемой полезности, поведенческая теория игр, теория перспектив, теория подталкивания* и другие нашедшие подтверждение в ходе экспериментов творческие наработки поведенческих и познавательно ориентированных психологов и экономистов.

Согласно **социально-когнитивной теории (social cognitive theory)**, поведение каждого человека базируется на учете опыта других индивидуумов, находится в поле социального взаимодействия, а также средств массовой информации (автор – Альберт Бандура (Albert Bandura)¹⁹. На материалах исследований обосновывается существование прямой взаимосвязи между поведенческими изменениями и самоэффективностью, понимаемой как уверенность в том, что собственные действия индивида могут иметь высокую эффективность и быть успешно реализованы. Источниками самоэффективности полагаются «овладение мастерством, социальное моделирование, вербальное подкрепление, психическое состояние» [Bandura 1977]. Справедливость теоретических положений объясняется взаимодействием трех групп поведенческих

18. Эмпирические исследования – наблюдение и исследование контактных явлений, эксперимент, а также обобщение, классификация и описание результатов исследования эксперимента, внедрение их в практическую деятельность человека.

19. Альберт Бандура (1925–2021) – канадский и американский психолог, известный своими работами по теории социального научения. Выделяют четыре базовых этапа научения: влечение (или мотивация), сигнал, реакция, подкрепление.

факторов: личностных, среды, реакции среды. Л. Бандура отводил значительную роль познанию в поведении человека.

Леон Фестингером (Leon Festinger)²⁰ предложена теория **когнитивного диссонанса (cognitive dissonance theory)**²¹. Термин «когнитивный диссонанс», как состояние психического дискомфорта индивида, вызванное столкновением в его сознании конфликтующих представлений: идей, верований, ценностей или эмоциональных реакций, широко используется в поведенческой экономике. Этот ключевой в социальной психологии термин введен в 1956 г. для объяснения изменений мнений, убеждений как способа устранения смысловых конфликтных ситуаций. Понятие когнитивного диссонанса отражает неудобную напряженность, которая может существовать между двумя одновременными и противоречивыми идеями или чувствами – часто, когда человек осознает, что он/она участвовал в поведении, несовместимом с типом человека, которого он хотел бы видеть, или быть публично признанным.

Теория регулятивного фокуса (Regulatory focus theory) сформулирована Эдвардом Т. Хиггинсом (E. T. Higgins) в 1997 г.²² и **построена** на предположении о сосуществовании двух глобальных мотивационных систем: *продвижения* и *превенции*. Данная психологическая теория разграничивает аспект продвижения и фокус профилактики, обладает регулятивной направленностью: предполагается, что человеческая мотивация коренится в подходе удовольствия и избегания боли (например «боли потерь»). В первом случае речь идет о достижении индивидом ориентиров, для которых характерны целеустремленность, успех или продвижением вперед, а во втором – бдительность, безопасность и защита.

Концепции и социальные категории в поведенческой экономике

В теоретических концепциях поведенческой экономики велика роль социальных норм. Это свод общепризнанных правил, образцов поведения, стандартов деятельности. Социальные нормы призваны обеспечивать упорядоченность, устойчивость и стабильность социального взаимодействия индивидов и социальных групп. Они сигнализируют о соответствующем поведении и классифицируются как поведенческие ожидания или правила в группе людей. Важнейшие социальные нормы – честность, взаимность, доверие.

20. Леон Фестингер (1919–1989) – американский психолог, специалист в области психологии регуляции мышления, социальной психологии, автор теории когнитивного диссонанса.

21. Теория когнитивного диссонанса (от лат. *cognitio* «познание» и *dissonantia* «несоответствие», «нестройность», «отсутствие гармонии») – одна из «теорий соответствия», основывающихся на приписывании личности стремления к связанному и упорядоченному восприятию своего отношения к миру.

22. Эдвард Тори Хиггинс (1946) – профессор психологии Колумбийского университета и исследователь.

Честность (Honesty) – важная часть повседневной жизни. Как в бизнесе, так и в личной жизни индивида отношения создаются и разрушаются, основываясь на доверии к честности и взаимности другой стороны. В отношениях между людьми честность оценивается весьма высоко [Mazar, Amir & Ariely 2008]. Отсутствие социальных норм инициирует нечестное поведение, характеризуется отсутствием самосознания, а также самообманом [Mazar & Ariely 2006]. Распространено понимание честности в контексте членства в группе. Например, отсутствие культуры ведения бизнеса ослабляет или подрывает нормы честности [Cohn, Fehr & Maréchal 2014].

В 2016 г. было проведено исследование в 15 странах мира и установлено, что несмотря на большие межнациональные различия существует взаимосвязь между честностью и экономическим развитием, а именно: средний уровень честности прямо пропорционален уровню ВВП на душу населения. Вместе с тем ожидания относительно уровня честности в исследуемых странах не коррелировали с реальностью, а скорее были обусловлены когнитивными предубеждениями [Hugh-Jones 2016].

Взаимность (reciprocity) не имеет экономической основы и предполагает натуральные обмены между людьми, реагирование на действия другого человека собственным эквивалентным действием: как положительным, так и отрицательным [Fehr & Gächter 2000]. Инструментом изучения взаимности являются экспериментальные игры. Благотворительные организации преимущества данной категории используют в форме «взаимных уступок».

Категория «доверие» (Trust)²³ присутствует в разных областях научного знания. Доверие пронизывает все сферы общественной жизни: политическую, экономическую, социальную и духовную. Межличностное доверие – ментальная конструкция с последствиями для социального функционирования и экономического поведения, изучаемая, например, трастовыми отношениями²⁴. Хотя неоклассическая экономическая теория рассматривает доверие к незнакомцам

23. Доверие в социологии и психологии – открытые взаимоотношения между людьми (либо между человеком и субъектом), содержащие уверенность в порядочности другого человека (субъекта), с которым доверяющий находится в тех или иных отношениях. Доверие считается основой всех социальных институтов.

24. Суть трастовых отношений сводится к передаче лицом имущества в доверительное управление. Активы обособляются от собственности создателя структуры. Сделка заключается управляющий или трасти – «доверенный владелец». Бенефициар, в чьих интересах осуществляется деятельность, а также учредитель траста получают возможность: оптимизировать налогообложение; обезопасить имущество от третьих лиц – это может быть кредитор, наследник, госорганы; распределить активы между wybranными выгодоприобретателями, наследниками – механизм передачи простой и быстрый, не связан с большими расходами; сохранить конфиденциальность сведений о бизнесе, его владельцах; выстроить эффективную многокомпонентную структуру бизнеса с помощью гибкого и универсального инструмента и т. д.

как иррациональное поведение, доверие и надежность широко наблюдаются в разных обществах. Доверие к анонимному партнеру проявляется в форме взаимности, которая существует как фундаментальный элемент человеческих отношений и поведения.

Социальное доказательство (Social proof)²⁵. Влияние, оказываемое одними людьми на поведение других, может выражаться как нормативное или информационное. Социальное доказательство может привести к стадному поведению. Его также иногда называют эвристикой.

Стадное поведение, стадный инстинкт (Herd behavior) – механизм, который лежит в основе инстинкта самосохранения; применим в равной мере к людям и животным. Он показывает, как индивиды ведут себя в группе коллективно, без централизованного руководства. Существует мнение, что искать причины и производные стадного инстинкта бессмысленно, поскольку он первичен и не поддается устранению. Данный феномен был рассмотрен Уилфредом Троттером (Wilfred Trotter)²⁶, в книге которого описан период Первой мировой войны [Троттер 2023]. По мнению ученого, стадный инстинкт вызывает «очевидную обязанность действовать наоборот»: в толпе человек подчиняется инстинкту, который может противоречить его личной выгоде. Эффект возникает, когда люди делают то, что делают другие, вместо того чтобы использовать собственную информацию или принимать независимые решения. Идея стадного поведения имеет долгую историю в философии и психологии толпы.

Исследования показывают, что получение информации о том, как другие себя ведут (социальное доказательство) приводит к более полному соответствию между людьми из коллективистских культур (Collectivistic culture). Коллективистскими называют культуры, которые социализируют своих представителей считать себя членами большой группы и ставить интересы группы выше своих собственных. Группе отдается приоритет перед индивидом. Сотрудничество и групповые достижения ставятся выше, чем конкуренция и индивидуальные достижения. В то время как информация о прошлом поведении (последовательность/обязательства) в большей степени связана с людьми из индивидуалистических культур (Individualistic culture). Индивидуалистическими называют культуры, которые на первое место выносят потребности индивида, подчеркивая их важность перед потребностями группы в целом.

25. Социальное доказательство, или информационное социальное влияние – психологическое явление, происходящее, когда некоторые люди не могут определить предпочтительный способ поведения в сложных ситуациях. Предполагая, что окружающие лучше знакомы с ситуацией, такие люди считают их поведение предпочтительным.

26. Уилфред Троттер (1872–1939) – английский хирург, пионер в нейрохирургии; известен своими работами в области социальной психологии, в которую он привнес понятие «массовое (стадное) поведение».

В этом типе культуры люди независимы и автономны, социальное поведение диктуется установками и предпочтениями каждого отдельно взятого человека.

Рациональность (от лат. *ratio* – разум) – в широком смысле разумность, осмысленность, противоположность иррациональности. В более специальном смысле – характеристика знания с позиции его соответствия некоторым принципам мышления. Существуют различные типы и модели философского рассмотрения рациональности. Так, Макс Вебер (Maximilian Carl Emil Weber)²⁷ различает формальную и субстантивную рациональность²⁸.

Важное допущение поведенческой экономики состоит в понимании того, что при принятии решений для экономических агентов вследствие ряда объективных и субъективных причин характерна *ограниченная рациональность* (*Bounded rationality*). Согласно результатам исследований, данная идея подтверждается на практике и состоит в том, что рациональность людей имеет определенные ограничения по причинам различий в оценках приемлемости возникшей ситуации, когнитивных способностей заинтересованных участников и ресурсов времени для принятия решения. Лица, принимающие решения с точки зрения ограниченной рациональности, стремятся найти не оптимальное, а удовлетворительное решение.

Применять в экономике, политологии и других смежных дисциплинах идею ограниченной рациональности в качестве основания для принятия решений как альтернативы имеющего широкое распространение математического моделирования предложил Герберт А. Саймон (Herbert A. Simon)²⁹. Он полагал, что в современном мире, «где главным ограниченным ресурсом является внимание, информация может быть дорогостоящим предметом роскоши, так как она способна переключать наше внимание с важного на несущественное» [Simon H. 1978, p. 13]. Именно поэтому экономическая теория «должна посвятить основные усилия созданию теории рациональности процедуры, дополняющей существующие теории рациональности выбора» [там же, p. 15].

27. Максимилиан Карл Эмиль Вебер (1864–1920) – немецкий социолог, философ, историк, политический экономист.

28. Формальная рациональность состоит в способности осуществлять калькуляцию и расчет в рамках принятия экономического решения. Субстантивная рациональность относится к более обобщенной системе ценностей и стандартов, которые интегрированы в мировоззрение. В других моделях рациональности в качестве её основы рассматриваются согласованность, эмпирическая адекватность, способность к росту содержательного знания.

29. Герберт Александер Саймон (1916–2001) – американский учёный в области социальных, политических и экономических наук, один из разработчиков гипотезы Ньюэлла – Саймона. Член Национальной академии наук США и Американской академии искусств и наук. Лауреат Нобелевской премии по экономике (1978) и премии Тьюринга.

Концепция ограниченной рациональности диаметрально противоположна понятию *homo economicus* и концепции человеческой рациональности³⁰. По мнению Г. Саймона, «рациональность ограничена, поскольку существуют пределы нашей способности мышления, доступной информации и времени» [Simon H. 1982]. Данная фундаментальная идея о психологии индивида теоретически обосновывает поведенческую экономику и имеет сходство с другой социально-психологической концепцией, которая описывает людей понятием «когнитивные скряги» [Fiske & Taylor 1991].

При получении Нобелевской премии по экономике (1978) Г.А. Саймон в своем выступлении указал на наличие двух путей: либо поиска оптимальных решений для упрощенного мира, либо нахождения удовлетворительных решений для более реалистичного мира. При этом он обратил внимание на отсутствие доминирования каждого из подходов над другим в науке управления, а также характерные для многих естественных проблем сложность вычислений и отсутствие информации, вследствие которых использование математических методов для нахождения их оптимального решения не представляется универсальным способом. Ограниченная рациональность подразумевает идею о том, что люди принимают сочетания решений, которые могут привести к субоптимальному принятию решений. Поведенческие экономисты участвуют в сопоставлении решений, которые используются экономическими агентами для повышения эффективности принятия решений людьми.

«Полезность» (Utility) в экономике относится к выгодам (удовлетворению или счастью), которые потребители получают от хорошего, и это можно измерить, основываясь на выборе людьми альтернатив или предпочтений, выявленных в их готовности платить. Широко распространено понятие «ожидаемая полезность». Данная категория используется в экономике, в теории игр и принятия решений, включая теорию перспектив. Методика ее определения основывается на выборе с неопределенными результатами.

Предположение неоклассиков о том, что полезность всегда максимизируется, поведенческие экономисты ставят под сомнение. В исследованиях ими применяются традиционные и оригинальные понятия полезности³¹, а также

30. Некоторые модели человеческого поведения в общественных науках предполагают, что поведение людей может быть описано в предположении, что люди ведут себя как «рациональные» существа.

31. Например, дисконтированная полезность как форма полезности, используемая в области межвременного выбора поведенческой экономики; опытная полезность, связанная с реальным (гедоническим) опытом, который основывается на получаемых результатах, и теоретическими предположениями об ошибках прогнозирования, такими, как смещение диверсификации; «запомненная» полезность, которая предполагает, что выбор людей также основан на их воспоминаниях о прошлых событиях и проявляется в правиле пикового конца (самая крайняя точка или конец эпизода); мгновенная и

методы ее измерения. В ментальном учете полезность сделки относится к воспринимаемому достоинству или качеству сделки, а не только к стоимости объекта (или по отношению к его цене), так как захватывается утилитой приобретения [Thaler, Sunstein 2008].

В экономике теории игр³² и теории принятия решений применяется *гипотеза ожидаемой полезности*³³ (*Expected utility hypothesis*), предложенная Даниэлем Бернулли (*Daniel Bernoulli*)³⁴ в 1738 г. Гипотеза ожидаемой полезности касается определения предпочтений людей в отношении выбора, которые имеют неопределенные результаты (включая и различные авантюры). Она утверждает, что субъективная ценность, связанная с азартным индивидом, является статистическим ожиданием оценки данным индивидом возможных исходов игры, в которых варианты оценки могут отличаться от долларовой стоимости этих результатов.

Примечание. Смысл гипотезы: рациональный игрок при выборе решения пытается максимизировать некоторую величину (блага); кажется, естественным в качестве такой величины использовать математическое ожидание блага, появляющегося в результате избранного решения. Однако опыт показывает, что в реальной жизни многие участники лотерей выбирают решение с меньшим математическим ожиданием, но и с меньшим риском. Например, поставленные перед выбором получить 1 тыс. руб. с вероятностью 0,2% (математическое ожидание – два руб.) или получить один рубль с вероятностью 100% (математическое ожидание – один рубль), многие люди предпочтут гарантированную выплату, несмотря на её меньшее математическое ожидание. Для описания такого поведения и была создана теория ожидаемой полезности как формула, которая может использоваться рациональным игроком при при-

прогнозируемая полезность, которые используются в области межвременного выбора и применяются при исследовании пробела сопереживания; процедурная полезность, имеющая значение, если люди ценят не только результаты, но также процессы, которые приводят к этим результатам; социальная полезность, которая была предложена в отношении теории игр для случаев, где игроки не только всегда проявляют интерес к себе, но также проявляют озабоченность по поводу предполагаемых намерений других игроков и справедливости.

32. Теория игр – математический метод изучения оптимальных стратегий в играх. Под игрой понимается процесс, в котором участвуют две и более сторон, ведущие борьбу за реализацию своих интересов.
33. В экономической науке, теории игр, теории принятия решений – теория ожидаемой полезности – альтернатива математическому ожиданию, формула, которая может использоваться рациональным игроком при принятии решений.
34. Даниэль Бернулли (1700–1782) – швейцарский физик, механик и математик, один из создателей кинетической теории газов, гидродинамики и математической физики. Академик и иностранный почётный член Петербургской академии наук, член академий: Болонской, Берлинской, Парижской, Лондонского королевского общества.

нятии решений. До середины XX в. стандартным термином ожидаемой полезности было «моральное ожидание», что контрастировало с «математическим ожиданием» ожидаемой ценности. Данная теория оказалась полезной для объяснения некоторых популярных вариантов, которые с определенной степенью вероятности противоречат ожидаемому критерию ценности (последний учитывает только размеры выплат и вероятности возникновения), что характерно, например, для связки «азартные игры – страхование».

Результаты исследований в области теории игр, их обобщение и развитие, а также новый метод для оценки полезности благ были представлены в монографии «*Theory of Games and Economic Behaviour*», Wiley, 1944 [Нейман и Моргенштерн 1970]. Авторы пришли к заключению, что поведение рационального игрока в теории ожидаемой полезности основывается на четырех аксиомах: полноты; транзитивности; независимости; непрерывности. Теорема фон Неймана-Моргенштерна о полезности обеспечивает необходимые и достаточные условия, при которых выполняется гипотеза ожидаемой полезности. С самого начала было признано, что некоторые из этих условий будут нарушаться реальными лицами, принимающими решения на практике, но что эти условия тем не менее могут толковаться как «аксиомы» рационального выбора.

Примечание. Применение теории игр в 1950-е годы широко практиковалось в экономике, политологии, социологии и юриспруденции как один из подходов к решению экономических проблем. За время, прошедшее после публикации книги, теория игр получила широкое распространение, однако ее роль в экономике до сих пор остается неопределенной. Сам О. Моргенштерн рассматривал математические модели игр как один из подходов, способных решить проблемы экономического прогнозирования. Его точка зрения о предсказуемости экономических явлений нашла отражение в исследовательском эссе [Morgenstern *On the Accuracy* 1950] и отражена в книге, написанной в соавторстве с К. Грэнджером (C. W. J. Granger)³⁵, – «Предсказуемость цен на фондовом рынке» [Granger & Morgenstern *Predictability of Stock Market Prices*, 1970]. В ней обосновывается вывод о том, что курс акций (биржевой курс) изменяется случайным образом, и поэтому его невозможно предсказать.

Теория подталкивания («Nudge theory») – концепция в психологии, политологии и экономике. Р. Талер и К. Санстейн определили «подталкивание» (*Nudge*) следующим образом: «подталкивание – любой аспект архитектуры выбора, который изменяет поведение людей предсказуемым образом, не запрещая какие-либо варианты или существенно меняя свои экономические стимулы. Чтобы считаться простым подталкиванием, вмешательство должно быть

35. Сэр Клайв Уильям Джон Грейнджер (1934–2009) – английский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 2003 г. «за разработку методов анализа экономических временных рядов с общими трендами».

легким и дешевым, чтобы его избежать. Подталкивание не является мандатом. Например, выкладывание фруктов на уровне глаз считается подталкиванием; а запрет нездоровой пищи — нет. Вероятно, наиболее часто упоминаемым подталкиванием является установка значений по умолчанию, которые являются заранее заданными курсами действий, которые вступают в силу, если ничего не указано лицом, принимающим решение» [Thaler, Sunstein 2008, p. 6]. Некоторые критики «Nudge» предполагают, что вследствие изменения архитектуры выбора поведение потребителей может изменяться в зависимости от поведения лиц, принимающих решения.

Различные аспекты результатов исследований теоретической и практической ценности подталкивания отражены в работе [Kosters & Van der Heijden 2015]. Установлена целесообразность оценки способности разного рода подталкиваний в инициировании длительных изменений в поведении [Frey & Rogers 2014]. Критики данной позиции отмечают, что философия подталкивания предполагает отсутствие у человека рациональности и свободы воли [Gigerenzer 2015]). Предполагается возможность возникновения нерационального подталкивания вследствие различий в численности населения, а также при наличии некогнитивных ограничений. В частности, если подталкивание направлено на увеличение сбережений, то таковым может стать дефицит финансовых средств [Loibl, Jones, Haisley & Loewenstein 2016]. В данном контексте интерес для исследователей представляют полевые эксперименты, цель которых состоит в установлении степени целесообразности поведенческих вмешательств в практическую реализацию проектируемых мероприятий.

Заключение

Р. Талер является одним из основателей поведенческой экономики. Он установил связь между экономическим и психологическим анализом индивидуальных решений. Его теоретические идеи и эмпирические выводы сыграли важную роль в создании новой и быстро расширяющейся отрасли экономической теории — поведенческой экономики, которая оказала глубокое влияние на многие области экономических (в том числе и экспериментальных) исследований и политики. Его взгляды получили развитие в новой области научного знания — поведенческих финансах.

Ученики и последователи Р. Талера, работающие в данном направлении, разносторонне анализируют влияние когнитивных ограничений на функционирование финансовых рынков, вследствие которых у людей возникают отклонения от рационального поведения. Инновационность исследований Р. Талера стимулирует молодых ученых к поиску нестандартных приемов и методов изучения механизмов поведенческой экономики и поведенческих финансов.

В 2017 г. экономист Р. Талер был удостоен Нобелевской премии в области экономических наук «за вклад в изучение поведенческой экономики» [Белянин 2018] и новаторскую работу по установлению того, что люди предсказуемо иррациональны, и эти способы (установления такой связи) бросают вызов экономической теории.

Составными элементами когнитивно-поведенческой теории, как научного базиса поведенческой экономики, являются рассмотренные выше социально-когнитивная теория, теория когнитивного диссонанса, теория регулятивного фокуса. Высокая роль при построении теоретических конструкций поведенческой экономики отводится социальным нормам. В ходе дальнейших исследований учеными были созданы концепция ограниченной рациональности, гипотеза ожидаемой полезности, теория подталкивания и другие, нашедшие подтверждение в ходе экспериментов творческие наработки поведенческих и познавательных ориентированных психологов и экономистов.

Библиография

Басс А.Б. Финансы и кредит. Современные концепции: учебник / А.Б. Басс, Д.В. Бураков, И.Н. Молчанов, Н.П. Молчанова; под ред. Д.В. Буракова. Москва: ИНФРА-М. 2021. 313 с.

Белянин А.В. Дэниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения (Нобелевская премия за чувство реальности) // Вопросы экономики. 2003. №1. С. 4–23. URL: <https://www.vopreco.ru/jour/article/view/1982> (дата обращения: 05.10.2024).

Белянин А.В. Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) // Вопросы экономики. 2018. №1. С. 5–25. URL: <https://www.vopreco.ru/jour/article/view/367> (дата обращения: 10.10.2024).

Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. Пер. с англ. А. Андреев, Ю. Деглина Н. Парфенова. Ред. А. Туров. М.: АСТ, 2023. 656 с.

Смит А. Теория нравственных чувств / Вступ. ст. Б.В. Мееровского; Подгот. текста, коммент. А.Ф. Грязнова. М.: Республика, 1997. 351 с.

Троттер Уилфред. Стадный инстинкт в мирное время и на войне. Пер. с англ. А. Андреева. Москва: АСТ, 2023. 256 с.

Фон Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: «Наука», 1970. 707 с.

Bandura A. «Self-efficacy: Toward a Unifying Theory of Behavioral Change» // Psychological Review. 1977. Vol. 84, № 2. P. 191–215. URL: <https://psycnet.apa.org/doiLanding?doi=10.1037%2F0033-295X.84.2.191> (дата обращения: 08.09.2024).

Cohn A., Fehr E. & Marechal M.A. Business culture and dishonesty in the banking industry // Nature. 2014. Vol. 516 (12). Issue 7529. P. 117–126. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1038/nature13977?ysclid=m3y9fe1r4v504421860> (дата обращения: 08.09.2024).

Fehr E. and Gächter S. Cooperation and Punishment in Public Goods Experiments. American Economic Review. 2000. Vol. 90 (4). P. 980–994. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1257/aer.90.4.980?ysclid=m3y9ikanzr34855092> (дата обращения: 25.09.2023).

Fiske S.T., Taylor S.E. Social Cognition: From Brains to Culture. Mcgraw Hill Higher Education, 1991. 717 с. URL: <https://www.gbv.de/dms/mpib-toc/556559339.pdf> (дата обращения: 05.10.2024).

Frey E., Rogers T. Persistence: How treatment effects persist after interventions stop // *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*, 2014. Vol.1(1), 172–179. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2372732214550405> (дата обращения: 15.09.2024).

Gigerenzer G. On the supposed evidence for libertarian paternalism // *Review of Philosophy and Psychology*. 2015. Vol. 6. P. 361–383. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s13164-015-0248-1> (дата обращения: 15.09.2024).

Granger C.W.J., Morgenstern O. Predictability of Stock Market Prices // *Heath Lexington Mass Books*, 1970. 303 p.

Hugh-Jones D. Honesty, beliefs about honesty, and economic growth in 15 countries // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2016. Vol. 127. Issue C. P. 99–114. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1016/j.jebo.2016.04.012?ysclid=m3yb8p1fld785241847> (дата обращения: 15.09.2024).

Kosters M., Van der Heijden J. From mechanism to virtue: Evaluating Nudge theory // *Evaluation*. 2015. 21(3). P. 276–291. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1177/1356389015590218?ysclid=m3ybaze27h779608164> (дата обращения: 15.09.2024).

Loibl C., Jones L. E., Haisley E., Loewenstein G. Testing strategies to increase saving and retention in individual development account programs // *SSRN Electronic Journal*. January. 2016. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2735625 (дата обращения: 15.09.2024).

Mazar N., Amir O. and Ariely D. The Dishonesty of Honest People: A Theory of Self Concept Maintenance. *Journal of Marketing Research*, 2008. Vol. 45 (6). P. 633–644. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1509/jmkr.45.6.633> (дата обращения: 15.09.2024).

Mazar N. and Ariely D. The Dishonesty in Everyday Life and Its Policy Implications // *Journal of Public Policy & Marketing*. 2006. Vol. 25 (1). P. 117–126. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1509/jppm.25.1.117?ysclid=m3ycbvbps9263114366> (дата обращения: 11.09.2024).

Morgenstern O. *On the Accuracy of Economic Observations*. Princeton: Princeton University Press, 1950. 322 p.

Simon H.A. Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T.Ely Lecture // *American Economic Review*. May 1978. Vol. 68. № 2. P. 1–16.

Simon H.A. *Models of Bounded Rationality: Behavioral Economics and Business Organization*. Cambridge: MIT Press, 1982. Vol. 2. 496 p.

Thaler R.H., Sunstein C.R. *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. Yale: Yale University Press, 2008. 293 p.

References

Bandura A. «Self-efficacy: Toward a Unifying Theory of Behavioral Change». *Psychological Review*. 1977. Vol. 84, N 2. P. 191–215. URL: <https://psycnet.apa.org/doiLanding?doi=10.1037%2F0033-295X.84.2.191> (date of access: 08.09.2024).

Bass A.B. *Finansy i kredit. Sovremennyye koncepcii: uchebnik* [Finance and credit. Modern concepts: textbook]. A.B. Bass, D.V. Burakov, I.N. Molchanov, N.P. Molchanova; pod red. D.V. Burakova. Moskva: INFRA-M. 2021. 313 p. (In Russ.)

Belyanin A.V. De'niel Kaneman i Vernon Smit: e'konomicheskij analiz chelovecheskogo povedeniya (Nobelevskaya premiya za chuvstvo real'nosti) [Daniel Kahneman and Vernon Smith: Economic Analysis of Human Behavior (Nobel Prize for a Sense of Reality)]. *Voprosy e'konomiki*. 2003. N 1. P. 4–23. URL: <https://www.vopreco.ru/jour/article/view/1982> (date of access: 05.10.2024). (In Russ.)

Belyanin A.V. Richard Taler i povedencheskaya e'konomika: ot laboratorny'x e'ksperimentov k praktike podtalkivaniya (Nobelevskaya premiya po e'konomike 2017 goda) [Richard Thaler and behavioral economics: from laboratory experiments to the practice of nudging (Nobel Prize in Economics 2017)]. *Voprosy e'konomiki*. 2018. N 1. P. 5–25. URL: <https://www.vopreco.ru/jour/article/view/367> (date of access: 10.10.2024). (In Russ.)

Cohn A., Fehr E. & Marechal M.A. Business culture and dishonesty in the banking industry. *Nature*. 2014. Vol. 516 (12). Issue 7529. P. 117–126. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1038/nature13977?ysclid=m3y9fe1r4v504421860> (date of access: 08.09.2024).

Fehr E. and Gächter S. Cooperation and Punishment in Public Goods Experiments. *American Economic Review*. 2000. Vol. 90 (4). P. 980–994. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1257/aer.90.4.980?ysclid=m3y9ikanzr34855092> ((дата обращения: 25.09. 2023).

Fiske S.T., Taylor S.E. *Social Cognition: From Brains to Culture*. Mcgraw Hill Higher Education, 1991. 717 p. URL: <https://www.gbv.de/dms/mpib-toc/556559339.pdf> (date of access: 05.10.2024).

Fon Nejman Dzh., Morgenshtern O. *Teoriya igr i e'konomicheskoe povedenie* [Game Theory and Economic Behavior]. Moscow: «Nauka», 1970. 707 p. (In Russ.)

Frey E., Rogers T. Persistence: How treatment effects persist after interventions stop. *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*, 2014. Vol.1(1), 172–179. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2372732214550405> (date of access: 15.09.2024).

Gigerenzer G. On the supposed evidence for libertarian paternalism. *Review of Philosophy and Psychology*. 2015. Vol. 6. P. 361–383. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s13164-015-0248-1> (date of access: 15.09.2024).

Granger C.W.J., Morgenstern O. *Predictability of Stock Market Prices*. Heath Lexington Mass Books, 1970. 303 p.

Hugh-Jones D. Honesty, beliefs about honesty, and economic growth in 15 countries. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2016. Vol. 127. Issue C. P. 99–114. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1016/j.jebo.2016.04.012?ysclid=m3yb8p1f1d785241847> (date of access: 15.09.2024).

Kaneman D. Dumaj medlenno... reshaj by'stro [Think slowly... decide quickly]. *Per. s angl.* A. Andreev, Yu. Deglina N. Parfenova. Red. A. Turov. M.: AST, 2023. 656 p. (In Russ.)

Kosters M., Van der Heijden J. From mechanism to virtue: Evaluating Nudge theory. *Evaluation*. 2015. 21(3). P. 276–291. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1177/1356389015590218?ysclid=m3yba-ze27h779608164> (date of access: 15.09.2024).

Loibl C., Jones L. E., Haisley E., Loewenstein G. Testing strategies to increase saving and retention in individual development account programs. *SSRN Electronic Journal*. January. 2016. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2735625 (date of access: 15.09.2024).

Mazar N., Amir O. and Ariely D. The Dishonesty of Honest People: A Theory of Self Concept Maintenance. *Journal of Marketing Research*. 2008. Vol. 45 (6). P. 633–644. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1509/jmkr.45.6.633> (date of access: 15.09.2024).

Mazar N. and Ariely D. The Dishonesty in Everyday Life and Its Policy Implications. *Journal of Public Policy & Marketing*. 2006. Vol. 25 (1). P. 117–126. Url: <https://www.sci-hub.ru/10.1509/jppm.25.1.117?ysclid=m3ycbvps9263114366> (date of access: 11.09.2024).

Morgenstern O. *On the Accuracy of Economic Observations*. Princeton: Princeton University Press, 1950. 322 p.

Simon H.A. Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T.Ely Lecture. *American Economic Review*. 1978. May. Vol.68. N 2. P.1–16.

Simon H.A. *Models of Bounded Rationality: Behavioral Economics and Business Organization*. Cambridge: MIT Press, 1982. Vol. 2. P. 496.

Smit A. *Teoriya нравstvenny'x chuvstv* [Theory of moral feelings] / Vstup. St. B.V. Meerovskogo; Podgot. teksta, komment. A.F. Gryaznova. M.: Respublika, 1997. 351 p. (In Russ.)

Thaler R.H., Sunstein C.R. *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. Yale: Yale University Press, 2008. P. 293.

Trotter Uilfred. *Stadny'j instinkt v mirnoe vremya i na vojne* [Herd instinct in peacetime and war]. *Per. s angl.* A. Andreeva. Moscow: AST, 2023. 256 p. (In Russ.)

Г.А. Филатов

РОССИЙСКО-ПОРТУГАЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОТ ПЕРВЫХ КОНТАКТОВ ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

***Аннотация.** Отношения между Португалией и Россией долгое время занимали скромное место во внешней политике обеих стран. Спорадические контакты между двумя государствами имели место еще в XVI в., но заинтересованность в установлении непосредственных связей появилась только после того, как Россия при Петре I вошла в клуб европейских держав. Официальные отношения были установлены лишь при Екатерине II, когда страны нашли общий внешнеполитический интерес. После этого двусторонние отношения переживали взлеты и падения в зависимости от политических режимов, международной обстановки и положения государств в системе альянсов. Потепление произошло в конце XIX в., когда Португалия поссорилась с Великобританией – своим давним историческим союзником. Тем не менее временная интенсификация быстро сошла на нет. В XX в. несмотря на то, что и в Португалии, и в России были свергнуты монархии, оба революционных режима прохладно относились друг к другу. Официальные связи были прерваны в 1918 г. После этого вплоть до 1974 г. отношения поддерживались исключительно на уровне частных (торговых, культурных и спортивных) контактов.*

Ключевые слова: Россия; Португалия; СССР; торговля; культура.

Филатов Георгий Андреевич – кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник. Россия, Москва.
E-mail: georgefilatov@gmail.com

Filatov G.A.

Russian-Portuguese Relations: from Initial Encounters to the World War II

***Abstract.** Relations between Portugal and Russia held a relatively minor position in the foreign policies of both nations. Although sporadic contacts date back to the 16th century, a concerted effort to establish direct ties became evident only with Russia's integration into the European power structure under Peter I. Nevertheless, the formalization of relations took place only during the reign of Catherine II, when a common foreign policy interest*

1. Статья написана в рамках проекта РНФ № 23-28-01300 «Российско-португальские научные и культурные связи XX в.»

was discovered. Thereafter, the relationship between the two states experienced periodic fluctuations influenced by the international context, their alignment within global alliances, and internal political conditions. A period of rapprochement occurred only at the end of the 19th century, following a diplomatic rift between Portugal and its long-standing ally, Great Britain. However, the temporary intensification of relations was short-lived. In the 20th century, despite revolutions occurring in both Portugal and Russia, the two revolutionary regimes maintained a cool distance. Official diplomatic ties were severed in 1918. Afterwards, up to the year 1974, relations were preserved exclusively through private means, involving commercial, cultural, and sports activities.

Keywords: *Russia; Portugal; USSR; trade; culture.*

**Filatov Georgiy Andreevich – Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy
of Sciences. Russia, Moscow.**

E-mail: georgefilatov@gmail.com

Отношения между Португалией и Россией, странами на противоположных концах Европы, складывались непросто на протяжении трех столетий. Официальные отношения были установлены лишь в XVIII в. Они осложнялись тем, что Португалия всегда находилась в тесном союзе с теми странами, которые Российская империя и впоследствии Советский Союз считали своими соперниками. В первую очередь, союзницей Португалии была Великобритания: история дружественных отношений между этими двумя странами тянется с XIV в. [Cardoso 2003]. Хотя российско-португальские связи чаще ограничивались отдельными торговыми сделками или контактами в культурной сфере, периодически страны сближались теснее, находя общие интересы. В случае с войной английских колоний за независимость оба государства избрали нейтралитет, а в годы наполеоновских войн оказались союзниками. Но все же обычно их отношения носили спокойно-прохладный характер, чему способствовала не только географическая удаленность, но и разница в политических режимах. В первой половине XIX в. в Португалии установился режим либеральной монархии, в то время как Санкт-Петербург после Наполеоновских войн стал главным врагом революций и либерализма. В XX в. ситуация изменилась. Приход к власти большевиков привел к разрыву дипломатических отношений, восстановление которых стало возможно лишь после Революции гвоздик 1974 г.

Поскольку российско-португальские внешнеполитические отношения не были тесными, работ, посвященных этой теме, даже обобщающего характера, чрезвычайно мало. Внимание историков сосредоточено, как правило, на двусторонних связях еще дореволюционной России. Примечательно, что большинство этих исследований написано португальскими авторами: [Carvalho 1979; Sá 1990; Relações entre Portugal e a Rússia: séculos XVIII a XX

1999; Miranda 2002]. Из российских изданий стоит выделить публикацию документов [Россия – Португалия: XVIII – начало XX века: сборник документов 2007]. Российские авторы, рассматривая связи двух государств, в основном освещают отношения с Португалией в постсоветский период [Яковлева 2012; Яковлева 2017; Яковлева, Яковлев 2019]. В ряде работ затронуты отдельные аспекты двусторонних связей. Российские историки сконцентрировали свое внимание прежде всего на вопросах отношений в сфере культуры. Обобщающую работу о научных и культурных контактах в XX в. написал первый посол Португалии в СССР [Невеш 1987]. Конкретные вопросы в рамках более широкой темы культурных связей затронуты в нескольких исследованиях: [Доценко 2011; Гончарова 2011; Wolf 1978; Ковалев 2020; Ковалев 2024]. Таким образом, среди этих многочисленных трудов отсутствуют работы, в которых предпринималась бы попытка представить общую картину развития отношений двух стран. На частичное восполнение именно этой лакуны направлена данная статья.

Статья написана на основе документов из архивов Португалии и России: в первую очередь, это Национальный архив Торре ду Томбу (O Arquivo Nacional da Torre do Tombo – ANTT) в Лиссабоне и Государственный архив Российской истории (ГАРФ). Также в данной статье широко используются данные из сборника исторической статистики Португалии, а также торговая статистика Советского Союза, представленная в ряде сборников, издававшихся с 1922 по 1990 г.

Португалия оказалась одной из тех стран, с которыми Россия установила отношения чрезвычайно поздно. Лишь в первой половине XVIII в. начались относительно регулярные контакты между двумя странами, что было связано с ростом значения России в системе европейских отношений. Интерес к Португалии в конце своего правления проявлял Петр I. Император предписал канцлеру Головкину направить в Лиссабон российских представителей; соответствующие переговоры должны были проходить в Лондоне [Окунева 2000]. В 1724 г. Лиссабон согласился на российские инициативы. Португалия была заинтересована в экспортируемых из России продуктах: лесе, пеньке, канатах – всём том, что необходимо для строительства кораблей, в которых Португалия, обладавшая тогда обширной колониальной империей, нуждалась. Несмотря на заинтересованность обеих сторон в развитии отношений, на тот момент дальше переписки дело не пошло [Miranda 2002]. Впрочем, отсутствие прямых официальных контактов не помешало появлению в России португальцев. Самым известным среди них стал Антон Мануилович Девиер (порт. António Manuel de Vieira). Царь познакомился с ним в Нидерландах и пригласил его на службу в Россию, где португалец сделал хорошую карьеру. Он участвовал в строительстве Ревеля и Санкт-Петербурга, был первым генерал-полицией-тером новой столицы [Milhazes 2015].

Официальные отношения были установлены лишь при Екатерине II, когда императрица в 1769 г. назначила в Лиссабон первого российского консула. Это назначение было вызвано необходимостью осуществить в Лиссабоне оставку российской эскадры, следовавшей в Средиземное море. Организовывать заход русских кораблей в столицу этой пиренейской страны было поручено португальцу, который долгое время торговал в Гамбурге и поэтому был знаком с российскими дипломатами, действовавшими в этом городе. Через десять лет в Санкт-Петербург прибыл первый португальский посол.

В 1780 г. в качестве российского полномочного представителя в Лиссабон был направлен Вильгельм Нессельроде (отец будущего многолетнего министра иностранных дел при Александре I и Николае I). Оживление отношений между двумя странами было связано с международными событиями второй половины 1770-х годов. В это время развернулась борьба за независимость североамериканских колоний Великобритании. Эта война превратилась в общеевропейский конфликт, так как на стороне колонистов выступили Франция, Испания и Нидерланды. Португалия находилась в традиционно дружественных отношениях с Лондоном, в то же время она была окружена враждебной Испанией, с которой у нее были многочисленные споры по поводу колониальных границ будущих Аргентины и Бразилии [Ribeiro 1997]. В этих условиях Лиссабон стремился остаться в стороне от этой борьбы [Лабутина 2019, с. 72]. Португалии предложили присоединиться к лиге нейтральных стран, которую активно формировала Россия. Правда, добиться подписания договора удалось лишь в 1782 г., когда Лондон уже терпел поражение в борьбе с колонистами [Convenção sobre os princípios de neutralidade no mar e a segurança da liberdade do comércio marítimo, assinada entre Portugal e a Rússia, no ano de 1782, p. 1–14].

После этого между Россией и Португалией начались регулярные торговые контакты [Pereira 1990]. Главным португальским экспортным товаром были различные вина, спрос на которые стал расти в балтийских портах. Лиссабон был заинтересован в диверсификации рынков сбыта своего вина – в первую очередь портвейна, львиная доля которого поставлялась в Англию. Россия же отправляла на другой конец Европы железо, злаковые и ткани. В 1798 г. между странами был подписан новый торговый договор [Tratado de amizade, navegação e comércio renovado entre Portugal e a Rússia e assinado em petersburgo aos 16/27 de dezembro de 1798, p. 1–68].

События начала XIX в. привели к тому, что отношения между Россией и Португалией развивались не слишком хорошо. Тильзитский договор, подписанный в 1807 г. между Александром I и Наполеоном, развязал последнему руки в отношении Пиренейского полуострова. Франция, стремясь распространить континентальную блокаду на всю Европу, потребовала от Португалии прекратить торговлю с Великобританией. Лиссабон, для которого Лондон был

главным торговым партнером, отверг это требование. Отказ послужил поводом для вторжения французских войск. Война на территории Испании и Португалии продолжалась несколько лет [Azeredo 2009, p. 12]. Окончание Наполеоновских войн, в которых после 1812 г. Россия и Португалия оказались на одной стороне, не привели к улучшению отношений между двумя странами. Теперь их портили внутренние неурядицы в Португалии, где 1820-е и первая половина 1830-х годов ознаменовались чередой мятежей и гражданских конфликтов, вызванных борьбой сторонников и противников абсолютистского режима. В 1820 г. в северном городе Порту произошло восстание, которое быстро распространилось на всю страну и привело к установлению либерального режима в Португалии [Агаújo 2022]. События на другом конце Европы стали одним из тех примеров, на которые ориентировались российские декабристы [Орлик 1975]. В результате гражданской войны 1832–1834 гг. в Португалии окончательно утвердился режим либеральной конституционной монархии, что вызывало опасения у русского правительства. О напряженности в отношениях свидетельствует то, что обыденная для того времени переписка между монархами, в которой они сообщали новости своей частной жизни и направляли друг другу поздравления, прервалась на 15 лет. Последнее такое письмо от Николая I было отправлено в Португалию в конце 1827 г. [Carta do Nicolau I de 20 setembro 1827, p. 385], а следующее – лишь в 1842 г. [Carta do Nicolau I de 6 de junho de 1842, p. 391]. Возобновление монаршей переписки предшествовало официальному улучшению отношений между странами. Правда, формальные документы, свидетельствующие об этом, удалось подписать лишь под конец царствования Николая I. В 1851 г. между Россией и Португалией был заключен новый торговый договор [Milhazes 2016, p. 95].

Во второй половине XIX в. российско-португальские отношения интенсифицировались. Этому способствовало и развитие транспорта, которое сделало две страны на противоположных концах Европы более доступными друг для друга. Свою роль сыграл и рост напряженности в Европе, где формировались противостоящие блоки и обострилась колониальная гонка. Португалия пыталась заручиться поддержкой России в своих притязаниях на территории между Мозамбиком и Анголой. Против этого выступал Лондон, так как сам претендовал на эти земли, желая соединить свои владения на юге и в центре Африки. По-видимому, как способ давления на Лондон в 1885 г. был организован визит русской эскадры в Португалию. Еще одним свидетельством если не военной, то по крайней мере дипломатической поддержки со стороны России может служить проект письма Александра III, подготовленный в 1891 г. Письмо было адресовано испанской королеве. В нем русский монарх обещал удерживать Париж от вмешательства в отношения между Мадридом и Лиссабоном [Проект письма Александра III испанской королеве Христине с обещанием удерживать Францию от вмешательства в испано-португальские отноше-

ния 1891, л. 1–2]. Все это дополнялось новым торговым договором с Португалией, подписанным в 1895 г. Активизация России в Португалии, по-видимому, была связана с надеждой Санкт-Петербурга использовать конфликт Лондона и Лиссабона вокруг колоний, чтобы получить нового союзника в длительном противостоянии России и Великобритании, которое тянулось на протяжении большей части XIX в.

Эти ожидания Санкт-Петербурга были не беспочвенны. Португальское общество было чрезвычайно недовольно колониальной политикой Лондона, который отказался согласиться с африканскими притязаниями Лиссабона. Вместо этого Британия предъявила ультиматум, потребовав оставить эти попытки. Формулировки, которые использовало британское правительство, настроили читающую элиту Португалии против извечного союзника [Pinto 2020].

Несмотря на все унижения, Лиссабон остался верным союзником Лондона [Patrício 2013]. Это особенно ярко проявилось во время Русско-японской войны. Тогда под давлением Великобритании Португалия не позволяла русским кораблям, следующим на Тихий океан, использовать ее порты для пополнения припасов. Еще больше отношения охладились в связи с политическим насилием, волна которого накрыла Португалию во второй половине 1900-х годов. В 1908 г. в результате теракта были убиты король Карлуш I и его старший сын. Российская дипломатия, по-видимому, рассчитывала воспользоваться приходом к власти нового монарха, чтобы улучшить отношения с Лиссабоном. В качестве первого шага в этом направлении летом 1908 г. Мануэлу II была вручена высшая награда Российской империи – орден Андрея Первозванного. По этому случаю был устроен торжественный прием [Jantar pela investidura do rei na Ordem de Santo André da Rússia 1908, p. 92]. Тем не менее эти попытки оказались напрасными, хотя даже международная обстановка, казалось бы, способствовала оттепели в двусторонних отношениях. Так, в преддверии Первой мировой войны началось сближение России и Великобритании, на которую несколько столетий ориентировался Лиссабон. Отсутствие нового импульса в российско-португальских отношениях объяснялось внутренними проблемами пиренейской страны. После убийства членов королевской семьи Португалию накрыла волна политической нестабильности. Молодой король и его министры так и не смогли справиться с новыми вызовами, что привело к свержению монархии в 1911 г. и провозглашению республики. Российская империя больше года не признавала новый строй. При этом Санкт-Петербург сохранил хорошие отношения с покинувшим страну Мануэлом II. Так, через год после свержения бывший португальский король посещал Россию под именем графа Урана [Об оказании содействия во время поездки бывшего Португальского короля Эммануила под фамилией граф Урана 1912, л. 250].

Ситуация в отношениях между двумя странами улучшилась, когда Португалия в 1916 г. вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты. Таким

образом, Лиссабон и Санкт-Петербург оказались союзниками. Но уже через год наступил новый серьезный кризис. В отличие от прошлого, когда причиной охлаждения служили внутренние смуты в Португалии и настороженность Санкт-Петербурга по поводу политического режима (сначала либеральной монархии, а потом республики), в этот раз проблему представляли перемены на другом конце Европы. Российская революция 1917 г., свержение монархии были восприняты положительно в Португалии, что неудивительно для республиканского строя, установившегося там в 1911 г. [Филатов 2018]. Но уже к концу осени отношение к ситуации в России резко поменялось. Это было связано с приходом к власти большевиков. Одним из первых принятых им решений был выход из войны и переговоры с Германией. Португалия, которая к этому времени уже всюду вела боевые действия с немецкими войсками в колониях, а также успела отправить экспедиционный корпус во Францию, не могла одобрить такое развитие событий [Филатов 2018, с. 40–41]. В 1918 г. дипломатические отношения между двумя странами оказались прерваны. Они будут восстановлены только после Революции гвоздик 1974 г.

Ухудшению отношений между двумя странами способствовало и возникновение в 1919 г. Португальской коммунистической партии (O Partido Comunista Português – ПКП), которая находилась в тесной связи с Москвой. Правительством первой Португальской республики она воспринималась как проводник интересов Москвы, который усугублял и без того тяжелый политический кризис: с момента свержения монархии страну преследовали перевороты, контрперевороты, попытки восстановить королевскую власть и даже небольшие гражданские войны (1919 г.). Постепенная стабилизация политической системы началась лишь после прихода к власти военных в 1926 г. Установленный ими правый режим был еще менее благосклонен к Советскому Союзу. Еще меньшую симпатию к СССР испытывал Антониу Салазар, который в 1928 г. занял пост министра финансов. Сконцентрировав всю полноту власти в своих руках, он институционализировал свою диктатуру, создав корпоративистскую систему [Щелчков 2020] под названием «Новое государство». Одним из основных элементов идеологии этого режима был последовательный антикоммунизм [Щелчков 2019]. Непримиримое отношение к Советскому Союзу на долгие годы стало важнейшим препятствием на пути к установлению нормальных отношений между Москвой и Лиссабоном. В результате связи между двумя странами на несколько десятилетий сводились к отдельным торговым, культурно-научным или спортивным контактам.

В 1920-е годы отношения, как отмечается в отчетах Всесоюзного общества культурных связей (ВОКС), были случайными и неустойчивыми [Отчеты по работе иберо-американского сектора 1931, л. 23]. Они сводились в первую очередь к переписке между различными учреждениями СССР и отдельными португальскими деятелями или организациями. В переписке обсу-

ждались в основном вопросы взаимодействия в сфере культуры: прежде всего, обмен книгами, а также визиты тех или иных португальцев в Советский Союз. Значительное количество запросов поступило от адвоката и журналиста Эрландера Рибейру (Herlander Ribeiro). В 1926 г. он посетил Советский Союз и по итогам своей поездки написал две книги: «Хроники Советской России», «Большевицкая Россия и исторические исследования» (*Crónica da Rússia dos Soviotes, Rússia dos Bolchevistas e Estudos Históricos*) [подробнее о нем см.: Leal 2017]. И для их подготовки Рибейру собирал книги и журналы по истории и актуальному положению России и СССР [Письмо Эрландера Рибейру 11 июля 1929 г., л. 102]. Советский Союз также посещали некоторые португальцы для ознакомления с новыми видами искусства. Так, например, в 1929 г. три недели в Москве провел работник сферы кинематографии Антонио Лопес Рибейро [Отчет 1929, л. 100]. Невысокий уровень культурных связей сами работники ВОКС объясняли двумя причинами. Во-первых, влияла политическая нестабильность в Португалии, связанная с частыми переворотами и репрессиями против левых сил. Во-вторых, сам отдел ВОКС, работающий с иберо-американскими странами, был второстепенным и до 1930 г. находился в составе англо-американского сектора [Информация о работе иберо-американского сектора 1932, л. 35].

Несколько лучше обстояло дело с торговлей. Торговые отношения между Россией и Португалией носили чрезвычайно скромный характер и до прихода к власти большевиков. Гражданская же война, начавшаяся вскоре после установления власти РСДРП (б), вовсе ее парализовала. Португалия появилась в советских статистических сборниках в 1921 г. Согласно этим данным, в 1921/22 гг. Советская Россия импортировала из Португалии товаров на 18 тыс. руб. Общий объем поставленного составил 33 т [Внешняя торговля Союза ССР за 1918–1927/28 годы (Статистический сборник) 1931, с. 146]. Москва приобретала в этой пиренейской стране продовольствие: мясо, сало, масло и рыбу. Эти закупки пришлось на время чрезвычайно тяжелого голода, который охватил Советскую Россию в конце Гражданской войны. То, что эта закупка продовольствия была крайней мерой, подтверждается тем, что в следующем отчетном периоде 1922/23 гг. из Португалии ничего не импортировалось.

После этого в советских статистических сборниках есть разночтение. В сборнике 1931 г. сведения о торговле с Португалией отсутствуют. В обобщенной книге, выпущенной в 1960 г., которая охватывала советскую торговлю с 1918 по 1940 г., имеются иные сведения о торговом обороте с Португалией. Согласно этим данным, с 1925 г. Советский Союз начал закупать традиционные для Португалии экспортные товары, а именно пробковую кору. В тот год ее было приобретено на 2 млн руб. (2256 т). После этого объемы поставок год от года варьировались от максимальных 2900 (1926/27 гг.) до минимальных 590 т (1928 г.). [Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. (Статистический об-

зор) 1960, с. 717]. Примечательно, что в Лиссабоне с опаской смотрели на активизацию советских закупок. Так, в феврале 1931 г. португальское посольство в Берлине сообщало о советских гражданах, планировавших закупить кору пробкового дерева непосредственно в Португалии. По информации посольства, все эти покупатели были «чекистами», которые, «как известно, путешествуют под вымышленными именами и с европейскими паспортами». У них имелись крупные суммы денег (300 тыс. долл.), которые якобы предполагалось использовать для большевистской пропаганды в Испании и Португалии [Carta de legação em Berlim 1931, p. 38.]. Эти опасения были не безосновательны, так как советские дипломатические миссии в 1920-е годы использовались для установления связей с левыми силами, действовавшими против своих правительств [Дамье 2023, с. 88]. Документов с четкой реакцией португальского руководства на это сообщение найти пока не удалось. Однако примечательно, что уже в 1932 г. Советский Союз если не перестал полностью закупать пробку в Португалии, то значительно сократил объем. Если в 1931 г. импорт этого товара составил 2466 т, то в 1932 г. СССР вообще не закупал пробку, а общий объем купленных в Португалии товаров составил всего 25 т. [Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. 1960, с. 718]. Это, правда, можно объяснить масштабным голодом в Советском Союзе. Впоследствии импорт из Португалии начал расти. Так, в 1933 г. СССР закупил в этой пиренейской стране 342 т товаров, в 1934 г. – 722 т, а в 1935 г. – 3328 т. К сожалению, для этих лет не приводится разбивка по товарам, поэтому мы знаем лишь общий тоннаж и стоимость закупленного.

Помимо пробки, СССР ввозил из Португалии и ряд других товаров, которые сам производить не мог. С 1926 г. Советский Союз начал импортировать из Португалии какао. Объемы его поставок колебались от 3 т в 1929 г. до 77 т в 1926/27 гг. Какао и пробковая кора были теми товарами, которые СССР приобретал в Португалии относительно регулярно. Закупки остальных товаров носили нерегулярный характер. Так, в 1927–1928 гг. Советский Союз приобрел 75 т копры (высушенная мякоть кокосовых орехов) на сумму 66 тыс. руб., а в 1932 г. 25 т металлических руд (45 тыс. руб). После этого года на несколько лет импорт португальских товаров прервался. Лишь в 1938 г. была снова приобретена относительно крупная партия пробковой коры (6027 т) и 20 т металлической руды [Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. 1960, с. 717–718].

С советским экспортом в Португалию ситуация была сложной. За все 1920-е годы зафиксировано, что лишь в 1923/24 гг. СССР продал Португалии семь т лекарственно-технического сырья на сумму 3 тыс. руб. В 1930 г. экспорт возобновился и после этого, судя по статистическому сборнику, приобрел регулярный характер. О товарах, которые Советский Союз продавал в это время стране на другом конце Европы, мы можем судить лишь по двум годам: 1930 и 1931. В 1930 г. СССР продал Португалии товаров на 432 тыс. руб.

Из них две трети (7687 т – 300 тыс. руб.) составили нефтепродукты, а треть – уголь (4960 т – 104 тыс. руб.) и фанера (59 т – 28 тыс. руб.). В 1931 г. СССР продал только пиломатериалы: 5619 т общей стоимостью 519 тыс. руб. В следующем году экспорт вообще не был зафиксирован в советских статистических отчетах.

Несмотря на то, что торговля между двумя странами в начале 1930-х годов почти остановилась, именно в это время две страны обсуждали возможность заключения торгового соглашения. В ноябре 1931 г. министру иностранных дел Португалии был предложен проект договора между португальским «Экспортно-импортным агентством» (*Agencia de Importação e Exportação limitada*) со штаб-квартирой в Порту и советской торговой делегацией [Proposto 1931, p. 41]. Однако португальская сторона решила не поддерживать заключение этого договора. Мотивация была разносторонней и включала в себя как недовольство общими формулировками предложенного документа [*Relações com a Rússia* 1932, p. 48], так и опасения, что в Португалии появится советское торговое представительство, которое станет представлять угрозу для политического порядка в стране [Ao Senhor Presidente do Ministério 1931, p. 51]. В итоге договор подписан не был и коммерческие отношения продолжали происходить окольными путями.

Отсутствие договора привело к тому, что объем торговли был минимален. В период с 1933 по 1936 г. в сборнике есть только общая информация о поставках без разбивки на категории продуктов: в 1933 г. – 33 тыс. руб., 1934 г. – 38 тыс. руб., в 1935 г. – 178 тыс. руб. В 1936 г. экспорт упал до 5 тыс. руб. и затем полностью прекратился. Уместно предположить, что сворачивание торговых связей с Португалией связано с гражданской войной в соседней Испании: Лиссабон поддержал мятежных генералов [Damião 2005], выступивших против правительства Второй республики, на сторону которой встала Москва. В результате к концу 1930-х годов прервалась и та тонкая нить, которая связывала две страны. Начавшаяся в 1939 г. Вторая мировая война сделала невозможными какие-либо двусторонние отношения. Советско-португальские связи начали восстанавливаться лишь после окончания мирового конфликта.

Библиография

Внешняя торговля Союза ССР за 1918–1927/28 годы (Статистический сборник). Ленинград: ОГИЗ, 1931. 848 с.

Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. (Статистический обзор). М.: Внешторгиздат, 1960. 1137 с.

Гончарова О. Русский акцент танцевального Олимпа // Балет. 2011. Т. 168. № 3. С. 20–21.

Дамье В.В. Генуэзская конференция 1922 года глазами российских анархистов // Новая и новейшая история. 2023. Вып. 2. С. 86–99.

Доценко В.Р. О музыкальном образовании в Португалии: воспоминания преподавателя из России // Латинская Америка. 2011. № 5. С. 80–86.

Информация о работе иберо-американского сектора, 1932 // ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 2. Д. 99. Л. 35.

Ковалев М.В. «Я был первый советский поэт, выступавший здесь за эти пятьдесят лет». Отчет Е.А. Евтушенко союзу писателей СССР о поездке в Испанию и Португалию. 1967 г. // Исторический архив. 2024. № 3. С. 40–63.

Ковалев М.В. Российско-португальские научные связи на рубеже XIX–XX вв. и Франсишку Афонсу Шавиш (1857–1926) и отечественная наука // Россия XXI. 2020. № 6. С. 10–29.

Ковалев М.В. Россия в архивах Азорских островов // Отечественные архивы. 2020. № 5. С. 63–75.

Лабутина Т.Л. «Дитя интриги и безумия»: реакция британской дипломатии на политику вооруженного нейтралитета Екатерины II // Новая и новейшая история. 2019. Вып. 2. С. 60–73.

Невеш М. Миссия в Москве: опыт первого португальского посольства в Стране Советов. М.: Прогресс, 1987. 176 с.

Об оказании содействия во время поездки бывшего Португальского короля Эммануила под фамилией граф Урана // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 69. Д. 8ч. Л. 250.

Окунева Л.С. Отношения России и Португалии: истоки и традиции // Латинская Америка. 2000. № 6. С. 50. С. 48–57.

Орлик О.В. Декабристы и европейское освободительное движение. М.: Мысль, 1975. 192 с. Отчет 1929 // ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 2. Д. 59. Л. 100.

Отчеты по работе иберо-американского сектора с 01.01 по 01.10.31 // ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 2. Д. 99. Л. 23.

Письмо Эрландера Рибейру 11 июля 1929 г. // ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 2. Д. 59. Л. 102.

Проект письма Александра III испанской королеве Христине с обещанием удерживать Францию от вмешательства в испано-португальские отношения // ГАРФ. Ф. 568. Оп.1. Д. 120. Л. 1–2.

Россия – Португалия: XVIII – начало XX века: сборник документов. М., 2007. 941 с.

Филатов Г.А. Восприятие российской революции 1917 г. в португальской прессе Первой республики // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 34–47.

Щелчков А.А. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 5 (91). URL: <https://history.jes.su/s207987840010184-1-1/>.

Щелчков А.А. Салазар и революционеры справа: «новое государство» и национал-синдикализм в Португалии // Латиноамериканский исторический альманах. 2019. № 24. С. 60–89.

Яковлева Н.М. Внешняя политика Португалии и отношения с Россией // Иберийские страны: трудный старт в XXI век. М.: ИЛА РАН, 2012. С. 195–205.

Яковлева Н.М. Три опоры российско-португальских отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 10. С. 66–75.

Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Португалия: постреволюционное развитие и динамика отношений с Россией // Перспективы. 2019. № 2 (18). С. 106–118.

Ao Senhor Presidente do Ministério // ANTT. PT/TT/AOS/D-J/012/0021/00002. P. 51.

Araújo A. C. Resistência Patriótica e Revolução Liberal 1808–1820. Coimbra, Imprensa da Universidade de Coimbra, 2022. 412 p.

Azeredo C. de O reino de Portugal e o Bloqueio Napoleónico // Revista da Faculdade de Letras HISTÓRIA Porto. III Série. 2009. Vol. 10. Pp. 11–15.

Cardoso A. B. Portugal e a Inglaterra nos tempos modernos // Revista da Faculdade de Letras: História. 2003. № 04. Pp. 37–58.

Carta de legação em Berlim. 10 de fevereiro de 1931 // ANTT. PT/TT/AOS/D-J/012/0021/00002. P. 38.

- Carta do Nicolau I de 20 setembro 1827 // ANTT. PT/TT/MNE-ASC/C/2/13. P. 385.
- Carta do Nicolau I de 6 de junho de 1842 // ANTT. PT/TT/MNE-ASC/C/2/13. P. 391.
- Carvalho R. de. Relações entre Portugal e a Rússia no século XVIII. Lisboa: Sá da Costa Editora, 1979. 274 p.
- Convenção sobre os princípios de neutralidade no mar e a segurança da liberdade do comércio marítimo, assinada entre Portugal e a Rússia, no ano de 1782 // ANTT. PT/TT/MSLIV/2542/00017.1. Pp. 1–14.
- Damião A. M. Relações Portugal/Espanha durante a guerra Civil (1936-1939) // Lusíada. 2005. História. Vol. 2. № 5. Pp. 207–214.
- Jantar pela investidura do rei na Ordem de Santo André da Rússia, 16 junho 1908, Lisboa, Palácio das Necessidades // ANTT. PT/TT/CR/D-A/014/0092. P. 92.
- Leal E. C. A Revolução Russa de Outubro de 1917 e os primórdios do regime comunista: aspectos da recepção pública e da dinâmica política em Portugal (1917-1926) // História Crítica. 2017. Vol. 64. Pp. 39–60.
- Milhazes J. O Favorito Português de Pedro O Grande. Lisboa, Livros d’Hoje, 2015. 224 p.
- Milhazes J. Rússia e Europa: uma parte do todo. Fundação Francisco Manuel dos Santos, 2016. 112 p.
- Miranda J.M. de S.A. As relações diplomáticas entre Portugal e a Rússia na época de Pedro, o Grande (1700–1725). Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian, Fundação para a Ciência e a Tecnologia, Ministério da Ciência e da Tecnologia, 2002. 466 p.
- Patrício M. Do Ultimatum de 1890 ao Tratado Luso-Britânico de 1891 – Ensaio de História Diplomática // RIDB. 2013. Vol 2 (10). https://www.cidp.pt/revistas/ridb/2013/10/2013_10_11371_11413.pdf (data обращения: 02.08.2023).
- Pinto M.P. «Portugal and England in Africa» (1891) by Guilherme de Vasconcelos Abreu // Portuguese Orientalism: The Interplay of Power, Representation and Dialogue in the Nineteenth and Twentieth Centuries. Pinto M. P., Almeida C. A. (ed by). The Portuguese-Speaking World series. Brighton, Chicago and Toronto: Sussex Academic Press. 2020. Pp. 246–262.
- Proposto de novembro de 1931 // ANTT. PT/TT/AOS/D-J/012/0021/00002. P. 41.
- Relações com a Rússia. 31 de outubro de 1932 // ANTT. PT/TT/AOS/D-J/012/0021/00002. P. 48.
- Relações entre Portugal e a Rússia: séculos XVIII a XX. Lisboa: Instituto dos Arquivos Nacionais – Torre do Tombo, 1999. 186 p.
- Ribeiro J. M. Comércio e diplomacia nas relações luso-americanas: 1776–1822. Dissertação de Doutoramento. Porto, 1997. Pp. 285–317.
- Sá V. de, Pereira G.M. Do Porto ao Báltico, 1780: chegadas a história das relações entre Portugal e a Rússia // História: revista da Faculdade de Letras da Universidade do Porto. 1990. Vol. 7. P. 219–254.
- Tratado de amizade, navegação e comércio renovado entre Portugal e a Rússia e assinado em petersburgo aos 16/27 de dezembro de 1798 // ANTT. PT/TT/MSLIV/2542/00017.3. P. 1–68.
- Wolf E. Um episódio das relações culturais russo-portuguesas // Vértice. 1978. Vol. 38. № 408–409. P. 270–276.

References

- Ao Senhor Presidente do Ministério // ANTT. PT/TT/AOS/D-J/012/0021/00002. P. 51.
- Araújo A. C. Resistência Patriótica e Revolução Liberal 1808–1820. Coimbra, Imprensa da Universidade de Coimbra, 2022. 412 p.
- Azeredo C. de O reino de Portugal e o Bloqueio Napoleónico // Revista da Faculdade de Letras HISTÓRIA Porto. III Série. 2009. Vol. 10. Pp. 11–15.

Cardoso A. B. Portugal e a Inglaterra nos tempos modernos // Revista da Faculdade de Letras: História. 2003. N 04. Pp. 37–58.

Carta de legação em Berlim. 10 de fevereiro de 1931 // ANTT. PT/TT/AOS/D-J/012/0021/00002. P. 38.

Carta do Nicolau I de 20 setembro 1827 // ANTT. PT/TT/MNE-ASC/C/2/13. P. 385.

Carta do Nicolau I de 6 de junho de 1842 // ANTT. PT/TT/MNE-ASC/C/2/13. P. 391.

Carvalho R. de. Relações entre Portugal e a Rússia no século XVIII. Lisboa: Sá da Costa Editora, 1979. 274 p.

Convenção sobre os princípios de neutralidade no mar e a segurança da liberdade do comércio marítimo, assinada entre Portugal e a Rússia, no ano de 1782 // ANTT. PT/TT/MSLIV/2542/00017.1. Pp. 1–14.

Damião A. M. Relações Portugal/Espanha durante a guerra Civil (1936-1939) // Lusíada. 2005. História. Vol. 2. N 5. Pp. 207–214.

Dam'ë V.V. Genujezskaja konferencija 1922 goda glazami rossijskikh anarhistov [The Genoa Conference of 1922 through the eyes of Russian anarchists]. Novaja i novejšaja istorija [Modern and Contemporary History]. 2023. Vyp. 2. C. 86–99. (In Russ.)

Docenko V.R. O muzykal'nom obrazovanii v Portugalii: vospominanija prepodavatelja iz Rossii [On music education in Portugal: memories of a teacher from Russia]. Latinskaja Amerika [Latin America]. 2011. N 5. S. 80–86. (In Russ.)

Filatov G. A. Vosprijatie rossijskoj revoljucii 1917 g. v portugal'skoj presse Pervoj respubliki [Perception of the Russian Revolution of 1917 in the Portuguese press of the First Republic]. Dialog so vremenem [Dialogue with time]. 2018. Vyp. 64. S. 34–47. (In Russ.)

Goncharova O. Russkij akcent tanceval'nogo Olimpa [Russian accent of the dance Olympus]. Balet [Ballet]. 2011. T. 168. N 3. S. 20–21. (In Russ.)

Jantar pela investidura do rei na Ordem de Santo André da Rússia, 16 junho 1908, Lisboa, Palácio das Necessidades // ANTT. PT/TT/CR/D-A/014/0092. P. 92.

Kovalev M.V. Rossika v arkhivakh Azorskikh ostrovov [Rossica in the archives of the Azores] // Otechestvennyye arkhivy [The National Archives]. 2020. N 5. S. 63–75. (In Russ.)

Kovalev M.V. Rossijsko-portugal'skie nauchnye svjazi na rubezhe XIX–XX vv. i Fransishku Afonsu Shavish (1857–1926) i otechestvennaja nauka [Russian-Portuguese scientific relations at the turn of the 19th–20th centuries. and Francisco Afonso Chaves (1857–1926) and domestic science]. Rossiya XXI [Russia XXI]. 2020. N 6. S. 10–29. (In Russ.)

Kovalev M.V. «Ja byl pervyj sovetskij pojet, vystupavshij zdes' za jeti pjat'desjat let». Otchet E.A. Evtushenko sojuzu pisatelej SSSR o poezdke v Ispaniju i Portugaliju. 1967 g. [«I was the first Soviet poet to speak here in these fifty years». Report by E.A. Yevtushenko to the Union of Writers of the USSR about a trip to Spain and Portugal. 1967]. Istoricheskij arhiv [Historical archive]. 2024. N 3. S. 40–63. (In Russ.)

Labutina T. L. «Ditja intrigi i bezumija»: reakcija britanskoj diplomatii na politiku vooruzhenno-go nejtraliteta Ekateriny II [«Child of intrigue and madness»: the reaction of British diplomacy to the policy of armed neutrality of Catherine II]. Novaja i novejšaja istorija [Modern and Contemporary History]. 2019. Vyp. 2. C. 60–73. (In Russ.)

Informacija o rabote ibero-amerikanskogo sektora [Information on the work of the Ibero-American sector], 1932. GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. R5283. Op. 2. D. 99. L. 35. (In Russ.)

Jakovleva N.M. Vneshnjaja politika Portugalii i otnoshenija s Rossiej [Foreign policy of Portugal and relations with Russia]. Iberijskie strany: trudnyj start v XXI vek [Iberian countries: a difficult start into the 21st century]. M., 2012. S. 195–205. (In Russ.)

Jakovleva N.M. Tri opory rossijsko-portugal'skikh otnoshenij [Three pillars of Russian-Portuguese relations]. Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [World economy and international relations]. 2017. T. 61. N 10. S. 66–75. (In Russ.)

Jakovleva N.M., Jakovlev P.P. Portugalija: postrevoljucionnoe razvitie i dinamika otnoshenij s Rossiej [Portugal: post-revolutionary development and dynamics of relations with Russia]. Perspektivy [Perspective]. 2019. N 2 (18). S. 106–118. (In Russ.)

Jantar pela investidura do rei na Ordem de Santo André da Rússia, 16 junho 1908, Lisboa, Palácio das Necessidades // ANTT. PT/TT/CR/D-A/014/0092. P. 92.

Leal E.C. A Revolução Russa de Outubro de 1917 e os primórdios do regime comunista: aspectos da recepção pública e da dinâmica política em Portugal (1917–1926) // Historia Crítica. 2017. Vol. 64. Pp. 39–60.

Milhazes J. O Favorito Português de Pedro O Grande. Lisboa, Livros d’Hoje, 2015. 224 p.

Milhazes J. Rússia e Europa: uma parte do todo. Fundação Francisco Manuel dos Santos, 2016. 112 p.

Miranda J.M. de S.A. As relações diplomáticas entre Portugal e a Rússia na época de Pedro, o Grande (1700–1725). Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian, Fundação para a Ciência e a Tecnologia, Ministério da Ciência e da Tecnologia, 2002. 466 p.

Nevesh M. Missija v Moskve: opyt pervogo portugal’skogo posol’sstva v Strane Sovetov [Mission in Moscow: the experience of the first Portuguese embassy in the Land of the Soviets]. M.: Progress, 1987. (In Russ.)

Ob okazanii sodejstvija vo vremja poezdki byvshego Portugal’skogo korolja Jemmanuila pod familiej graf Urana [On providing assistance during the trip of the former Portuguese King Emmanuel under the surname Count of Uranus]. GARF. F. 102. Op. 69. D. 8ch. L. 250. (In Russ.)

Otchet [Report] 1929 // GARF. F. R5283. Op. 2. D. 59. L. 100. (In Russ.)

Otchety po rabote ibero-amerikanskogo sektora s 01.01 po 01.10.31 [Reports on the work of the Ibero-American sector from 01.01 to 01.10.31] // GARF. F. R5283. Op. 2. D. 99. L. 23. (In Russ.)

Okuneva L.S. Otnoshenija Rossii i Portugalii: istoki i tradicii [Relations between Russia and Portugal: origins and traditions]. Latinskaja Amerika [Latin America]. 2000. N 6. S. 50. C. 48–57. (In Russ.)

Orlik O.V. Dekabristy i evropejskoe osvoboditel’noe dvizhenie [Decembrists and the European liberation movement]. M.: Mysl’, 1975. (In Russ.)

Patrício M. Do Ultimatum de 1890 ao Tratado Luso-Britânico de 1891 – Ensaio de História Diplomática // RIDB. 2013. Vol. 2 (10). https://www.cidp.pt/revistas/ridb/2013/10/2013_10_11371_11413.pdf (дата обращения: 02.08.2023).

Pinto M.P. «Portugal and England in Africa» (1891) by Guilherme de Vasconcelos Abreu // Portuguese Orientalism: The Interplay of Power, Representation and Dialogue in the Nineteenth and Twentieth Centuries. Pinto M.P., Almeida C.A. (ed by). The Portuguese-Speaking World series. Brighton, Chicago and Toronto: Sussex Academic Press. 2020. Pp. 246–262.

Pis’mo Jerlandera Ribejru 11 ijulja 1929 g. [Letter from Erlander Ribeiro July 11, 1929]. GARF. F. R5283. Op. 2. D. 59. L. 102. (In Russ.)

Proekt pis’m’a Aleksandra III ispanskoj koroleve Hristine s obeshhaniem uderzhivat’ Franciju ot vmeshatel’sтва v ispano-portugal’skie otnoshenija [Draft letter from Alexander III to the Spanish Queen Christina with a promise to keep France from interfering in Spanish-Portuguese relations]. GARF. F. 568. Op.1. D 120. L. 1–2. (In Russ.)

Proposto de novembro de 1931 // ANTT. PT/TT/AOS/D-J/012/0021/00002. P. 41.

Relações com a Rússia. 31 de outubro de 1932. // ANTT. PT/TT/AOS/D-J/012/0021/00002. P. 48.

Relações entre Portugal e a Rússia: séculos XVIII a XX. Lisboa: Instituto dos Arquivos Nacionais – Torre do Tombo, 1999. 186 p.

Ribeiro J.M. Comércio e diplomacia nas relações luso-americanas: 1776–1822. Dissertação de Doutoramento. Porto, 1997. Pp. 285–317.

Rossija – Portugalija: XVIII – nachalo HH veka: sbornik dokumentov [Russia – Portugal: XVIII – early XX centuries: collection of documents]. M., 2007. (In Russ.)

Sá V. de, Pereira G.M. Do Porto ao Báltico, 1780: achegas a história das relações entre Portugal e a Rússia // *História: revista da Faculdade de Letras da Universidade do Porto*. 1990. Vol. 7. P. 219–254.

Shhelchkov A. A. Korporativizm portugal'skogo «novogo gosudarstva» A. Salazara [Corporatism of the Portuguese «new state» of A. Salazar]. *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija» [ISTORIYA]*. 2020. T. 11. Vyp. 5 (91). URL: <https://history.jes.su/s207987840010184-1-1/>. (In Russ.)

Shhelchkov A.A. Salazar i revoljucionery sprava: «novoe gosudarstvo» i nacional-sindikalizm v Portugalii [Salazar and the revolutionaries on the right: the «new state» and national syndicalism in Portugal]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah [Latin-american historical almanac]*. 2019. N 24. S. 60–89. (In Russ.)

Tratado de amizade, navegação e comércio renovado entre Portugal e a Rússia e assinado em petersburgo aos 16/27 de dezembro de 1798 // ANTT. PT/TT/MSLIV/2542/00017.3. P. 1–68.

Vneshnjaja trgovlja Sojuza SSR za 1918–1927/28 gody (Statisticheskij sbornik) [External trade of the USSR for 1918–1927/28 (Statistical collection)]. Leningrad: OGIZ, 1931. (In Russ.)

Vneshnjaja trgovlja SSSR za 1918–1940 gg. (Statisticheskij obzor) [Foreign trade of the USSR for 1918–1940. (Statistical review)]. M.: Vneshtorgizdat, 1960. (In Russ.)

Wolf E. Um episódio das relações culturais russo-portuguesas // *Vértice*. 1978. Vol. 38. N 408–409. P. 270–276.

Н.С. Степанов

**ВЛИЯНИЕ КОНЦЕПЦИИ «СИНЕЙ ЭКОНОМИКИ»
НА РАЗВИТИЕ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ (СМП)**

***Аннотация.** Сбалансированное и рациональное освоение Арктического региона возможно только при условии согласованных усилий всех циркумполярных стран, оказывающих наибольшее воздействие на состояние Арктики и получающих наибольшее выгоды от освоения этих богатств. Многочисленные международные форумы и организации, важнейшим из которых является Арктический совет, призваны служить платформой для выработки согласованных решений для обеспечения задач устойчивого развития экономических субъектов в этом регионе. Концепция «синей экономики», предлагающая принципы бережливого (lean) и гармоничного освоения и развития ресурсов Мирового океана, находит отражение в реализации крупных экономических проектов. Одним из ключевых логистических проектов для Арктики является проект развития Северного морского пути (СМП), более половины стран Арктического совета рассматривают данный проект в зоне приоритетного фокусирования внимания. Применение принципов «синей экономики», устойчивого развития инфраструктурным оператором СМП госкорпорацией Росатом создает предпосылки для построения сетевой системы платформенного типа с международным участием в операционной и инвестиционной деятельности проекта.*

***Ключевые слова:** «синяя экономика»; Арктика; Северный морской путь (СМП); устойчивое развитие; арктические стратегии; арктическое международное сотрудничество.*

Степанов Никита Сергеевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития, Института экономики РАН. Россия, Москва.
E-mail: stepanov720@inecon.ru
Web of Science Researcher ID: AAF-8010-2020

Stepanov N.S.

The Impact of the Blue Economy Concept on the Development of the Northern Sea Route (NSR)

Abstract: *The rational and balanced development of the Arctic region can only be realized through the collaborative efforts of all circumpolar countries, which significantly impact the Arctic's state and benefit immensely from its resources. A multitude of international forums and organizations, particularly the Arctic Council, are intended to function as platforms for formulating coordinated strategies to ensure the sustainable development of economic activities in this region. The blue economy concept, which promotes the lean and harmonious exploitation of World Ocean resources, is evident in the execution of significant economic projects. A prime example is the Northern Sea Route (NSR) Development Project, which is considered a priority area by more than half of the Arctic Council nations. The implementation of blue economy principles and sustainable development by Rosatom State Corporation, the infrastructure operator of the NSR, establishes the groundwork for creating a platform-type network system that includes international participation in both the operational and investment activities of the project.*

Keywords: «blue economy»; Arctic; Northern Sea Route (NSR); sustainable development; Arctic strategies; Arctic international cooperation.

**Stepanov Nikita Sergeevich – Candidate of Economic Sciences,
Senior Researcher at the Center for Institutes of Socio-Economic Development,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.**

E-mail: stepanov720@inecon.ru

Web of Science Researcher ID: AAF-8010-2020

Введение

Арктика является уникальным регионом на нашей планете. Веками скрытая подо льдами, сегодня, в результате климатических изменений, она открывает человечеству свои природные богатства и перспективы дальнейшего освоения человеком – как источник полезных ископаемых и мировая транспортная артерия, связывающая Запад и Восток [Степанов Н.С. 2019]. Вместе с тем Арктика – это хрупкая экосистема, на которую беспрецедентное давление оказывают экологические проблемы планетарного масштаба – именно здесь потепление и парниковый эффект приводят к высвобождению метана, усиливая эффект таяния льдов и уменьшения защитного слоя атмосферы. В силу суровых природных климатических условий, любая техногенная авария в процессе добычи или транспортировки полезных ископаемых, включая углеводородные,кратно превышает сложность устранения ее последствий по сравнению с аналогичными проблемами в более спокойных широтах. В свою очередь, это усиливает давление на окружающую среду, ее обитателей прибрежной зоны, поверхности

и глубин океана, обитателей ледового покрова. Культура и образ жизни малочисленных коренных народов Арктики также находятся под угрозой критической трансформации или даже уничтожения в результате бездумного освоения арктических пространств. Единственно возможным цивилизованным методом освоения арктического пространства является скоординированное международное технологическое, экономическое и социальное воздействие в регионе на основе принципов сбалансированного устойчивого развития (ESG-концепции, «синяя экономика», бережливая (lean) экономика и др.). Несмотря на геополитические противоречия страны, отвечающие за освоение арктических пространств, должны находить компромиссы, принимать экологические требования и ограничения для обеспечения рационального и сбалансированного хозяйствования в Арктике для всех видов экономической деятельности – от добычи полезных ископаемых, рыболовства, до формирования транспортных водных магистралей высокой пропускной способностью с развитой портовой инфраструктурой [Степанов Н.С., Соколовская Е.А. 2020]. В настоящей статье мы рассмотрим влияние концепции синей экономики на сбалансированное развитие важнейшей арктической транспортной водной магистрали – Северного морского пути (СМП).

Стратегии арктических стран по развитию территорий

С точки зрения международного права Арктический регион не представляет собой международное пространство, общественное благо, как Антарктида. Режим Антарктики определяется международными договорами, а Антарктида является «общим достоянием человечества», находящимся за пределами юрисдикции конкретных государств. Для Арктики такого регулирования нет, но в отдельных районах оно регулируется несколькими международными режимами. Эти специфические арктические режимы формируются международными двусторонними и многосторонними договорами, число которых исчисляется десятками, например, Договор о защите белых медведей, Договор о Шпицбергене и т.д. Основными темами режимов являются, прежде всего, территориальные притязания на морское дно и сушу, охрана окружающей среды, использование арктических вод и т.д. Наибольший интерес к данному району проявляют арктические государства. Основной из них является, так называемая, арктическая пятерка, в которую входят США, Канада, Норвегия, Дания и Россия, т.е. страны, берега которых омываются Северным Ледовитым океаном. Эта группа далее расширяется Финляндией, Швецией и Исландией, так как часть их территории пересекает полярный круг. Вместе эти государства образуют Арктическую восьмерку и в качестве постоянных членов составляют ядро международного форума – Арктического совета [Степанов Н.С. 2022].

Крупнейшим межгосударственным форумом и международной площадкой для дискуссий и выработки совместных принципов освоения Арктики яв-

ляется Арктический совет, созданный в 1996 г. и объединяющий восемь государств арктической зоны (циркумполярные страны) – Российскую Федерацию, США, Канаду, Данию, Исландию, Норвегию, Финляндию и Швецию. В исследовании Московской школы управления Сколково, посвященной анализу арктических стратегий [Арктические стратегии: 2020] отмечается значительная общность стратегий разных государств. Так основной фокус стратегических приоритетов всех государств – членов Арктического совета касается вопросов охраны окружающей среды, развития научных исследований и технологий в регионе, улучшения качества жизни коренного населения. Второй блок объединяющих вопросов, отнесенных к первому приоритету в национальных стратегиях, составляют вопросы развития инфраструктуры и формирования единого информационного пространства в регионе, эффективного освоения ресурсов и формирования стратегической ресурсной базы (все страны Арктического совета, за исключением Канады); проблемы построения эффективной системы управления регионом (все страны Арктического совета кроме Финляндии). Следует отметить идентичность приоритетов в стратегиях у трех государств – России, США и Норвегии [Степанов Н.С. 2022]. Помимо приведенных выше аспектов, к ключевым приоритетам этих государств относятся вопросы обоснования внешней границы Арктической зоны, обеспечения лидерства в регионе, обеспечения военного присутствия, вопросы международного судоходства и развития СМП. Следует отметить, что при сопоставлении стратегий циркумполярных государств, вопросам международного судоходства отдают первичный приоритет шесть из восьми государств (Россия, США, Норвегия, Канада, Дания и Финляндия), в арктических стратегиях Исландии и Швеции эти вопросы имеют вторичный акцент. Развитие СМП в своих стратегиях отмечают в качестве первого приоритета четыре из восьми государств (Россия, США, Норвегия и Финляндия), оставшиеся страны – Канада, Исландия, Дания и Швеция, занимают по этому аспекту нейтральную позицию, эта проблематика не находит описания в стратегиях данных государств. Вместе с тем проблемы развития СМП находят отражение с высоким приоритетом в стратегиях таких стран-наблюдателей как Нидерланды, Китай, Южная Корея – государств, максимально заинтересованных в формировании новой широкополосной транспортной артерии Запад-Восток.

В Арктике происходят стремительные изменения во многих сферах, которые могут иметь различные последствия. Вопрос в том, готовы ли арктические государства обсуждать такие важные вопросы, как использование природных ресурсов в массовом масштабе, разрешение существующих споров и энергетическая безопасность в рамках международных организаций, таких как Арктический совет или ООН. Или государства будут подходить к этому вопросу более традиционно и решения будут включать больший упор на национальную оборону северных регионов, а не на сотрудничество. В связи с растущим

использованием природных ресурсов возникает настоятельная необходимость в улучшении инфраструктуры и транспорта. Соответствующая логистика включает морские и трансполярные транспортные маршруты через Северный Ледовитый океан, что предполагает революцию в мировом судоходстве и торговле. Важным фактором является также технология, или вера в технологию. Принято считать, что новые, передовые технологии легче справляются с условиями неблагоприятной среды и тем самым решают проблемы Арктики. По иронии судьбы, хотя изменение климата помогает преодолевать естественные препятствия, такие как морской лед, облегчая «покорение» Северного полюса, оно также создает большие препятствия для развития инфраструктуры, построенной в тающей вечной мерзлоте.

Таким образом можно определить стратегический ориентир освоения Арктики как обеспечение национальной безопасности во всей полноте данной формулировки. Экологическая повестка является составной частью стратегий арктических государств [Арктические стратегии: 2020]. Усиление внимания к экономическому развитию арктических регионов способно постепенно привести к масштабной техногенной трансформации окружающей среды, которая не сможет самовосстановиться перед следующим производственным сезоном. Важным фактором экологической безопасности является минимизация риска негативных последствий для окружающей среды. В первую очередь это относится к производственной деятельности.

Изменение климата является одним из последних факторов, влияющих на северную геополитику, поскольку оно вносит неопределенность в общество, политику и управление региона. Потепление оказывает прямое влияние не только на окружающую среду, но и на жизнь жителей Арктики. Таяние вечной мерзлоты разрушает стабильную твердую поверхность, тем самым ставя под угрозу безопасность инфраструктуры. В некоторых случаях также необходимо перемещать элементы инфраструктуры из-за повышения уровня моря. В более широкой перспективе также необходимо рассмотреть потенциальное воздействие интенсивного потепления в Арктике на Мировой океан и климат в целом.

По этим причинам в начале 1990-х годов была создана Стратегия охраны окружающей среды Арктики (АСЭОС). Обеспокоенное экологическим ущербом, выходящим за границы отдельных государств, международное сообщество осознало необходимость сотрудничества в сфере экологической безопасности в Арктике. Арктический совет даже поставил охрану окружающей среды и устойчивое развитие в Арктике в качестве одной из своих основных целей. Поэтому научные исследования оказывают ключевое влияние на экологическую безопасность в Арктике и отчасти затрагивают национальные интересы государств. Например, содействие научному сотрудничеству в рамках Арктического совета является одним из ключевых элементов арктической политики России, США и других государств. В результате государства Арктической

восьмерки взяли на себя следующие цели: защита арктической экосистемы, включая население.

Глобальное потепление является не только источником экологических проблем и конфликтов, но также может быть причиной геополитических изменений. Со времен «холодной войны», когда Арктика была важным военно-стратегическим центром, ее роль постепенно уменьшалась. Однако в последние десятилетия Арктическая зона вызывает все больший интерес со стороны ученых и политиков, и ее стратегическое значение значительно возросло. Это приводит к конкуренции между граничащими странами арктического региона, в основном, в контексте экономических и приграничных споров. Причины тому – природные ресурсы Арктики и новые транспортные пути, которые возникают вместе с таянием ледяного покрова. Обладая системной схожестью, тем не менее арктические стратегии циркумполярных государств имеют национальную специфику. Национальные приоритеты России в Арктике представлены на рисунке 1 [Антюшина Н.М. Арктика: 2014].

Отметим, что с началом проведения специальной военной операции Российской Федерации на Украине в феврале 2022 г. деятельность Арктического совета оказалась под угрозой самого своего существования. Россия, председательствующая на тот момент в Арктическом совете, несмотря на бойкот остальных его членов сумела сохранить саму организацию. Две трети из 130 проектов форума были заморожены, остановлены проекты, финансируемые российским государством. В мае 2023 г. председательство в Арктическом совете перешло к Норвегии. На официальном мероприятии, сопровождающем смену председателя, все государства подтвердили свое желание сохранить и укрепить Арктический совет.

В интервью газете Коммерсантъ [Если мы потеряем Арктический совет...2023] председатель комитета старших должностных лиц Арктического совета Мортен Хёглунд выражает осторожный оптимизм по поводу дальнейшего будущего и развития отношений участников Арктического совета, ставя перед собой главной задачей сохранение этой дискуссионной площадки на период своего председательства и передачи председательства Дании. На сегодня, основной акцент вопросов деятельности Арктического совета смещен в сторону экологии и вопросов изменения климата. По словам г-на Хёглунда, начинается анализ возможности возобновления замороженных проектов – части из них уже никогда не быть реализованными, часть имеет шансы на возобновление, но уже по другим правилам двустороннего взаимодействия стран-участников с Российской Федерацией.

В свою очередь, Россия задекларировала в своей Арктической стратегии активизацию двустороннего сотрудничества с организациями, не входящими в Арктический совет, прежде всего с Китаем, диверсифицируя тем самым международные отношения в вопросах достижения своей Арктической стратегии.

Рисунок 1. Национальные приоритеты России в Арктике

Арктическая стратегия Дании направлена на обмен информацией и координацию усилий во всех сферах развития Арктики [Kingdom of Denmark... 2011]. Значительное внимание уделяется научным и образовательным проектам, направленным на арктические исследования и совершенствования концепции устойчивого развития. Один из ключевых пунктов Стратегии в области образования и исследований в Арктике [Strategi for forskning... 2016] посвящен вопросам активного включения жителей Гренландии и Фарерских островов в образовательные и научные процессы. Один из ключевых экономических приоритетов связан с добычей полезных ископаемых в Гренландии [New mineral strategy... 2020].

В арктической стратегии Исландии [A Parliamentary Resolution on Iceland's...] ключевое внимание уделяется вопросам урегулирования территориальных споров в акватории Северо-Ледовитого океана, вопросам международного взаимодействия со странами и институтами, поддержки роли коренных народов Арктики в принятии решений Арктического совета, обеспечения устойчивого развития в экономике, особенно рыболовного промысла. В от-

дельный принцип вынесена концепция обеспечения экологического равновесия – Исландия декларирует обязательство применять все доступные средства и технологии для предотвращения антропогенного изменения климата.

Северная стратегия Канады [Canada's Northern Strategy...] в качестве ключевых приоритетов акцентируется на обеспечении национального суверенитета над арктическими территориями (в том числе за счет военного присутствия). В настоящее время ведется активное обсуждение о присвоении канадскому Северу статуса специальной экономической зоны, в целях снижения высокой стоимости жизни и улучшения условий обитания. Разработка шельфовых нефтегазовых запасов не начата, в связи с неурегулированностью вопроса о достаточной безопасности технологий для исключения аварийных ситуаций – в случае возникновения крупных техногенных аварий, в соответствии с канадским законодательством, затраты на их устранения фактически лягут на плечи правительства Канады.

Арктическая стратегия Норвегии во многом определяется внутренней направленностью. Эта стратегия ставит в приоритет решение проблем территорий Крайнего Севера и устойчивое и инновационное развитие региона посредством интеграции научной деятельности, образовательной сферы и бизнеса. Арктическая стратегия Норвегии уделяет особое внимание устойчивому развитию бизнеса в регионе, что сопряжено с вопросами экологии [Norway refuses to drill...].

США является единственным из арктических государств, которое не ратифицировало Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., США последовательно заявляют о своём праве на свободу мореплавания везде в мире и в Северном Ледовитом океане, в частности, особенно по СМП (который Россия считает проходящим в своих внутренних исторических морских водах) и Северо-Западному проходу (который Канада считает проходящим в своих внутренних водах). Арктическая стратегия США (последняя ее ревизия, принятая в 2013 г. [National strategy for the arctic...]) имеет следующие цели: продвижение интересов США в сфере безопасности (в науке, экономике, обороне, энергетике). США расширяют и дополняют арктическую стратегию целым комплексом программ, дорожных карт и деклараций в самых разных областях – от военно-стратегической до экологической.

Арктическая стратегия Финляндии [Finland's Strategy for Arctic...] затрагивает вопросы научно-исследовательских проектов по изучению Арктики, задачи сохранения и развития культуры саамов – коренных жителей Севера, проживающих и на территории Финляндии. Арктическая стратегия Финляндии позиционирует страну как пионера в области устойчивого развития в регионе. Данный документ охватывает сферы, направленные на укрепление в Арктическом регионе позиций Финляндии; формирование благоприятных возможностей для предпринимательства; международное сотрудничество; защиту окружающей среды арктической зоны; обеспечение в регионе стабильности

и безопасности; сохранение особого положения северных регионов Финляндии; специфические исследования; построение инфраструктуры и аккумуляция арктической экспертизы; обеспечение интересов и прав коренных народов, их образование.

Арктическая стратегия Швеции [Sweden's strategy for Arctic...] определяет следующие три главных приоритета: человеческое измерение и экономическое развитие, окружающая среда и климат. Учитывая специфику того, что Швеция не имеет выхода к Северному Ледовитому океану, следовательно, не участвует в спорах по определению границ шельфа, это во многом определяет направленность ее арктической стратегии.

Одним из ключевых моментов, мешающих выработке согласованной концепции международного освоения Арктики является отсутствие единого мнения по вопросам определения границ, влияющих на доступ к ресурсам арктических пространств. Разница подходов к пониманию зон исключительного влияния государств может стать своего рода миной замедленного действия при ускорении процессов освоения Арктики. Чтобы сбалансировать эту пока не решенную проблему, еще более усугубившуюся после активизации геополитических разногласий в 2022 г., необходимо сконцентрировать усилия на экологических проблемах, интерпретация которых государствами Арктического совета не вызывает разногласий.

Крупнейшим неарктическим государством, включающим вопросы, связанные с освоением ресурсов в Арктике и выражающим желание участия в управлении и решении арктических проблем на глобальном международном уровне, является Китай. В 2018 г. Китай сформулировал свою арктическую политику в формате декларативной «Белой книги» по арктической политике – «Политика Китая в Арктике» [Куан Цзэнцзюнь, Оу Кайфэй. 2019]. В этом документе впервые сформулированы главные постулаты, притязания и ожидания Китая от участия в управлении ресурсами Арктического региона. КНР заявляет о намерениях продолжать и развивать научные исследования в Арктике, активно участвовать и инициировать проекты по защите окружающей среды, сотрудничать в вопросах сохранения культуры и экосистемы коренных народов Арктики, быть лидером в вопросах организации международного сотрудничества и инклюзивного управления Арктикой. КНР вводит даже новый термин – около-арктическое государство (Near-Arctic State), формируя своего рода доказательную базу на право участия в управлении Арктикой и получения доступа к ее ресурсам. Один из ключевых доводов – это климатическое влияние арктических пространств на Китай. Действительно, в случае катастрофического изменения экологической ситуации в Арктике, Китай с его огромным населением, столкнется с необходимостью трансформирования продовольственной безопасности, изменения структуры национального сельского хозяйства могут занять десятилетия, увеличится зависимость страны от импорта продовольст-

вия. Поэтому Белая книга обозначает устойчивое развитие в качестве главной цели политики КНР в Арктике, определяя его как достижение баланса между задачами сохранения экологического и культурного многообразия и задачами экономического освоения этих пространств.

Текущая геополитическая ситуация, нарастание конфронтации между США и КНР, так же предполагают акцент арктической стратегии Китая на организацию устойчивого международного судоходства на основе СМП – создание Ледяного шёлкового пути. Это не только экономически выгодная стратегия по созданию альтернативного логистического пути, это еще и важнейшая часть военно-политической стратегии Китая – возможность осуществлять мощный товарооборот с европейскими странами в водах, доступ в которые и контроль военно-морскими силами НАТО практически исключен, так как они являются внутренними территориальными водами Российской Федерации.

Являясь ключевыми геополитическими партнерами на международной арене, Россия и Китай, несмотря на очевидную близость стратегий освоения Арктики, имеют ряд ключевых противоречий. Одно из них лежит в плоскости международной правовой базы, определяющей уровни участия стран и степень их ответственности в вопросах управления и освоения Арктики. В соответствии с международным правом, приоритетом являются зоны суверенитета и юрисдикции пяти арктических государств – России, США, Канады, Норвегии и Дании, их политические и экономические интересы в регионе. Существует концепция «арктического средиземноморья», идеологически отождествляющая акваторию Северного Ледовитого океана с внутренним морем, что позволяет юридически классифицировать Арктику как полузамкнутый морской регион, где прибрежные страны в рамках ст. 122–123 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., имеют особые полномочия в области освоения биоресурсов, защите морской среды и проведения научных исследований. Вне всякого сомнения, Российская Федерация в полной мере разделяет данный международный подход, позволяющий эффективно реализовывать стратегические национальные интересы. Как мы отмечали ранее, США не присоединились к этой конвенции, настаивая на полной свободе судоходства и освоения биоресурсов по аналогии с крупными водными пространствами Тихого и других крупных океанов. Являясь геополитическим соперником США, Китай тем не менее фактически разделяет их точку зрения, позиционируя Арктику как достояние всей человеческой цивилизации. Китай же, будучи сверхдержавой, готов брать на себя лидерство в вопросах управления, освоения, обеспечения безопасности в Арктическом регионе.

Другое противоречие выражается в определенном дуалистическом подходе к развитию СМП. Вне всякого сомнения, по причинам, упомянутым выше, Китай заинтересован в развитии СМП, расширении его пропускной способности, инвестициям в проекты создания инфраструктуры, добычи полезных ископае-

мых на шельфе и пр. Но при этом Китай декларирует подход, близкий к политике США, о том, что СМП и СЗП являются зонами свободного судоходства, и приоритеты международного судоходства в этих транспортных артериях должны превалировать над национальными интересами России и Канады. Однако данная стратегия, вынесенная на международный уровень, имеет мало перспектив для того, чтобы стать международным трендом. У КНР, готовой возглавить коалицию государств, призванную пересмотреть права циркумполярных государств, наблюдается диаметрально противоположный подход к контролю судоходства в Южно-Китайском море и Тайваньском проливе. Достаточно сложно принять и обосновать разность подходов в первом и втором случаях.

Несмотря на описанные стратегические противоречия, Китай и Россия, базируясь на принципах взаимной выгоды и взаимного уважения интересов, достаточно уверенно двигаются в укреплении международного сотрудничества в Арктических пространствах. СМП был и остается международным совместным проектом первого приоритета. Китайские компании CNPC и Фонд Шёлкового пути стали соинвесторами проекта «Ямал СПГ», на завершающей стадии формирования находятся совместные проекты Роснефти и Газпрома с китайскими корпорациями. Крупный бизнес КНР выиграл контракты на модернизацию Архангельского морского пути и строительство железнодорожной магистрали Белое море – Коми – Белкомур. По результатам официального визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву в марте 2023 г. и обсуждения перспектив развития СМП, Президент РФ В.В. Путин заявил о готовности создавать совместный рабочий орган по развитию СМП. Предполагаем, что ключевыми задачами такой межгосударственной структуры могли бы быть как вопросы стратегического согласования подходов по спорным позициям, так и решение практических задач по развитию СМП на основе принципов программно-целевого управления и управления по результатам. Дорожная карта реализации совместной стратегии развития СМП могла бы быть построена на фундаменте принципов устойчивого развития и сбалансированного подхода к освоению Арктики, тех принципов, разногласий по которым у государств на стратегическом уровне не возникает.

«Синяя экономика» в Арктике

Развитие концепции «синей экономики» оказало существенно влияние на формирование экономико-экологической компоненты арктических стратегий. Впервые концепцию «синей экономики» сформулировал в 2009 г. Гюнтер Паули в своем докладе «Голубая экономика: 10 лет, 100 инноваций, 100 миллионов рабочих мест» [Pauli G. Blue Economy 2019], предложив циркулярный подход к экономике на смену линейному. Вдохновленный примером самой природы, Паули предлагает перейти от классических процессов, описываемых

входящими и выходящими ресурсами к экономике замкнутого цикла – все ресурсы, которые не потребляются в рамках одного процесса, будут задействованы в другом.

Идеи Г. Паули нашли развитие в трудах последователей этой концепции. К. Сома [Soma, K. et al. Social innovation 2018] предложила использовать совместную активную деятельность, основанную на доверии, как ключевой фактор достижения роста сектора «синей экономики». Ван ден Бург определил предельные значения и перспективы синего роста для морской индустрии [Burg S., Aguilar-Manjarrez J., Jenness J., Torrie M. 2019]. Кин М. сформулировал принципы оценки морского управления, базирующегося на концепции "синей экономики" [Keen M, Schwarz A.-M., Wini-Simeon L. 2018]. На текущий момент предлагается 19 принципов «синей экономики», распределенных по трем группам [The Blue Economy does not recycle...]:

1. Вдохновение от природы:

- фокусировка на физике процессов;
- знание нелинейно;
- оптимизация и совместное развитие;
- сопротивление через разнообразие;
- выход за рамки органики и биоразлагаемого.

2. Изменение правил игры в бизнесе:

- взаимосвязанные проблемы создают возможности;
- возвращение природы в направление ее эволюции;
- сохранение общего пользования свободным и чистым;
- удовлетворение основных потребностей для всех в первую очередь;
- использовать то, что у вас уже есть;
- заменить что-то ничем;
- ценность во всем: все имеет ценность, каждый создает ценность;
- быть здоровым и счастливым.

3. Жизнь на своей территории:

- извлекать выгоду из экономии перспективы;
- создавать множество возможностей из одной инициативы;
- использовать вертикальную интеграцию;
- управлять без бизнес-планов;
- решать на основе финансовой отчетности;
- этика во главе угла.

Эти во многом философские формулировки нашли отражение при построении ESG-стратегий компаниями «синей экономики». Организация экономического сотрудничества и развития выделяет следующие традиционные отрасли «синей экономики» [The Ocean Economy in 2030...]: портовая инфраструктура и судоходство, морское строительство и судостроение, переработка морепродуктов и рыболовство, добыча нефтегазовых ресурсов на шельфе и дноуглубитель-

ные работы, прибрежный и морской туризм, морские исследования и разработки. В стадии формирования находятся дополнительно шесть отраслей, в которые включены: океаническая возобновляемая энергетика, добыча нефти и газа в глубоководных зонах, ветровая шельфовая энергетика, морская аквакультура, морские биотехнологии, высокотехнологичные морские продукты и услуги.

Огромный потенциал СМП может и должен быть раскрыт с использованием концепции и основных принципов «синей экономики». Оператор СМП – госкорпорация Росатом [Итоги деятельности государственной. 2021], реализует проект, базируясь на принципах устойчивого развития и коррелирующих с ними принципах «синей экономики». В то же время дороги, трубопроводы и здания, необходимые для добычи и транспортировки сырой нефти и газа, делают тающую вечную мерзлоту уязвимой. Этот эффект будет дополнительно поддерживаться необходимым развитием инфраструктуры, поэтому потребуются адекватные инвестиции для обеспечения жизнеспособности инфраструктуры в устойчивом экологическом состоянии. В долгосрочной перспективе цены на нефть и природный газ окажут большое влияние на развитие Арктики. Если цены вырастут, как прогнозируется, Арктика, несомненно, привлечет внимание нефтегазовых компаний. Ситуация также может измениться в будущем в зависимости от движения спроса и предложения. Из-за экономического кризиса были отложены проекты, которые бы увеличили емкость рынка. Как только глобальная экономика оживет больше, возрастет спрос на нефть и газ. В этом случае текущие ограничения на инвестиции в инфраструктуру окажут негативное влияние на предложение и приведут к резкому увеличению новых нефтегазовых проектов.

Однако в текущей ситуации увеличение заинтересованности независимых компаний в ведении бизнеса в Арктике не представляется реалистичным. Из-за суровых условий окружающей среды многие фирмы отпугивают повышенные эксплуатационные расходы, особенно если они могут работать в менее требовательных регионах. Отсюда следует, что в среднесрочной перспективе не должно быть резкого роста энергетических операций в Арктике. Развитие, несомненно, будет иметь место, но, вероятно, в ограниченных темпах и масштабах. Успех реализации российских планов по увеличению поставок энергоресурсов из Арктики, что должно привести к значительному увеличению судоходства и общему оживлению региона, таким образом, окажет принципиальное влияние на развитие ситуации.

Следует отметить, что весь комплекс научной и производственной деятельности госкорпорации осуществляется на основе принципов ESG-стратегии, предполагающих учет экологических ограничений и возможностей при достижении заданных инвестиционных и экономических параметров.

Развитие СМП является сложнейшим инфраструктурным проектом, в реализации которого участвует самая высокотехнологичная госкорпорация России –

Росатом. Но даже этой структуре, с ее колоссальным финансовым, научным, организационным и производственным потенциалом, поддержкой правительства от инвестиционных аспектов до законодательных, невозможно реализовать в одиночку поставленные задачи. Залог успешной реализации потенциала СМП – международное сотрудничество, базирующееся на принципах экономической выгоды от участия в проекте [Отчет о прогрессе в области 2021]. Крупнейшей заинтересованной стороной являются компании КНР, для которых СМП представляет интерес как в инвестиционном, так и операционном (прежде всего логистическом) плане. Реалии крупных международных проектов сегодняшнего дня таковы, что любой мегапроект реализуется на принципах устойчивого развития, имеет проработанную ESG-стратегию. Это залог участия и инвесторов, и позитивного отношения к проекту как прямых, так и косвенных стейкхолдеров. Принципы «синей экономики», реализованные в стратегии Росатома по развитию СМП являются базисом для последующего развития международных бизнес-проектов по увеличению пропускной способности СМП, строительству инфраструктуры, запуску проектов по добыче полезных ископаемых в Арктике с последующей транспортировкой по СМП.

Заключение

Арктические стратегии циркумполярных государств достаточно сильно коррелируют друг с другом по вопросам рационального и сбалансированного освоения арктических пространств, развития «синей экономики», базирующейся на принципах рационального природопользования и гармонии с экологической и социально-культурной системами Арктики. Коммерческие организации, в том числе и те, что являются операторами крупнейших экономических проектов в Арктике, стратегию своего развития осуществляют в соответствии с принципами устойчивого развития, соответствующими концепции «синей экономики». Северный морской путь, потенциал которого не ограничивается только функционалом транспортной артерии Арктики, должен стать составной частью «синей экономики» арктического сектора мировой экономики. Уже сегодня большинство стран Арктического совета акцентируют внимание на поддержании развития СМП в своих арктических стратегиях, а крупнейшие не арктические государства – такие как Китай, Южная Корея и Нидерланды, заинтересованы в логистическом функционале СМП и потенциально готовы выступать в роли инвесторов для крупных инфраструктурных проектов СМП. Дальнейшее развитие СМП, улучшение его пропускной способности, повышение экономической активности прибрежных территорий и развитие международного сотрудничества приведет к определенной точке роста, после которой возможна активизация международного сотрудничества и рост реальных инвестиционных проектов, способствующих развитию СМП, несмотря на суще-

ствующим геополитическим разногласиям. Философия «синей экономики» и бережное отношение к природе и культуре Арктики должно стать тем стержнем экономического развития СМП, который обеспечит устойчивое развитие этого проекта и соответствие требованиям и ожиданиям к цивилизованному освоению богатств Арктики.

Библиография

Антюшина Н.М. Арктика: новый формат международного сотрудничества. М.: Ин-т Европы РАН, 2014. С. 136.

Арктические стратегии: энергетика, безопасность, экология и климат. – Москва: Сколково, 2020. Т. 1. С. 283. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_RU_Arctic_Vol1.pdf (дата обращения: 03.04.2023).

Если мы потеряем Арктический совет, восстановить его будет очень сложно // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6350619> (дата обращения: 05.12.2023).

Итоги деятельности государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» за 2021 год. Росатом. 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.report.rosatom.ru/go/rosatom/go_rosatom_2021/rosatom_2021_ru.pdf (дата обращения: 03.04.2023).

Куан Цзэнцзюнь, Оу Кайфэй. Новая политика Китая по Арктике (О Белой книге «Политика Китая в Арктике») // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. Т. 63. № 7. С. 84–91.

Отчет о прогрессе в области устойчивого развития. Росатом. 2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://report.rosatom.ru/go/rosatom/go_rosatom_2021/rosatom_esg_2021.pdf (дата обращения: 03.04.2023).

Степанов Н.С. Арктика и развитие Северного морского пути в институциональной модернизации экономики России // Федерализм. 2019. № 1. С. 5–23.

Степанов Н.С. Институциональное развитие Северного морского пути в рамках модернизации экономики России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 202–210.

Степанов Н.С. Траектория развития Северного морского пути: проблемы и перспективы // Россия и современный мир. 2022. № 3(116). С. 94–116.

Степанов Н.С., Соколовская Е.А. Развитие Северного морского пути как фактор ускорения экономического роста // XI Международная Кондратьевская конференция «Возможные сценарии будущего России и мира: междисциплинарный дискурс». М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2020. С. 191–200.

A Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mfa.is/media/nordurlandaskrifstofa/A-Parliamentary-Resolution-on-ICE-Arctic-Policy-approved-by-Althingi.pdf> (дата обращения: 03.04.2023).

Burg S., Aguilar-Manjarrez J., Jenness J., Torrie M. Assessment of the geographical potential for co-use of marine space, based on operational boundaries for Blue Growth sectors // Marine Policy. 2019. Vol. 100. P. 43–57.

Canada's Northern Strategy Our North, Our Heritage, Our Future. Библиотека Арктического портала [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://library.arcticportal.org/1885/1/canada.pdf> (дата обращения: 03.04.2023).

Finland's Strategy for Arctic Policy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/163247/VN_2021_55.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 03.04.2023).

Government of Iceland. A Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy, Iceland, 2011, 11 pp. URL: <http://library.arcticportal.org/1889/1/AParliamentary-Resolution-on-ICE-Arctic-Policy-approved-by-Althingi.pdf>.

Keen M, Schwarz A.-M., Wini-Simeon L. Towards defining the Blue Economy: Practical lessons from Pacific Ocean governance // *Marine Policy*. 2018. V. 88. P. 333–341.

Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic p. 2011–2020 // Ministry of Foreign Affairs of Denmark. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://um.dk/en/foreign-policy/the-arctic/> (дата обращения: 03.04.2023).

National strategy for the arctic region // The White House President Barack Obama archive [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (дата обращения: 03.04.2023).

New mineral strategy has five focus areas. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://naalakkersuisut.gl/en/Naalakkersuisut/News/2020/03/0203_mineralstrategi (дата обращения: 03.04.2023).

Norway refuses to drill for billions of barrels of oil in Arctic, leaving 'whole industry surprised and disappointed' // Cockburn, H. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/environment/norwayoil-drilling-arctic-ban-labor-party-unions-a8861171.html> (дата обращения: 03.04.2023).

Pauli G. Blue Economy: 10 Years, 100 Innovations, 100 Million Jobs. Taos: Paradigm Pubns, 2010. P. 336.

Soma, K. et al. Social innovation. A future pathway for Blue growth? // *Marine Policy*. 2018. Vol. 87. P. 363–370.

Strategi for forskning og uddannelse vedrørende Arktis // Ministry of Higher Education and science. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ufm.dk/publikationer/2016/filer/fi_rapport_arktisk_strategi_web.pdf (дата обращения: 03.04.2023).

Sweden's strategy for Arctic region // Официальный сайт правительства Швеции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.government.se/49b746/contentassets/85de9103bbbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region> (дата обращения: 03.04.2023).

The Blue Economy does not recycle, it regenerates! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theblueeconomy.org/en/the-blue-economy/> (дата обращения: 03.04.2023).

The Ocean Economy in 2030. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oecd.org/environment/the-ocean-economy-in-2030-9789264251724-en.htm> (дата обращения: 03.04.2023).

References

A Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy [Electronic resource]. URL: <https://www.mfa.is/media/nordurlandaskrifstofa/A-Parliamentary-Resolution-on-ICE-Arctic-Policy-approved-by-Althingi.pdf> (date of access: 04/03/2023).

Antyushina N.M. Arktika: novyj format mezhdunarodnogo sotrudnichestva. [The Arctic: a new format of international cooperation]. Moscow: In-t Evropy RAN, 2014. P. 136. (In Russ.)

Arkticheskie strategii: energetika, bezopasnost', ekologiya i klimat. [Arctic strategies: energy, security, ecology and climate]. Moscow: Skolkovo, 2020. T. 1. S. 283. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_RU_Arctic_Vol1.pdf (date of access: 04/03/2023). (In Russ.)

Burg S., Aguilar-Manjarrez J., Jenness J., Torrie M. Assessment of the geographical potential for co-use of marine space, based on operational boundaries for Blue Growth sectors. *Marine Policy*. 2019. Vol. 100. P. 43–57.

Canada's Northern Strategy Our North, Our Heritage, Our Future. Library of the Arctic Portal [Electronic resource]. URL: <http://library.arcticportal.org/1885/1/canada.pdf> (date of access: 04/03/2023).

Esli my poteryaem Arkticheskij sovet, vosstanovit' ego budet ochen' slozhno [If we lose the Arctic Council, it will be very difficult to restore it]. Kommersant [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6350619> (date of access: 05.12.2023). (In Russ.)

Finland's Strategy for Arctic Policy [electronic resource]. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/163247/VN_2021_55.pdf?sequence=1&isAllowed=y (date of access: 04/03/2023).

Government of Iceland. A Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy, Iceland, 2011, 11 pp. URL: <http://library.arcticportal.org/1889/1/AParliamentary-Resolution-on-ICE-Arctic-Policy-approved-by-Althingi.pdf>.

Itogi deyatel'nosti gosudarstvennoj korporacii po atomnoj energii «Rosatom» za 2021 god. [Results of the activities of the State Atomic Energy Corporation Rosatom for 2021]. Rosatom. 2021 [electronic resource]. URL: https://www.report.rosatom.ru/go/rosatom/go_rosatom_2021/rosatom_2021_ru.pdf (date of access: 04/03/2023). (In Russ.)

Keen M, Schwarz A.-M., Wini-Simeon L. Towards defining the Blue Economy: Practical lessons from Pacific Ocean governance. Marine Policy. 2018. V. 88. P. 333–341.

Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020. Ministry of Foreign Affairs of Denmark. 2011. [Electronic resource]. URL: <http://um.dk/en/foreign-policy/the-arctic/> (date of access 03.04.2023).

Kuan Czenczyun', Ou Kajfej. Novaya politika Kitaya po Arktike (O Beloj knige «Politika Kitaya v Arktike») [China's New Policy on the Arctic (On the White Paper «China's Policy in the Arctic»)]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 2019. T. 63. N 7. S. 84–91. (In Russ.)

National strategy for the arctic region. The White House President Barack Obama archive [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (date of access: 04/03/2023).

New mineral strategy has five focus areas. [Electronic resource]. URL: https://naalakkersuisut.gl/en/Naalakkersuisut/News/2020/03/0203_mineralstrategi (date of access: 04/03/2023).

Norway refuses to drill for billions of barrels of oil in Arctic, leaving 'whole industry surprised and disappointed'. Cockburn, H. [Electronic resource] URL: <https://www.independent.co.uk/environment/norwayoil-drilling-arctic-ban-labor-party-unions-a8861171.html> (date of access: 04/03/2023).

Otchet o progresse v oblasti ustojchivogo razvitiya. [Report on progress in the field of sustainable development.] Rosatom. 2021. [Electronic resource]. URL: https://report.rosatom.ru/go/rosatom/go_rosatom_2021/rosatom_esg_2021.pdf (date of access: 04/03/2023). (In Russ.)

Pauli G. Blue Economy: 10 Years, 100 Innovations, 100 Million Jobs. Taos: Paradigm Pubns, 2010. 336 p.

Soma, K. et al. Social innovation – A future pathway for Blue growth? Marine Policy. 2018. Vol. 87. P. 363–370.

Stepanov N.S. Arktika i razvitie Severnogo morskogo puti v institucional'noj modernizacii ekonomiki Rossii. [The Arctic and the development of the Northern Sea Route in the institutional modernization of the Russian economy]. Federalizm. 2019. N 1. P. 5–23. (In Russ.)

Stepanov N.S. Institucional'noe razvitie Severnogo morskogo puti v ramkah modernizacii ekonomiki Rossii [Institutional development of the Northern Sea Route within the framework of modernization of the Russian economy]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. 2022 N 57. P. 202–210. (In Russ.)

Stepanov N.S. Traektoriya razvitiya Severnogo morskogo puti: problemy i perspektivy. [The trajectory of the development of the Northern Sea Route: problems and prospects] // Rossiya i sovremennyy mir. 2022. N 3(116). P. 94–116. (In Russ.)

Stepanov N.S., Sokolovskaya E.A. Razvitie Severnogo morskogo puti kak faktor uskoreniya ekonomicheskogo rosta. XI Mezhdunarodnaya Kondrat'evskaya konferenciya «Vozmozhnye scenariy budushchego Rossii i mira: mezhdisciplinarnyy diskurs». [The development of the Northern Sea Route

as a factor of accelerating economic growth. XI International Kondratiev Conference «Possible scenarios for the future of Russia and the world: interdisciplinary discourse»]. Moscow: Mezhrregional'naja obshhestvennaja organizacija sodejstvija izucheniju, propagande nauchnogo nasledija N.D. Kondrat'eva, 2020. P. 191–200. (In Russ.)

Strategi for forskning og uddannelse vedrørende Arktis // Ministry of Higher Education and science. 2016. [Electronic resource]. URL: https://ufin.dk/publikationer/2016/filer/fi_rapport_arktisk_strategi_web.pdf (date of access: 04/03/2023).

Sweden's strategy for the Arctic region. Official website of the Swedish government. [electronic resource]. URL: <https://www.government.se/49b746/contentassets/85de9103bbbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region> (date of access: 04/03/2023).

The Blue Economy does not recycle, it regenerates! [electronic resource]. URL: <https://www.theblueeconomy.org/en/the-blue-economy/> (date of access 03.04.2023).

The Ocean Economy in 2030. [electronic resource]. URL: <https://www.oecd.org/environment/the-ocean-economy-in-2030-9789264251724-en.htm> (date of access: 04/03/2023).

О.А. Харина, И.А. Стрельникова

**РОЛЬ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ
РОССИИ И ИНДИИ В АРКТИКЕ¹**

***Аннотация.** В статье анализируются причины и влияние энергетического сотрудничества между Россией и Индией на развитие их двусторонних отношений в Арктическом регионе. Авторы акцентируют внимание на возрастающей стратегической значимости Арктики как ключевой территории, где сходятся научные и экономические интересы как арктических, так и неарктических стран. Арктика, как регион международных отношений начала развиваться в конце XX в., чему способствовал целый ряд факторов, среди которых ключевым был фактор энергетики с началом разработки нефтяных месторождений на шельфе Северного моря в 1970-х годах. С усилением глобальных проблем, таких как изменение климата и сокращение запасов углеводородных источников, водная и энергетическая безопасность становятся критическими задачами. Индия – третий по величине потребитель энергии в мире и крупный импортер энергоносителей с постоянно растущим спросом. Россия – ключевой мировой производитель и экспортер нефти и природного газа. Индия нуждается в экономическом проникновении России в Арктику, которой принадлежит почти 80% нефти и газа на арктическом шельфе, чтобы удовлетворить энергетические и ресурсные потребности растущего молодого населения. В данной работе рассматривается текущее состояние энергетических отношений между Индией и Россией и обозначаются основные проблемы. Авторы рассматривают перспективы сотрудничества, оценивают его влияние на геополитическую обстановку и экономическое развитие обеих стран. Также авторами выявляются возможности для расширения и углубления связей между Россией и Индией в сфере энергетики и других стратегически значимых областях.*

***Ключевые слова:** энергетическое сотрудничество; Арктика; Россия; Индия; энергетика; арктическая стратегия; российско-индийские отношения.*

1. Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда Проект № 24-28-00278 «Сотрудничество между Россией и неарктическими странами в рамках развития российской Арктики: потенциал и вызовы в условиях трансформации международных институтов», <https://rscf.ru/project/24-28-00278/>

Харина Ольга Александровна – кандидат политических наук,
доцент Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.
Россия, Москва.

E-mail: oa.kharina@hse.ru

Web of Science Researcher ID: AAY-4342-202

Scopus Author ID: 58732758300

ORCID: 0000-0002-6782-451X

Web of Science Researcher ID: J-7118-2013

Стрельникова Ирина Александровна – кандидат юридических наук,
доцент Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.
Россия, Москва.

E-mail: istrelnikova@hse.ru

Web of Science Researcher ID: D-1197-2019

Scopus Author ID: 57215691659

ORCID: 0000-0001-9097-0753

Kharina O.A., Strelnikova I.A.

The Role of Energy Factors in Russian-Indian Cooperation in the Arctic²

Abstract. This article delves into the objective causes and effects of energy cooperation between Russia and India on their bilateral relations in the Arctic region. The authors underscore the increasing strategic significance of the Arctic as a crucial area where the scientific and economic interests of both Arctic and non-Arctic nations converge. The late 20th century marked the Arctic's emergence as a significant region in international relations, largely driven by energy-related developments. A key factor in this evolution was the initiation of oil field development on the North Sea shelf during the 1970s. Amidst escalating global challenges such as climate change and diminishing hydrocarbon reserves, water and energy security have become critical concerns. As the world's third-largest energy consumer and a major importer, India faces an ever-growing demand for energy. Russia, a prominent global producer and exporter of oil and natural gas, is essential to addressing these needs. To meet the energy and resource demands of its rapidly growing young population, India depends on Russia's economic engagement in the Arctic, which holds approximately 80% of the region's oil and gas reserves. This paper examines the contemporary energy relations between India and Russia, outlining the principal challenges. The authors assess the prospects for cooperation and its impact on the geopolitical climate and economic development of both countries. Furthermore, the authors identify opportunities for expanding and deepening the bilateral relationship in the energy sector and other strategically important fields.

Keywords: energy cooperation; Arctic; Russia; India; energy; Arctic strategy; Russian-Indian relations.

2. The publication was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation. Project No. 24-28-00278 «Collaboration between Russia and Non-Arctic countries in the development of the Russian Arctic: Potential and Challenges in the Context of Transformation of International Institutions», <https://rscf.ru/project/24-28-00278/>

Kharina Olga Aleksandrovna – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Faculty of World Economy and International Politics, National Research University Higher School of Economics. Russia, Moscow.

E-mail: oa.kharina@hse.ru

Web of Science Researcher ID: AAY-4342-202

Scopus Author ID: 58732758300

ORCID: 0000-0002-6782-451X

Web of Science Researcher ID: J-7118-2013

Strelnikova Irina Aleksandrovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Faculty of World Economy and International Politics, National Research University Higher School of Economics. Russia, Moscow.

E-mail: istrelnikova@hse.ru

Web of Science Researcher ID: D-1197-2019

Scopus Author ID: 57215691659

ORCID: 0000-0001-9097-0753

Введение

В настоящее время важность Арктики как ключевой территории для освоения и развития не только в научных целях, но и в политико-военных ввиду важного стратегического расположения, становится все более очевидна как для арктических государств, претендующих на все возможные экономические, геополитические и энергетические преимущества, так и для неарктических стран. Действительно, общемировое значение Арктики существенно возросло в последние десятилетия в связи с усилением таких глобальных проблем, как изменение климата, таяние ледников, и сокращение мировых запасов углеводородных источников энергии. Данные факторы обостряют проблемы, связанные с обеспечением водной и энергетической безопасности, не только для стран, граничащих с Арктикой, но и для всего мира. Именно поэтому как Россия, будучи ключевым актором в богатом на природные ресурсы Арктическом регионе, так и ее стратегический привилегированный партнер Индия, испытывающая необходимость в удовлетворении спроса на углеводородное топливо, составляющее основу энергетического потребления страны, придают их сотрудничеству в Арктике важное значение.

Россия и Индия имеют давнюю историю сотрудничества в энергетической сфере, и перспективы развития энергетического диалога сейчас столь же многообещающие, как и в период дружбы между СССР и Индией [Леонова 2017].

В конце 2017 г. в подходе Индии к Арктике произошла трансформация, когда она стала уделять внимание не только научному сотрудничеству в регионе, но и сосредоточилась на других областях взаимодействия с арктическими странами. Как и Китай, Индия стремится использовать коммерческие преимущества Северного морского пути и диверсифицировать маршруты поста-

вок. Вовлечение Нью-Дели в арктическую деятельность также мотивировано сотрудничеством с Россией в рамках строительства расширенной версии транспортного коридора «Север-Юг» (INSTC), который будет использоваться для транспортировки арктических ресурсов в Индию.

Целью работы является выявление основных причин и влияния энергетического сотрудничества России и Индии на потенциал развития их двусторонних отношений в Арктике.

Объектом исследования является сотрудничество России и Индии в Арктике. Предметом исследования является двустороннее сотрудничество между Россией и Индией в области энергетики. Методологической основой исследования являются анализ и синтез, описание и объяснение, диалектический подход, системный и сравнительный анализ, а также прогнозирование.

Взгляды Индии и России на потенциал Арктического региона

Даже для такой страны как Индия, отдаленной от арктической территории, Арктика имеет экзистенциальное значение, особенно с точки зрения климатических и экологических факторов [India's Arctic policy 2022]. Изменение климата и таяние ледников Арктики повысят уровень моря, что может привести к затоплению прибрежных городов, негативно сказавшись на сельском хозяйстве страны и усилив миграционные потоки. Для Индии, обеспокоенной проблемой таяния ледников в третьем полюсе Земли – горной системе Гиндукуш, проблема водной безопасности крайне высока, особенно ввиду интенсификации климатических изменений и неполной изученности всех возможных последствий. Арктика играет весомую роль в обеспечении водной безопасности, что ввиду общемирового дефицита пресной воды обретает особое значение. Таяние ледников на полюсах Земли приведет к повышению уровня Мирового океана. Талые воды ледников повлияют на температуру и направления течения Гольфстрима. Все это отразится на изменении климата планеты. А в Индии находятся 17 из 50 городов, наиболее пострадавших от экстремальной жары, вызванной изменением климата [The third pole 2024]. В связи с этой экологической проблемой международная арктическая организация «Arctic Circle» во главе с Исландией активно сотрудничает с Индией, Китаем и Бутаном с целью проведения глубоких исследований проблематики таяния ледников в регионе Гиндукуш-Гималаи [The third pole 2024]. Помимо сотрудничества в рамках Arctic Circle, Индия играет ключевую роль в работе Азиатского форума по полярным наукам, имеет статус наблюдателя в Арктическом совете и принимает активное участие в заседаниях Национального центра полярных и океанических исследований.

Что касается арктических стран, определяющих всестороннюю политику арктического развития, то следует отметить повышающуюся роль региона

как крайне важного стратегического узла для обеспечения успешного судоходства и вследствие этого торговли, так и как источник с большими запасами углеводородов, особенно нефти и газа. Так, например, для Российской Федерации, являющейся вторым самым крупным экспортером нефти в мире и лидером по поставкам природного газа, Арктика значима прежде всего благодаря своим огромным запасам углеводородов. Так, на Арктику приходится 25% разведанных запасов нефти, а также 80% разведанных запасов природного газа, что придает региону огромный ресурсный потенциал [Сухаг 2022]. При этом, учитывая тот факт, что Россия обладает самой большой береговой линией в Арктике, а также испытывает сложности, связанные с исчерпанием нефтяных и газовых месторождений, преимущественно в Западной Сибири [Бхагват 2020], Арктика, несмотря на сложные для добычи ископаемого топлива погодные условия, а также дороговизну технологий извлечения нефти и природного газа на северных морских территориях, выступает крайне приоритетным направлением экономического и энергетического развития страны.

В условиях фрагментации системы международного сотрудничества в Арктике происходят изменения в том числе и в российской политике в отношении неарктических стран. В частности, в рамках Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой в 2023 г., в качестве приоритетного направления отмечено налаживание взаимовыгодного сотрудничества с неарктическими государствами, проводящими конструктивную политику в отношении России [Концепция внешней политики 2023]. Таким образом, на уровне международных отношений в Арктике Россия открывает возможности для более тесного взаимодействия с неарктическими государствами, которые, во-первых, отличаются «конструктивной» позицией по отношению к самой России и к её внешней политике, во-вторых, заинтересованы в участии в международном сотрудничестве в Арктическом регионе.

Особенно актуальной для России Арктика стала после западных санкций 2014–2015 и 2022–2023 гг., которые в итоге практически полностью перекрыли доступ к необходимому американскому и европейскому оборудованию, предназначенному для добычи трудноизвлекаемых запасов нефти и газа на севере страны, ограничив около 70% зарубежных инвестиций в российские нефтяные проекты. Однако западные санкции лишь усилили технологическое развитие РФ в сторону самодостаточности, позволив также найти новых инвесторов, преимущественно из Азии. Более того, возросло значение инфраструктурных проектов России в Арктике, особенно связанных с транспортными коридорами, как, например, активное развитие Северного морского пути, который, как утверждают эксперты, соединив Тихий и Атлантический океан, значительно увеличит скорость перевозки грузов и уменьшит расстояние между европейскими, дальневосточными и китайскими портами на 40% [China's new shipping frontier 2024]. Активное развитие Россией своей арктической инфраструктуры

и логистики еще в 2014 г. сподвигло Китай подписать с Россией соглашение о ежегодных поставках (до 2025 г.) 38 млрд т российского природного газа по трубопроводу «Сила Сибири» в Китай [Putin and Xi 2024].

Кроме того, западные санкции, особенно 2022–2023 гг., коснулись не только запрета поставок американского и европейского современного нефтегазового оборудования в РФ, но и ограничили поставки углеводородов из России в Европу, позднее сведя их к минимальным показателям. Данный фактор привел Россию к необходимости переориентировать свой экспорт углеводородов с Западного на Азиатский рынок. Именно тогда все более заметную роль стала играть Индия, 46% нефтяного импорта которой пришлось на Россию в 2023 г. [Индийские НПЗ 2023]. Даже несмотря на существенное давление Запада на Индию в настоящее время, что отразилось на формулировании более сдержанных обязательств индийских компаний о поставках контрактной нефти в объеме не более 500 тыс. баррелей в сутки [Индия сокращает закупки 2024], Индия все еще остается ключевым партнером России, занимая четвертое место по закупкам нефти и нефтепродуктов, следуя за Турцией, Китаем и Бразилией [Евросоюзу нашли замену 2024].

Энергетическое сотрудничество Индии и России в Арктике

Именно санкционный фактор стал движущей силой активизации энергетического сотрудничества Индии и России, несмотря на долгую историю стратегического партнерства двух стран. Важность углеводородных источников топлива для Индии крайне высока, так как примерно 44% природного газа и более чем 80% нефти Индии необходимо регулярно импортировать для поддержания энергетического баланса и стабильного экономического развития государства [Annual report 2019]. Учитывая прогнозы Международного энергетического агентства (МЭА) о росте потребления энергии в Индии на 3% в год вплоть до 2033 г. [India energy outlook 2021], а также еще более значительные расчеты правительства страны о росте потребления энергии на 7,2% в ближайшие четыре года [India power demand 2022], необходимость в стабильных поставках углеводородного сырья и актуальность усиления сотрудничества с Россией в энергетической сфере становятся еще более обоснованными.

Говоря об энергетическом сотрудничестве России и Индии в Арктике, необходимо подчеркнуть приоритетность развития двухсторонних отношений преимущественно в нефтегазовой сфере. Начавшись с рамочных соглашений между «Газпром нефть» и «Роснефть» с российской стороны, и «ONGC Videsh» со стороны Индии, сотрудничество перешло в более практическое русло. В 2001 г. индийская нефтегазовая компания «ONGC Videsh» за семь лет до начала индийской арктической программы заключила альянс с российской компанией «Роснефть» с целью проведения геологических исследований и гео-

логоразведочных работ на континентальном шельфе Российской Федерации. Спустя почти десять лет, в 2015 г., когда «ONGC Videsh» получила 15% акций Ванкорского нефтегазового месторождения, Индия прочно заняла место на энергетической карте Арктики. Сегодня арктическую нефть покупают такие магнаты, как Reliance Industries, Deepak Fertilisers, Bharat Petroresources Ltd, Indian Oil Corp и Oil India Ltd. Несмотря на то, что в 2023 г. импорт сырой нефти из России достиг 42%, инвестиции Индии в нефтегазовый сектор России составили около 16 млрд долл. 1/3 этих инвестиций пришлось исключительно на Арктику [Индийские НПЗ 2023].

Таким образом, многие индийские нефтегазовые компании стали принимать активное участие в реализации арктических проектов, связанных с Ванкорским нефтегазовым месторождением, различными нефтяными месторождениями на полуострове Таймыр, как например проект «Восток Ойл» [Индия приняла принципиальное решение 2020], с газовыми месторождениями в Якутии, а также приобрели 20% доли в нефтегазовом проекте «Сахалин-1» [Кабмин разрешил ONGC 2022]. Более того, индийские компании активно приглашаются к освоению арктического шельфа и участию в развитии проектов «Арктик СПГ-2» и «Ямал СПГ», что для Индии достаточно важно, так как страна намеревается осуществить энергетический переход от угольных к газовым электростанциям до 2040 г., что потребует больших закупок сжиженного природного газа, которые, как ожидается, возрастут до 120 млрд м³ [Zeniewski, Singh 2021]. Кроме того, после введение ЕС эмбарго на морские поставки российской нефти в декабре 2022, РФ, предоставила существенные скидки для таких стран, как Китай и Индия, распродав им те объемы сырой арктической нефти марок Arco и Novy Port, которые изначально предназначались для поставки в Европу [Russia sends more Arctic oil 2023]. Данный факт еще более наглядно показывает значительную роль западных санкций в активизации арктического сотрудничества Индии и России, особенно в энергетической области.

Для закрепления успеха по развитию двухсторонних энергетических связей и повышению стабильности поставок, Москва и Нью-Дели, помимо планов по сотрудничеству в рамках проекта «Северный морской путь», выделяют приоритетность развития морского транспортного коридора «Владивосток – Ченнаи», использование которого сократит время доставки грузов на 40% – до 24 дней, что на 16 дней быстрее по сравнению с поставками товаров по нынешнему маршруту через Суэцкий канал [Минвостокразвития назвало развитие маршрута 2024]. Также обсуждается трёхстороннее сотрудничество между Россией, Индией и Ираном по развитию международного транспортного коридора (МТК) «Север-Юг», который откроет России прямой выход к Южной и Юго-Восточной Азии, а также позволит сократить время доставки товаров, достигнувшее показателя в 25 дней, при этом сократив стоимость доставки грузов

на 30% [Раванди-Фадаи 2023]. Однако, из-за крайней амбициозности проекта, включающей в себя в том числе идеи по расширению коридора до арктической зоны РФ, регулярно появляются существенные технические, юридические и экономические сложности, замедляющие окончательную реализацию МТК.

Перспективы и трудности сотрудничества России и Индии

В «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» взгляд России на освоение Арктики сместился от экспансивной эксплуатации только природных ресурсов с достаточно быстрым развитием инфраструктуры к более осознанному социально-экономическому подходу (рис. 1). Нефтяные и газовые ресурсы тем не менее являются основой этого процесса, так как прогнозируемые объемы добычи нефти в соответствии со Стратегией должны составить 26% от общего объема добычи в России, газа – 79%, а производство сжиженного природного газа должно увеличиться в 10 раз. Соответствующий грузопоток по Северному морскому пути должен увеличиться в 7 раз [Стратегии развития Арктической зоны 2020]. В северных регионах России расположена основная часть ее природных богатств: 80% нефти, более 90% газа, 46% олова, около половины ниобия и фосфорного сырья, более 80% никеля и т.п. Защита этого достояния, в том числе экономическими методами, должна рассматриваться как важнейший фактор сохранения и развития суверенитета страны [Russia sends more Arctic oil 2023].

Столь интенсивные планы развития требуют значительной интенсификации геологоразведочных работ на шельфе Арктики. Однако внушительные запасы нефти и природного газа, которые предполагается обнаружить, требуют новых технических подходов к их разведке и эксплуатации, а также дополнительных инвестиций. Суровые климатические условия, отсутствие инфраструктуры и льды на шельфе Арктики – факторы, значительно повышающие риски и затраты. Несмотря на глобальное изменение климата, которое влияет на ледовый покров Арктики, условия эксплуатации будут не менее сложными и потребуют интенсивной технологической адаптации. Кроме того, существует множество экологических проблем, в том числе связанных с изменением климата, влиянием освоения Арктики на ее флору и фауну.

Интенсивность геологоразведочных и буровых работ на шельфе российской Арктики в настоящее время можно охарактеризовать как весьма ограниченную. Сравнивая объемы инвестиций Китая и Индии, важно отметить, что пока у Китая остается преимущество и более уверенная позиция в сотрудничестве с Россией, нежели у Индии. Иностранный капитал имеет ограничения из-за угрозы наложения вторичных санкций на крупные компании, которые имеют потенциал работы в российской Арктике. Сами российские компании

Основные принципы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. (приняты в 2008 г.)	Основные принципы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г. (приняты в 2020 г.)
Использовать Арктику как стратегическую ресурсную базу для обеспечения решения проблем социального и экологического развития страны.	Обеспечить суверенитет и территориальную целостность России.
Сохранить Арктику как регион мира и сотрудничества.	Сохранить Арктику как регион мира, со стабильными и взаимовыгодными партнерскими отношениями.
Сохранить уникальную экологическую систему Арктики.	Обеспечить высокий уровень жизни и благосостояния населения Арктической зоны России.
Использование Северного морского пути в качестве национального транспортного маршрута России в Арктике.	Развитие российской Арктики как стратегической ресурсной базы и ее использование для ускорения экономического роста страны.
	Развитие Северного морского пути как глобально конкурентоспособного национального транспортного коридора.
	Защита арктической среды, основной родины и традиционного образа жизни коренных народов российской Арктики.

Рис. 1. Сравнение национальных интересов России в Арктике, изложенных в 2008 г. и 2020 г. (составлено автором)

имеют ограниченные ресурсы для обеспечения и поддержания желаемого уровня роста. Общая сложная ситуация еще более усугубляется санкциями на передачу технологий для добычи нефти и газа, которые не только ограничивают текущую деятельность, но и значительно повышают экологические риски, поэтому Индия проводит осторожную политику в данном направлении.

Однако, несмотря на ограниченный объем геологоразведочных работ на шельфе в Арктике, в непосредственной близости от нее (Ямал и Гыда) развивается производство сжиженного природного газа (СПГ). Оператор «Ямал СПГ» компания «Новатэк» готова заключить сделку по поставке дополнительного объема СПГ из Арктики в Индию, однако пока движение в этом направлении крайне медленное. При этом Китай активно участвует в российских арктических проектах. В 2024 г. последний сборный модуль покинул китайскую строительную верфь и направился в Мурманск, что является важным шагом на пути к завершению строительства второй очереди блока сжижения газа в проекте «Арктик СПГ 2», реализуемом российской газодобывающей компанией «Новатэк» [Russia's Novatek on Track... 2024].

Таким образом, можно выделить следующие трудности в сотрудничестве России и Индии в области энергетики:

- Ограниченность ресурсов (технологических, финансовых) Индии по сравнению с Китаем и потенциала объема инвестиций.
- «Настороженность» крупных компаний Индии в участии в российских арктических проектах в области энергетики из-за угрозы вторичных санкций.
- Для России освоение в ближайшей перспективе углеводородного сырья арктического континентального шельфа и как следствие увеличение перевозок требует пересмотра концепции развития Северного морского пути (СМП). В настоящее время основным потенциальным партнером России в модернизации СМП становится Китай.

Заключение

Таким образом, Арктика, будучи стратегически важным регионом, обладающим огромным ресурсным потенциалом и имеющим общемировое климатическое значение для мира, все еще, несмотря на множество противоречий между странами, остается стабильной площадкой для мирного и плодотворного научного, технологического, экологического, политического и энергетического сотрудничества.

Основополагающим актором в Арктике остается Российская Федерация, которая, исходя из своих национальных интересов, придает арктической зоне высокую значимость для своего эффективного социо-экономического и энергетического развития. Если на первых этапах, Россия, как и многие другие арктические государства, крайне нежелательно открывала каналы для сотрудничества с неарктическими государствами, то в настоящее время, особенно после введения многочисленных санкций по отношению к российской нефтегазовой отрасли, активно поощряет развитие как научно-технических, так и энергетических связей со странами, не граничащими с Арктикой, однако заинтересованными в инвестициях и совместных проектах.

В связи с этим, Индия, рассматривающая Арктику как перспективный регион, крайне важный с точки зрения климатических и энергетических факторов, и испытывающая существенную зависимость от углеводородных источников энергии, интенсифицировала сотрудничество со своим давним стратегическим привилегированным партнером и ключевым арктическим государством – Россией. Несмотря на постепенный энергетический переход Индии в сторону более экологически чистых и возобновляемых источников энергии, крайне маловероятно, что Индия в ближайшие 30–40 лет сможет отказаться от ископаемого топлива, составляющего основу энергетического баланса и экономического роста страны. Более того, учитывая надежность сотрудничества с Россией, Индия имеет уникальную возможность принять участие в ключевых рос-

сийских инфраструктурных проектах Арктики, таких как «Северный морской путь», «СПГ-2» и «Ямал СПГ», и даже МТК «Север-Юг», которые обеспечат Индию стабильными и быстрыми поставками всех необходимых для импорта российских товаров, в том числе углеводородов. Именно поэтому Арктика играет столь значимую роль во взаимовыгодном индийско-российском энергетическом сотрудничестве.

Тем не менее важно учитывать потенциал и проблемные точки, которые существуют в сотрудничестве России и Индии в условиях санкционной среды, а также растущую конкуренцию Индии и Китая в Арктике, которые составляют трудности для стабильного долгосрочного партнерства. Однако учитывая открывающиеся возможности и роль Индии как глобального мирового игрока, она будет все более вовлекаться в арктические вопросы, в том числе, связанные с энергетическим запросом.

Библиография

Бхагват Д. Россия и Индия в Арктике: необходимость большей синергии // Арктика и Север. 2020. №38. С. 73–90.

Евросоюзу нашли замену в качестве покупателя российских нефтепродуктов // MKRU. URL: <https://www.mk.ru/economics/2024/03/06/evrosoyuzu-nashli-zamenu-v-kachestve-pokupatelya-rossiyskikh-nefteproduktov.html> (дата обращения: 06.03.2024).

Индийские НПЗ увеличили вчетверо закупки российской нефти // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/29/06/2023/649bf6e89a7947397e255a51> (дата обращения: 29.06.2023).

Индия приняла принципиальное решение об участии в проекте «Восток ойл» // ТАСС. 2020. 5 февраля. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7691901> (дата обращения: 05.03.2024).

Индия сокращает закупки российской нефти из-за санкций США // Рамблер. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/52387373-indiya-sokraschaet-zakupki-rossiyskoy-nefti-iz-za-sanktsiy-ssha/> (дата обращения: 06.03.2024).

Кабмин разрешил ONGC и Sodeco получить доли в «Сахалин-1» // ТАСС. 2022. 14 ноября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16319165> (дата обращения: 05.03.2024).

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения: 20.04.2024).

Леонова О.Г. Индийско-российские отношения в XXI веке: Взгляд с другой стороны / О.Г. Леонова // Россия и современный мир. 2017. № 3(96). С. 133–148.

Минвостокразвития назвало развитие маршрута Владивосток – Ченнаи приоритетом для Индии // ТАСС. 2024. 25 января. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19811773> (дата обращения: 16.03.2024).

Раванди-Фадаи Л. Международный транспортный коридор «Север – Юг» и его значение для Ирана // РСМД. 2023. 26 июля. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-sever-yug-i-ego-znachenie-dlya-irana/> (дата обращения: 12.03.2024).

Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года // Арктика 2035. Стратегия развития. URL: <https://strategy.arctic2035.ru/c/documents/strategiya-razvitiya-arkticheskoy-zony-rossiyskoy-federatsii-i-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnos/> (дата обращения 20.04.2024).

Суух В. Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) как драйвер индийско-российского сотрудничества // Государственная служба. 2022. № 3. С. 82–86.

Annual report 2018–2019. New Delhi: Ministry of Petroleum and Natural Gas, 2019. 208 p.

China's new shipping frontier // Wall Street Journal. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887324747104579024542842834328> (дата обращения: 04.03.2024).

India energy outlook 2021 // World Energy Outlook Special Report. 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/india-energy-outlook-2021> (дата обращения: 16.03.2024).

India power demand growth rate seen nearly doubling in next five years // Reuters. 2022. 8 Sept. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/india-electricity-demand-seen-growing-72-annually-till-202627-2022-09-08/#:~:text=India%20expects%20annual%20electricity%20demand,five%20years%20to%20March%202022> (дата обращения: 12.03.2024).

India's Arctic policy: building a partnership for sustainable development // Government of India. 2022. URL: https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-05/India_Arctic_Policy_2022.pdf (дата обращения: 12.03.2024).

Putin and Xi to launch strategic natural gas pipeline from Russia to China in December // Russia Today. URL: <http://www.rt.com/business/473218-putin-xi-power-of-siberia> (дата обращения 04.03.2024).

Russia sends more Arctic oil to China, India after sanctions // Reuters. 2023. 5 January. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/russia-sends-more-arctic-oil-china-india-after-sanctions-2023-01-05/> (дата обращения: 05.03.2024).

Russia's Novatek on Track to Complete 2nd Train of Arctic LNG 2 in 2024 // High North News. 2024. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/novatek-track-commission-train-2-arctic-lng-2-2024-final-module-leaving-chinese-yard> (дата обращения: 13.04.2024).

The third pole – Himalaya process // Arctic Circle. URL: <https://www.arcticcircle.org/third-pole-himalaya-the-process> (дата обращения: 01.03.2024).

Zeniewski P., Singh S., Changes in road transport energy demand by fuel, technology and scenario in India in the Stated Policies Scenario, 2019–2040 // IEA. 2021. URL: <https://www.itf-oecd.org/sites/default/files/docs/india-energy-outlook-focus-transport-iea.pdf> (дата обращения: 15.03.2024).

References

Annual report 2018–2019. New Delhi: Ministry of Petroleum and Natural Gas, 2019. 208 p.

Bhagvat D. Rossiya i Indiya v Arktike: neobhodimost' bol'shej sinergii [India in the Arctic: the need for greater synergy]. Arktika i Sever [Arctic and North]. 2020. N 38. Pp. 73–90. (In Russ.)

China's new shipping frontier. Wall Street Journal. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887324747104579024542842834328> (date of access: 04.03.2024).

Evrosoyuzu nashli zamenu v kachestve pokupatelya rossijskih nefteproduktov [The EU has been replaced as a buyer of Russian oil products]. MKRU. URL: <https://www.mk.ru/economics/2024/03/06/evrosoyuzu-nashli-zamenu-v-kachestve-pokupatelya-rossiyskikh-nefteproduktov.html> (date of access: 06.03.2024). (In Russ.)

India energy outlook 2021. World Energy Outlook Special Report. 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/india-energy-outlook-2021> (date of access: 16.03.2024).

India power demand growth rate seen nearly doubling in next five years. Reuters. 2022. 8 Sept. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/india-electricity-demand-seen-growing-72-annually-till-202627-2022-09-08/#:~:text=India%20expects%20annual%20electricity%20demand,five%20years%20to%20March%202022> (date of access: 12.03.2024).

India's Arctic policy: building a partnership for sustainable development. Government of India. 2022. URL: https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-05/India_Arctic_Policy_2022.pdf (date of access: 12.03.2024).

Indijskie NPZ uvelichili vchetvero zakupki rossijskoj nefti [Indian refineries quadrupled their purchases of Russian oil]. RBK. URL: <https://www.rbc.ru/business/29/06/2023/649bffe-89a7947397e255a51> (date of access: 29.06.2023). (In Russ.)

Indiya prinyala principial'noe reshenie ob uchastii v proekte «Vostok oil» [India has made a decision in principle to participate in the Vostok Oil project]. TASS. 2020. 5 Feb. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7691901> (date of access: 05.03.2024). (In Russ.)

Indiya sokraschaet zakupki rossijskoj nefti iz-za sankcij SShA [India reduces purchases of Russian oil due to US sanctions]. Rambler. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/52387373-indiya-sokraschaet-zakupki-rossiyskoy-nefti-iz-za-sanktsiy-ssha/> (date of access: 06.03.2024). (In Russ.)

Kabmin razreshil ONGC i Sodeco poluchit' doli v «Sahalin-1» [The Cabinet of Ministers has authorized ONGC and Sodeco to get stakes in Sakhalin-1] // TASS. 2022. 14 Nov. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16319165> (accessed 05.03.2024). (In Russ.)

Leonova O.G. G. Indian–Russian relations in the XXI century: A look from the other side. O.G. Leonova. Russia and the Modern World. 2017. N 3(96). Pp. 133–148. (In Russ.)

Minvostokrazvitiya nazvalo razvitiye marshruta Vladivostok – Chennai prioritetom dlya Indii [The Ministry for the Development of the Vladivostok–Chennai route is a priority for India]. TASS. 2024. 25 Jan. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19811773> (date of access: 16.03.2024). (In Russ.)

Putin and Xi to launch strategic natural gas pipeline from Russia to China in December. Russia Today. URL: <http://www.rt.com/business/473218-putin-xi-power-of-siberia> (date of access: 04.03.2024).

Ravandi-Fadai L. Mezhdunarodnyj transportnyj koridor «Sever – Yug» i ego znachenie dlya Irana [International transport corridor «North-South» and its importance for Iran]. RIAC. 2023. 26 July. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-sever-yug-i-ego-znachenie-dlya-irana/> (date of access: 12.03.2024). (In Russ.)

Russia sends more Arctic oil to China, India after sanctions. Reuters. 2023. 5 January. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/russia-sends-more-arctic-oil-china-india-after-sanctions-2023-01-05/> (date of access :05.03.2024).

Russia's Novatek on Track to Complete 2nd Train of Arctic LNG 2 in 2024. High North News. 2024. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/novatek-track-commission-train-2-arctic-lng-2-2024-final-module-leaving-chinese-yard> (date of access: 13.04.2024).

Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and National Security until 2035. Arctic 2035. Development Strategy. URL: <https://strategy.arctic2035.ru/c/documents/strategiya-razvitiya-arkticheskoy-zony-rossiyskoy-federatsii-i-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnos/> (date of access: 04.20.2024). (In Russ.)

Suhag V. Arkticheskaya zona Rossijskoj Federacii (AZRF) kak drajver indijsko-rossijskogo sotrudnichestva [Arctic zone of the Russian Federation (AZRF) as a driver of India-Russia cooperation. Gosudarstvennaya sluzhba [State service]. 2022. N 3. Pp. 82–86. (In Russ.)

The concept of the foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (date of access :04.20.2024). (In Russ.)

The third pole – Himalaya process. Arctic Circle. URL: <https://www.arcticcircle.org/third-pole-himalaya-the-process> (дата обращения: 01.03.2024).

Zeniewski P., Singh S., Changes in road transport energy demand by fuel, technology and scenario in India in the Stated Policies Scenario, 2019–2040. IEA. 2021. URL: <https://www.itf-oecd.org/sites/default/files/docs/india-energy-outlook-focus-transport-iea.pdf> (date of access: 15.03.2024).

Э.З. Галимуллин, Х.Х. Набиев

АРКТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ НА ВОСТОК: ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РЕГИОНЕ¹

Аннотация. В течение последних нескольких десятилетий Арктический регион претерпел колоссальные изменения. Длительное время оставаясь на периферии мировой политики, Арктика, в силу ряда причин, среди которых можно выделить последствия изменения климата, обнаружение больших запасов природных ресурсов, а также потенциальную возможность осуществления круглогодичного судоходства, привлекала все большее внимание со стороны политиков и мировой общественности. Российско-китайское арктическое взаимодействие было и остается важной составляющей международного сотрудничества в Арктике. Несмотря на современные кризисные процессы, это взаимодействие не ослабевает, что свидетельствует, во-первых, о наличии высокой заинтересованности двух государств в сотрудничестве, а во-вторых, о понимании важности поддержания мирного и стабильного диалога по арктическим вопросам с учетом тех вызовов глобального характера, которые существуют в регионе. В настоящей статье авторами проводится анализ развития российско-китайского арктического сотрудничества за последнее десятилетие. Методологической основой исследования выступают неоклассический реализм и принцип историзма. Установлено, что современный кризис в отношениях между арктическими государствами ставит перед Пекином непростую задачу по балансированию взаимодействия с каждой из противоборствующих сторон. Риски вторичных санкций вынуждают китайский бизнес крайне осторожно подходить к реализации подпадающих под ограничительные меры российских нефтегазовых и СПГ-проектов. В КНР также не заинтересованы в смене существующего режима управления (governance) Арктическим регионом. Вместе с тем общий фундамент всеобъемлющего стратегического партнерства России и Китая позволяет с оптимизмом смотреть в будущее арктического сотрудничества двух государств. А возможная дальнейшая деградация американо-китайских отношений является потенциальным фактором для пересмотра Пекином степени вовлеченности в региональное взаимодействие с Москвой в большую сторону.

Ключевые слова: Арктика; Китай; Россия; сотрудничество; история.

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 24-00-020 «БРИКС+ как новый перспективный формат развития сотрудничества в Арктике») в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ».

Галимуллин Эдуард Зульфатович – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, НИУ «Высшая школа экономики». Россия, Москва.

E-mail: egalimullin@hse.ru

Scopus Author ID: 57218677019

Web of Science Researcher ID: AGM-9185-2022

Набиев Хусравхон Хуршедович – стажер-исследователь Центра евроазиатских исследований Института международных исследований МГИМО МИД РФ. Россия, Москва.

E-mail: khusravkhon01@mail.ru

Web of Science Researcher ID: JMB-6715-2023

Galimullin E.Z., Nabiev Kh.Kh.

Arctic Pivot to the East: Evolution of Russian-Chinese Cooperation in the Region

Abstract. *In recent decades, the Arctic region has undergone dramatic changes. Although it remained on the periphery of global politics for an extended period, it has increasingly drawn the attention of policymakers and the international community. This shift is attributable to various factors, including the impacts of climate change, the discovery of vast natural resource reserves, and the potential for year-round navigation. Russian-Chinese Arctic cooperation has long been a crucial component of international collaboration in the region. Despite ongoing crises, this interaction has remained robust, demonstrating, firstly, a significant level of interest in cooperation between the two states, and secondly, a recognition of the necessity to sustain a peaceful and stable dialogue on Arctic issues, considering the global challenges present in the region.*

This paper explores the development of Russian-Chinese Arctic cooperation over the past decade through the lens of neoclassical realism and historicism. It is found that the present crisis in Arctic state relations poses a complex challenge for Beijing in balancing its interactions with conflicting sides. The risk of secondary sanctions forces Chinese businesses to be highly cautious with Russian oil, gas, and LNG projects that are under restrictive measures. Additionally, China has no interest in altering the existing governance regime in the Arctic. Nonetheless, the comprehensive strategic partnership between Russia and China provides a foundation for optimism regarding the future of Arctic cooperation. The potential for further deterioration in U.S. – China relations may prompt Beijing to increase its involvement in regional cooperation with Moscow.

Keywords: *Arctic; China; Russia; cooperation; history.*

Galimullin Eduard Zulfatovich – Candidate of Political Science, Research Associate, Centre for Comprehensive European and International Studies. HSE University. Russia, Moscow.

E-mail: egalimullin@hse.ru

Scopus Author ID: 57218677019

Web of Science Researcher ID: AGM-9185-2022

Nabiev Khusravkhon Khurshedovich – Research intern at the Center for Euro-Asian Studies, Institute of International Studies, MGIMO University, Russia, Moscow.

E-mail: khusravkhon01@mail.ru

Web of Science Researcher ID: JMB-6715-2023

Ряд процессов и событий, происходящих в Арктике в последние пару десятилетий, способствовал значительному росту внимания политиков и мировой общественности к региону. Это касается, в первую очередь, климатических изменений. Так, научные данные подтверждают существование конкретной взаимосвязи между таянием арктических ледников и повышением общепланетарной температуры [Dethloff 2006]. В свою очередь, потепление в Арктике открывает перед государствами целый ряд экономических возможностей, в частности – добычи природных ресурсов, необходимость в которых растёт по мере исчерпания уже разрабатываемых запасов. Не в последнюю очередь повышенное внимание к Арктике связано с перспективными транспортно-логистическими возможностями по использованию морских маршрутов Северного Ледовитого океана.

Российско-китайское арктическое сотрудничество стало следствием возвышения Пекина в качестве центра силы и закономерным ростом интереса ко всем регионам мира, а также заинтересованности Москвы в диверсификации технологического и экономического сотрудничества по освоению региона на фоне усугубления отношений с западными странами. Сегодня, учитывая масштабные изменения в мировой политике, представляется крайне актуальным понимание характера и основных отличительных черт в эволюции российско-китайского арктического сотрудничества. Ряд исследовательских вопросов, связанных с последствиями ужесточения антироссийских санкций, расширения НАТО и возможной дальнейшей деградации сложившейся системы управления Арктикой для этого сотрудничества – требуют уточнения.

В качестве методологической основы настоящего исследования выступает неоклассический реализм. Данное направление в теории международных отношений дополняет традиционную для реализма идею структурного влияния «инструментарием для анализа политики на элементарном уровне» [Коньшев 2020]. Подобный подход позволяет объяснить аномальную логику в проявлении внешней политики разных государств в одних и тех же обстоятельствах внешнего давления [Taliaferro 2019, p. 36]. Применение принципа историзма позволит изучить предмет исследования как непрерывно меняющийся во времени и развивающийся процесс, при этом сохраняющий присущие ему основные характеристики [Мазур 2010, с. 432–434]. Так, планируется рассмотреть

эволюцию российско-китайского арктического сотрудничества в его развитии и в соотношении с другими явлениями, прежде всего – динамикой отношений России и западных стран.

Китай – (около-)арктическая держава?

Китай – страна с тысячелетней историей, одна из колыбелей мировой цивилизации. Поэтому совершенно неудивительно, что, несмотря на относительно недавнюю актуализацию современного политического и экономического интереса к Арктике, самые первые упоминания региона уходят корнями в далекое прошлое [Di 1991]. Однако первым, наиболее достоверным, свидетельством вовлечения Китая в международное арктическое взаимодействие считается ратификация Бэйянским правительством Договора о Шпицбергене в 1925 г.

Окончание холодной войны и последующая активизация международного сотрудничества в Арктике совпали со стремительным ростом экономического и политического влияния КНР в глобальных масштабах. С началом 1990-х годов можно говорить о появлении активного научно-исследовательского интереса Пекина относительно полярных регионов. В 1997 г. Китай стал членом Международного арктического научного комитета, а в 2003 г. на Шпицбергене была открыта первая китайская арктическая научно-исследовательская станция «Хуанхэ» (Yellow River). Все это способствовало постепенному вовлечению китайских исследователей в арктическое научное сообщество, о чем наглядно свидетельствует планомерный рост количества публикаций, касающихся арктической тематики (см. рис. 1).

Еще в середине 1990-х Китай превратился в нетто-импортера нефти и газа. Как отмечают сами китайские исследователи, «экономические интересы КНР были связаны с растущим осознанием перспективных ресурсных и транспортных возможностей Арктики» [Цзэнцзюнь, Кайфэй 2019]. Китай начал инвестировать в разработку ресурсов в арктических странах с середины 2000-х годов. Например, в Норвегии в 2008 г. китайская China National Offshore Oil Corporation (CNOOC) приобрела нефтеперерабатывающую компанию Awilco Offshore. А в 2011 г. мир всколыхнула новость о намерении китайского миллиардера приобрести участок земли в Исландии.

Другим аспектом, вызывающим большой интерес КНР, является логистический потенциал региона, который тесно связан с вопросами энергетической безопасности страны. Еще Ху Цзиньтао в 2003 г. впервые заявил о так называемой «Малаккской дилемме» – зависимости от безопасности судоходства в Южно-Китайском море и ситуации в одноименном проливе [Lanteigne 2008]. Северные маршруты, главным образом СМП, имеют ряд весомых преимуществ. И в перспективе, учитывая потенциальную возможность круглогодичной навигации, их коммерческая привлекательность будет только расти.

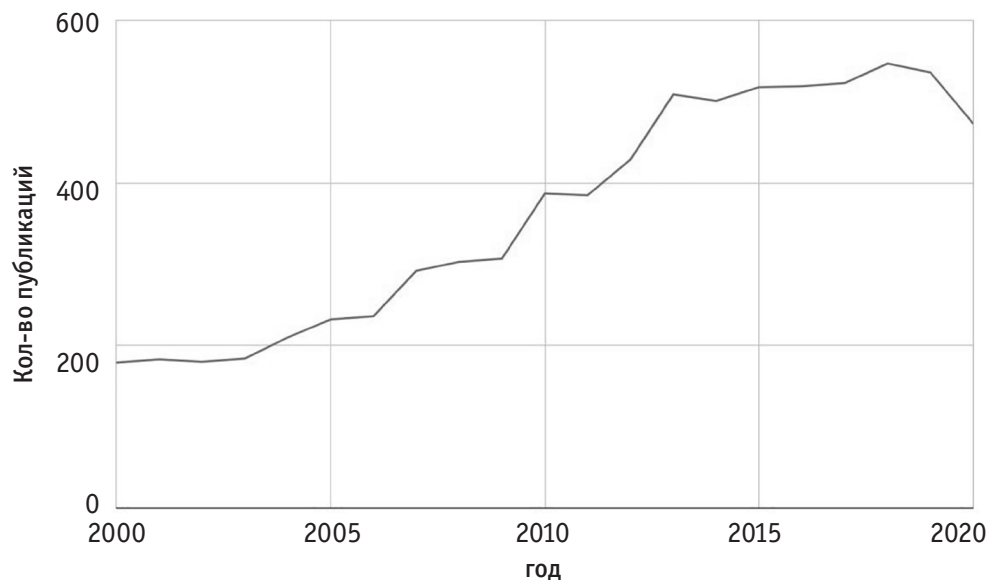

Рис. 1. Количество статей в академических журналах базы CNKI с упоминанием слова «北极» (Арктика)

Источник: составлено по: [China].

В начале 2010-х годов выжидательный подход (wait-and-see approach) Китая в Арктике сменился на более проактивный [Jakobson 2010]. Если ранее Пекин делал основной упор на развитие двусторонних отношений с арктическими странами, то речь Ху Чжэньюэ – помощника министра иностранных дел КНР – в ходе одного из мероприятий на Шпицбергене в 2009 г. впервые содержала позицию государства именно по вопросам управления Арктикой [Мое, Stokke 2019, p. 27]. Легитимизация вовлеченности Китая в решение арктических проблем и участия в управлении (governance) регионом приобрела важное значение в политике страны в период председательства Си Цзиньпина. Эта политика является частью более широкой стратегии использования дискурсивной власти и глобального продвижения китайских нарративов в целях трансформации существующей международной системы [Anny 2015]. В тексте впервые опубликованной в 2018 г. арктической стратегии Пекина появился термин «околоарктическое» государство («near-Arctic state»).

Однако растущая многосторонняя вовлеченность Китая в процессы регионального сотрудничества начала вызывать опасения у Соединенных Штатов Америки и их союзников. Был предпринят целый ряд ограничительных мер против Китая в Арктике. В частности, в 2016 г. со стороны Дании была отклонена попытка приобретения Китаем заброшенной военно-морской базы. После прихода к власти Д. Трампа и краткого нарастания напряженности в от-

ношениях Вашингтона и Пекина, начали сокращаться и китайские инвестиции в Скандинавские страны [Mattlin, Rajavuori 2023]. Все данные обстоятельства оказывали влияние и на выстраивание внутривластной логики китайской арктической политики, включая региональное взаимодействие с Москвой.

Сотрудничество России и Китая в Арктике: истоки и причины

Стороннему наблюдателю сегодня может показаться, что российско-китайское арктическое сотрудничество, учитывая его современные масштабы и интенсивность, располагает весьма длительной историей становления и развития. Однако до 2014 г. взаимодействие Москвы и Пекина в регионе было скорее эпизодическим. Более того, некоторые исследователи отмечали, что отношение России к принятию Китая в состав Арктического совета в 2013 г. было неоднозначным [Willis, Depledge 2014], а таяние арктических льдов может создать напряженность в отношениях между Китаем и Россией [Jakobson 2010].

Однако ситуация кардинально изменилась с началом в 2014 г. российско-украинского конфликта и введением антироссийских санкций западными странами, которые существенно снизили инвестиционную активность в российских энергетических проектах, а также ограничили России доступ к передовым технологиям. В этих условиях Китай представлял единственную реальную альтернативу с точки зрения возможностей замещения Запада в экономической и технологической областях.

Вместе с тем ухудшение отношений России и западных стран, хотя и оказало заметное влияние, не являлось определяющим фактором стремительного развития российско-китайских арктических отношений. Целый ряд интересов, лежащих в конкретной плоскости, составили фундамент для активизации данного взаимодействия и объясняют прогресс в нем. Сами китайские ученые прекрасно резюмируют эти интересы со стороны своего государства: «Не имея реальных геополитических оснований для получения прямого доступа к богатствам Арктики, Китай заинтересован в развитии отношений именно с Россией, обладательницей Северного морского пути и большей части арктических ресурсов» [Сочжу 2021].

Действительно, по мере сокращения площади ледового покрова в акватории СЛО, все более привлекательными становятся логистические возможности использования морских путей, самым перспективным из которых является Северный морской путь. Так, еще во время форума АТЭС в 2012 г. во Владивостоке обсуждались перспективы использования СМП для диверсификации глобальных логистических маршрутов [Пресс-конференция 2012]. В 2013 г. из России в Китай по северному маршруту был впервые доставлен коммерческий груз. Выступая в рамках пекинского международного форума «Один пояс – один путь» в 2017 г., президент Путин отметил стремление российской стороны к становлению Северного морского пути в качестве глобальной транспортной артерии

[Выступление 2017]. Чуть позднее в том же году в аналогичном ключе по итогам двусторонних переговоров со своим российским коллегой высказался министр иностранных дел КНР Ван И [Михайличенко 2019, с. 334].

Тесно взаимосвязанным с развитием СМП является и ресурсный вопрос. Китай, как растущий глобальный лидер, нуждается в ресурсах, и Арктика представляется как одно из мест с перспективно очень значимыми запасами. Рассматривая Москву как ключевой фактор в этом направлении, китайское государство и различные подконтрольные ему корпорации за последние два десятилетия вложили более 90 млрд долл. в преимущественно добывающие и инфраструктурные российские проекты [Куо 2023].

Широко известен целый ряд примеров успешных совместных российско-китайских проектов в области добычи арктических ресурсов. В 2013 г., еще до введения широкомасштабных западных санкций, было подписано соглашение между CNPC и Новатэком по проекту Ямал-СПГ. Этот проект стал флагманом освоения арктических энергоресурсов российской Арктики. Чуть позже, в 2016 г., Фонд Шёлкового пути приобрел 9,9% акций проекта. В 2015 г. ряд ведущих российских энергетических компаний привлекли китайскую нефтесервисную «China Oilfield Services Limited» (COSL) к бурению разведочных скважин в Охотском море. Принадлежащую COSL буровую платформу «Nanhai VII» в своей работе активно использует ООО «Газпром геологоразведка». В 2019 г. в рамках Петербургского экономического форума было подписано соглашение, закрепляющее намерения сторон по обеспечению круглогодичной транспортировки арктических энергоресурсов в страны АТР, в частности – транспортировки СПГ с предприятий «НОВАТЭК» по сжижению природного газа в Арктике.

Важное место в российско-китайских арктических взаимоотношениях играло и научное сотрудничество, которое в регионе традиционно направлено как на практические исследования в области экономики, так и на изучение климатических изменений. В 2019 г. представители двух крупнейших океанологических институтов России и Китая – Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН и Национальной Лаборатории по морской науке и технике Циндао – заключили договор об учреждении совместного Китайско-Российского Арктического Научно-Исследовательского Центра [Devyatkin 2019]. А 2020 и 2021 гг. стали годами сотрудничества между двумя странами в области науки, технологий и инноваций.

Вместе с тем арктическое сотрудничество России и Китая являлось лишь одной из сторон общего укрепления отношений на фоне происходящих в последнее десятилетие трансформаций в мировой политике. Постепенно становились регулярными официальные встречи лидеров двух стран – по подсчетам экспертов CSIS, Си Цзиньпин встречался с Путиным в два с лишним раза чаще, чем с любым другим мировым лидером [Analyzing 2023]. В 2017 г. в тексте Совместного заявления о дальнейшем углублении отношений всеобъ-

емлющего партнёрства и стратегического взаимодействия впервые упоминалось арктическое сотрудничество [Совместное 2017]. В совместном заявлении 2019 г. упоминанию арктического сотрудничества был посвящен отдельный пункт №12 в разделе «Практическое сотрудничество» [Совместное 2019].

В своих национальных стратегических документах Пекин также отмечал приоритет сотрудничества с Москвой. Так, в Белой Книге 2019 г. «Китай и мир в новую эпоху» о российско-китайских отношениях сказано, что они будут служить как опорой, так и движущей силой в сложной и нестабильной международной обстановке, а тесное партнерство между Китаем и Россией «способствует миру, безопасности и стабильности» [Full 2019]. В статье, опубликованной перед визитом в Россию в 2023 г., председатель КНР назвал среди причин укрепления отношения между Пекином и Москвой четкую историческую логику и мощную внутреннюю движущую силу [Full 2023].

С учетом всего вышеизложенного, основные характеристики взаимодействия Москвы и Пекина в регионе могут быть обобщены в виде SWOT-анализа (см. табл. 1).

Таблица 1

SWOT-анализ российско-китайского сотрудничества в Арктике

Сильные стороны	Возможности
Китай как технологическая альтернатива западным странам в освоении ресурсов арктического шельфа РФ.	Повышение разнообразия арктического управления через предоставление большего допуска внерегиональных игроков.
Значительные финансовые и инвестиционные возможности Пекина.	Реализация крупных инфраструктурных и энергетических проектов в российской части Арктики.
Схожие внешнеполитические позиции (многополярность, ослабление гегемонии США, противодействие расширению НАТО).	Развитие и использование конкурентных преимуществ арктических морских маршрутов, в частности – Северного морского пути.
Слабые стороны	Угрозы
Экономические диспропорции и сопутствующий риск формирования технологической и иных видов зависимости России от Китая.	Активное сопротивление развитию отношений со стороны западных стран, в первую очередь – США.
Относительно небольшой опыт арктического взаимодействия двух стран.	Риски вторичных санкций за сотрудничество с Россией.
Крайне осторожная позиция Москвы по углублению военно-технического взаимодействия с Пекином.	Возможное выдвигание со стороны Китая требований по обеспечению свободы судоходства в проливах СМП.
Учет КНР антироссийских санкций при планировании и осуществлении своей внешней, в том числе арктической политики.	
Нежелание Пекина серьезно усугублять отношения с другими арктическими странами, в первую очередь – Скандинавскими.	

Источник: составлено авторами.

Как мы видим, в российско-китайских арктических взаимоотношениях присутствуют как возможности взаимовыгодного сотрудничества для обеих сторон, так и потенциальные угрозы. Помимо традиционных опасений роста зависимости российской стороны от Китая, вызванных объективным превосходством экономических показателей развития КНР, появляются и новые вызовы, связанные, прежде всего, с меняющейся геополитической ситуацией в Арктическом регионе.

Российско-китайское взаимодействие в Арктике перед лицом новых вызовов

Вслед за произошедшим в феврале 2022 г. обострением российско-украинского конфликта последовала изоляция России на основных площадках по международному сотрудничеству в регионе. Уже в марте семь постоянных членов АС заявили о приостановке своего участия в работе Совета в период председательства России. Помимо этого, важнейшим событием геополитического характера стало вступление сперва Финляндии, а затем и Швеции, в Североатлантический альянс (НАТО). Фактически это привело к тому, что на сегодняшний день все семь оставшихся арктических государств входят в состав единого военно-политического блока. Подобного не было даже во времена холодной войны.

Значительно усилилось и санкционное давление западных стран на Россию. В части Арктики ограничительные меры направлены на дальнейшее сокращение финансовых и технологических возможностей освоения ресурсов континентального шельфа Арктики. Официальные лица в Вашингтоне открыто заявляют о намерениях, в частности, добиться провала проекта «Арктик СПГ-2» [Hirstenstein, Kantchev 2024].

Все вышеперечисленные обстоятельства стали вызовом для арктической политики Китая, в которой региональное сотрудничество с Москвой играет наиважнейшую роль. В первую очередь, кризис в отношениях между арктическими странами ставит перед Пекином непростую задачу по балансированию взаимодействия с каждой из противоборствующих сторон. В актуальных публикациях исследователи утверждают, что чем активнее и глубже будут развиваться российско-китайские арктические отношения, тем больше будет вероятность ухудшения отношений Пекина с другими арктическими странами [Chen 2023].

Хотя Китай категорически выступает против любых односторонних санкций, в том числе введенных США, китайские компании осознают возможные санкционные риски для своего бизнеса, ориентированного на глобальные, в том числе западные, рынки. Еще задолго до 2022 г. возникали прецеденты с соблюдением Пекином антироссийских санкций. После введения санкций против уже упоминавшегося «Арктик СПГ-2», китайские CNPC, CNOOC объявили о форсмажоре в связи с невозможностью совершать перевозки энерго-ресурсов [Lee, Hauley 2023]. Это лишний раз подчеркивает, что конфронтация

России с западными странами становится ограничителем не только для сугубо внутриарктического сотрудничества, но и для взаимодействия Москвы с неарктическими странами в регионе.

Вместе с тем по мере нарастающей деградации американо-китайских отношений, усиления экономического и технологического соперничества между двумя странами – возможен пересмотр Пекином степени вовлеченности в партнерство с Москвой в большую сторону. Расширение НАТО уже является вопросом, по которому стороны занимают общую позицию – активизация действий Альянса на арктическом направлении за последнее десятилетия отчасти была связана именно с опасениями возросшего внимания Пекина к региону [Lanteigne 2019].

Однако даже без рассмотрения возможных перспектив укрепления российско-китайского сотрудничества в Арктике можно отметить позитивные тенденции в региональном взаимодействии двух стран. Так, например, в 2023 г. китайская NewNew Shipping Line запустила первую регулярную линию контейнерных перевозок через СМП. Транспортно-логистический потенциал Арктики представляет все больший интерес на фоне противостояния США и их союзников с йеменскими хуситами в Красном море. Что касается уже упомянутого «Арктик СПГ-2», то официальная информация о запуске первой очереди проекта позволяет предполагать наличие схем зарубежного финансирования в обход санкций.

Особое опасение арктических стран вызывает укрепление военно-политического сотрудничества Пекина с Москвой, которая, по мнению западных исследователей, в обстоятельствах перераспределения ресурсов в пользу разрешения украинского конфликта может предоставить своему восточному соседу возможности для расширения военного присутствия в регионе [Shifting]. Действительно, в апреле 2023 г. на учениях в Баренцевом море впервые присутствовала делегация китайских наблюдателей. Однако стороны до сих пор не проводили совместных военных учений в Арктике, и перспектива подобных миссий или самостоятельного захода китайских военных кораблей в акваторию СЛО, судоходство по трассам которого считается потенциально спорным вопросом в отношениях двух стран [Загорский 2016], пока представляется маловероятным. Возможность создания именно военного альянса Россия и Китая тем более представляется труднореализуемой в обозримой перспективе [Devyatkin 2023].

Стоит отметить, что, в сущности, у Москвы никогда не было мотивов для расширения именно военного взаимодействия с Пекином в регионе – Россия обладает единственным атомным ледокольным флотом и может обеспечивать круглогодичное присутствие во всей океанической акватории. В связи с этим представляется, что предпринимаемые меры по ограниченному вовлечению китайских партнеров в региональное военно-политическое взаимодействие носят символический характер демонстрации коллективному Западу продолжающегося укрепления союза с Пекином.

Говоря о современных отношениях России и Китая в Арктике, невозможно обойти вниманием тему управления регионом. Будучи изолированной на многих условно традиционных площадках по международному арктическому сотрудничеству, Москва начала активно привлекать неарктические дружественные страны, в основном через форум БРИКС, к мероприятиям в рамках Арктического совета и вне его. Конечно, это отнюдь не означает готовность российской стороны к созданию альтернативной управленческой структуры, хотя такие предложения в отечественной экспертной среде и озвучивались [Эксперты 2024]. Впрочем, каких-либо значительных шагов в этом направлении сделано не было. Приостановление выплат членского взноса в АС объяснимо, это связано с изоляцией России в работе форума. МИД РФ требует нормализации работ в рамках АС, а не представляет этот шаг как предзнаменование к выходу из АС.

Для Пекина сложившаяся в Арктике система регионального управления, в частности – нормативно-правовой режим СЛЮ, представляется скорее выгодной, поскольку позволяет на совершенно законных основаниях, пусть и ограниченно, расширять присутствие в регионе. Например, в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. неарктическим государствам предоставляется определенная свобода действий за пределами 200-мильной ИЭЗ, включая разведку и добычу природных ресурсов. Через этот документ КНР интерпретирует Арктику как достояние человечества и именно на этом глобальном аспекте (включая управление океаном и ресурсами морского дна) расставляются акценты современной арктической политики Китая.

Библиография

Выступление Владимира Путина на Международном форуме «Один пояс, один путь» // Сообщество Большая Евразия. 2017. 15 мая. URL: <https://gea.site/2017/05/93/> (дата обращения: 15.04.2024).

Загорский А. Россия и Китай в Арктике: разногласия реальные или мнимые? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 2. С. 63–71.

Конышев В.Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 94–111.

Мазур Л.Н. Методы исторического исследования // Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. 608 с.

Михайличенко К.М. Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «один пояс и один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. №2. С. 333–345.

Пресс-конференция по итогам форума АТЭС // Kremlin.ru. 2012. 9 сентября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/16432> (дата обращения: 20.04.2024).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия // Президент России. 2017. 4 июля. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5218> (дата обращения: 25.04.2024).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. 2019. 5 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 25.04.2024).

Сочжу Х. Сотрудничество между Китаем и Россией в освоении энергетики Арктики // Инновации и инвестиции. 2021. №1. С. 61–65.

Цзэнцзюнь К., Кайфэй О. Новая политика Китая по Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 7, С. 84–91.

Эксперты ПОРА: Арктическому совету нужна альтернатива // ИА Регнум. 2023. 28 апреля. URL: <https://regnum.ru/news/3801545> (дата обращения: 05.05.2024).

Anny B. The Power of Language: Globalizing the Chinese Dream // Fudan Journal of the Humanities & Social Sciences. 2015. Vol. 8. № 4. P. 533–551.

Analyzing the Latest Xi-Putin Meeting and China's Belt and Road Forum // Center for Strategic & International Studies. 2023. 23 Oct. URL: <https://www.csis.org/analysis/analyzing-latest-xi-putin-meeting-and-chinas-belt-and-road-forum> (дата обращения: 25.04.2024).

Chen C. China-Russia Arctic Cooperation in the Context of a Divided Arctic // The Arctic Institute. 2023. 4 Apr. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/china-russia-arctic-cooperation-context-divided-arctic/> (дата обращения: 20.04.2024).

China National Knowledge Infrastructure. URL: <https://www.cnki.net/kns/defaultresult/index> (дата обращения: 15.04.2024).

Dethloff K., et al. A dynamical link between the Arctic and the global climate system // Geophys. Res. Lett. 2006. № 33. P. 2–4.

Devyatkin P. China and the Arctic: Reflections in 2023 // The Arctic Institute. 2023. 9 Nov. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/china-arctic-reflections-2023/> (дата обращения: 05.05.2024).

Devyatkin P. Russian and Chinese Scientists to Establish Arctic Research Center // High North News. 2019. 15 Apr. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/russian-and-chinese-scientists-establish-arctic-research-center> (дата обращения: 15.04.2024).

Di L. Some records about the Arctic in early Chinese books // Earth Sciences History. 1991. Vol. 10. № 2. P. 219–222.

Eiterjord T. What the 14th Five-Year Plan says about China's Arctic Interests // The Arctic Institute. 2023. 23 Nov. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/14th-five-year-plan-chinas-arctic-interests/> (дата обращения: 15.04.2024).

Full text of Xi's signed article on Russian media // China Daily. 2023. 20 March. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202303/20/WS64178f9ba31057c47ebb54e8.html> (дата обращения: 15.04.2024).

Full Text: China and the World in the New Era // English.gov. 2019. 27 Sep. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201909/27/content_WS5d8d80f9c6d0bcf8c4c142ef.html (дата обращения: 25.04.2024).

Jakobson L. China prepares for an ice-free Arctic // SIPRI Insights on Peace and Security. 2010 March. No. 2010/2. 16 p. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/insight/SIPRIInsight1002.pdf> (дата обращения: 25.04.2024).

Hirtenstein A., Kantchev G. The U.S. Is Trying to Cripple Russia's Vast Arctic LNG Project // The Wall Street Journal. 2024. 14 Apr. URL: <https://www.wsj.com/finance/the-u-s-is-trying-to-cripple-russias-vast-arctic-lng-project-a5dd38ed> (дата обращения: 15.04.2024).

Kuo M. Assessing China's and Russia's Arctic Ambitions // The Diplomat. 2023. 20 Dec. URL: <https://thediplomat.com/2023/12/assessing-chinas-and-russias-arctic-ambitions/> (дата обращения: 05.05.2024).

Lanteigne M. China's Maritime Security and the «Malacca Dilemma». // Asian Security. 2008. Vol. 4. №2. P. 143–161.

Lanteigne M. The changing shape of Arctic security // Official Website of NATO. 2019. 28 June. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2019/06/28/the-changing-shape-of-arctic-security/index.html> (дата обращения: 05.05.2024).

Lee L., Hayley A. China criticizes U.S. sanctions on Russia's Arctic LNG-2 project // Reuters. 2023. 26 Dec. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/china-criticizes-us-sanctions-russias-arctic-lng-2-project-2023-12-26/> (дата обращения: 25.04.2024).

Mattlin M., Rajavuori M. Changing Causal Narratives and Risk Perceptions on Foreign Investment: the Riskification of Chinese Investments in the Nordic Region // East Asia. 2023. № 40. P. 243–263.

Moe A., Stokke O.-S. Asian Countries and Arctic Shipping: Policies, Interests and Footprints on Governance // Arctic Review on Law and Politics. 2019. Vol. 10. P. 24–52.

Shifting Ice: Russia's Increasing Reliance on the Private Sector and the PRC in the Arctic // Strider. URL: <https://www.striderintel.com/resources/shifting-ice-russias-increasing-reliance-on-the-private-sector-and-the-prc-in-the-arctic/> (дата обращения: 05.05.2024).

Taliaferro J. Defending Frenemies: Alliances, Politics, and Nuclear Nonproliferation in US Foreign Policy // New York: Oxford University press. 2019. 312 p.

Willis M., Depledge D. How We Learned to Stop Worrying about China's Arctic Ambitions: Understanding China's Admission to the Arctic Council // The Arctic Institute. 2014. 22 Sep. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/china-arctic-ambitions-arctic-council/> (дата обращения: 05.05.2024).

References

Anny B. The Power of Language: Globalizing the Chinese Dream. Fudan Journal of the Humanities & Social Sciences. 2015. Vol. 8. N 4. P. 533–551.

Analyzing the Latest Xi-Putin Meeting and China's Belt and Road Forum. Center for Strategic & International Studies. 2023. 23 Oct. URL: <https://www.csis.org/analysis/analyzing-latest-xi-putin-meeting-and-chinas-belt-and-road-forum> (date of access: 25.04.2024).

Chen C. China-Russia Arctic Cooperation in the Context of a Divided Arctic. The Arctic Institute. 2023. 4 Apr. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/china-russia-arctic-cooperation-context-divided-arctic/> (date of access: 20.04.2024).

China National Knowledge Infrastructure. URL: <https://www.cnki.net/kns/defaultresult/index> (date of access: 15.04.2024).

Czjenczjun' K., Kajfjej O. Novaja politika Kitaja po Arktike [China's New Arctic Policy]. Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [World economy and international relations]. 2019. N 7. P. 84–91.

Dethloff K., et al. A dynamical link between the Arctic and the global climate system. Geophys. Res. Lett. 2006. N 33. P. 2–4.

Devyatkin P. China and the Arctic: Reflections in 2023. The Arctic Institute. 2023. 9 Nov. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/china-arctic-reflections-2023/> (date of access: 05.05.2024).

Di L. Some records about the Arctic in early Chinese books. Earth Sciences History. 1991. Vol. 10. N 2. P. 219–222.

Eiterjord T. What the 14th Five-Year Plan says about China's Arctic Interests. The Arctic Institute. 2023. 23 Nov. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/14th-five-year-plan-chinas-arctic-interests/> (date of access: 15.04.2024).

Full text of Xi's signed article on Russian media. China Daily. 2023. 20 March. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202303/20/WS64178f9ba31057c47ebb54e8.html> (date of access: 15.04.2024).

Full Text: China and the World in the New Era. English.gov. 2019. 27 Sep. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201909/27/content_WS5d8d80f9c6d0bcf8c4c142ef.html (date of access: 25.04.2024).

Jakobson L. China prepares for an ice-free Arctic. SIPRI Insights on Peace and Security. 2010 March. No. 2010/2. 16 p. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/insight/SIPRIInsight1002.pdf> (date of access: 25.04.2024).

Jeksperty PORA: Arkticheskomu sovetu nuzhna al'ternativa [PORA experts: Arctic Council needs an alternative]. IA Regnum. 2023. 28 Apr. URL: <https://regnum.ru/news/3801545> (date of access: 05.05.2024). (In Russ.)

Hirtenstein A., Kantchev G. The U.S. Is Trying to Cripple Russia's Vast Arctic LNG Project. The Wall Street Journal. 2024. 14 Apr. URL: <https://www.wsj.com/finance/the-u-s-is-trying-to-cripple-russias-vast-arctic-lng-project-a5dd38ed> (date of access: 15.04.2024).

Konyshev V.N. Neoklassicheskij realizm v teorii mezhdunarodnyh otnoshenij [Neoclassical realism in the theory of international relations]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2020. N 4. P. 94–111. (In Russ.)

Kuo M. Assessing China's and Russia's Arctic Ambitions. The Diplomat. 2023. 20 Dec. URL: <https://thediplomat.com/2023/12/assessing-chinas-and-russias-arctic-ambitions/> (date of access: 05.05.2024).

Lanteigne M. China's Maritime Security and the "Malacca Dilemma". Asian Security. 2008. Vol. 4. N 2. P. 143–161.

Lanteigne M. The changing shape of Arctic security. Official Website of NATO. 2019. 28 June. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2019/06/28/the-changing-shape-of-arctic-security/index.html> (date of access: 05.05.2024).

Lee L., Hayley A. China criticizes U.S. sanctions on Russia's Arctic LNG-2 project. Reuters. 2023. 26 Dec. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/china-criticizes-us-sanctions-russias-arctic-lng-2-project-2023-12-26/> (дата обращения: 25.04.2024).

Mattlin M., Rajavuori M. Changing Causal Narratives and Risk Perceptions on Foreign Investment: the Riskification of Chinese Investments in the Nordic Region // East Asia. 2023. N 40. P. 243–263.

Mazur L.N. Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of historical research]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2010. 608 p. (In Russ.)

Mihajlichenko K.M. Proekt «Ledovyj Shelkovyj put'» v ramkah iniciativy «odin pojas i odin put'» kak realizacija interesov Rossii i Kitaja v Arkticheskom regione [The project «Ice Silk Road» within the framework of the initiative «One Belt and One Road» as a realization of Russia's and China's interests in the Arctic region]. Vestnik RUDN. Serija: Politologija. 2019. N 2. P. 333–345. (In Russ.)

Moe A., Stokke O.-S. Asian Countries and Arctic Shipping: Policies, Interests and Footprints on Governance. Arctic Review on Law and Politics. 2019. Vol. 10. P. 24–52.

Press-konferencija po itogam foruma ATJeS [APEC forum press conference]. Kremlin.ru. 2012. 9 Sep. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/16432> (date of access: 20.04.2024). (In Russ.)

Shifting Ice: Russia's Increasing Reliance on the Private Sector and the PRC in the Arctic. Strider. URL: <https://www.striderintel.com/resources/shifting-ice-russias-increasing-reliance-on-the-private-sector-and-the-prc-in-the-arctic/> (date of access: 05.05.2024).

Sochzhu H. Sotrudnichestvo mezhdru Kitaem i Rossiej v osvoenii jenergetiki Arktiki [Cooperation between China and Russia in Arctic Energy Development]. Innovacii i investicii [Innovation and investment]. 2021. N 1. P. 61–65.

Sovmestnoe zajavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o dal'nejshem ugлубlenii otnoshenij vseob#emljushhego partnjorstva i strategicheskogo vzaimodejstvija [Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on further deepening of relations of comprehensive partnership and strategic cooperation]. Prezident Rossii [President of Russia]. 2017. 4 July. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5218> (date of access: 25.04.2024). (In Russ.)

Sovmestnoe zajavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o razvitii otnoshenij vseob#emljushhego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstvija, vstupajushhih v novuju jepo-

hu [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Development of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation Entering a New Era]. Prezident Rossii [President of Russia]. 2019. 5 June. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (date of access: 25.04.2024). (In Russ.)

Taliaferro J. *Defending Frenemies: Alliances, Politics, and Nuclear Nonproliferation in US Foreign Policy*. New York: Oxford University press. 2019. 312 p.

Vystuplenie Vladimira Putina na Mezhdunarodnom forumе «Odin pojas, odin put'» [Vladimir Putin's speech at the One Belt, One Road International Forum]. Soobshhestvo Bol'shaja Evrazija [Greater Eurasia Community]. 2017. 15 May. URL: <https://gea.site/2017/05/93/> (date of access: 15.04.2024). (In Russ.)

Willis M., Depledge D. How We Learned to Stop Worrying about China's Arctic Ambitions: Understanding China's Admission to the Arctic Council // The Arctic Institute. 2014. 22 Sep. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/china-arctic-ambitions-arctic-council/> (date of access: 05.05.2024).

Zagorskij A. Rossiya i Kitaj v Arktike: raznoglasija real'nye ili mnimye? [Russia and China in the Arctic: Real or Imaginary Disagreements?]. Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [World economy and international relations]. 2016. N 2. P. 63–71. (In Russ.)

Трунов Ф.О.

ЭВОЛЮЦИЯ СИЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ НАТО

Аннотация. В условиях перехода к новому миропорядку резко возрастает мощь НАТО как организации, её активность в деле «сдерживания» держав не-Запада. В статье исследуется эволюция сил быстрого реагирования (СБР, NRF) блока от их учреждения (2002–2003) до старта перехода к новой модели войск Альянса (2022–2023). Методологически опорой работы стали положения теорий альянсов и строительства вооруженных сил.

СБР были учреждены в период пиковых усилий стран – участниц Альянса по обеспечению стратегического присутствия вне зоны ответственности блока, однако стали группировкой, используемой в основном внутри неё. Последовательно соблюдались основные принципы комплектования СБР: осуществление этого почти полностью европейскими государствами-членами, прежде всего «старыми», т.е. с минимальным участием США, и ротационный характер. NRF являлись важнейшей группировкой блока задолго до конфронтации с РФ (с 2014 г.), лишь упрочив своё положение в дальнейшем. Исследуется ход наращивания и организационная эволюция СБР НАТО, создаваемых с 2022–2023 гг. на их основе двух первых категорий новой модели войск Альянса. Особое внимание отводится изучению функционирования соединения сверхповышенной боевой готовности в целом (VJTF) и его наземной компоненты как ключевых составляющих СБР с 2015 г. Показывается роль учений Noble Jump и Trident Juncture в слаживании VJTF, особенности участия в процессе круга «рамочных государств» (Великобритании, Германии, Испании, Италии, Польши, Франции, Турции). Делается вывод об общем характере эволюции СБР, возрастании практических возможностей НАТО в связи с этим.

Ключевые слова. Североатлантический альянс; группировки; европейские государства-члены; военная мощь; многосторонность; новая модель войск НАТО; учения; США; ФРГ.

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН. Россия, Москва.

E-mail: 1trunov@mail.ru

WoS Researcher ID: AAC-7844-2020

Scopus Author ID: 57211605240

ORCID: 0000-0001-7092-4864

Trunov Ph. O.

The Evolution of NATO Response Force

Abstract. *In the context of the emerging global order, there is a noticeable escalation in NATO's potential and operational activities aimed at deterring non-Western powers. This article explores the historical progression of the NATO Response Force (NRF) from its establishment in 2002–2003 to the commencement of its transition to a new force model in 2022–2023. The study is methodologically grounded in theories pertaining to alliance formation and military organization.*

The NATO Response Force (NRF) was established during a period when NATO member states were focusing their efforts outside the alliance's traditional zone of responsibility. However, the NRF evolved into a military tool utilized primarily within the Alliance's zone of responsibility. Two core principles guided the formation of the NRF: the emphasis on the leading role of European member states, especially the original members, over the United States, and the rotational deployment of its forces. The NRF maintained its status as the most critical of NATO's troop groups well before the emergence of tensions between the West and Russia in 2014.

Subsequently, the role of the NATO Response Force (NRF) has been further reinforced. This article examines the dynamics of its growth and organizational evolution, focusing on the two initial categories of the new NATO force model developed since 2022–2023 based on the NRF. The author pays special attention to the functioning of the NRF's key elements since 2015, notably the Very High Readiness Joint Task Force (VJTF) and its land component. The practical significance of the maneuvers Noble Jump and Trident Juncture in adjusting the VJTF is also highlighted. Additionally, the paper discusses the roles of the framework nations (France, Germany, Italy, Poland, Spain, Turkey, and the UK) in this process. In conclusion, the author reflects on the overall character of the NRF's evolution and the practical implications of NATO's growing military potential.

Keywords: *North Atlantic Alliance; troop groups; European member states; military power; multilateralism; new NATO force model; maneuvers; the USA; Germany.*

**Trunov Filipp Olegovich – PhD in Political Science, Leading Research Fellow,
Department of Europe and America, INION RAS. Russia, Moscow.**

E-mail: 1trunov@mail.ru

WoS Researcher ID: AAC-7844-2020

Scopus Author ID: 57211605240

ORCID: 0000-0001-7092-4864

Наиболее заметными составляющими складывания нового миропорядка являются: оформление не-Запада как общности акторов и переструктурирование самого «коллективного» Запада. Под вторым процессом понимается корректируемое распределение ответственности между «либеральными демократиями», перегруппировка их ресурсов, особенно в рамках многосторонних механизмов. Прежде всего, данные изменения относятся к возможно-

сти использования военных ресурсов, так как неотъемлемая характеристика каждой смены миропорядка – возрастание фактора силы в международных отношениях.

В случае «коллективного» Запада основным носителем военной мощи оставался Североатлантический альянс, всё активно нацеливаемый на «сдерживание» РФ и в целом влиятельных не-западных держав [Братерский 2020]. В целом совокупность подразделений, частей, соединений и объединений, уже находившихся в распоряжении НАТО или должных быть переданными под его командование в кризисной ситуации, обозначались термином «объединенные вооруженные силы» (ОВС). «Ядро» ОВС составляли постоянные (по характеру функционирования) группировки. Наиболее мощной среди них являлись силы быстрого реагирования НАТО (*NATO Response Force, NRF*), представляя аналог «ядра» главной части войск в подчинении Альянса в целом. Поэтому изменения численности *NRF*, их внутренней организации служили, особенно в совокупности, важными индикаторами эволюции военно-стратегического курса и мышления «западных демократий» в целом.

Задача статьи – проследить эволюцию сил быстрого реагирования НАТО с фокусированием на десятилетия 2014–2023 гг. Методологически исследование проведено с опорой на положения теории строительства вооруженных сил и теории альянсов [Истомин 2021]

В отечественной и зарубежной политологии создан большой корпус исследований по развитию НАТО как организации [Надточей, Христенко 2019], вклада в этот процесс конкретных стран-участниц (прежде всего, крупнейших) [Varwick 2007] и их групп [Никитин 2020]. Однако малочисленными и разрозненными, пока ещё не дающими целостной картины, являлись исследования, посвященные непосредственно функционированию группировок Альянса [Biscop 2022]. Притом большее внимание уделялось силам передового развертывания (СПР) [Зайцев, Зайцева 2019] как расположенным в одноимённой, прилежащей к РФ, части зоны ответственности НАТО.

История создания и развития NRF в 2003–2013 гг.

С инициативой учреждения СБР выступила администрация Дж. Буша-младшего [Varwick 2007] в ноябре 2002 г. [NATO Response 2023]. Дата показательна как веха в выходе «западных демократий», непосредственно НАТО как организации в их военно-стратегической активности за пределы зоны ответственности блока. Уже стартовала деятельность I западной антитеррористической коалиции, созданной США после актов мегатеррора 11 сентября 2001 г. Важен был имиджевый аспект: провозглашение осенью 2001 г. канцлером ФРГ Г. Шрёдером, выражавшим настроения широких кругов истеблишмента европейских государств – членов блока, формулы «неограниченной трансатланти-

ческой солидарности» [The Bundeswehr 2009]. Это создало у Белого дома иллюзорное представление, что любая его военная инициатива наступательного (де-юре контрнаступательного) характера, даже лишь формально обращенная против международного терроризма, встретит поддержку со стороны массы партнеров по НАТО. СБР изначально задумывались как институционально оформленный инструмент её оказания в отдалении от зоны ответственности Альянса, т. е. на глобальном уровне [Varwick 2007].

Однако такая функциональная направленность *NRF* не была поддержана частью «старых» (вступивших в блок до 1990 г.) европейских государств-членов во главе с Германией и Францией. Их позиция по данному вопросу тесно переплеталась с отношением к подготавливаемой США военной кампании против Ирака, бездоказательно обвиненного в разработке ОМП и в связях с международным терроризмом. Официальные Берлин и Париж впервые в истории Альянса обозначили готовность заблокировать использование механизма НАТО в случае обращения к нему для проведения боевых действий в Ираке. В результате США в кооперации с Великобританией и существенной частью поддержавших их «западных демократий» прибегли к созданию «коалиции желающих» для вторжения в Ирак. На таком фоне Белый дом согласился с новым функционалом *NRF* как инструмента, предназначенного к использованию внутри или вблизи зоны ответственности НАТО. Это изменение обеспечило поддержку инициативы со стороны европейских стран-участниц в июне 2003 г. на встрече глав военных ведомств [NATO Response 2023].

Следует подчеркнуть два основополагающих принципа комплектования СБР: принятие практически всей нагрузки европейскими государствами-членами (а не США) [Biscop 2022] и на ротационной основе. Последнее положение, будучи корректируемо в 2008 и 2010 гг., означало предоставление конкретным государством-членом контингента войск в состав *NRF* на срок 6–12 месяцев [NATO Response 2023]. После страна-участница на несколько лет де-факто или освобождалась от нагрузки (в пользу других, задействуемых хронологически до или после неё партнеров), или она была почти символической. Де-юре каждая страна-участница сама определяла размер вклада по линии национальных ВС [там же].

Изначально численность *NRF* планировалась в 21 тыс. военнослужащих (эквивалент усиленной дивизии), однако в итоге была определена в 15 тыс. солдат и офицеров. Факт достижения СБР боеготовности был декларирован на Рижском саммите НАТО в октябре 2006 г. [NATO Response 2023].

Почему европейские государства-члены, особенно «старые», поддержали такие принципы комплектования? С одной стороны, это было важным шагом навстречу США и тем самым стремлению упрочить трансатлантические отношения, неоднократно ослаблявшиеся. Создание *NRF* было утверждено уже в июне 2003 г., всего через месяц после окончания военной кампании

«коалиции желающих» США в Ираке (20 марта – 1 мая 2003 г.), что являлось со стороны не поддерживавших её стран – участниц НАТО мерой преодоления кризиса диалога с Белым домом. Традиционно считалось, что в 2000-е – начале 2020-х годов треком «всесезонного» сотрудничества «западных держав» (т.е. как США и Великобритании, так и Германии и Франции), что облегчал преодоление спадов в отношениях, являлась реализация под эгидой НАТО масштабных мер по стабилизации обстановки в Афганистане. К этому направлению следует добавить и функционирование СБР, бывшее не столь заметным из-за своей «рутинности» и главное – осуществления не вовне, а внутри зоны ответственности.

С другой стороны, учреждение *NRF* означало повышение степени «европеизации» военно-ресурсного потенциала НАТО, т.е. внесения большего вклада в удельном отношении европейскими странами – участницами блока. Это соответствовало интересам как США, так и последних. После окончания «холодной войны» официальный Вашингтон последовательно стремился стимулировать партнеров принять часть своей прежней (рассматриваемой им как чрезмерная) военной нагрузки по линии НАТО, тем обеспечив дополнительный резерв сил и средств для своей военной активности не под эгидой Альянса (прежде всего, в национальном качестве) на глобальном уровне. При этом общеполитически Белый дом отнюдь не был готов ослабить свою направляющую роль в блоке. Европейские страны – участницы блока рассматривали увеличение своего вклада в комплектование группировок Альянса как важный критерий дееспособности. Стремление использовать это для реализации державных амбиций наиболее заметным было в случае Германии.

При этом большинство государств – членов НАТО, особенно из числа «старых», выступали за параллельное развитие военно-ресурсного потенциала Североатлантического альянса и создание такового у Европейского союза. Де-юре разделение их компетенций должна была определять формула «Берлин +» (принята в 2002 г.), в целом предполагавшая активность ЕС по тем направлениям, где НАТО не была готова или способна действовать [Никитин 2020]. Вне зоны ответственности Североатлантический альянс, помимо Балкан, в основном действовал на Среднем и в последующем на Ближнем Востоке, а Европейской союз – в Африке, особенно севернее Сахары и Сахаро-Сахельском регионе. Функционально под эгидой НАТО использовались как войсковые контингенты, в том числе создавались временные многонациональные формирования, так и группы военных специалистов (прежде всего, инструкторов, советников), под флагом ЕС – в основном лишь последние, за исключением деятельности на море.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов возникло ощущение того, что создание военно-ресурсного потенциала ЕС заметно ускорится, а его использование – интенсифицируется. Тогда был принят комплекс решений по Еврокорпусу, ста-

ли разворачиваться (с 2003 г.) первые миссии ЕС вне зоны его ответственности [Манойло 2020]. Именно на этом фоне США было инициировано учреждение СБР Альянса – с тем, чтобы он в принципе не отставал от ЕС в деле проведения внутренних институциональных преобразований.

Проект *NRF* позволял создать постоянную группировку НАТО впервые после расформирования уже в первой половине – середине 1990-х годов таковых, что составляли I стратегический эшелон НАТО в «холодную войну» (прежде всего, северная и центральная группы армий, СГА и ЦГА). Тем самым *NRF* должна была заполнить возникший структурный вакуум, но в количественном плане лишь частично: так, суммарная численность СГА и ЦГА составляла в 1980-е годы порядка 1 млн военнослужащих [Fleckenstein 1990]. Иными словами, формально она была примерно в 70 раз (!) больше, чем штатное количество солдат и офицеров в составе *NRF*. Однако на практике разница была иной. ВС стран – участниц НАТО, прежде всего «старых», находились с 1990-х годов в состоянии продолжительных и масштабных сокращений численности личного состава, парка вооружений и военной техники [Defence Expenditure 2023], упразднения существенной части имевшихся формирований и перевода многих оставшихся на более низкий уровень боеготовности. Указанный вакуум из-за демонтажа постоянных группировок относился к НАТО во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов лишь применительно к ситуации внутри, но не вовне зоны ответственности. Вне Евро-Атлантического сообщества – сначала на Балканах (Босния, 1995–2003 гг.; Косово с 1999 г., будущая Северная Македония, 2001–2003 гг.), а затем в Афганистане с 2001 г. – функционировали крупные (в десятки тысяч) многосторонние группировки под управлением НАТО [The Bundeswehr 2009]. В смысле геостратегической значимости (обеспечение глобального военного присутствия под эгидой Альянса) совокупность механизмов на Балканах или МССБ в Афганистане были соответственно в 1990-е и в 2000-е годы вполне сопоставима для государств – членов блока с каждой из расформированных групп армий (СГА, ЦГА) применительно к реалиям 1980-х годов.

Будучи осуществлено в период пиковых объемов усилий и географии использования НАТО в отдалении от Евро-Атлантического сообщества, учреждение *NRF* закладывало институционально оформленную основу для *перспективного* наращивания потенциала Альянса уже внутри зоны её ответственности. Если в 2000-е годы это представлялось задачей отдаленного будущего, то уже затем начало становиться реальностью. Так, к 2013 г. штатная численность СБР НАТО сократилась с 15 до 13 тыс. военнослужащих [Defence Ministers 2015]. Однако еще 21 февраля 2013 г., т. е. ровно за год до старта конфронтации с РФ, на встрече глав военных ведомств стран – участниц НАТО было принято решение считать *NRF* «ядром» ОВС Альянса в контексте повышения их боеспособности и эффективности [NATO Response 2023].

Общие особенности эволюции NRF в 2014–2023 гг.

В условиях возникновения и развития конфронтации с РФ первые масштабные решения, определявшие усиление военно-ресурсного потенциала НАТО в целом, касались именно СБР. Это подчёркивало их роль как ключевого элемента в системе группировок Альянса.

На Уэльском саммите блока (4–5 сентября 2014 г.) было согласовано увеличение штатной численности *NRF* до 30 тыс. военнослужащих, т. е. более чем вдвое. В составе СБР создавалось соединение сверхповышенной боевой готовности (*Very High Readiness Joint Task Force, VJTF*) – «остриё копья» СБР в целом [Wales Summit 2014]. *VJTF* должны были достигать полной боевой готовности в предельно короткие сроки – от двух до трех суток [Wales Summit 2014]. 5 февраля 2015 г. на встрече глав военных ведомств государств – членов Альянса были приняты уточняющие решения по *VJTF*. Они должны были состоять из наземной (штатная численность – 5,0 тыс. военнослужащих, т. е. эквивалент бригады), а также военно-морской, военно-воздушной и сил специального назначения (ССО) компонент [NATO Response 2023]. Было определено, что каждый календарный год одно из европейских государств-членов, располагавших наиболее крупными по численности национальными ВС (от 100 тыс. военнослужащих), принимало функции «рамочного государства» («рамочной нации») при комплектовании *VJTF* и особенно её наземной компоненты [Statement 2015]. Данный термин означал, что в рамках многосторонней группировки конкретное государств-член вносило наибольший вклад в плане предоставления войск и принимало общее руководство. Применительно к сухопутной составляющей *VJTF* речь шла о предоставлении сил наземной бригады конкретной страны-участницы как «ядра» многонационального соединения, остальные подразделения которого комплектовались другими (обычно от двух до десяти) государствами-членами. Изначально список «рамочных государств» для *VJTF* включал Великобританию, Германию, Испанию, Италию, Польшу, Францию [Statement 2015]. С запозданием присоединилась Турция, тем демонстрируя при Р.-Т. Эрдогане определенную «особость» в блоке. Такую же показывала и Греция: она вообще не вошла в данный список, хотя имела свыше 100 тыс. войск в ВС [Defence expenditures 2023].

Показательно абсолютное преобладание в указанном списке «рамочных государств» «старых» стран – участниц НАТО (все, кроме Польши). Формально это объяснялось тем, что «новые», за исключением Польши, в силу объемов ресурсной базы не располагали крупными ВС. Однако круг причин более широк. *NRF* изначально задумывались и неизменно оставались механизмом масштабного вовлечения в комплектование группировок НАТО именно западно-, южно- и североевропейских государств-членов, в меньшей степени – восточноевропейских. Последние, располагаясь во вновь возникшей в результате рас-

ширений НАТО в конце 1990-х – 2000-е гг. передовой части зоны ответственности, принимали функции реципиентов СПР Альянса, установления с ними теснейшего сотрудничества. Тем самым восточноевропейские государства были прежде всего ориентированы на развитие потенциала первого стратегического эшелона войск НАТО – по сути, усиливаемых авангардов главных сил. Комплектование последних, «ядро» которых и было представлено СБР, являлось уже предметом ответственности в основном «старых» государств-членов.

На заседании глав военных ведомств государств – членов НАТО 24 июня 2015 г. было принято решение об увеличении штатной численности *NRF* до 40 тыс. военнослужащих [Defence Ministers 2015], в том числе 20 тыс. – в составе соединения *VJTF* [NATO Response 2023]. С учетом семилетнего цикла ротации, определенного в феврале 2015 г., это означало от государств-комплектаторов (всех стран-участниц, кроме США) необходимость резервирования до 280 тыс. военнослужащих для использования в составе СБР либо в настоящий момент (текущий 12-месячный этап), либо в последующем. Притом в перерывах (достаточно продолжительных – формально до шести лет) между несением нагрузки в деле комплектования *NRF* конкретное государство-член считалось относительно свободным в использовании соответствующих контингентов. Они могли оставаться в местах постоянных дислокации (т. е. в условном резерве), действовать под эгидой других международных структур (ЕС, ООН или даже АС), в составе других группировок НАТО (например, сил передового развёртывания). Однако даже с учетом этой гибкости нагрузка по комплектованию стремительно возросших в 2014–2015 гг. СБР – более чем в 3 раза (с 13 до 40 тыс.) – отнюдь не представлялась лёгкой для европейских государств – членов НАТО. Важная причина – медленность наращивания национальных ВС, особенно у «старых» стран-участниц.

Здесь следует подчеркнуть, что в результате продолжительных (с 1990-х по начало 2010-х годов) масштабных сокращений, особенно в армии (т. е. наиболее многочисленного вида войск), численность «военных машин» резко сократилась по сравнению с концом 1980-х годов. Притом от этой пониженной планки прирост был небольшим и даже отрицательным. Так, в 2014–2023 гг. из крупнейших стран Западной Европы количество военнослужащих в составе ВС Великобритании сократилось на 7,5%, Франции – почти не изменилось, Германии – увеличилось также на 7,5%, что, однако, на начало 2020-х годов ещё не привело к созданию ни одной новой бригады в бундсвере. В случае ведущих игроков Южной Европы наблюдалась схожая тенденция: минус 3,4% у Испании, минус 5,2% у Италии, характерная также для малых и средних «старых» государств-членов. Так, у ВС Бельгии изменение составило рекордные минус 26,6%, Португалии минус 23,2%, наблюдался небольшой прирост у Дании (+ 3,6%), Нидерландов (+2,4%), лишь у Норвегии + 9,0%. У Турции увеличение составило + 8,1%, Греции + 4,1% [Defence expenditures 2023].

К чему вело сочетание двух этих тенденций – медленного (во многих случаях отрицательного) роста численности национальных ВС и очень быстрого у сил НАТО? К увеличению степени интегрированности первых во вторые, уменьшению возможностей «старых» стран-участниц по развитию потенциала иных (помимо НАТО) многосторонних структур – прежде всего, ЕС. Так, проект создания «европейской армии», т. е. многосторонних военных сил ЕС, продвигался в конце 2010-х – начале 2020-х годов крайне медленно [Манойло 2020]. Притом динамично развивалось его функциональное и технико-технологическая поддержка в виде проектных комитетов Постоянного структурированного сотрудничества (*PESCO*) [Никитин 2020], не требовавшая привлечения войсковых контингентов и могущая быть по ряду направлений использована и в интересах НАТО.

Трудности стали возникать и с дальнейшим увеличением штатной численности *NRF*. С конца 2010-х годов неоднократно появлялась неофициальная информация о планах её доведения до 60 тыс. военнослужащих, т. е. эквивалента усиленного армейского корпуса или «ядра» полевой армии. Однако данное решение так и не было принято на уровне НАТО вплоть до весны 2022 г.

Притом шло наращивание его постоянных группировок в целом. В 2016–2017 гг. было принято решение и создана наземная основа СПР в странах Балтии и Польше (четыре многонациональные батальонные тактические группы (БТГ) и бригада США) [NATO's military presence 2023].

В 2018 г. была согласована передача к 2020 г. в оперативное подчинение НАТО тактических резервов по формуле 30×4 (30 БТГ, 30 эскадрилий авиации, 30 боевых кораблей со сроком приведения в готовность в течение 30 суток) [Brussels Summit 2018]. Де-юре это не относилось напрямую к развитию СБР. Однако де-факто, учитывая географию расположения основной части учреждаемых резервов (в глубине зоны ответственности НАТО с преимущественным комплектованием «старыми» странами-участницами), функциональное предназначение, силы по формуле 30×4 были очень близки к *NRF*. По сути, происходило их наращивание без формального провозглашения перехода к штатной численности в 60 тыс. человек.

Фактор *COVID-19* не оказал долгосрочного серьезного влияния на совершенствование СБР и системы постоянных группировок НАТО в целом: наблюдалось лишь определенное снижение активности в подготовке войск в 2020 и отчасти в 2021 гг. Так, в это время планомерно шло наращивание разноплановой инфраструктуры и создания сети штабов, особенно дивизионного уровня, под будущее наращивание СПР НАТО уже во всей Восточной Европе [NATO's military presence 2023]. Это являлось признаком в целом постепенной и тем часто малозаметной подготовки дальнейшего мощного наращивания потенциала Альянса в целом. Логично, что данное положение относилось не только к СПР, но и прежде всего к СБР как «ядру».

Речь прежде всего шла о трудозатратном перенацеливании национальных ВС на всё более активное использование под эгидой блока внутри зоны ответственности. Как ни парадоксально на первый взгляд, этому способствовало резкое сокращение объёмов активности блока вне неё, особенно экстренная эвакуация многосторонних сил НАТО из Афганистана в апреле – июне 2021 г. [Новикова 2022].

На этом фоне вынужденная по своему характеру СВО РФ стала удобным предлогом для реализации давно и тщательно подготавливаемых решений по НАТО. Уже в первой половине февраля 2022 г. (т.е. ещё до начала СВО) произошло усиление большинства имевшихся формирований СПР Альянса. На техническом саммите Альянса 24 марта 2022 г., т.е. всего через месяц после старта СВО, было принято решение о развёртывании новой партии формирований СПР уже в южной части Восточной Европы (суммарно новые 4 БТГ и бригада США) [NATO's military presence 2023].

Учитывая чередование мер по наращиванию потенциала НАТО в глубине и передовой части зоны ответственности закономерно, что следующим шагом должно было стать мощное усиление СБР. Соответствующий комплекс мер был согласован на Мадридском саммите НАТО (28–30 июня 2022 г.). Он стал эпохальным: была принята не только новая стратегическая концепция Альянса (первая в условиях конфронтации с РФ, перехода Альянса к «сдерживанию» КНР и ИРИ) [NATO strategic 2022], но и новая же модель войск блока [New NATO Force 2022]. В её основе лежала модернизация схемы СБР.

В преддверии Мадридского саммита генеральный секретарь Альянса Й. Столтенберг заявил о планах по увеличению до 300 тыс. военнослужащих войск повышенной готовности [Press conference... 2023]. Если бы последний термин был аналогом СБР, то при существовавшей с 2015 г. схеме (семилетний цикл) это означало необходимость резервирования под использование в составе *NRF* 2,1 млн солдат и офицеров притом, что всего в ВС европейских стран-участниц (т.е. без США и Канады) насчитывалось на тот момент менее 1,9 млн человек [Defence Expenditure 2023], т.е. было бы утопией.

На практике речь шла прежде всего о качественных изменениях СБР. На их основе стали создаваться союзнические силы реагирования (*Allied Reaction Force*) общей численностью в 800 тыс. солдат и офицеров, делившиеся на три разряда по сроку приведения в состояние полной боевой готовности. Для первой категории (100 тыс. военнослужащих) он составлял до десяти суток, для второй (200 тыс. солдат и офицеров) – до 30 суток, третьей (500 тыс. военнослужащих) – до 180 дней (полугода) [New NATO Force 2022].

Функционально первые два разряда (суммарно 300 тыс.) состояли из войск, до этого резервируемых под использование как *NRF* (до 280 тыс.), а также весьма близких к ним тактических резервов по формуле 30×4 .

В понимании автора первая категория новой модели войск НАТО в основе представляла аналог войск *VJTF*, вторая – иных компонент *NRF*, сил по схеме 30×4 .

С одной стороны, *номинально* по численности первые два разряда не превосходили СБР и резервы 30×4 . Проблема медленного роста национальных ВС, в том числе полностью боеспособных войск, продолжала быть сдерживающим фактором на пути наращивания постоянных группировок НАТО. С другой стороны, произошло *качественное отличие*: в отличие от прежних *NRF* первые две категории были в намного большей степени подчинены НАТО: к их реальному использованию могли обратиться не раз в семь лет, а уже практически в любой момент [New NATO Force 2022]. Это резко ограничивало возможность по использованию формирований национальных ВС, причисленных к двум первым разрядам войск Альянса, в любом другом качестве.

Кроме того, не следует забывать о наличии еще огромной (0,5 млн военнослужащих) третьей категории, хотя её подчиненность блоку была намного меньшей, учитывая сроки приведения в боевую готовность (до полугода). Иными словами, здесь страны-участницы обладали определенной свободой манёвра в отношении войск, приписанных к третьему разряду новой модели войск НАТО. Неслучайно в документах Альянса, стран-участниц он фигурировал обычно несколько обособленно от первых двух [Pressekonferenz 2023].

Наконец, новая модель войск НАТО представляла модернизированную форму организации основной части группировок Альянса, т.е. не относилась к СПР. Последние тоже находились в процессе наращивания: в начале июня 2022 г. Германия инициировала постепенный перевод одной из батальонных многонациональных боевых групп (в Литве) в бригадную; за этим неизбежно последовала цепная реакция, затронувшая как минимум большинство многосторонних формирований СПР [NATO's military presence 2023].

Совокупность этих мер означала резкое увеличение степени интегрированности национальных ВС, прежде всего «старых» европейских стран – участниц НАТО. О чувствительности для данных игроков принятых решений косвенно свидетельствует следующий факт: новая модель войск Альянса была опубликована не на Мадридском саммите блока параллельно с принятием новой стратегической концепции, но спустя десять дней (29 июня и 8 июля 2022 г. соответственно) [NATO strategic 2022; New NATO Force 2022].

В увязке с этим показательно, что переход к новой модели – прежде всего, реорганизация прежних *NRF* в первые две категории – должен был проводиться не быстро, но *постепенно*. Сроки завершения неоднократно переносились: на Вильнюсском саммите НАТО было констатировано дальнейшее осуществление процесса [Vilnius Summit 2023], но отнюдь не его завершение. Едва ли оно это будет сделано к концу 2023 г. [NATO Response 2023]: так, ФРГ будет способна обеспечить весь свой вклад (35 тыс. военнослужащих) в ком-

плектование двух первых категорий новой модели войск НАТО лишь с 2025 г. [Pressekonferenz 2023].

Здесь вновь следует подчеркнуть, что комплектование СБР, затем союзнических сил реагирования в абсолютном большинстве его объёмов осуществлялось европейскими странами – участницами блока – иными словами, вклад США был минимальным. В основном он ограничивался выделением штабного персонала, отдельных мелких наземных подразделений, несколько большей нагрузкой при комплектовании остальных компонент (особенно по линии ВМС и ССО) [Fact sheet 2022]. Соответственно, тенденция «европеизации» состава основных сил постоянных группировок НАТО в 2014–2023 гг. лишь упрочилась. Показательно, что не в пример этому США вносили самый крупный национальный вклад в развёртывание СПР. Так, каждая партия из четырех многосторонних боевых групп (созданы в 2017 и 2022 гг. соответственно) с ведущим участием европейских игроков сочеталась с размещением бригады сухопутных войск США в национальном качестве; помимо этого Соединенные Штаты направляли контингенты и в состав большинства указанных многосторонних боевых групп [NATO's military 2023; Fact sheet 2022]. Чем объяснялась разница подхода Белого дома к комплектованию СБР и СПР? Основные военные ресурсы сами США направляли на противодействие КНР. В вопросе «сдерживания» РФ Соединенные Штаты стремились одновременно играть политически направляющую роль и оптимизировать (минимизировать) свой военный вклад, перекладывая практическую нагрузку на европейских партнеров. Это обеспечивалось политическим иницированием или со-иницированием шагов по наращиванию СБР, союзнического реагирования с сохранением встроенного контроля (политически, через штабы) и заметной военной ролью в развитии СПР – авангардов, наиболее чувствительных для оппонента. Если уподобить систему постоянных группировок НАТО огромному зданию, то США принимали на себя ведущие функции при сооружении каркаса и фасада, тем контролируя строительство в целом и возлагая основной объём нагрузки на европейских партнеров. Так, в феврале-марте 2022 г. официальный Вашингтон увеличил свою группировку в Европу с 80 до 100 тыс. солдат и офицеров [Fact sheet 2022] (при общей численности ВС США почти в 1350 тыс. человек) [Defence Expenditure 2023]. Следует подчеркнуть, что в условиях перехода к новой модели войск НАТО никаких дополнительных заметных увеличений присутствия США в Европе не последовало.

Развитие сил VJTF в 2015–2023 гг.: кейс наземной компоненты

NRF были предназначены для быстрого выдвижения из глубины и нанесения удара на требуемое (угрожаемое и (или) перспективное с точки зрения проведения наступления) направление. Своим оперативным развёртыванием высокобоеспособные *NRF* должны были обеспечить стремительное изменение

соотношения сил с противником, достижение внезапности, что являлось важными составляющими успеха последующей операции. Эта тактика была характерна для ряда национальных западноевропейских военных школ, прежде всего германской: так, примерами служат переброска буквально в последний месяц перед 22 июня 1941 г. танковых дивизий вермахта [Жуков 1974] или схема нанесения удара по Наревскому плацдарму в октябре 1944 г. [Батов 2015].

Ключевая роль в реализации данной тактики отводилась *VJTF* в целом и особенно её наземной (функционально и численно осевой) компоненте. Отработка возможностей *VJTF* проводилась в ходе различных учений НАТО, из числа которых следует выделить два вида манёвров. **Первые** – это *Noble Jump*, относительно небольшие по объёму (2–5 тыс. военнослужащих) и проходившие практически ежегодно с 2015 г. Основная их масса была организована в мае-июне года, географически – в Восточной Европе (чаще в Польше или Румынии), а задачей являлось обеспечение тесного взаимодействия передовых частей наземной компоненты *VJTF* с подразделениями ВС региональных игроков [NATO Response 2023; Noble Jump 2017].

Второй вид манёвров – это *Trident Juncture*. Они были крупномасштабными и проводились осенью с тем, чтобы подготовить войска государства, принимавшего функции «рамочного государства» в комплектовании наземной компоненты *VJTF* в следующем календарном году. Следует подчеркнуть, что *Trident Juncture* проходили раз в три–пять лет: каждые такие манёвры де-факто означали наступление нового этапа в развитии *VJTF*.

Учения *Trident Juncture 15* (октябрь-ноябрь 2015 г.) с участием 36 тыс. военнослужащих, 140 самолётов и 60 кораблей от более чем 30 государств – членов и партнёров НАТО прошли на Пиренейском и Апеннинском полуостровах [Trident Juncture 2015]. Поскольку решения о создании, об изменении численности и уточнении структуры *VJTF* принимались в конце 2014 – первой половине 2015 г., то первым полным годом их функционирования считался 2016 год, когда функции «рамочного государства» для наземной компоненты принимала Испания (табл. 1). С учетом её расположения и был выбран регион учений [Trident Juncture 2015].

Trident Juncture 18 (октябрь-ноябрь 2018 г.) были организованы уже в Норвегии, став крупнейшими для Альянса с начала конфронтации. В них приняли участие 51 тыс. военнослужащих, а также 250 самолетов и 65 кораблей более чем от 30 государств-членов и партнеров. Крупнейшие страны-участницы выделили для проведения сразу шесть бригад сухопутных войск, одна из которых (41-я мотопехотная бундесвера), приняла функции «рамочного государства» наземной компоненты *VJTF* [Germany steps 2019]. Почему эту роль приняла Германия, а учения проводились в Норвегии? ФРГ расположена в глубине зоны ответственности НАТО, а манёвры с участием СБР проходили в передовой её части для отработки выдвижения их сюда.

Если *Trident Juncture 15* показали возможности Альянса в Южной Европе, то *Trident Juncture 18* – в Северной Европе. В первом случае демонстрировалась заявка на противодействие под эгидой НАТО угрозам нестабильности из Африки (проваленное, как показал миграционный кризис в «западных демократиях» в 2015–2016 гг.), во втором – на стратегическое проникновение блока в Арктику. Ещё одна формальная причина – вхождение Норвегии (наряду с Нидерландами) в одну с Германией как «рамочным государством» «нарезку» государств при комплектовании СБР (а также СПР) [Germany steps 2019, 2022].

Проведение *Trident Juncture 18* должно было показать возросшие возможности *VJTF* в целом и подчеркнуть особенно активную роль ФРГ в их комплектовании. Показательно, что в *Trident Juncture 18* роль «ядра» наземного соединения *VJTF* играла одна бригада бундесвера (41-я мотопехотная), а в 2019 г. – уже другая (9-я учебная танковая) [Germany steps 2019]. Это являлось прецедентом, подчёркиванием Германии возможности использовать сразу несколько соединений в роли основы сухопутной составляющей *VJTF*. Ещё более примечательно другое: ФРГ единственная из крупнейших европейских государств-членов НАТО и Турции приняла функции «рамочного государства» вне очереди, что произошло в 2019 г. В результате на временном отрезке 2015–2023 гг. Германия играла эту роль три года из девяти лет (табл. 1).

Таблица 1

«Рамочные государства» наземной компоненты *VJTF* (2015–2023)

Год	Основное государство-комплектатор	Бригада национальных ВС, ставшая «ядром»	Ссылка
2015	Германия	Подразделения 9-й учебной танковой, 21-й танковой бригад	[См.: Statement by... 2015]
2016	Испания	7-я лёгкая пехотная бригада	[См.: Trident Juncture... 2015]
2017	Великобритания	20-я механизированная бригада	[Noble Jump...2017]
2018	Италия	...	[См.: Turkey takes... 2021]
2019	Германия	9-я учебная танковая бригада	[Germany steps...2019]
2020	Польша	21-я бригада подгальских стрелков	[Poland takes... 2019]
2021	Турция	66-я механизированная бригада	[См.: Turkey takes... 2021]
2022	Франция	1-й пехотный и 3-й гусарский полки (из франко-германской бригады)	[France takes... 2021]
2023	Германия	37-я мотопехотная бригада	[Germany takes... 2022]

В 2015 и 2023 гг. ФРГ стала добровольно первой в списке (что само по себе символично, особенно с учётом того что именно в эти два года принимались ключевые решения по наращиванию NRF) и внеурочно в 2019 г. Данная активность являлась важной составляющей более широкого стремления Германии принимать функции «рамочного государства» для как можно большего числа многосторонних группировок и формирований НАТО, тем реализуя свои державные амбиции.

В периоды комплектования «ядра» наземной компоненты *VJTF* бундесвером её общая численность обычно была больше, чем в остальных случаях: так, в 2019 и 2023 гг. она составляла 8,0 и 11,5 тыс. военнослужащих соответственно [Germany steps 2019; Germany takes 2022], а в 2020 г. – 6,0 тыс., в 2021 г. – 6,4 тыс. [Poland takes 2019; Turkey takes 2021].

Внеочередное (2019) принятие функций «рамочного государства» Германией как бы разделило список остальных на две равные части по три игрока в каждой. Первая из них (Испания, Великобритания, Италия; таблица 1) – это проявлявшие к принятию этой нагрузки достаточно высокий интерес, вторая – демонстрировавшая более низкий таковой. Польша была сфокусирована на наращивании СПР (притом прежде всего контингентов США в их составе), Турция продолжала проявлять «особость», с запозданием подключаясь к комплектованию большинства постоянных группировок Альянса. Наконец, Франция традиционно уделяла повышенное внимание развитию потенциала ЕС (вновь выдвинутая инициатива Э. Макрона 2017–2018 гг. по созданию «европейской армии» в увязке с заявлением о «смерти мозга НАТО»). Так, в 2022 г. официальный Париж демонстративно задействовал для комплектования *VJTF* части из франко-германской бригады (из состава Еврокорпуса; табл. 1), не став прибегать к использованию какой-либо бригады в одностороннем подчинении. Вместе с тем именно в период очередности Франции – в 2022 г. – ряд подразделений *NRF* был выдвинут в Румынию [NATO Response 2023]. Здесь, однако, речь шла скорее о заинтересованности в сближении официального Парижа с Бухарестом, а не о резкой активизации первого по линии НАТО. Интересно, что очередность Польши (2020) пришлась на время первых волн COVID-19, когда всякая военная активность, в том числе *VJTF*, была в существенной мере «заморожена» (что в реальности минимизировало нагрузку официальной Варшавы), Турции (2021) – в период экстренной эвакуации сил НАТО из Афганистана (в которой были точно задействованы *NRF* [NATO Response 2023], а главное – стоял вопрос об установлении военного контроля официальной Анкары над международным аэропортом Кабула). Наконец, Франции – на 2022 г., когда РФ была вынуждена начать СВО; притом сам официальный Париж был известен несколько более сдержанной, чем у Лондона и Вашингтона, позицией по противодействию РФ.

Эволюция СБР блока, включая организацию на их основе двух первых категорий новой модели войск Альянса, являлась едва ли не ключевой иллюстрацией роста его военной мощи в целом. *NRF* как механизм «завязали» на себя росшую часть вооружённых сил прежде всего «старых» европейских государств – членов НАТО. Хотя эта схема считалась игрой с ненулевой суммой для всех стран – участниц Альянса, основным бенефициаром виделись США. Увеличивалась интегрированность (подчиненность) «военных машин» «старых» государств – членов НАТО как организации (с сохранением за Вашингтоном стратегически направляющей роли); Белый дом, полагаясь на огромные ресурсы партнёров по Альянсу в деле «сдерживания» РФ, свои собственные основные силы получал возможность направить на противодействие КНР.

Общая схема поступательного развития СБР в 2014–2023 гг. видится точно выверенной. В 2014–2015 гг. был принят комплекс решений по резкому наращиванию *NRF*, созданию *VJTF*, при этом государства-комплектаторы обладали достаточно большой свободой манёвра своими контингентами вне своей очередности на семилетнем цикле. По его прошествии, т. е. практическом вовлечении в дело комплектования СБР всех стран-участниц, стартовал переход к новой модели войск НАТО. Её первые две категории представляли модернизированный вариант СБР, численно равный их потенциалу в целом, однако с намного более жёсткой привязкой к Альянсу. В результате если в середине 2010-х годов по линии *VJTF* отработывалась возможность нанесения удара из глубины отдельными бригадами, то десятилетие спустя НАТО получает возможность делать это как минимум восемью–десятью бригадами (см. табл. 1) с дальнейшим увеличением числа таковых.

Библиография

- Батов П.И. В походах и боях. М.: Вече, 2015. 480 с.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М.: АПН, 1974. 383 с.
- Братерский М.В. Истоки новой холодной войны: основные черты системного конфликта XXI века // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 15–31.
- Зайцев А.А., Зайцева Н.В. О воинских контингентах США и НАТО в Европе // Труды БГТУ. Серия 6: История, Философия. 2020. № 1. С. 82–85.
- Истомин И.А. Управление обязательствами в асимметричных альянсах // Международные процессы. 2021. № 1. С. 26–55.
- Манойло А.В. Современные подходы Европейского союза к созданию собственных вооружённых сил // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 75–94.
- Надточей Ю.И., Христенко Д.Н. Разделение финансового бремени в НАТО: Старая проблема в новом звучании // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 1. С. 56–77.
- Никитин А.И. Тенденции военно-политического развития и военно-технического сотрудничества стран Евросоюза // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 53–74. DOI: 10.31249/apr/2020.04.03.

Новикова О.Н. Четвертая афганская война Великобритании // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 213–233.

Biscop S. The New Force Model: NATO's European Army? // Egmont Policy Brief. 2022. No 285. 6 p.

Brussels Summit Declaration // NATO. 11.07.2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (дата обращения: 21.08.2023).

Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2023). Brussels: NATO, 2023. 16 p.

Defence Ministers decide to bolster the NATO Response Force, reinforce collective defence // NATO. 24.06.2015. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120993.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

Germany steps up to lead NATO high readiness force. // NATO. 1.01.2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_161796.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Germany takes the lead for NATO's high readiness force // NATO. 28.12.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_210076.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

Fact sheet. U.S. Defense Contributions to Europe // The US Department of Defence. 29.06.2022. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (дата обращения: 21.08.2023).

Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland. Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten // SOWI-Arbeitspapier. 1990. № 44. 12 p.

France takes the lead of NATO's highest readiness force // NATO. 29.12.2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_190458.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

NATO's military presence in the east of the Alliance // NATO. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 21.08.2023).

NATO Response Force // NATO. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm (date of access: 21.08.2023).

NATO 2022 strategic concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. Brussels: NATO HQ, 2022. 13 p.

New NATO Force Model // NATO. 8.07.2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_files2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (дата обращения: 21.08.2023).

Noble Jump kicks off with an alert exercise // NATO. 17.03.2017. URL: <https://jfcnaples.nato.int/newsroom/news/2017/noble-jump-kicks-off-with-an-alert-exercise> (дата обращения: 21.08.2023).

Poland takes charge of NATO high readiness force. // NATO. 30.12.2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_172334.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of the North Atlantic Council at the level of Heads of State and Government (2022 NATO Summit) // NATO. 29.06.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_197288.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zum Gipfeltreffen der NATO am 12. Juli 2023.

In Wilna // Bundeskanzleramt. 12.07.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-zum-gipfeltreffen-der-nato-am-12-juli-2023-2202034> (дата обращения: 21.08.2023).

Statement by the NATO Defence Ministers on the Readiness Action Plan // NATO. 5.02.2015. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_117222.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

The Bundeswehr on operations. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.

Trident Juncture shows NATO capabilities 'are real and ready' // NATO. 4.11.2015. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_124265.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

Turkey takes charge of NATO high readiness // NATO. 1.01.2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180627.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

Varwick J. Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 763–778.

Vilnius Summit Communiqué // NATO. 11.07.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

Wales Summit Declaration // NATO. 5.09.2014. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 21.08.2023).

References

Batov P.I. V pohodah i bojah [On campaigns and battles]. Moscow: Veche, 2015. 480 p. (In Russ.)

Biscop S. The New Force Model: NATO's European Army? Egmont Policy Brief. 2022. No 285. 6 p.

Bratersky M.V. Istoki novoj holodnoj vojny: osnovnye cherty sistemnogo konflikta XXI veka [Sources of the new Cold War: Main features of the systemic conflict in the XXI century]. Current problems of Europe. 2020. N 1. P. 15–31. (In Russ.)

Brussels Summit Declaration. NATO. 2018. July 11. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (date of access: 21.08.2023).

Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2023). Brussels: NATO, 2023. 16 p.

Defence Ministers decide to bolster the NATO Response Force, reinforce collective defence. NATO. 2015. June 24. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120993.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Germany steps up to lead NATO high readiness force. NATO. 2019. January 1. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_161796.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Germany takes the lead for NATO's high readiness force. NATO. 2022. December 28. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_210076.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Fact sheet. U.S. Defense Contributions to Europe, The US Department of Defence. 2022. June 29. Mode of access: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (date of access: 21.08.2023).

Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. SOWI-Arbeitspapier. 1990. N 44. 12 S.

France takes the lead of NATO's highest readiness force. NATO. 2021. December 29. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_190458.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Istomin I.A. Upravlenie objazatel'stvami v asimmetrichnyh al'jansah [Management of security commitments in asymmetric alliances]. International trends. 2021. N 1. P. 26–55. (In Russ.)

Manoilo A.V. Sovremennye podhody Evropejskogo sojuza k sozdaniju sobstvennyh vooruzhennyh sil [Modern approaches of the European Union to creating own armed its forces]. Current problems of Europe. 2020. N 4. P. 75–94. (In Russ.)

Nadtochey Yu.I., Khristenko D.N. Razdelenie finansovogo bremeni v NATO: Staraja problema v novom zvuchanii [Sharing the NATO financial burden: New image of the old problem]. Urgent problems of Europe. 2019. N 1. P. 56–77. (In Russ.)

NATO's military presence in the east of the Alliance. NATO. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (date of access: 21.08.2023).

NATO Response Force, NATO. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm (date of access: 21.08.2023).

NATO 2022 strategic concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. Brussels: NATO HQ, 2022. 13 p.

New NATO Force Model. NATO. 2022. July 8. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (date of access: 21.08.2023).

Nikitin A.I. Tendencii voenno-politicheskogo razvitiia i voenno-tehnicheskogo sotrudnichestva stran Evrosojuza [Trends of military-political development in Europe and of military-technical cooperation between the EU member states]. *Current problems of Europe*. 2020. No 4. P. 53-74. (In Russ.)

Noble Jump kicks off with an alert exercise. NATO. 2017. March 17. URL: <https://jfcnaples.nato.int/newsroom/news/2017/noble-jump-kicks-off-with-an-alert-exercise> (date of access: 21.08.2023).

Novikova O.N. Chetvertaja afganskaja vojna Velikobritanii [Britain's Fourth Afghan war]. *Current problems of Europe*. 2022. N 4. P. 213–233. (In Russ.)

Poland takes charge of NATO high readiness force. NATO. 2019. December 30. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_172334.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of the North Atlantic Council at the level of Heads of State and Government (2022 NATO Summit). NATO. 2022. June 29. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_197288.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zum Gipfeltreffen der NATO am 12. Juli 2023/

In Wilna. Bundeskanzleramt. 2023. July 12. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-zum-gipfeltreffen-der-nato-am-12-juli-2023-2202034> (date of access: 21.08.2023).

Statement by the NATO Defence Ministers on the Readiness Action Plane. NATO. 2015. February 5. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_117222.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

The Bundeswehr on operations. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.

Trident Juncture shows NATO capabilities 'are real and ready'. NATO. 2015. November 4. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_124265.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Turkey takes charge of NATO high readiness. NATO. 2021. January 1. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180627.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Varwick J. Nordatlantische Allianz. Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/ GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 763–778.

Vilnius Summit Communiqué. NATO. 2023. July 11. https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Wales Summit Declaration. NATO. 2014. September 5. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (date of access: 21.08.2023).

Zaytsev A.A., Zaytseva N.V. O voinskih kontingentah SShA i NATO v Evrope [About US and NATO military contingents in Europe]. *Proceedings of BSTU. Issue 6, History, Philosophy*. 2020. N 1. P. 82–85. (In Russ.)

Zhukov G.K. Vospominaniia i razmyshleniia [Memories and reflections]. Moscow: APN, 1974. 383 p. (In Russ.)

А.В. Жидкова

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОГРАММЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ:
ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОПУЛИЗМА**

***Аннотация.** Современное французское общество переживает непростой социально-экономический период. Череда кризисов, экстраординарных событий, сыгравших роль «черных лебедей» в годы президентства Э. Макрона оказали свое влияние на экономику Франции. И хотя в настоящее время экономическое развитие по ряду показателей демонстрирует умеренный рост, статическая картина в отношении инфляции, занятости и покупательной способности домохозяйств остается неоднозначной. Все острее проявляются социальные расколы, усиливаются территориальные диспропорции, поколенческие различия. В этих условиях социально-экономические аспекты занимают особенно важную роль в программах различных политических сил. Существенный пересмотр экономической программы, а также профессионализация риторики характерны для крупнейшей французской оппозиционной партии «Национальное объединение». Кроме того, экономическая программа, выстроенная в логике социального популизма, выступает для НО важным стратегическим ресурсом для новых электоральных завоеваний. Цель статьи, посвященной анализу экономических аспектов программы НО в период с 2012 по 2024 г., состоит из нескольких аспектов. Прежде всего, в статье анализируется эволюция программных предложений НО в сфере экономики и социального развития, прослеживается последовательный переход от либеральных воззрений к стратегии социального популизма. Также автор рассматривает отношение французских избирателей к обновленной социально-экономической риторике Марин Ле Пен. Наконец, изучение «экономического проекта» Ле Пен позволяет показать, как ее обращение к различным сюжетам помещает в поле публичных дискуссий те вопросы, которые сегодня остро стоят перед французским обществом.*

***Ключевые слова:** крайне правые; М. Ле Пен; Франция; популизм; Национальное объединение; Э. Макрон; экономика Франции; социальные расколы.*

Жидкова Александра Васильевна – кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИВИ РАН. Россия, Москва.
Email: aleksandra@copi.one

Zidkova A.V.

**Socio-Economic Aspects of the National Rally Program:
Electoral Strategy of Social Populism**

Abstract. Contemporary French society faces a challenging socio-economic landscape. A series of crises and extraordinary events during Emmanuel Macron's presidency have significantly impacted the French economy. Despite signs of moderate economic growth, indicators such as inflation, employment rates, and household purchasing power remain ambiguous. Social divisions are becoming more acute, and territorial imbalances and generational differences are also intensifying. As a result, socio-economic issues hold significant importance in the agendas of various political parties. The largest opposition party in France, the far-right National Rally, has conducted a substantial revision of its economic program. This new program, based on the logic of social populism, functions as a key strategic asset for the National Rally's electoral campaign.

The purpose of this article, which focuses on the economic aspects of the National Rally (NR) program from 2012 to 2024, is multifaceted. Firstly, it analyzes the evolution of the NR's economic and social development proposals, highlighting the shift from liberal views to a strategy of social populism. Secondly, the author examines the French electorate's response to Marine Le Pen's updated socio-economic rhetoric. Finally, the study of Le Pen's economic project reveals how she addresses issues that are highly pertinent to contemporary French society in public debates.

Keywords: far right; M. Le Pen; France; populism; National Rally; E. Macron; French economy; social cleavages.

**Zhidkova Alexandra Vasilievna – Ph.D., fellow researcher,
Institute of World History RAS. Russia, Moscow.
Email: aleksandra@copi.one**

Франция в настоящее время переживает непростой социально-экономический период постепенного посткризисного восстановления экономики. По данным Еврокомиссии, в 2024 г. ожидается умеренный рост ВВП на 0,9%, прогнозируется постепенное восстановление инвестиций как со стороны домохозяйств, так и со стороны бизнеса [European Economic Forecast. Winter 2024]. Однако, текущий тренд на экономическое восстановление не покрывает собой последствия кризиса 2020 г., вызванного пандемией COVID-19, а также значительного замедления темпов экономической активности 2022 г. В 2023 г. пиковых показателей достигла инфляция, не удается в полной мере стабилизировать и показатели по безработице и частичной занятости. Помимо пандемии еще одним «черным лебедем» для Франции стали масштабные протестные социальные движения последних лет: от движения «желтых жилетов» до протестов фермеров. Вместе с тем «реформистские» инициативы Э. Макрона подоברались к таким институциональным вопросам, как регулиро-

вание трудовых отношений и системы социального обеспечения [Семеко 2021, с. 62]. Трансформация экономической модели Франции накладывается на обстановку неопределенности, растущий социальный протест и общественный раскол, в котором «глубокие социально-экономические и культурные разломы не только не преодолеваются, но с каждым годом увеличиваются» [Современная Франция: между тревогами и надеждами 2022, с. 28]. Эти условия определяют запрос на политические дискуссии о социально-экономическом развитии страны и поиск адекватных ответов на современные вызовы и проблемы. Свои решения стремятся предложить различные партийные силы, одной из которых является крупнейшая на текущий момент оппозиционная партия «Национальное объединение» (до 2018 г. – Национальный фронт).

Начиная с 2011 г. лидер НО Марин Ле Пен последовательно осуществляет стратегию «дедemonизации» партии, направленную на формирование ее респектабельного облика, либерализации политической риторики и трансформации ряда идеологических основ. Одним из изменений, привнесенных политикой обновления, стало широкое обращение Национального объединения к социально-экономическим сюжетам, а также переход от экономического либерализма, который превалировал в риторике партии 1980–90-х годов к стратегии экономического и социального популизма.

Традиционно экономическая повестка являлась для НО своеобразным «слабым местом»: ей отводилось место периферийного сюжета, представляющего собой скорее совокупность ярких лозунгов, нежели продуманную экономическую программу. Слабая разработанность экономической проблематики отражалась в невысоком уровне доверия к партии в этих вопросах. Вместе с тем уже первые для Марин Ле Пен президентские выборы 2012 г. показали, что в условиях нулевого экономического роста, увеличения безработицы до символического порога в 10% в первом квартале 2012 г. [Tableaux de l'Économie Française, Édition 2014]. Экономические сюжеты, очевидным образом, вышли на первый план среди мотиваторов голосования избирателей. Отвечая на открытый вопрос о наиболее важных для Франции проблемах, 47% избирателей накануне выборов 2012 г. называли безработицу, 13% – вопрос конкурентоспособности экономики, 7,9% – проблему государственного долга [Premier tour de l'élection présidentielle 2012: profil des électeurs et clés du scrutin]. При этом около 80% французов отмечали ухудшение экономической ситуации, что предопределяло электоральный запрос на предложения по реформированию социально-экономической сферы в рамках предвыборных программ различных политических сил.

Понимая это, М. Ле Пен после своего избрания на пост президента партии в 2011 г. начинает увеличивать долю социально-экономических тем в дискурсе партии. Согласно анализу 200 наиболее употребительных выражений Ле Пен, 40% из них относятся к сфере экономики (в то время как для Ж.-М. Ле Пена

схожий показатель составил 23% [Alduy, Wahnich 2015, p. 37.]). Смещение акцента на социально-экономические проблемы проявилось и непосредственно в программе 2012 г. Доказательством этому, в частности, служит существенное возрастание доли, отводимой социально-экономическим сюжетам в программе М. Ле Пен в сравнении с предыдущими предвыборными программами партии. Как показывает контент-анализ программ НФ, доля требований, связанных с регулированием рынка, увеличилась с 1,6% в 2007 г. до 8% в 2012 г.; число предложений по необходимости оздоровления экономической политики государства за тот же период возросло с 1,3% до 4%; а проблема расширения «государства благосостояния» достигла объема в 11,4% от всего текста программы [Расчет выполнен по: The Manifesto Data Collection. Version 2016b]. То есть фактически впервые социально-экономические вопросы если не вышли на первый план, то, по меньшей мере, заняли важное место в обновленном партийном дискурсе.

Помимо количественных изменений произошло также сущностное изменение экономической программы, отразившееся, прежде всего, в развороте от экономического либерализма. Если в программе 1986 г., доля либеральных предложений в сфере экономики составляла 79%, то к 2012 г. – лишь 21%, в то время как 59% отводилось социально-экономическим мерам кейнсианской ориентации, основанным на государственном интервенционизме, росте государственных расходов, увеличению социальной поддержки, «перераспределительных» мерах [Ivaldi 2022]. Фактически, в экономическом плане Марин Ле Пен совершила поворот в сторону левой экономической риторики.

Одним из ключевых экономических сюжетов, оказавшихся в фокусе общественно-политических дискуссий накануне выборов 2012 г., стал вопрос государственного долга и достижения сбалансированного бюджета (на 2011 г. дефицит бюджета составлял 5,3% от ВВП, а государственный долг последовательно увеличивался с 1980-х годов, при этом за посткризисный период 2008–2012 гг. долг вырос с 68% от ВВП до 89,4% [Tableaux de l'Économie Française, Édition 2014]). В этих условиях все кандидаты президентской гонки единодушно отмечали необходимость уйти от бюджетного дефицита, различались лишь прогнозируемые сроки перехода к сбалансированному финансовому планированию – Н. Саркози обещал переход к бездефицитному бюджету в 2016 г., Ф. Олланд – в 2017 г., а Марин Ле Пен в 2018 г. Казалось бы, именно Ле Пен говорила о наиболее долгой перспективе, пытаясь предстать кандидатом мыслящим рационально и не предлагающим быстрых решений, однако в действительности отложенный выход на бездефицитный бюджет объяснялся тем, что вся бюджетная политика, предлагаемая НФ, выстраивалась исходя из политики крайне высоких расходов.

Согласно программе, предполагалось возрастание суммы государственных расходов на несколько десятков млрд евро, что превышало предложения

других участников президентской гонки в разы. Ле Пен предлагала увеличение бюджетных расходов для многих направлений государственной политики: от социальной поддержки и увеличения ассигнований на образование до роста расходов на оборону и безопасность. Для компенсации расходов Ле Пен предлагала создание единого налога на богатство, усиление дифференциации ставки НДС и подоходного налога, введение прогрессивной шкалы из трех ставок корпоративного налога и выделение 15% прибыли крупнейших корпораций в специальный резервный фонд «реиндустриализации страны» [Le Pen. Mon projet pour la France et le français 2012].

Наконец, Ле Пен, равно как и лидер крайне левых Ж.-Л. Меланшон, отвергала любую причинно-следственную связь между ростом государственного долга и увеличением государственных расходов, вместо этого она увязывала вопрос государственного долга с существованием системы «разграбления национального богатства», «глобализацией экономики» и «приватизацией государственных денег». Столь туманные формулировки конкретизировались вокруг «знамени борьбы» против закона 1973 г. [Le plan de désendettement de la France du Front National 2012], запрещающего предоставление займа французскому государству напрямую Банком Франции, что интерпретировалось Ле Пен как неприемлемая «приватизация государственных денег» [Le Pen Emission «Elysee 2012»]. Отмена закона 1973 г., в свою очередь, преподносилась как переход к беспроцентному кредитованию, рефинансирование государственного долга и разрешение проблемы бюджетного дефицита. Такие популистские заявления, фактически обещавшие решить проблему государственного долга с помощью одной меры вкупе с предложениями многократного увеличения ассигнований на разнообразные нужды, подверглись широкой критике со стороны французской прессы и экономических обозревателей, которые справедливо отмечали, что отмена закона 1973 г. фактически приведет к «включению печатного станка», росту необеспеченной денежной массы и инфляции [La France rêvée de Marine Le Pen 2011]. Такие аналитические разборы в медиа, несомненно, попадали в «болеву точку» Национального объединения – его имидж политической силы, неспособной к реальному управлению и играли свою роль в ослаблении обновленного образа партии.

Важным вектором изменений «маринистской» программы стало значительное расширение в ней доли социальных требований, которые в риторике партии сопровождались нарративом о социальной ответственности государства. Об этом, в частности, свидетельствует частое обращение Ле Пен к идее должностования: например, «экономика должна находиться на службе у людей», «мы не должны отделять экономику от социального прогресса» [Discours de Marine Le Pen au Congrès de Tours]. Апеллируя к тематике «сильного государства», Ле Пен в своих выступлениях наделяла государство широкими социально-реформаторскими функциями и своеобразной «миссионерской» ролью в пре-

одолении социальных, экономических, культурно-ценностных и политических расколов. Ле Пен выступала за увеличение социальных выплат, возвращение возраста выхода на пенсию к планке в 60 лет, индексацию пенсии по случаю потери кормильца, введение так называемого родительского дохода в размере 80 % от минимальной заработной платы и т. д. [Le Pen. Mon projet pour la France et le français 2012]. Кроме того, лидер НО уделяли особое внимание расширению сектора государственных услуг как, с одной стороны, способа увеличения количества рабочих мест, а с другой – инструментария, нацеленного на реализацию стратегии большей включенности государства в социально-экономическую жизнь. При этом если расширение государственных услуг представляло собой меру опосредованного влияния, то в случае с рядом других требований речь шла уже о прямом государственном интервенционизме: показательный пример – предложение Ле Пен о введении законодательных ограничений на ставки по кредитам.

Безусловно, расширение социальной повестки в программе партии играло на увеличение электорального пула НО и что не менее важно, на изменение типа избирательной поддержки (от преимущественного протестного голосования до голосования в поддержку идей). И в случае с поддержкой идей согласие с социально-экономическими предложениями партии, постепенно, становилось важным мотиватором голосования. По данным 2012 г. 14% респондентов объясняли свой выбор в пользу Ле Пен согласием с предложенными ею социально-экономическими мерами [Les motivations du vote Marine Le Pen 2011] (более значимой мотивацией была лишь поддержка антииммиграционной составляющей программы [См. подробнее: Осипов 2021, с. 21–28.; Жидкова 2023, с. 203–213.]). Более того, в 2014 г. французы поставили программу Ле Пен на второе место среди всех политических сил с точки зрения того, насколько предложенные решения способствуют обеспечению социальной справедливости [Fourquet., Pratiel].

При этом, если посмотреть на характерные черты той группы респондентов, которая говорила о поддержке социально-экономических вопросов, то можно отметить превалирование женского голосования, больший отклик на эту проблематику среди людей старше 50 лет, а также тех, кто проживал во французской провинции. Таким образом, в сложных экономических условиях слова Ле Пен о том, что «молчаливое большинство ощущает безработицу, падение уровня жизни, угрозу личной безопасности и страх за будущее, пока меньшинство становится все богаче и богаче, получает астрономическую заработную плату, скандальные бонусы и необлагаемую налогом прибыль с предпринимательской деятельности» [Le Pen. Pour que vive la France 2012. Р. 9], очевидно, находили отклик среди части избирателей. При этом запрос на расширение функций государства и выстраивание «сильной власти», к которому апеллировала Ле Пен, не являлся общеразделяемым для французского общества. Например, с утвер-

ждением, что государство обязано обеспечивать всех работой были в разной степени согласны 58% опрошенных в ходе Европейского социального исследования 2008 г. [European Social Survey]. Превалирующего мнения не наблюдалось и вокруг тематики социальной ответственности государства: когда на часу весов ставились социальные блага, с одной стороны, и экономика – с другой, 50–60% респондентов говорили о том, что социальная сфера оказывает несоизмеримо большее экономическое давление на государство, а также слишком дорого обходится бизнесу [там же].

Важно отметить, что, хотя социально-экономическая программа Ле Пен была существенно переработана, она во многом оставалась лоскутным одеялом из популистских предложений, зачастую неподкреплённых расчётами, чем вызвала обоснованный скептицизм со стороны профессионального сообщества, что в условиях, когда ключевой задачей партии являлась ее респектабельзация в глазах французов, становилось серьезной проблемой. Критика экономической составляющей программы Ле Пен стала общим местом во французских медиа. Примером тому служит статья в «Ле Монд» [Tricornot A., Eveno A. 2013], в которой экономическую программу Ле Пен называют «ностальгической попыткой» воссоздать 1950-е годы, характеризовавшиеся планированием во французском стиле; неизбежное сходство отмечалось между программой 2012 г. и экономической политикой Перона (государственное вмешательство в экономику и рынок труда, манипулирование ценообразованием, обеспечение контроля над центральным банком для финансирования государственного дефицита). Такая критика диктовала необходимость выработки более экспертного подхода к формированию программных предложений, что осознавалось руководством НО. Этой цели служило создание Экономического комитета программных действий – партийной структуры, возникшей уже в рамках подготовки к выборам 2017 г. Комитет позволил существенно увеличить число профессиональных экономистов, вовлеченных в подготовку программы (от пяти человек в 2007 г. до 70 специалистов в 2017 г.), и тем самым скорректировать ряд наиболее спорных экономических предложений и дополнить предложенные меры более фундаментальными расчетами.

К тому же резкий разворот Ле Пен в сторону левой экономической доктрины, хотя и принес ей новый электорат, не обошелся и без ряда негативных последствий. Электорат НО оставался преимущественно правым и для него новое соотношение «перераспределительных» и либеральных мер в программе партии не всегда выглядело приемлемым, а, в ряде случаев, воспринималось как разрыв с традиционным позиционированием партии, что неоднозначно было воспринято той частью электората, который следовал в фарватере Жан-Мари Ле Пена еще в 1980–90-е годы. Левизна социально-экономических предложений контрастировала и с общей тенденцией развития французского общества, в котором на современном этапе преобладает медленный, но после-

довательный рост правоцентристских настроений: число французов, относящих себя к левым снизилось с 47% до 43% в период с 2014 по 2023 г. [Être de gauche aujourd'hui 2023]. Решение вопроса социального неравенства также не мыслится большинством французов в левом ключе: только 22% считают, что «необходимо оставлять налоги на прежнем уровне для обеспечения финансирования социальной защиты и государственных услуг» [Fourquet, Pratiel 2014]. Большинство, напротив, разделяют либеральную логику, выступая за снижение налоговой нагрузки как способа поддержки предприятий, что позволит бизнесу создавать больше рабочих мест и тем самым способствовать уменьшению безработицы. Такой позиции придерживаются 78% французского общества и 92% электората Ле Пен [Fourquet, Pratiel 2014].

Кроме того, основным адресатом социальной программы Ле Пен в ее вариации 2012 г. являлись социальные группы с низким уровнем дохода: например, если посмотреть на категорию людей 50+, для которых была характерна более высокая степень поддержки мер социального реформирования, предложенных Ле Пен, то в ней бы видим характерный разрыв – лидеру НО отдали свой голос 16% пенсионеров с низким уровнем дохода и лишь 7% среди более обеспеченных [Premier tour de l'élection présidentielle 2012: profil des électeurs et clés du scrutin]. Необходимость сокращения такого разрыва требовала обращения к более либеральным избирателям: с одной стороны, к предпринимателям (владельцам малого и среднего бизнеса), ремесленникам, торговцам, а с другой – к более консервативному и обеспеченному электорату. Марин Ле Пен вновь столкнулась с призраком стеклянного потолка, достигнув пика среди народного и рабочего электората, теперь ей стало необходимо черпать резервы там, где есть задел для электорального прогресса, т. е. прежде всего, в более обеспеченном сегменте избирателей, придерживающихся правых политических позиций.

Попытка сбалансировать программные предложения была предпринята на выборах 2017 г., «либеральный» компонент программы, хоть и не восстановил свои прежние позиции, но был существенно увеличен: с 21% от всех социально-экономических предложений до 35% [Ivaldi 2022]. Такое соотношение во многом отражало внутрипартийные дискуссии, существовавшие вокруг экономической доктрины партии и заключавшиеся в противостоянии двух линий: социальной и этатистской, выстроенной вокруг риторики о «забытых простых французах», чьи интересы не учитываются элитой, и более либеральной, ориентированной, прежде всего, на малый и средний бизнес. Ле Пен выступала за снижение налогов для малых и средних предприятий, упрощение административных процедур, введение процедуры льготного кредитования и упразднение социального режима самозанятых.

Наращивание либеральной составляющей программных положений частично внесло свой вклад в привлечение правого электората: на выборах

2017 г. за Ле Пен проголосовали 14% прежних избирателей Саркози [Le profil des électeurs et les clefs du premier tour de l'élection présidentielle 2017]. Но вместе с тем оба избирательных цикла (2017, 2022 гг.) показали, что стратегия социального популизма сохраняется в качестве основной смысловой доминанты программы, а меняющееся соотношение либеральных и «перераспределительных» мер скорее является для Ле Пен не предметом серьезных дискуссий, а своеобразным упражнением в эквилибристике, где фактором успешности перехода через очередной избирательный виток является умение сохранить в поле своего притяжения как более либеральный правый электорат, так и тех, кто ощущает себя проигравшими от глобализации и желающими социальной компенсации от государства.

Выборы 2022 г. стали во многом квинтэссенцией принципа сохранения социал-популистской сущности программы при последовательном отказе от тех предложений, которые не прошли «электоральный тест» и были негативно восприняты избирателями: неслучайно, с каждым новым избирательным циклом программа становилась все лаконичнее. Так выборы 2022 г. наглядно показали исчезновение ряда символических левых мер: так, Ле Пен отказалась от приверженности принципу сохранения особого статуса государственных служащих (чиновников, сотрудников систем государственного образования, здравоохранения, почт, телеграфа, общественных служб)¹, а также от предложения общего повышения заработных плат в государственном секторе. Из программных положений НО 2022 г. исчезли такие привлекающие внимание избирателей, но в то же время малореализуемые на практике меры, как возвращение к пенсионному возрасту в 60 лет, сохранение 35-часовой рабочей недели, отказ от повышения обобщенного социального взноса. Вместе с тем нововведением программы 2022 г. стали предложения освободить от подоходного налога людей до 30 лет, а молодых предпринимателей – от корпоративного налога [Le programme de Marine Le Pen 2022].

При этом Ле Пен, чье политическое становление происходило в русле правых идей и ценностей, будучи одним из лидеров французского консерватизма [См. подр.: Королева, Меньшиков, Смольская, Щепетильникова 2020], смогла удивительным образом уловить сущность современного левого дискурса и во многом использовать его в качестве инструмента электоральной стратегии. Если посмотреть на те слова и концепты, которые в наибольшей степени откликаются левому электорату – то здесь мы увидим слова «свобода» и «солидарность». Именно апелляция к ценности свободы стала одним

1. *Штатные сотрудники всех этих государственных служб пользуются привилегиями гарантий занятости, карьеры с присвоением очередных рангов и повышением по службе с учётом стажа и выслуги лет, особыми условиями выхода на пенсию, существующими в данной ведомственной системе и пр.*

из ключевым референсов предвыборного нарратива Ле Пен в 2022 г. В ее выступлениях «свобода» вошла в первую тройку наиболее часто употребляемых слов, а фраза «Свободы, дорогие свободы» стала лозунгом всей президентской избирательной кампании. При этом Ле Пен использует слово «свобода» синонимично понятию «национальный суверенитет», говоря об «освобождении» Франции на государственном уровне, с одной стороны, от политической элиты, оторванной от народа, а с другой – от глобализации и утраты суверенитета. И здесь вновь прослеживается «попадание» в ожидания французов: среди целого спектра фраз о векторах государственного развития, наибольший консенсус во французском обществе (89%) характерен для утверждения «богатство страны не должно быть монополизировано меньшинством» [*Être de gauche aujourdhui* 2023]. Отрицательно в обществе воспринимаются и такие слова как «глобализация» и «капитализм», негативный образ которых выстраивает в своих выступлениях и Ле Пен. Например, используя далекую от реальности, но, несомненно, базирующуюся на манипуляции общественной тревогой лозунг-формулу «глобализация создает товары, производимые рабами, которые будут покупаться безработными» [Lyon 2017].

Позиционирование партии в русле противостояния глобализму вписывается в общий контур современного политического раскола, который выходит за рамки противостояния правых и левых, а в ряде случаев просто делает такое разделение устаревшим. В условиях кризиса старой парадигмы популистские интерпретации, призванные обозначить себя через поиск противника, иного, другого, вызывают отклик в обществе. Одним из подобных противостояний становится новое клише «глобалисты против патриотов», к которому апеллирует М. Ле Пен, начиная со своей первой президентской кампании 2012 г. Уже тогда, Ле Пен многократно повторяла послание, что «настоящий раскол существует не между правыми и левыми, а между теми, кто верит во Францию и кто в нее не верит», она выступала против правых и левых как «двух крыльев одной и той же федералистской партии», говорила о том, что «кандидаты-глобалисты оставляют французов на произвол внешней конкуренции и низких зарплат» [Présidentielle: ce qu'il faut retenir de la journée du 1er mars 2022].

Противостояние глобализму в экономической программе Ле Пен отражается в комплексе предлагаемых протекционистских мер. В первой для Ле Пен президентской кампании 2012 г. протекционизм выстраивался преимущественно в русле евроскептицизма и, в первую очередь, вокруг проблематики выхода из еврозоны. По утверждению лидера НФ, следовало отказаться от единой европейской валюты, ибо её введение снизило покупательную способность, привело к установлению недопустимого обменного курса и уничтожило возможность проведения Францией гибкой валютной политики. Отказ от евро остался флагманской экономической мерой и в программе Ле Пен 2017 г. Кроме того, среди экономических предложений тогда фигурировало также введение

налога в размере 3% на импорт, впоследствии Ле Пен уточнила, что речь идет не о том, чтобы «облагать налогом все товары, поступающие из всех стран, взаимозаменяемо», а лишь из тех стран, которые занимаются налоговым и социальным демпингом [Galiero 2017]. Подобная абстрактность формулировок, показывает, что если разворот в сторону левой экономической программы был в большей степени сущностным и выстраивался на базе целого комплекса мер, то «протекционизм» Ле Пен был не столько встроен в экономическую стратегию, сколько изначально был призван подкрепить собой логику евроскептицизма. К тому же, он позволял сместить в риторике НО европейский вопрос исключительно от тематики идентичности и иммиграции в сторону вопроса национального суверенитета, что соответствовало цели респектабилизации партии.

В полной мере ставка на протекционизм сыграла на европейских выборах 2019 г., в ходе которых меры по ограничению свободной торговли не просто оказались в центре дебатов, а стали неожиданной точкой консенсуса между представителями разных политических сил. Как отмечали обозреватели дебатов, речь уже не шла о том, выступают ли кандидаты за или против протекционизма, дискуссии шли вокруг того, какая степень протекционизма уместна. Лидеры партий стали участниками своеобразного соревнования по подбору эпитетов к слову «протекционизм»: «зеленый протекционизм», «экономический патриотизм», «протекционизм солидарности» и даже «двойные европейские и французские предпочтения» [Hausalter 2019]. Идея ограничительных мер, ранее предназначавшаяся для противников евроинтеграции, стала сюжетом мейнстрима: если в 1985 г. фраза «Давайте производить французское вместе с французами!» могла фигурировать лишь на плакате крайне правых, то в 2019 г. с требованием двойного предпочтения, как европейского, так и французского» в отношении занятости выступали уже традиционно правые «Республиканцы».

Выборы в ЕП 2019 г. показали, что экономические вопросы занимают важное место в мотивации голосования французов: в топ-пять ключевых мотиваторов для электорального выбора входили проблемы покупательной способности (38%) и социального неравенства (27%) [Corre M., François J.-B. 2019]. Наиболее желаемым приоритетом в развитии ЕС респонденты, в свою очередь, называли усиление защиты национальных экономик в противовес глобализации (с этой целью были солидарны 57% опрошенных [Corre M., François J.-B. 2019]). Кроме того, именно протекционистские меры пользовались почти абсолютным одобрением со стороны французского общества: 95% поддерживали введение налогов для международных IT-гигантов (таких как Google, Apple, Facebook, Amazon) с целью направления полученных средств на финансирование европейских исследований и разработок в инновационных сферах. 93% высказывались в поддержку налога на выбросы для производителей из неевро-

пейских стран, нормы производства в которых не соответствует принятым в ЕС экостандартам. Наконец, 92 % высказывались за так называемый акт «О покупке европейского», который отдавал бы приоритет европейским предприятиям и позволял бы сохранить существенную долю рынка государственных закупок за европейскими компаниями [Corre M., François J.-B. 2019]. В условиях, когда и электоральный запрос, и политический мейнстрим консолидировались вокруг протекционистской тематики, НО удалось занять стратегически уникальное и выигрышное положение: перестать быть радикальной силой (ведь теперь требования Ле Пен вписывались в общий контур дебатов), но при этом сохранить за собой статус партии, которая первой сделала своими лозунгами то, что впоследствии обрело характер фактически общенационального требования. Протекционизм Ле Пен вкупе с не терявшей актуальность проблемой иммиграции принес партии свои дивиденды: первое место среди всех французских партий и 23 места в Европарламенте.

Безусловно, высокие показатели, достигнутые партией на выборах 2019 г., были следствием не только попадания в запрос избирателей на усиление протекционистской политики и обеспечения национального суверенитета. Умение адаптировать программу, исходя из потребностей электората, в полной мере проявилось в отказе НО от своих наиболее радикальных требований в отношении ЕС, которые очевидным образом не прошли «тест» на национальных выборах (в первую очередь, 2017 г.: согласно опросу сентября 2017 г., 72 % французов отметили, что они «далеки» от предложений НФ, связанных с евроинтеграцией [Galiero 2017]). Если на выборах 2017 г. Марин Ле Пен призвала к выходу из Шенгена, отказу от общеевропейской валюты и проведению референдума по вопросу выхода из Евросоюза, то европейские выборы 2019 г. показали фактически полный уход от идеи Фрексита, заменив их на предложения по постепенному реформированию существующей системы без ее кардинального слома.

В свою очередь, протекционизм Ле Пен в ходе электорального цикла 2017–2022 гг., как и вся экономическая программа партии, продолжала профессионализироваться и уходить от одиозных лозунгов в сторону конкретных предложений, максимально отражающих текущие болевые точки французской экономики. Примером этому служит обращение Ле Пен к проблематике сельского хозяйства. Для Франции сельскохозяйственный сектор играет традиционно важную роль: доля отрасли в ВВП страны на 2021 г. составляет 1,6 % [Gaudiaut 2023], что выше, чем во многих других западноевропейских странах. При этом на протяжении последних пяти лет французское сельское хозяйство все в большей степени испытывало кризисные явления, которые в 2024 г. вылились в массовые протесты фермеров. Протесты, безусловно, имели под собой длительные объективные причины: падение цен на сельскохозяйственную продукцию, рост цен на электроэнергию, химикаты и дизельное топливо, а также

новая Единая сельскохозяйственная политика ЕС, в числе прочего предусматривающая введение новых экологических стандартов [см. подробнее: Волков, Хоткин 2023, с. 5–10].

Понимая запрос французских сельхозпроизводителей, Марин Ле Пен еще в ходе кампании 2022 г. обещала исключение сельского хозяйства из всех договоров о свободной торговле, а также использование политики государственного вмешательства в разработку индексов, используемых для установления минимальных цен на продукцию фермеров с учетом колебаний цен на сельскохозяйственное сырье. Хотя попытка обращения не дала быстрых электро-ральных результатов (среди этой категории населения Ле Пен в 2022 г. оказалась лишь на пятом месте), уже накануне предстоящих европейских выборов 2024 г. глава влиятельного сельскохозяйственного профсоюза в комментариях французской «La Dérêche» отметил, что фермеры массово собираются голосовать за НО [Bertrand 2024].

Квинтэссенцией «переработки» программы и выстраивания ее от потребностей избирателей стал выбор в качестве ключевого сюжета для всей социально-экономической программы партии – проблематики покупательной способности. В контексте того, что осенью 2021 г. 45% французов называли решающим фактором при выборе нового президента республики именно покупательную способность [Baromètre PrésiTrack OpinionWay pour «Les Echos» 2021], тот факт, что Марин Ле Пен позиционировала себя как «кандидат покупательной способности» является логичным продолжением ее политики. Призыв «я хочу вернуть французам их деньги», подкреплялся целым рядом предлагаемых мер, некоторые из которых получили особую огласку в ходе кампании 2022 г. Среди них, предложение освободить молодых людей до 30 лет от уплаты подоходного налога, снижение НДС с 20% до 5,5% на топливо, газ и электроэнергию, а также стимулирование бизнеса на увеличение заработной платы на 10% при условии освобождения работодателей от соответствующих взносов.

И хотя институциональная и бюджетная осуществимость этих мер по-прежнему вызывала критику экспертов, в глазах общественного мнения ориентированность предложений на чаяния французов принесла Ле Пен за два дня до первого тура президентских выборов статус кандидата, наиболее заслуживающего доверия в вопросе покупательной способности [Présidentielle 2022. Enquête Ipsos-Sopra Steria 2022]. Для партии, которую еще пятью годами ранее, в социально-экономических вопросах не поддерживали 66% французов, такой эффект является несомненной победой. Как и свойственно, у этого стратегического прорыва много «отцов»: от реализации долгосрочной внутрипартийной стратегии, изменившей и усилившей программу, до внешней конъюнктуры как экономической, выдвинувшей вопросы покупательной способности, социального неравенства и изменений на рынке труда на первый план,

так и политической, в рамках которой раскол на «глобалистов» и «сторонников суверенитета» отчасти заместил прежнее противостояние правых и левых.

Резюмируя, можно сделать вывод, что, хотя осмысление «экономического проекта» Ле Пен оставляет зачастую ощущение противоречивости, предлагаемые лидером НО меры, несомненно, попадают в запрос части избирателей на новую, антикризисную и социальную политику, противоположную неолиберальному курсу Э. Макрона. Вряд ли предложения Ле Пен способны вывести V Республику из структурного социально-экономического кризиса – эта задача лежит вне поля популистских заявлений, требует поиска новых балансов и последовательных реформ. Тем не менее нельзя не признать, что Марин Ле Пен, во многом за счет профессионализации социально-экономической политики, удалось занять одну из ведущих ролей в диалоге о будущем Франции. Вероятно, дальнейшую судьбу проекта Ле Пен и ее политических перспектив, определит электоральный выбор избирателей, что уже в ближайшем будущем продемонстрируют выборы в Европарламент.

Библиография

Волков Л.В., Хоткин А.В. Новая стратегия Единой сельскохозяйственной политики Европейского союза: цели, ориентиры, принципы // Финансовые рынки и банки. 2023. С. 5–10.

Жидкова А.В. Между системой и оппозицией: эволюция электорального облика «Национального объединения», 2017–2022 годы // Новая и новейшая история. 2023. № 4. С. 203–213.

Королева А.А., Меньшиков П.В., Смольская Е.П., Щепетильникова И.Э. Дискурс консервативного мировоззрения в глобализованном мире // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 5 (91). С. 20. URL: <https://history.jes.su/s207987840010171-7-1/> (дата обращения: 20.05.2024).

Осипов Е.А. Радикализация французских правых. От провала европейской конституции и «манифестации для всех» до Эрика Земмура // Мировая политика. 2021. № 4. С. 21–28.

Семеко Г.В. Неолиберальный реванш Эммануэля Макрона // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3. С. 54–85.

Современная Франция: между тревогами и надеждами. Отв. ред.: М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2022. 257 с.

Alduy C., Wahnich St. Marine Le Pen prise aux mots. Décryptage du nouveau discours frontiste. Paris: Seuil, 2015. 305 p.

Baromètre PrésiTrack Opinion Way pour «Les Echos». Septembre 2021 // Opinionway. URL: <https://www.opinion-way.com/fr/sondage-d-opinion/sondages-publies/politique/election-presidentielle-2022/2022.html> (дата обращения: 20.05.2024).

Bertrand C. Elections européennes: le RN, premier dans les sondages mais dernier de la classe à Bruxelles // La Dépêche. 2024. 20 Mai. URL: <https://www.ladepeche.fr/2024/05/20/dossier-elections-europeennes-le-rn-premier-dans-les-sondages-mais-dernier-de-la-classe-a-bruxelles-11957516.php> (дата обращения: 25.05.2024).

Corre M., François J.-B. Élections européennes, ce qui motive le vote des Français // La Croix. 2019. 14 Mai. URL: <https://www.la-croix.com/France/Politique/Europeennes-motive-vote-Francais-2019-05-14-1201021786> (дата обращения: 19.05.2024).

Delmas J.-L. Présidentielle 2022: Marine Le Pen jugée la plus crédible sur le pouvoir d'achat, mais comment a-t-elle fait? // 20 minutes. 2022. 08 Avril. URL: <https://www.20minutes.fr/elections/3267571-20220408-presidentielle-2022-marine-pen-jugee-plus-credibile-pouvoir-achat-comment-fait> (дата обращения: 19.05.2024).

Discours de Marine Le Pen au Congrès de Tours // Digital access to libraries. 2011. 16 Jan. URL: https://dial.uclouvain.be/memoire/ucl/fr/object/thesis%3A11124/datastream/PDF_04/view (дата обращения: 01.05.2024).

Être de gauche aujourd'hui // IFOP. 2023. Sept. URL: <https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2023/09/120282-Presentation.pdf> (дата обращения: 10.05.2024).

European Economic Forecast. Winter 2024. Institutional paper 268 // European Commission, official website. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/document/download/2b7b7fae-0844-4dd1-bedd-619c3544aaed_en?filename=ip268_en_0.pdf&clckid=461a0920 (дата обращения: 19.05.2024).

European Social Survey. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 10.05.2024).

Fourquet J., Pratviel E. Les Français et la justice sociale. Ifop pour Atlantico // IFOP. 2014. URL: https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2018/03/2661-1-study_file.pdf (дата обращения: 19.04.2024).

Fourreau V. Combien pèse le secteur agricole dans l'économie en Europe? // Statista, portail de statistiques. 2023. 29 Juin. URL: <https://fr.statista.com/infographie/30306/part-du-secteur-agricole-dans-le-produit-interieur-brut-pib-des-pays-europeens/> (дата обращения: 20.05.2024).

Galiero E. Une rentrée sous haute tension pour Marine Le Pen // Le Figaro. 2017. 07 Sept. URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/2017/09/07/01002-20170907ARTFIG00346-une-rentree-sous-haute-tension-pour-marine-le-pen.php> (дата обращения: 19.05.2024).

Hausalter L. Européennes: tiens, le protectionnisme est devenu tendance! // Marianne. 2019. 21 Mai. URL: <https://www.marianne.net/economie/europeennes-tiens-le-protectionnisme-est-devenu-tendance> (дата обращения: 19.05.2024).

La France rêve de Marine Le Pen : son programme décrypté // Le Nouvel Obs. 19.11.2011. URL: <https://www.nouvelobs.com/rue89/rue89-politique/20111119.RUE5815/la-france-revee-de-marine-le-pen-son-programme-decrypte.html> (дата обращения: 10.11.2024).

Ivaldi G. Marine Le Pen, Éric Zemmour: social-populisme contre capitalisme populaire, Note Le Baromètre de la confiance politique, vague 13. Paris: Sciences Po CEVIPOF. 2022. 13 p.

Le Pen M. Emission «Elysee 2012». // Website de Front National. 2011. 11 Nov. URL: <http://www.frontnational.com/videos/marine-le-pen-sur-i-tele/> (дата обращения: 20.03.2024).

Le Pen M. Mon projet pour la France et le français // Website de Front National. 2012. URL: <http://www.frontnational.com/le-projet-de-marine-le-pen/> (дата обращения: 19.04.2024.).

Le Pen M. Pour que vive la France. Paris: Éditions Grancher, 2012. 250 p.

Le plan de désendettement de la France du Front National // Website de Front National. 2012. URL: <http://www.frontnational.com/le-plan-de-desendettement-2013-de-la-france/> (дата обращения: 20.04.2024).

Le profil des électeurs et les clefs du premier tour de l'élection présidentielle // IFOP. 2017. 23 Avril. URL: <https://www.ifop.com/publication/le-profil-des-electeurs-et-les-clefs-du-premier-tour-de-lelection-presidentielle/> (дата обращения: 10.05.2024).

Le programme de Marine Le Pen // Official website of Marine Le Pen. 2022. URL: <https://mlafrance.fr/programme> (дата обращения: 20.05.2024).

Les motivations du vote Marine Le Pen. Sondage Harris Interactive pour Valeurs Actuelles // Harris Interactive. 2011. 11 Mars. URL: https://harris-interactive.fr/opinion_polls/les-motivations-du-vote-marine-le-pen-sondage-harris-interactive-pour-valeurs-actuelles/ (дата обращения: 19.04.2024).

Lyon X. A. Marine Le Pen, «la patriote» contre «les mondialistes». // Tribune de Geneve. 2017. 05 Fev. URL: <https://www.tdg.ch/marine-le-pen-la-patriote-contre-les-mondialistes-733694758257> (дата обращения: 19.05.2024).

Manifesto Data Collection. Version 2016b. URL: <https://manifesto-project.wzb.eu/datasets/MPDS2016b> (дата обращения: 12.10.2024).

Poingt G. Marine Le Pen: ces mesures économiques qui suscitent la controverse // Le Figaro. 2017. 24 Avr. URL: <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/2017/04/24/20002-20170424ARTFIG00269-marine-le-pen-ces-mesures-economiques-qui-suscitent-la-controverse.php?clid=ca3b7aeb> (дата обращения: 19.05.2024).

Premier tour de l'élection présidentielle 2012: profil des électeurs et clés du scrutin. // IFOP. 2012. 22 Avr. URL: <https://www.ifop.com/publication/sondage-jour-du-vote-22-avril-2012-premier-tour-de-lelection-presidentielle-2012-profil-des-electeurs-et-cles-du-scrutin/> (дата обращения: 19.05.2024).

Présidentielle: ce qu'il faut retenir de la journée du 1er mars. // Les Echos. 2022. 01 Mars. URL: <https://www.lesechos.fr/elections/presidentielle/en-direct-presidentielle-les-temps-forts-de-la-campagne-ce-mardi-1er-mars-1390346> (дата обращения: 20.05.2024).

Présidentielle 2022. Enquête Ipsos-Sopra Steria réalisée pour France Télévisions et Radio France // IPSOS. URL: <https://www.ipsos.com/fr-fr/presidentielle-2022> (дата обращения: 20.05.2024).

Tableaux de l'Économie Française, Édition 2014 // Institut national de la statistique et des études économiques. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques> (дата обращения: 19.05.2024).

Tricornot A., Eveno A. Le programme du FN produirait un profond et durable appauvrissement // Le Monde. 2013. 27 Nov. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2013/11/27/le-programme-du-fn-produirait-un-profond-et-durable-appauvrissement_3520932_823448.html (дата обращения: 10.05.2024).

References

Alduy C., Wahnich St. Marine Le Pen prise aux mots. Décryptage du nouveau discours frontiste. Paris: Seuil, 2015. 305 p.

Baromètre PrésiTrack Opinion Way pour «Les Echos». Septembre 2021. Opinionway. URL: <https://www.opinion-way.com/fr/sondage-d-opinion/sondages-publies/politique/election-presidentielle-2022/2022.html> (date of access: 20.05.2024).

Bertrand C. Elections européennes: le RN, premier dans les sondages mais dernier de la classe à Bruxelles. La Dépêche. 2024. 20 Mai. URL: <https://www.ladepeche.fr/2024/05/20/dossier-elections-europeennes-le-rn-premier-dans-les-sondages-mais-dernier-de-la-classe-a-bruxelles-11957516.php> (date of access: 25.05.2024).

Corre M., François J.-B. Élections européennes, ce qui motive le vote des Français. La Croix. 2019. 14 Mai. URL: <https://www.la-croix.com/France/Politique/Europeennes-motive-vote-Francais-2019-05-14-1201021786> (date of access: 19.05.2024).

Delmas J.-L. Présidentielle 2022: Marine Le Pen jugée la plus crédible sur le pouvoir d'achat, mais comment a-t-elle fait? 20 minutes. 2022. 08 Avril. URL: <https://www.20minutes.fr/elections/3267571-20220408-presidentielle-2022-marine-pen-jugee-plus-credibile-pouvoir-achat-comment-fait> (date of access: 19.05.2024).

Discours de Marine Le Pen au Congrès de Tours // Digital access to libraries. 2011. 16 Jan. URL: https://dial.uclouvain.be/memoire/ucl/fr/object/thesis%3A11124/datastream/PDF_04/view (date of access: 01.05.2024).

Être de gauche aujourd'hui // IFOP. 2023. Sept. URL: <https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2023/09/120282-Presentation.pdf> (date of access: 10.05.2024).

European Economic Forecast. Winter 2024. Institutional paper 268 // European Commission, official website. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/document/download/2b7b7fae-0844-4dd1-bedd-619c3544aaed_en?filename=ip268_en_0.pdf&clckid=461a0920 (date of access: 19.05.2024).

European Social Survey. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/> (date of access: 10.05.2024).

Fourquet J., Pratiel E. Les Français et la justice sociale. Ifop pour Atlantico. IFOP. 2014. URL: https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2018/03/2661-1-study_file.pdf (date of access: 19.04.2024).

Fourreau V. Combien pèse le secteur agricole dans l'économie en Europe? Statista, portail de statistiques. 2023. 29 Juin. URL: <https://fr.statista.com/infographie/30306/part-du-secteur-agricole-dans-le-produit-interieur-brut-pib-des-pays-europeens/> (date of access: 20.05.2024).

Galiero E. Une rentrée sous haute tension pour Marine Le Pen // Le Figaro. 2017. 07 Sept. URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/2017/09/07/01002-20170907ARTFIG00346-une-rentree-sous-haute-tension-pour-marine-le-pen.php> (date of access: 19.05.2024).

Hausalter L. Européennes: tiens, le protectionnisme est devenu tendance! Marianne. 2019. 21 Mai. URL: <https://www.marianne.net/economie/europeennes-tiens-le-protectionnisme-est-devenu-tendance> (date of access: 19.05.2024).

Ivaldi G. Marine Le Pen, Éric Zemmour: social-populisme contre capitalisme populaire, Note Le Baromètre de la confiance politique, vague 13. Paris: Sciences Po CEVIPOF. 2022. 13 p.

Koroleva A.A., Men'shikov P.V., Smol'skaya E.P., Shhepetil'nikova I.E'. Diskurs konservativnogo mirovozzreniya v globalizirovannom mire [Discourse on Conservative Peace in a Globalized World] // E'lektronny'j nauchno-obrazovatel'ny'j zhurnal «Istoriya» [Electronic Scientific and Educational Journal «History»]. 2020. Vol. 11. Vy'pusk 5 (91). P. 20. URL: <https://history.jes.su/s207987840010171-7-1/> (date of access: 20.05.2024). (In Russ.)

La France rêvée de Marine Le Pen : son programme décrypté. Le Nouvel Obs. 19.11.2011. URL: <https://www.nouvelobs.com/rue89/rue89-politique/20111119.RUE5815/la-france-revee-de-marine-le-pen-son-programme-decrypte.html> (date of access: 10.11.2024).

Le Pen M. Emission «Elysee 2012». Website de Front National. 2011. 11 Nov. URL: <http://www.frontnational.com/videos/marine-le-pen-sur-i-tele/> (date of access: 20.03.2024).

Le Pen M. Mon projet pour la France et le français. Website de Front National. 2012. URL: <http://www.frontnational.com/le-projet-de-marine-le-pen/> (date of access: 19.04.2024.).

Le Pen M. Pour que vive la France. Paris: Éditions Grancher, 2012. 250 p.

Le plan de désendettement de la France du Front National. Website de Front National. 2012. URL: <http://www.frontnational.com/le-plan-de-desendettement-2013-de-la-france/> (date of access: 20.04.2024).

Le profil des électeurs et les clefs du premier tour de l'élection présidentielle. IFOP. 2017. 23 Avril. URL: <https://www.ifop.com/publication/le-profil-des-electeurs-et-les-clefs-du-premier-tour-de-lelection-presidentielle/> (date of access: 10.05.2024).

Le programme de Marine Le Pen. Official website of Marine Le Pen. 2022. URL: <https://mla-france.fr/programme> (date of access: 20.05.2024).

Les motivations du vote Marine Le Pen. Sondage Harris Interactive pour Valeurs Actuelles. Harris Interactive. 2011. 11 Mars. URL: https://harris-interactive.fr/opinion_polls/les-motivations-du-vote-marine-le-pen-sondage-harris-interactive-pour-valeurs-actuelles/ (date of access: 19.04.2024).

Lyon X. A. Marine Le Pen, «la patriote» contre «les mondialistes». // Tribune de Geneve. 2017. 05 Fev. URL: <https://www.tdg.ch/marine-le-pen-la-patriote-contre-les-mondialistes-733694758257> (date of access: 19.05.2024).

Manifesto Data Collection. Version 2016b. URL: <https://manifesto-project.wzb.eu/datasets/MPDS2016b> (date of access: 12.10.2024).

Osipov E.A. Radikalizaciya francuzskix pravyy'x. Ot provala evropejskoj konstitucii i «manifestacii dlya vsex» do E'rika Zemmura [Radicalization of the French Right. From the Failure of the European Constitution and the «Demonstration for All» to Eric Zemmour]. Mirovaya politika [World Politics]. 2021. N 4. P. 21–28. (In Russ.)

Poingt G. Marine Le Pen: ces mesures économiques qui suscitent la controverse. Le Figaro. 2017. 24 Avr. URL: <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/2017/04/24/20002-20170424ARTFIG00269-marine-le-pen-ces-mesures-economiques-qui-suscitent-la-controverse.php?clid=ca3b7aeb> (date of access: 19.05.2024).

Premier tour de l'élection présidentielle 2012: profil des électeurs et clés du scrutin. IFOP. 2012. 22 Avr. URL: <https://www.ifop.com/publication/sondage-jour-du-vote-22-avril-2012-premier-tour-de-lelection-presidentielle-2012-profil-des-electeurs-et-cles-du-scrutin/> (date of access: 19.05.2024).

Présidentielle: ce qu'il faut retenir de la journée du 1er mars. Les Echos. 2022. 01 Mars. URL: <https://www.lesechos.fr/elections/presidentielle/en-direct-presidentielle-les-temps-forts-de-la-campagne-ce-mardi-1er-mars-1390346> (date of access: 20.05.2024).

Présidentielle 2022. Enquête Ipsos-Sopra Steria réalisée pour France Télévisions et Radio France. IPSOS. URL: <https://www.ipsos.com/fr-fr/presidentielle-2022> (date of access: 20.05.2024).

Tableaux de l'Économie Française, Édition 2014. Institut national de la statistique et des études économiques. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques> (date of access: 19.05.2024).

Tricornot A., Eveno A. Le programme du FN produirait un profond et durable appauvrissement. Le Monde. 2013. 27 Nov. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2013/11/27/le-programme-du-fn-produirait-un-profond-et-durable-appauvrissement_3520932_823448.html (date of access: 10.05.2024).

Semeko G.V. Neoliberal'ny'j revansh E'mmanue'lya Makrona [Neoliberal Revenge of Emancipation of Macron]. Aktual'ny'e problemy' Evropy' [Current Issues in Europe]. 2021. N 3. P. 54–85. (In Russ.)

Sovremennaya Franciya: mezhdru trevogami i nadezhdami [Modern France: Between Anxiety and Hope]. Otv. red.: M.V. Klinova, A.K. Kudryavcev, P.P. Timofeev. M.: IME'MO RAN, 2022. 257 p. (In Russ.)

Volkov L.V., Xotkin A.V. Novaya strategiya Edinoj sel'skoxozyajstvennoj politiki Evropejskogo Soyuza: celi, orientiry', principy' [New Strategy of the European Union's Agricultural Policy: Goals, Orientations, Principles]. Finansovy'e ry'nki i banki [Financial Markets and Banks.]. 2023. P. 5–10. (In Russ.)

Zhidkova A.V. Mezhdru sistemoj i oppoziciej: e'volyuciya e'lektoral'nogo oblika «Nacional'nogo ob''edineniya», 2017–2022 gody' [Between Systems and Opposition: Evolution of the Lecture-Level Image of the «National Union», 2017–2022]. Novaya i novejschaya istoriya [New and New History]. 2023. N 4. P. 203–213. (In Russ.)

А.Л. Юрганов

«КРУШЕНИЕ ГУМАНИЗМА».

ДОКЛАД АЛЕКСАНДРА БЛОКА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

***Аннотация.** В статье рассматривается доклад А.А. Блока «Крушение гуманизма», положивший начало деятельности Вольной Философской Ассоциации. Великий поэт выразил свое отношение к революции, что вызвало неоднозначные суждения современников. Вопрос об источниках и идеях, которые могли послужить к написанию оригинального текста, поставлен давно. В научной литературе отмечена внешняя близость этого доклада и книги под названием «Против цивилизации», написанной Е. Полетаевым и Н. Пуниным. Но эту связь трактуют, как несущественную в понимании оригинального содержания доклада: утверждается, что Блок, дважды прочитав эту книгу, оставил на полях многие и разные знаки своего внимания лишь потому, что был не согласен с авторами, близкими по духу пролеткультовцам и футуристам. В самом деле, конечные идеи этой книги о «машинизации» как цели будущего, не были ему близки. Изучение текстов доклада и книги показывает, что Блок, не соглашаясь признавать утопическую картину футуристов, шел по тому же пути различения того, что есть «культура» и что есть «цивилизация». Исследование показывает идейную связь (в том числе и прямую текстологическую) в аргументации того, почему в мировой истории произошло «крушение гуманизма».*

***Ключевые слова:** Вольная Философская Ассоциация (ВОЛЬФИЛА); А.А. Блок; М. Горький; А.В. Луначарский; модернизм; скифство; русская революция.*

**Юрганов Андрей Львович – доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ).
Россия, Москва.**

E-mail: iurganov@yandex.ru.

Web of Science Researcher ID: ABF-7584–2020

Yurganov A.L.

**«The Collapse of Humanism»: an Analysis of Alexander Blok's Report
within Historical and Cultural Contexts**

***Abstract.** This study examines A.A. Blok's report, «The Collapse of Humanism,» which served as the catalyst for the Free Philosophical Association's activities. The distinguished poet's reflections on the revolution provoked a range of responses from his contemporaries. The inquiry into the sources and ideas that may have inspired the original text has persisted*

for many years. Academic literature has identified an external similarity between this report and the book «Against Civilization» by E. Poletaev and N. Punin. However, this similarity is deemed insignificant in understanding the report's original content. It is maintained that Blok, having read the book twice, left numerous marginal notes to signify his dissent from the authors, who were ideologically sympathetic to the Proletkult and futurist movements.

Indeed, the fundamental concepts of this book regarding «mechanization» as the ultimate goal of the future were not aligned with Blok's views. The textual analysis of both the report and the book shows that Blok, while not endorsing the Futurists' utopian vision, followed a similar path in distinguishing «culture» from «civilization». This study highlights an ideological connection, including direct textual evidence, in the argumentation for the «collapse of humanism» in world history.

Keywords: Free Philosophical Association (VOLFILA); A.A. Blok; M. Gorky; A.V. Lunacharsky; modernism; Scythianism; Russian Revolution.

**Yurganov Andrey Lvovich – Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian State University for the Humanities (RGGU). Russia, Moscow.
E-mail: iurganov@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: ABF-7584-2020**

16 ноября 1919 г. состоялось первое заседание Вольной Философской Ассоциации (ВФА). Власть большевиков долго мялась, но в конце концов позволила деятелям русской культуры собраться в организацию. Была утверждена именно «Вольная» ассоциация, а не «Свободная». Отсылка ко временам Екатерины Второй была не случайной, а продуманной: тем, кто решил существовать при диктатуре пролетариата, хотелось иметь вольность как личное самовластие в исповедании своей философии. Арестами, расстрелами, угрозами власть дала понять, каковы последствия любых противозаконных действий. Вольность же – атрибут личности, считающей, что в философии, как и в культуре, все законно, что окрашено творчеством.

Первый доклад сделал Александр Блок. Ему было дано право высказаться о том, каковы *теперь* приоритеты деятелей русской культуры. Как *теперь*, в условиях диктатуры победившего пролетариата, понимать самих себя. Провокативным оказалось и название доклада – «Крушение гуманизма».

По воспоминаниям А. Штейнберга, участника этого первого заседания, никто не помогал Ассоциации – ни уличными афишами, ни помещением. Хотя объявление о докладе было опубликовано в петроградской газете «Известия» [Белоус 2005, с. 79]. Предупреждали рассылкой писем, и если бы не Р.В. Иванов-Разумник, организатор и вдохновитель этого мероприятия, то едва ли удалось бы найти помещение для первого заседания. В здании издательства «Колос» на Литейном проспекте собралось около 50 человек [Штейнберг 1991, с. 45]. Пришел Дмитрий Сергеевич Мережковский, не считавший себя обязанным участвовать в организации ВФА. Пришли литераторы, студенты.

В Петрограде было холодно, Блок читал в фуфайке, из его рта шел пар. Голодные, замершие люди слушали доклад странного содержания: будто в насмешку над всем, что угрожало физическому существованию, великий поэт говорил, что «у нас было слишком много цивилизации» [Чуковский 1991, 125]. Корней Чуковский, посетивший первое заседание ВФА, написал в дневнике, что собрались «какие-то бывшие люди» [там же].

Однако доклад слушали внимательно. К. Федин (после смерти А. Блока) отмечал, что, несмотря на жуткий холод и голод в Петрограде, когда впору было думать о ночлеге и пище, когда ужас происходящего мог легко парализовать волю, а паника и страх никак не способствовали сосредоточенности ума, никто не ушел, пока Блок читал свой доклад, в котором говорилось о ненужности цивилизации и необходимости быть культурными в своей какой-то таинственной музыкальности [Федин 1921, с. 23]. Федин уловил противоречие между хаосом на улице и внутренним порядком в поведении великого поэта, не замечавшего трудностей при произнесении доклада: «Был он высокий, и страх не окутал его, а кружился вихрем вокруг ступней его и под ним. И хорошо было, что он снял с себя шубу, и что пальцы его ровно перебирали листки рукописи, и что был он, как всегда медлителен и прям: ведь стоял он над всеми, кто одержим страстью спастись в эти грозные дни» [там же].

Первоначально этот доклад, написанный поэтом в марте-апреле 1919 г., был прочитан 9 апреля того же года в издательстве «Всемирная литература». Среди тех, кто пришел послушать Блока, но не поэта, а литературного критика, было несколько знаковых фигур: это А.М. Горький, Н.С. Гумилев, Иванов-Разумник, академик С.Ф. Ольденбург, А.Л. Волынский, Ф.Д. Батюшков и др. Как написал в своем дневнике Андрей Белый, «впечатление от доклада было очень неблагоприятное; “старики” нахмурились; Горький говорил, что никакого крушения гуманизма нет; все это бредни, а есть другая опасность: мужик идет на культуру городов, которую мы, интеллигенция, должны защищать» [Андрей Белый о Блоке 1997, с. 474]. Гумилев подошел к Блоку и сказал, что лучше ему заняться ритмикою стиха, чем тратить время на бесполезные споры.

Горький вспоминал потом, что «Блок, читая, напоминал ребенка сказки, заблудившегося в лесу: он чувствует приближение чудовищ из тьмы и лепечет навстречу им какие-то заклинания, ожидая, что это испугает их. Когда он перелистывал рукопись, пальцы его дрожали. Я не понял: печалит его факт падения гуманизма или радуется?..» [Горький 1973, с. 23].

Еще одно утверждение Блока поставило Горького в тупик: «Некоторые мысли доклада показались мне недостаточно продуманными, например: “Цивилизовать массу и невозможно, и не нужно” <...> Говорить же о невозможности и ненужности цивилизации для русского народа – это, очевидно, “скифство” – и я это понимаю, как уступку органической антигосударственности русской массы. И зачем Блоку “скифство”?» [там же, с. 223–224].

В самом деле, по какой причине цивилизовать массу невозможно и почему, с точки зрения поэта, это правильно? Почему Блок столь резко противопоставил в докладе два ключевых понятия – «цивилизацию» и «культуру»? Почему, принимая «культуру» не в виде достижений, а как дух музыки в движении «масс», он отвергал цивилизацию, в которой максимально выражались достижения культуры? И так ли уж Блок «ребенок», чтобы не понимать, что он идет по определенной дороге и к определенному смыслу?

Новая дихотомия

После смерти Блока в 1921 г. участники первого заседания ВФА стали вспоминать это событие, удивляясь прозорливому взгляду великого поэта. Но вспоминали не столько его мысли, сколько чувство тревожности, охватившее людей. Никак не забывалась прозвучавшая нота античной трагедии, которую, как и во времена Еврипида, нельзя преодолеть, не чувствуя ее необходимости.

Как же сформировалась такая лексико-семантическая пара антагонистов в творчестве Блока?

В 1980 г. была опубликована статья Н.Н. Примочкиной, в которой разбиралась коллизия этих понятий [Примочкина 2010, с. 46–53]. Исследовательница отметила, что Д.Е. Максимов в статье «Критическая проза Блока» отнес разграничение понятий культуры и цивилизации к 1909 г. Вывод этот основывался на заметке Блока, «сделанной на копии письма, полученного им от В. Розанова 19 февраля 1909 г. Однако, как выяснилось позже, эта копия розановского письма и заметка на ее полях сделаны Блоком не в 1909, а в 1919 г. для дочери Розанова Н.В. Розановой, подготавливавшей после смерти отца сборник материалов и воспоминаний о нем» [там же, с. 47]. В этой пометке на полях Блок имел в виду книгу Полетаева и Пунина «Против цивилизации», вышедшую в Петрограде в 1918 г.

Несмотря на этот курьез, Н.Н. Примочкина считала, что «на самом деле Блок впервые разграничил понятия «культура» и «цивилизация» в 1911 г. в письме к матери из Франции. Поездки по Европе летом 1909 и 1911 гг. сыграли большую роль в оформлении концепции Блока, так как именно в индустриально развитых странах Запада он увидел уродливые проявления современной цивилизации в их наиболее обнаженной, яркой форме. «Я, – сообщал в упомянутом письме Блок, – как истинный русский все время улыбаюсь зловредно на цивилизацию дредноутов, дантистов и *puselles*... Над всем этим стоит культура... Ее я и поеду смотреть, начиная с покачнувшегося иконостаса *Quimper'a*»» [там же, с. 48].

Позволю себе не согласиться с такой трактовкой. «Разграничение» этих двух понятий не нуждается в контекстуальном подтверждении, – эти слова изначально разные, они отграничены без всяких усилий интерпретатора: культура – это одно, а цивилизация – это другое. Зачем искать их «разграничения»?

Речь идет о том, что в докладе Блока они были концептуально *противопоставлены* друг другу, образуя новую дихотомию.

Н.Н. Примочкина согласилась с мнением Максимова, что «толчком» к написанию доклада могла послужить книга Полетаева и Пунина «Против цивилизации». Но... это был только полемический отклик на книгу – и ничего более, потому что поэт и сам, без помощи адептов Пролеткульта и футуристов, «разграничивал» эти понятия.

Обратимся к аргументам Максимова:

«Указанную книгу Блок читал не менее двух раз. Экземпляр названной книги с отметками Блока... сохранился в его библиотеке. Другой экземпляр той же книги с еще большим количеством блоковских отметок, *выражающих несогласие* (? – А. Ю.) с мыслями ее авторов, был подарен поэтом Р.В. Иванову» [Максимов 1972, с. 52].

Почему многочисленные пометы на полях книги Полетаева и Пунина следует рассматривать только как несогласие? Разве знак «надо запомнить» говорит лишь о полемике? [Библиотека А.А. Блока 1985, с. 197–198]. Как бы ни острил Блок в отношении «пунинобабуринской» культуры, он же сам написал, что книга – «интересный симптом».

В литературе замечена схожесть противопоставления цивилизации и культуры в докладе «Крушение гуманизма» и в знаменитой работе О. Шпенглера «Закат Европы» (1918). Однако Блок не знал эту работу – шла Первая мировая война, немецкие книги были недоступны, а русский перевод был опубликован уже после смерти поэта.

Шпенглер писал: «Культура и цивилизация, это живое тело души и ее мушья...» [Шпенглер 1923, с. 30]. Такого рода концептуальные высказывания о противоположности культуры и цивилизации, как выясняется, не были авторской новацией. Едва ли не вся философская общественность Европы обвиняла Шпенглера в плагиате этой дихотомии [там же, с. 17].

Естественно думать, что Блок, будучи поэтом, а не философом, мог сблизиться со Шпенглером потому лишь, что дважды прочитал книгу Полетаева и Пунина, взяв из нее саму идею о дихотомии цивилизации и культуры. Полетаев и Пунин были трансляторами философских идей Германии на русской почве. Во всяком случае, нельзя бездоказательно утверждать, что между докладом Блока и книгой «Против цивилизации» нет содержательной связи потому только, что поэт не разделял взгляды пролеткультистов и футуристов [Юрганов 2018].

Блок, разумеется, не был сторонником «прогрессивной механизации человеческой деятельности», о которой писали Полетаев и Пунин. Однако вся их книга – не только об этом [Примочкина 1978, с. 157–167]: речь в ней идет о законах исторического движения через отмирание прежней цивилизации и утверждение новой культуры. Полетаев и Пунин были левыми радикалами-идеалистами, а не ортодоксальными марксистами.

Семантико-текстологический аспект дихотомии

Если сравнивать текст доклада Блока и книгу «Против цивилизации», то можно найти не только общие мотивы, но и текстологическую близость, доказывающую, что поэт не отвергал концепцию революционного движения мирового духа, представленную в книге Полетаева и Пунина.

Дихотомия культуры и цивилизации заключает в себе исходный тезис, что «цивилизация» – это застывшая форма культуры, тогда как сама культура – это «всегда процесс, движение – изменение» [Полетаев, Пунин 1918, с. 25].

Можно сказать, что эти понятия противоположны по одному лишь критерию: в «цивилизации» закончилось творчество, а в «культуре» оно никогда не умирает. Авторы книги поясняли, что «культура для нас *не замкнутое в себе, неподвижное, аналитически предрешенное на вечные времена* (курсив мой. – А. Ю.) совершенство прославленных основ. По нашему разумению, культуру нельзя понимать иначе, как бесконечный и синтезирующий процесс активного приспособления к космосу, т. е. как организованное интенсивное творчество» [там же, с. 26]. Если изъять слово «организованное» (творчество), и заменить на «стихийное» (творчество), то можно смело утверждать, что при такой поправке между авторами книги и концептуальным содержанием доклада Блока нет никаких расхождений (см. табл. 1).

Прогресс – всегда только в культуре, и это всегда освобождение от груза застывшей в неподвижности прежней культуры. Политическая тенденция книги и доклада Блока совпадают в том, что в основной элемент европейской «цивилизации» – частная (личная) собственность – изживается новой культурой: для Полетаева и Пунина – это механизация общества, при которой будет господствовать организованное коллективное начало, для Блока – это стихия народного творчества, не имеющая рационального завершения, это вечный бунт народных масс.

Таблица 1

«Против цивилизации»	«Крушение гуманизма»
«Всякий прогресс есть освобождение от мертвого груза традиций. Седая древность какого-нибудь принципа, вроде, например, «священного» принципа частной собственности – в наших глазах не делает его ни более ценным, ни особенно убедительным, если его отвергает новая действительность и современная наука. Мы смотрим не назад, а вперед» (Полетаев, Пунин 1918, с. 27).	«...цивилизация уже не является материком, а группой островов, которые могут быть скоро залиты сокрушительным потоком; что драгоценнейшие, с точки зрения гуманитарной, этические, эстетические, правовые продукты цивилизации, вроде личной собственности , Реймского собора, международного права – или смыты потоком, или находятся в положении угрожаемом» (Белоус 2005, с. 113).

Для Блока главная проблема это «отвердевшая» цивилизация Ренессанса, это европейский гуманизм. Читая книгу Полетаева и Пунина, поэт подчеркивал те места, которые его интересовали. Вот одно из них, касающееся Ренессанса:

«Вследствие этого творчество Ренессанса лишено организованности и того подлинного напряжения, которое одно только и характеризует культуру; движение было стихийным и беспорядочным; нет ни одного случая во всей истории итальянского Возрождения, когда бы принцип механизации регулировал творческую силу Ренессанса» [Полетаев, Пунин 1918, с. 8].

А теперь сравним это суждение авторов книги с тем, что написал сам Блок о причинах крушения Ренессанса. Нет здесь прямой текстологической зависимости, но смысловая связь удивляет сходством. Причины и там, и там – общие: это потеря целостности, дробление путей развития, крайний индивидуализм.

«Просвещенное человечество пошло сразу сотней путей – политических, правовых, научных, художественных, философских, этнических; и каждый из этих путей все более удалялся от другого, некогда смежного с ним; каждый из них, в свою очередь, разбивался на сотни маленьких дорожек, уводящих в разные стороны, разлучающих людей, которые при встречах начинали уже чувствовать друг в друге врагов» [Белоус 2005, с. 102].

Полетаев и Пунин ставили германскую культуру как форму культурного прогресса выше всей европейской цивилизации. Сказать такое во время войны совсем не просто. Но у авторов книги – целая концепция, почему именно германский народ несет в себе культуру (прогресс), тогда как европейская культура (англо-французская) стала мертвой цивилизацией.

Нижеследующее высказывание Блок пометил карандашом слева:

«Два мира встали друг против друга на рубеже XX века – *организованный на творчество со стремлением обладать культурой мир германский и одержимый желанием счастья англо-французский мир* (курсив мой. – А. Ю.). В этом противопоставлении нет случайностей, в этом противопоставлении все традиционно; Франция и Англия всей своей историей осуществляют идею цивилизации, Германия издавна встала на путях культуры» [Полетаев, Пунин 1918, с. 60].

Полетаев и Пунин не только противопоставляли культуру германского народа омертвевшей англо-французской цивилизации, но также дополняли свой анализ введением понятий «раса» и «расовая культура» [Рыков 2016, с. 240–258]. Едва ли подобные суждения можно отнести к числу заурядных...

Обратимся к докладу Блока.

«Я различаю еще в той борьбе, которой наполнен XIX век, как будто преобладание *работы рас германской и отчасти славянской* – и, наоборот – молчание рас романской и англосаксонской...» [Белоус 2005, с. 115].

В докладе Блока речь идет о том, что исторический прогресс осуществляется именно через германскую культуру, это и составляет смысл тезиса о культурном «преобладании» работы германской расы.

Между книгой и докладом существует прямая текстологическая связь. Полетаев и Пунин, анализируя германскую культуру, увидели в ней поворот

от мира цивилизации к новой «интенсивной культуре», и этот поворот они выразили через «Фауста» Гёте. В первой части – старый мир, во второй части – призыв к «синтетическому творчеству». Что же мы видим у Блока? Та же аргументация – переход от умирающего гуманизма ко второй части «Фауста» – «музыке масс» (см. табл. 2).

Таблица 2

«Против цивилизации»	«Крушение гуманизма»
«Первая часть «Фауста» покончила бесповоротно с волшебным миром цивилизации. Вторая часть пророчествовала о богатой интенсивной культуре , звала от наслаждения к труду, от размышления к суровой борьбе, от индивидуального анализа к коллективному, синтетическому творчеству» (Полетаев, Пунин, с. 109).	«Гёте – столько же конец, сколько начало. В его застывшем образе умирающий гуманизм (индивидуализм, античность, связь науки с искусством) как бы пронизан той музыкой, которая поднимается из туманной бездны будущего – музыкой масс (<i>II часть Фауста</i>)» (Белоус, с. 92).

Доклад А. Блока: герменевтический аспект

Чтобы понять содержание доклада Блока, следует обратиться к его терминологии. Она необычна, имеет мифопоэтическую основу, и выражает собой идеи в размытых смысловых контурах.

«**Дух музыки**» – главный концепт, вокруг которого выстраиваются все прочие понятия и термины. Речь идет не о музыке как таковой, а о ее «духе». Иначе говоря, Блок использует слово музыка, чтобы с его помощью создать нужный ему *ассоциативный* смысл.

Логика рассуждений такова: Ренессанс – это европейский гуманизм; гуманизм – это индивидуализм. Время существования его с XIV по XVIII в. Дух музыки этой эпохи выражался в творчестве свободной личности, и гармония была до тех пор, пока «исходной точкой и конечной целью» была именно человеческая личность как «главный двигатель европейской культуры». Эта гармония основывалась на «духе музыки» принятого «гуманизма», в котором изначально присутствовало презрение к грубой и невежественной толпе. Блок вводит понятие «оркестр» – опять же не буквальное, а взятое для иллюстрации слышимых «голосов». Так вот в «оркестре» эпохи гуманизма не было преобладания голоса масс. В книге Полетаева и Пунина это состояние определялось через первую часть «Фауста» – что и повторил Блок.

Как и в книге «Против цивилизации», в построении Блока кризис гуманизма наступил в эпоху Реформации. Прозвучали «новые песни».

«Дух музыки» в рассмотрении Блока – это ритмы (периоды) мировой истории. Музыкально-ритмическое начало необходимо, чтобы оттенить в ассоциации оркестровое единство. Переход от одной эпохи к другой – не через

цивилизацию, которая превращается в омертвевшее тело культуры, а через революцию – она же «культура», она же «дух музыки». В цивилизации нет музыкальности, ибо всякая затвердевшая в своих началах прежняя культура становится косной, и только «дух музыки» – дух революции и перемен, никогда не умирающий – зовет в будущее, чтобы в нем установить новую гармонию всех элементов, созвучных между собой как хорошо организованный оркестр.

Вот почему Блок писал, что «никогда в мире никакая масса не была затронута цивилизацией»: в «массе» и «толпе» все ходит и бродит как нечто неопределенное, еще не затвердевшее, революционное. Вот почему «цивиловать массу не только невозможно, но и не нужно»: сила народного брожения творит все заново, без оглядки на устоявшееся.

При всей склонности Блока к музыкальной теме, не следует игнорировать и то, что в книге Полетаева и Пунина, написанной в другом стилистическом ключе, тоже говорится о переменах в мировой истории как о ритмических колебаниях: «Может быть, приоткрыв тайну грядущей культуры и подчиняясь закону *ритмических колебаний в историческом процессе* (курсив мой. – А. Ю.), и германский народ уступит руководящую роль другому, более юному, более творческому народу» [Полетаев, Пунин 1918, с. 127].

«Равновесие» и «цельность» – центральные термины доклада, которые были необходимы Блоку для объяснения перехода от одной эпохи к другой. Равновесие понималось им как отношения между человеком и природой, между жизнью и искусством, между наукой и музыкой, между цивилизацией и культурой. Ренессанс или гуманизм имел свое равновесие, был долгое время цельным, но в эпоху Реформации гуманизм нарушил свой стиль, свой ритм – и тогда он утратил цельность и равновесие. Возникла косность, а в недрах мертвеей цивилизации уже зрел бунт – пробуждались «свежие варварские массы», возникло дробление, разделение – исчезал дух цельности, «музыкальной спаянности». Блок исходил из некоей «музыкальной сущности мира» – она для него пребывает в природной стихии. Чтобы приблизиться к этой сущности необходимо особое равновесие: «устроенное тело и устроенный дух». Мировую музыку можно услышать только «всем телом и всем духом вместе». Блок подчеркивал: «Утрата равновесия телесного и духовного неминуемо лишает нас музыкального слуха» [Белоус 2005, с. 100].

Социальные явления Блок уподобляет природной стихии. Варварские массы, как проснувшиеся вулканы, меняют мир устоявшейся цивилизации в сторону новой культуры. Он приводит пример: Римская империя окончательно погибла лишь в V в. н. э., но до этого «ее сотрясали постоянные музыкальные бури». Кто их выражал? Тацит! Таков ход мыслей Блока, – у всякой музыкальной стихии имеется свой выразитель, которому дано рассказать о свойствах надвигающейся бури. Что же воспевал Тацит? «Тацит пел мощь и свежесть грядущей в мир варварской расы... Это значило, что смертный приговор рим-

ской цивилизации уже произнесен... действовала уже другая, новая сила, хранившаяся до времени под землей» [Белоус 2005, с. 101].

Этот пример близок к тому, о чем писали Полетаев и Пунин. Совпадение не может быть случайным, потому что и для Блока, и для авторов книги очевидно, что цивилизация в мировой истории проигрывает варварам, формируя новую культуру. Общая концептуальная основа сравнения порождает и сходные объяснения.

Блок подчеркнул этот текст книги волнистой чертой: «В то время как Галлия, истощенная германскими нападениями и особенно тяжелыми войнами с Цезарем, очень скоро сделалась одной из самых раболопных римских провинций, германский народ, отстояв свою национальную свободу, вступил в общение с высшей, но чуждой цивилизацией, как свободный и как победитель» [Полетаев, Пунин 1918, с. 93].

Как Римская империя погибла под ударами варваров, так и Ренессанс умирал от социальных, религиозных потрясений, потеряв «дух целостности, дух музыки». XIX век – время не-целостности, раздробленности. Вместо единой дороги возникают многие пути, дорожки, которые создают вражду в людях. Внутреннее дробление касается всего: науки – она отделяется от мира армией специалистов, не понимающих друг друга; «натуралисты воюют с филологами, представители одних дисциплин – с представителями других. Все эти маленькие внутренние гражданские войны разбивают силы воюющих сторон, каждая из которых продолжает писать на своих знаменах старые гуманистические лозунги. Предлог для разделения и раздоров – многообразие научных поприщ, открывшихся перед человечеством, но тайная причина их – все та же оставленность духом музыки...» [Белоус 2005, с. 103]. Блок писал:

«Все искусства разлучаются между собою; хоровод Муз становится немыслим, ибо скульптор уже не понимает живописца, живописец – музыканта, и все трое – писателя, который трактуется как поставщик чего-то грузного, питательного, умственного и гуманного – в отличие от легкомысленных художников... Все множественно, все не спаянно; не стало цемента, потребного для спайки: дух музыки отлетел» [там же, с. 106].

Казалось бы, язык Блока – уникальный, мифопоэтический, он ни на что не похож в своей попытке выразить логику мирового развития. Отчасти это так. Но если посмотреть на логику объяснения мировой истории в книге Полетаева и Пунина, то можно найти среди терминологического инструментария те самые понятия, которое активно использует Блок, – равновесие, цельность / целостность.

Вот что сказано в книге о «равновесии» как о стремлении к целостности: «Весь синтез гегельянства есть *преодоление антитезы* (курсив мой. – А. Ю.) человека и Природы с одной стороны, индивида и общества – с другой» [Полетаев, Пунин 1918, с. 111]. И еще – подчеркнутое Блоком: «Немецкая мысль

всегда работала над синтезом двух основных мировоззрений Востока и Запада. Именно германская мысль с особенным упорством стремилась формулировать *синтез основных противоположений нашего мышления: мысли и материи, Человека и Природы* (курсив мой. – А. Ю.)» [Полетаев, Пунин 1918, с. 120].

В нижеследующем фрагменте книги мы видим использование авторами этих двух понятий – уже в концептуальном единстве:

«Соблазняя человечество, Англия вместо последовательно и планомерно организованного целого, в котором использованы все энергии, механизированные и мобилизованные по принципу научного знания, предлагает свою индивидуалистическую, анархическую, дифференцированную концепцию, лишённую единства, системы и напряжения. Вместо целого, организованного на творчество, организацию на торговлю, свободу в выборе средств к благоденствию, методы обогащения и психологию посредственности – вместо методов изобретения и состояния насыщенной и напряженной творческой воли: цивилизацию вместо культуры. Этот **полисмен мира** (подчеркнуто Блоком. – А. Ю.), следящий за всеми усилиями народов, за всяким наращиванием энергии и (далее – слева подчеркнуто Блоком) нарушением *неудобных ему равновесий* (курсив мой. – А. Ю.), покрывает своей нивелирующей мировой политикой все, что только поднялось над уровнем средних вожделений» [там же, с. 74].

Блок подчеркивает те места, где речь идет об энергии в историческом процессе: «Крайне невыгодным ближайшим результатом цивилизации должно считать всюду колоссальную *убыль энергии*, которая идет на поддержание всех кладбищ и покойников истории, всех этих “священных” принципов, завещанных нам историей, и их знаменосцев в цивилизованных обществах» [там же, с. 56].

Если энергия цивилизации убавляется, то это, согласно Блоку, – следствие индивидуализма. О том же самом пишут и авторы книги: «Такой индивид, по необходимости обостряя хронические противоречия общественности, распыляет свою энергию на их преодоление, в известной степени prostituiрует ее на службе интересам частных лиц, и в итоге дает ничтожную работу, сравнительно с той, которую мог дать его творческий потенциал, при наличности социальных форм, организованных на творчества в интересах целого» [Полетаев, Пунин, 1918 с. 56]. Как думает Блок, так думают и авторы книги: «Цивилизованные общества знают, что у них нет реального содержания, потому что нет единства, *нет цельности* (курсив мой. – А. Ю.), нет глубины» [там же, с. 52].

Блок считал, что ответом на раздробленность становится революция – она несет в себе новый синтез: этот «волевой, музыкальный, синтетический ее порыв *всегда оказывается неопределимым* (курсив мой. – А. Ю.), не вводимым ни в какие русла» [Белоус 2005, с. 105]. Кто же теперь лично выражает «синте-

тические порывы»? Для Блока это Вагнер. Но поэт не ограничивается великим композитором, – он видит в нем прежде всего германский дух музыкальной стихии – дух движения, революции.

Так возникает прямое столкновение цивилизации (омертвевшей культуры) и культуры (как стихийного движения масс): «Рассматривая культурную историю XIX века как историю борьбы духа гуманной цивилизации с духом музыки, мы должны были бы переоценить многое и извлечь из громадного наследия то, что действительно нужно то, что *относится к культуре; и нам не особенно нужно то, что относится к цивилизации* (курсив мой. – А. Ю.)» [Белоус 2005, с. 110].

«Время» и «равновесие» – это один из самых размытых мотивов доклада Блока. Разлучение с «духом музыки» – следствие «духовного изнеможения носителей гуманизма» [там же, с. 99]. Блок назвал Канта «лукавейшим и сумасшедшим мистиком», ибо он поставил «во главу своего учения учение о пространстве и времени». В чем же лукавство философа? Кант «поставил пределы человеческому познанию, сооружая страшную гносеологию». Но в своем учении о времени и пространстве он оказался «безумным артистом, чудовищным революционером» [там же, с. 99–100]. Он ощущал два времени – одно календарное, исчисляемое, а другое – неисчислимое, «музыкальное».

Блок полагал, что исчисляемое время и пространство присущи цивилизации: «Нам не нужно никакого *творческого равновесия* (курсив мой. – А. Ю.) для того, чтобы жить в днях, месяцах и годах; эта ненужность затраты творчества быстро низводит большинство цивилизованных людей на степень обывателей мира». Но, замечает поэт, нам «необходимо равновесие для того, чтобы быть близкими к музыкальной сущности мира – к природе, к стихии...» [там же, с. 100]. Если несколько упростить, то можно сказать, что время обывателей – время, когда цивилизация демонстрирует свою «безмузыкальность», как назвал это состояние Блок, а глядя на звезды (если вспомнить кантовский императив) можно ощутить равновесие культурной эпохи, еще не утратившей своих музыкальных свойств.

Но и эти нестандартные рассуждения великого поэта находят свое соответствие в некоторых пассажах книги Полетаева и Пунина. Блок подчеркнул то место, которое особенно близко его пониманию расщепленного времени: «Франция в наиболее могущественные эпохи своей истории ослепляла, но она никогда не волновала человечества глубоко и продолжительно. Она не умела распространять и углублять влияние своих идей, охотно запечатлевая отдельные удачные моменты и **дробя мировые часы на мелкие единицы** (подчеркнуто под строкой Блоком. – А. Ю.), конструированные характером нации» [Полетаев, Пунин 1918, с. 83].

«Человек – артист» – этот тезис стал заключительным в докладе и вызвал в аудитории вопросы и даже недоумение. Как понять эту «новую роль лич-

ности»? Блок назвал Канта «безумным революционером» – безгранично свободным в «духе музыки». Индивидуализм Ренессанса стал причиной гибели всей эпохи, что же родится в новой? В бурном потоке, как писал поэт, несутся «щепы цивилизации», и намечается «новая роль личности», новая цель движения. Это уже «не этический, не политический, не гуманный человек» [Белоус 2005, с. 115], а человек, которого следует назвать «артистом».

Заключение

Александр Блок не принимал конечных идей Полетаева и Пунина о «машинизации» будущего, но, как показывает сравнительный анализ текстов, он шел по той же дороге, какую предложили леворадикальные мыслители-идеалисты, считавшие, что прогресс сосредоточен в культуре германской и русской, объединенных духом ниспровержения устойчивых и потому застывших форм цивилизации. Блок утверждал непредсказуемое будущее творящего начала природной стихии. Финал не просто открытый – но недоступно для глаз человека открытый в своей стихии утверждать новый мир.

Этим тезисом Блок радикально отличается от позиции авторов книги «Против цивилизации», которые видели целью движения – полную машинизацию коллективного труда и своеобразное завершение самого человеческого развития. Для них – это и есть начало коммунистического будущего, в котором пропадает сама идея противостояния цивилизации и культуры. Разве можно допустить низвержение коммунистической цивилизации? Нет, конечно. А вот Блок, при всей наивности завершающего тезиса, оставался верен принятой дилемме до конца.

Напрасно Горький удивлялся, – зачем поэту «скифство»? Весь доклад Блока и был выражением «Скифского манифеста» 1917 г. Главная сила мировой культуры, считал поэт, это «варварские массы», «хранители культуры», они не владеют ничем, «кроме духа музыки». Две «расы», германская и славянская, способны выступить против «безмузыкальной цивилизации». Особая роль отводится России, в которой только что произошла революция, имеющая мировой масштаб.

Сохранился черновой конспект прений. По нему видно, что поэт пытался уточнить *свою позицию* «художника» по отношению к варварству «духа музыки».

А.А. Гизетти с легким упреком говорил ему: «Не надо преклоняться». Он имел в виду отношение к революции. Блок ответил неожиданно. В докладе он ничего не сказал о том, в каких отношениях находится «человек-артист» и сама эпоха революционной бури. Перенос этой дилеммы на себя показывает, что никакого преклонения перед революционной бурей у него лично нет. Его функция – не преклоняться, а только видеть! Увиденное бесстрастно описывать, не делая оценочных суждений. Блок в прениях оказался более ясным, чем в докладе: «Я

как художник не говорю ни да, ни нет, я – глаза, я – смотрю» [Белоус 2005, с. 116]. Кто бы ни был выразителем духа музыки, он сберегает «Единое на Потребу», – у духа музыки нет собственника, нет классовой принадлежности. Никаким адептом революции в ее по-настоящему варварском виде Блок не был, – он принимал дух перемен, преобразований, которые, как природная стихия, неизбежны.

Он так и сказал, обращаясь к Гизетти: «Я не преклоняюсь перед тем, что есть, и не приветствую того, что есть».

Библиография

Андрей Белый о Блоке. Статьи. Дневники. Речи / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А.В. Лаврова. М.: Автограф, 1997. 606 с.

Белоус В.Г. ВОЛЬФИЛА [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924: в 2 т. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2005. Книга первая. 842 с.

Библиотека А.А. Блока. Описание: в 3 т. Л.: БАН, 1985. Кн. 2. 417 с.

Горький М. Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1973. Т. 17. 634 с.

Максимов Д.Е. Критическая проза Александра Блока // Блоковский сборник. Тарту, 1972. С. 28–97.

Поletaев Е., Пунин Н. Против цивилизации / предисл. А.В. Луначарского. Пб.: 4-я Государственная Типография, 1918. 138 с.

Примочкина Н.Н. А. Блок и проблема «механизации» культуры (1918–1919 гг.) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37. № 2. С. 157–167.

Примочкина Н.Н. Философско-эстетические категории «культура» и «цивилизация» в интерпретации А. Блока // Шахматовский вестник: материалы Блоковских конференций «Стихия и культура» (2008) и «А. Блок и Италия» (2009). М.: Наука, 2010. С. 46–53.

Рыков А. Между консервативной революцией и большевизмом. Тотальная эстетическая мобилизация Николая Пунина // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140). С. 240–258.

Федин К. Александр Блок // Книга и революция. 1921. № 1 (13). С. 23–25.

Чуковский К. Дневник. 1901–1929 / подг. текст и комм. Е.Ц. Чуковской. М.: Советский писатель, 1991. 541 с.

Шпенглер О. Закат Европы / пер. с нем. Пб.: Academia, 1923. Т. 1. Ч. 1: Причинность и судьба. 212 с.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. Т. 1: Гештальт и действительность. 666 с.

Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928) / подгот. текста, послесл. и прим. Ж. Нива. Париж: Синтаксис, 1991. 287 с.

Юрганов А.Л. Ренессанс личности в судьбе русского модернизма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 372 с.

References

Andrey Belyi o Bloke. Statii. Dnevnik. Rech [Andrei Bely about Blok. Articles. Diaries. Speeches] Moscow: Avtograf, 1997. 606 p. (In Russ.)

Belous V.G. VOLFIILA [Petrogradskaa Volnaia Filosofskaia Associacia]: 1919–1924 [VOLFIILA [Petrograd Free Philosophical Association]: 2 vol. Moscow: Modest Kolеров i «Tri kvadrata», 2005. Book One. 842 p. (In Russ.)

Biblioteka A.A. Bloka. Opisanie [Library of A.A. Blok. Description.]. Leningrad : BAN, 1985. Book 2. 417 p. (In Russ.)

Gorkii M.. Polnoe sobranie sochinenii.: Khudozhestvennye proizvedeniia [Complete Collected Works: Artistic Works]: 25 vol. Moscow: Nauka, 1973. T. 17. 634 p. (In Russ.)

Maksimov D.E. Kriticheskaia proza Aleksandra Bloka [Alexander Blok's critical prose]. Blok's collection. Tartu, 1972. P. 28–97. (In Russ.)

Poletaev E., Punin N. Protiv civilizatsii [Against civilization]. Peterburg: 4th State Printing House, 1918. 138 p. (In Russ.)

Primochkina N.N. A. Blok i problema «mechanizatsii» kul'tury (1918–1919 gg.) [Blok and the problem of «mechanization» of culture (1918–1919)] // Izvestia AN SSSR. Seria literatury i iazyka [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR]. T. 37. 1978. N 2. P. 157–167. (In Russ.)

Primochkina N.N. Filosofsko-asteticheskie kategorii «kul'tura» i «civilizatsia» v interpretatsii A. Bloka [Philosophical and aesthetic categories of «culture» and «civilization» in the interpretation of A. Blok. Blok] // Shahmatovskii vestnik: materialy Blokovskikh konferentsii «Stichia i kultura» (2008) i «Blok i Italia» (2009) [Shakhmatov's Bulletin: Materials of the Blok Conferences «Elements and Culture» (2008) and «A. Blok and Italy» (2009)]. Moscow: Nauka, 2010. P. 46–53. (In Russ.)

Rykov A. Mezhdru konservativnoi revoliutsiei i bolshevizmom. Total'naia asteticheskaiia mobilizatsia Nikolaia Punina [Between Conservative Revolution and Bolshevism. Total Aesthetic Mobilization by Nikolai Punin] / / Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. 2016. N 4 (140). P. 240–258. (In Russ.)

Fedin K. Aleksandr Blok [Alexander Blok] // Kniga i revoliutsia [Book and revolution]. 1921. N 1(13). P. 23–25.

Chukovskii K. Dnevnik. 1901–1929 [Diary. 1901–1929]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1991. 541 p. (In Russ.)

Shpengler O. Zakat Evropy [The decline of Europe]. Petersburg; Academia, 1923. T. 1. Is. 1: Prichinnost' i sud'ba [Causality and destiny]. 212 p. (In Russ.)

Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii [The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History]. T. 1 : Geshtal't i deistvitel'nost' [Gestalt and reality]. Moscow: Nauka, 1993. 666 p. (In Russ.)

Shteinberg A. Druzia moich rannich let (1911–1928) [Friends of my early years (1911–1928)]. Paris: Sintaksis, 1991. 287 p. (In Russ.)

Yurganov A. Renessans lichnosti v sud'be russkogo modernizma [The Renaissance of the Individual in the Fate of Russian Modernism]. Moscow: Sankt-Peterburg: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2018. 372 p. (In Russ.)

А.С. Стыкалин

**«ОСТРЫЙ И ОТКРЫТЫЙ РАЗГОВОР ТОЛЬКО НАЧАТ...»
ЧЕХОСЛОВАКИЯ КАНУНА ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ
В ВОСПРИЯТИИ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ¹**

***Аннотация.** Пражская весна 1968 г. вошла в историю прежде всего как массовое демократическое движение, направленное на придание свежих сил реальному социализму, повышение его эффективности и внешней привлекательности. Опередив свое время, она была пресечена на корню правящими элитами СССР и стран советского блока, не готовыми к столь далеко идущей либерализации системы отношений в одной из социалистических стран. Литература, посвященная Пражской весне, ее предпосылкам, а также ее подавлению в результате августовского вторжения 1968 г., чрезвычайно обширна и многообразна, однако сохраняет свою значимость введение в научный оборот новых источников. Записки и отчеты советских делегаций и отдельных специалистов, выезжавших в Чехословакию по линии различных советских структур (АН СССР, министерств и ведомств, творческих союзов и т.д.), дополняют новыми фактами наше знание о развернувшихся в соседнем государстве процессах, направленных на совершенствование существующей модели социализма. Ниже публикуется отчет о посещении Чехословакии осенью 1967 г. делегацией, выезжавшей по линии Союза писателей. Общение с учеными-филологами, литераторами, студенческой аудиторией позволило гостям из СССР глубже понять, какими идеями жило чехословацкое общество в самый канун Пражской весны.*

***Ключевые слова:** Чехословакия; Пражская весна 1968 г.; реформы социализма; советско-чехословацкие культурные и гуманитарно-научные связи.*

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, ведущий научный сотрудник Института Всеобщей истории РАН, Россия, Москва.
E-mail: zhurslav@gmail.com
Web of Sciences Researcher ID: AAS-4624-2021

1. Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10053 «Советско-чехословацкие научные коммуникации в 1948–1991 гг.: трансфер идей и социальные практики ученых».

A.S. Stykalin

**«A sharp and open conversation has just begun...»:
Czechoslovakia on the Eve of the Prague Spring through
the Eyes of a Soviet Delegation**

Abstract. Known predominantly as a mass democratic movement, the Prague Spring of 1968 aimed to breathe new life into real socialism, enhancing its effectiveness and attractiveness. Despite its forward-thinking nature, it was thwarted by the ruling elites of the USSR and Soviet bloc countries, who were not ready for such significant liberalization within a socialist country. The scholarly literature on the Prague Spring, including its origins and its suppression following the August 1968 invasion, is both extensive and diverse. However, the incorporation of new sources remains an ongoing necessity.

Notes and reports from Soviet delegations and individual experts in various fields, dispatched to Czechoslovakia by diverse Soviet structures (such as the USSR Academy of Sciences, ministries and departments, and associations of writers and artists), provide new insights into the processes aimed at improving the existing model of socialism in the neighboring state. We present to our readers the report of the Soviet delegation that visited Czechoslovakia in the fall of 1967 as a result of contacts between associations of writers. Dialogue with philologists, writers, and student audiences enabled the Soviet guests to better understand the dominant ideas within Czechoslovak society on the eve of the Prague Spring.

Keywords: Czechoslovakia; Prague Spring 1968; reforms of socialism; Soviet-Czechoslovak contacts in the fields of culture and humanities.

**Stykalin Alexandr Sergeevich – Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy
of Sciences, Leading Researcher, Institute of General History of the Russian
Academy of Sciences. Russia, Moscow.**

E-mail: zhurslav@gmail.com

Web of Sciences Researcher ID: AAS-4624-2021

При всем обилии литературы о Пражской весне 1968 г., ее предпосылках, подавлении и его последствиях сохраняет актуальность введение в научный оборот новых источников – как архивных документов, так и материалов личного происхождения. Среди источников, не привлекавших пока должного внимания исследователей – отчеты и докладные записки по итогам посещения Чехословакии в 1960-е годы выезжавшими в командировки научными работниками (в том числе командированными по линии АН СССР в рамках программ меж-академического сотрудничества), журналистами, деятелями художественной культуры и искусств. Эти документы не только дополняют новыми, подчас довольно существенными штрихами картину происходивших в стране событий и процессов (в том числе в науке и культуре), но и расширяют наши представления именно о трансфере идей «социализма с человеческим лицом», об их рецепции советским обществом, прежде всего наиболее образованной

и продвинутой его частью – технической, научной, творческой интеллигенцией². Вниманию читателей предлагается ниже отчет, отражающий восприятие не только литературной жизни, но всей общественно-политической атмосферы в Чехословакии делегацией, посетившей страну осенью 1967 г. по линии Союза советских писателей. Общение с учеными-филологами, литераторами, студенческой аудиторией позволило лучше представить, какими заботами и идеалами жила соседняя страна в самый канун Пражской весны.

Процесс послесталинской «оттепели» в Чехословакии набрал силу гораздо позже, чем в соседних Венгрии и Польше; это объяснялось и большей укорененностью в обществе коммунистов, еще в условиях Первой Чехословацкой республики (1918–1938) имевших статус парламентской партии, и более высоким уровнем жизни, блокировавшим проявления недовольства населения. Сказался также страх в довольно широких кругах общества перед возможным развитием событий в стране по жесткому венгерскому сценарию осени 1956 г. в случае утраты партийной элитой контроля над ходом реформ. Рубежным в Чехословакии стал не 1956, а 1963 год, причем наиболее резонансным событием явилось подведение итогов работы комиссии по реабилитации, вследствие которого выходит на свободу множество лиц, несправедливо осужденных в начале 1950-х годов, в том числе по так называемому делу «словацких буржуазных националистов» (в их числе были видный деятель Словацкого национального восстания 1944 г. и будущий лидер компартии Чехословакии Густав Гусак, а из деятелей культуры – выдающийся словацкий поэт Лацо Новомеский).

К середине 1960-х годов запоздавшая в Чехословакии «оттепель» набрала полную силу, затронув все поры общественной и культурной жизни. Как характеризует то время советник Вацлава Гавела, а впоследствии его биограф Михаэл Жантовский, пространство творческой и личной свободы в 1960-е годы расширялось пусть не всегда последовательно, но совершенно небывалыми для страны с коммунистическим режимом темпами, что сказывалось на повседневности Праги и основных городов, влияло на молодежную субкультуру. Повсюду расцветали театры малых форм, арт-кафе и рок-клубы с музыкальными

2. *Отчеты литераторов (в том числе писательских делегаций), посещавших социалистические страны, хранятся среди материалов Иностранной комиссии Союза писателей СССР в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), отчеты научных работников из системы АН СССР – в соответствующих фондах Архива РАН. Отчеты представителей технических наук – главным образом в профильных архивах (Российский государственный архив в Самаре, Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга). Наиболее информативные (либо выделяющиеся высоким уровнем политической аналитики) отчеты пересылались затем в аппарат ЦК КПСС, они хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). См. исследования о командировках советских ученых на основе этих отчетов [Ковалев 2022; Шешинёв 2022; Груздинская 2023].*

ми группами, следовавшими новейшим западным образцам [Жантовский 2021, с. 99]. Их возникновение, замечает сам В. Гавел, родившийся в 1936 г., стало знаком, символом нового времени: вступило в активную жизнь **его** поколение, первое, которое сформировалось вне политической конфронтации прежних десятилетий. Оно испытывало глубокую потребность именно в таких театрах, которые никого не собирались поучать и ничего не хотели пропагандировать, но были чувствительным сейсмографом времени и «естественным спонтанным проявлением жизнеощущений этого первого неидеологического поколения» [Гавел 1991, с. 55].

Заметно возрастает открытость чешской культуры и гуманитарного знания внешнему миру. Со снятия табу на показ некоторых американских и французских фильмов в Прагу быстрее, чем в другие восточноевропейские столицы, пришла сексуальная революция: «волосы удлинялись, а юбки укорачивались» [Жантовский 2021, с. 99]. Но перемены, конечно, отнюдь не ограничивались проявлениями массовой культуры. Проведенная еще в 1963 г. нашумевшая международная конференция с участием крупных западных марксистов Э. Фишера и Р. Гароди, посвященная творчеству Франца Кафки, нарушила многолетнее табу на упоминание его имени. В. Гавел и М. Форман задумали вместе делать экранизацию «Замка» Кафки. Уроженец Праги Кафка, хотя и писал на немецком языке, все более воспринимался в Чехии как органичная часть ее собственной культуры, символ ее многообразия и мирового значения. Но на чехословацкой почве нашли в 1960-е годы оригинальное и талантливое преломление и плоды иных культур, включая театр абсурда. Пьесы С. Беккета и Э. Ионеско, американца Э. Олби и других властителей умов 60-х не только пришли на театральные подмостки, но заняли прочное место в репертуарах пражских театров, повлияв на драматургию того же Гавела, яркой кометой ворвавшегося в театральную жизнь Чехословакии, где в те же годы работали такие выдающиеся мастера режиссуры, как А. Радок, О. Крейча. Все чаще Прагу стали посещать культовые фигуры современной западной контркультуры – так, поэт-битник А. Гинзберг, имевший центральноевропейские корни, в 1965 г. выступил перед студентами-филологами Карлова университета. В то время это вызвало немалый скандал, но через два года подобные явления воспринимались уже и частью истеблишмента как нечто не выходящее за рамки дозволенного.

Чем дольше и медленнее, с преодолением вплоть до начала 1960-х годов множества внешних, политических препон, происходило накопление творческого потенциала, тем ярче оказывались плоды в различных областях искусства и, пожалуй, в первую очередь, в кино (фильмы М. Формана, И. Менцеля, В. Хитиловой и других представителей «новой волны»). Причем, что важно, подъем в художественной культуре происходил на благоприятном фоне ускорившейся эмансипации общественных наук, освобождавшихся от прежних

идеологических догм, чему, несомненно, способствовали реформаторские настроения наиболее просвещенной части партийно-государственного аппарата. Начинают прорабатываться планы экономических реформ, не посягавших на основы системы, но заимствовавших некоторые элементы рыночной экономики, и прежде всего введших материальные стимулы вознаграждения за хороший труд. Всё это предвосхищало и подготавливало неповторимую атмосферу Пражской весны 1968 г., когда процесс высвобождения общества из сковывавших его идейных пут вылился в серьезные внутривластные изменения.

Центральным событием не только литературной, но и общественной жизни Чехословакии 1967 г. стал состоявшийся в конце июня съезд писателей, о котором подробно говорится в ниже публикуемом отчете. На съезде ряд видных литераторов-коммунистов, пришедших в литературу уже после установления монопольной власти компартии в феврале 1948 г. и всегда лояльных режиму, а иногда и открыто поддерживаемых им (очень успешный драматург П. Когут, Л. Вацулик, критик А. Лим и др.), выступили с острыми речами, требуя не только либерализации культурной политики, но и системных реформ в стране. Самая активная к середине 1960-х годов генерация чешских интеллигентов еще застала масариковскую Чехословакию и в ранней юности успела впитать в себя ее демократические традиции, а в 1938 г., в дни мюнхенского раздела страны пережила настоящий шок, приведший к ее глубокому разочарованию в западных демократиях, предавших свое наиболее совершенное версальское «детище» в самую трудную для него минуту. Люди, в молодости глубоко разочаровавшиеся в прежних идеалах и, как следствие, воспринявшие коммунистическую идеологию и поддерживавшие февральский путч 1948 г., со временем пришли к переоценке тех событий на основе пережитого, зачастую трагического опыта – личного и общенационального. Приверженность далеко идущим реформам в условиях Пражской весны стала для них серьезным актом самокритики и расчета с прошлым. Разуверившись в существующих, реально воплощенных моделях нового общества, они предприняли свою собственную (возымевшую международный отклик) попытку освободить идею социализма от антидемократических наслоений.

С трибуны писательского съезда было зачитано письмо А.И. Солженицына состоявшемуся в мае съезду советских писателей, чего никто не мог себе позволить в Москве. Вопрос этот, как явствует из публикуемого отчета, серьезно занимал образованных молодых чехов. Они также проявляли интерес к тому, какими идеалами живет советская молодежь и как понимается в СССР социалистическая демократия. Говорить же о советской литературе у молодой, в частности студенческой, чехословацкой аудитории, нечасто возникало желание (если не считать нескольких вопросов о Евтушенко, Вознесенском и современной поэзии), да и профессиональные литераторы не уделили особенно

большого внимания приезду советской писательской делегации, на встречах с ней присутствовали главным образом лица, обязанные это делать по протоколу, а также директора издательств. До вторжения 21 августа 1968 г., положившего конец эксперименту с созданием «социализма с человеческим лицом», оставалось чуть менее года, однако советский опыт, а по большому счету и советская культура независимо от этого события уже давно утратили притягательность, они все более ассоциировались уже не с освобождением Чехословакии от нацистской Германии, а с навязыванием ей сталинской модели. Сказывалось и неумеренное восхваление этого опыта коммунистической пропагандой после 1948 г. «Сейчас нет литературы более презираемой, чем советская, и нет писателя более презираемого, чем Горький», – констатировал один из критиков на страницах журнала «Пламен» еще за несколько лет до августовской интервенции [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 156. Л. 19]. И эта жесткая оценка в целом подтверждается публикуемым ниже отчетом. Разумеется, это не касалось тех ученых-филологов и переводчиков, кто посвятил свою жизнь профессиональному изучению и популяризации новейшей русской литературы, таких как, например, упомянутый не раз в отчете Мирослав Дрозда, замечательный литературовед-русист, профессор Карлова университета. Его переписка с Ю.М. Лотманом еще ждет введения в научный оборот.

Особое недовольство советского посольства, равно как и идеологических структур КПСС, вызвали прозвучавшие на пражском съезде писателей призывы к более независимой внешней политике страны. В первой половине июня разыгралась арабо-израильская «шестидневная война», завершившаяся, несмотря на поддержку СССР, катастрофическим поражением Египта и его союзников. Вслед за Советским Союзом социалистическая Чехословакия разрывает дипломатические отношения с Израилем, что, однако, не было поддержано немалой частью интеллигенции. Видный словацкий писатель Л. Мнячко демонстративно покидает страну и отправляется в Израиль в знак солидарности с государством, ставшим жертвой нападок. «Проблема Мнячко» была названа в отчете одной из самых живых, занимающих наибольшее внимание не только идеологического аппарата, но и творческой интеллигенции. Авторитетные деятели культуры и науки выступили против его исключения из союза писателей, а предложение лишить его чехословацкого гражданства было воспринято как абсурдное и теми, кто не одобрил его поступка. Что же касается писательского съезда, то накал выступлений на нем был таков, что присутствовавший главный идеолог партии И. Гендрих хлопнул дверью, однако следовавшие за этим оргвыводы против особенно «зарвавшихся» литераторов (приостановка выхода издания «Литерарни новины» с последующей реорганизацией редколлегии, исключения из партии и т.д.) уже не имели прежнего эффекта: их не поддержала и часть аппаратчиков – прежде казавшийся незыблемым партийный монолит давал все более очевидную трещину. Ситуация

в союзе чехословацких писателей обсуждалась и на Западе: ездившие в Париж на 70-летие Луи Арагона чешские писатели, как узнаем из отчета, привезли от него письмо с выражением поддержки. В публикуемом отчете приводятся факты, свидетельствующие о реакции в творческих кругах на принятые административные меры, о бойкоте многими литераторами «Литерарних новин» после перетряски редколлегии и смены линии этого издания.

«Острый и открытый разговор только начал, и многие чехословацкие писатели сами не знают, чем он закончится», – читаем в отчете советской делегации. Продолжением этого острого разговора стали активность многих писателей, деятелей культуры, ученых-гуманитариев в неформальных движениях весны-лета 1968 г., их выступления с требованием перемен, нашедшие отражение в прессе в условиях отмененной цензуры. Советские гости, в момент отъезда из Чехословакии предчувствовавшие скорое продолжение начатого на съезде 1967 г. принципиального разговора, вместе с тем ошибались, когда констатировали в отчете отсутствие у выступавших «положительной программы, которая в будущем могла бы привлечь на их сторону писателей». Программа широкой демократизации, плюрализации общественной жизни, поддержанная многими видными представителями гуманитарной и творческой интеллигенции, приобретала конкретные очертания. Немало подписей собрал написанный в июне 1968 г. Л. Вацуликом манифест «2000 слов» – наиболее яркий программный документ интеллигентской оппозиции. Некоторые из лиц, упомянутых в отчете в связи с событиями писательского съезда 1967 г., получили впоследствии всемирную известность. Это в первую очередь М. Кундера, оставивший заметный след в истории не только чешской, но и французской (после своей эмиграции во Францию) литературы.

Учитывая, что любые дискуссии с чешскими литераторами легко могли перейти в нежелательную идеологическую плоскость, члены делегации предложили не включать в рабочие планы Иностранной комиссии Союза писателей СССР проведение каких-либо масштабных встреч литераторов двух стран, ограничившись творческими командировками отдельных писателей, лекциями советских литературоведов о русской и современной советской литературе. Между тем пребывание делегации в ЧССР совпало с острой критикой А. Дубчеком главы партии А. Новотного на пленуме ЦК КПЧ за неспособность отказать от изживших себя методов руководства страной. Через два месяца, в начале января 1968 г., с ведома и согласия Л.И. Брежнева и его окружения (не удовлетворенных деятельностью Новотного, и в том числе тем, что он «упустил из виду» идеологическую ситуацию и контроль над интеллигенцией), Дубчек был избран первым секретарем ЦК КПЧ, что вопреки ожиданиям советского руководства ознаменовало собой успех реформаторского крыла в партии и, как вскоре выяснилось, вступление Чехословакии в эпоху Пражской весны.

Ответное посещение Советского Союза чехословацкой писательской делегацией состоялось в мае-июне 1968 г. Возглавлял ее вышеупомянутый филолог-русист М. Дрозда. Представляет интерес отчет Иностранной комиссии Союза писателей СССР о пребывании этой делегации [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Д. 609. Л. 1–10]. Хотя Советский Союз и Чехословакия оставались союзниками по Организации Варшавского договора и поддерживали тесные экономические связи в рамках СЭВ, их развитие в это время было далеко не синхронным и тот уровень гражданских свобод (прежде всего свободы печати и собраний), которого достигли в Чехословакии всего за несколько месяцев Пражской весны, был совершенно немыслим в СССР. Гости приехали не просто из соседней, союзнической страны, но уже почти из другого мира, охваченного бурными переменами и самыми оптимистическими ожиданиями. И состояние эйфории, охватившее чехословацкую интеллигенцию, не знавшую ничего подобного со времен Т.Г. Масарика и Э. Бенеша, проявлялось в ходе встреч гостей из ЧССР с советскими гражданами. Разумеется, в ходе встреч литераторов и ученых-филологов двух стран не могли не затрагиваться проблемы художественного творчества. Но прежде всего в выступлениях гостей звучали гордость за развернувшиеся дома реформы, вера в особую миссию чехов и словаков (использовалось и уже витавшее в воздухе определение «Пражская весна», которую М. Дрозда метафорически назвал «лучшей книгой», которая пишется в стране с начала года). Процессы обновления не миновали и правящую КПЧ, которая, хотя и не поспевала за обществом и его ожиданиями, но в условиях размывания тоталитарных основ системы медленно трансформировалась под давлением снизу в партию, готовую бороться за мандат избирателей в честной конкуренции с другими силами (что в корне противоречило традиционным большевистским представлениям об авангардной роли партии). Регенерация имевшихся в Чехии традиций гражданского общества, придавленных в конце 1940-х годов коммунистической диктатурой, но не уничтоженных, набрала летом 1968 г. собственную, независимую от воли реформаторов из КПЧ динамику, а лидеры партии во главе с А. Дубчеком были настолько «опьянены» своей популярностью, невиданной в этой стране для коммунистических политиков, что не хотели идти против течения даже под сильным давлением Кремля. Именно развитие и укрепление структур гражданского общества, подталкивавшего власть к реформам, могло стать на определенном этапе гарантом необратимости перемен. А не случилось это потому, что разбуженная политическая активность масс была пресечена грубым вмешательством извне, на которое руководство СССР пошло после нескольких месяцев выжидания, сопровождавшихся политическим давлением, вызовами лидеров КПЧ «на ковер», демонстрацией силы в виде военных маневров стран ОВД на территории ЧССР. Подавление Пражской весны явилось по грандиозности последствий одним из ключевых событий всемирной истории второй половины XX в., во многом предопределивших

необратимость кризиса всего советского блока и мирового коммунистического движения и дискредитировавших в глазах многих современников, до тех пор сохранявших приверженность социалистическим идеалам, позитивное содержание самой идеи социализма в его марксистском понимании.

Следующая поездка советской делегации в ЧССР по линии союза писателей состоялась в марте 1970 г. в совершенно иных условиях – к этому времени в общественно-политической жизни страны уже явно наступил перелом в соотношении сил в пользу противников любых реформ, участились гонения властей на сторонников Пражской весны. Принимая во внимание антисоветский настрой основной массы чешской интеллигенции и возможность нежелательных эксцессов, организаторы поездки с чехословацкой стороны решили ограничить официальную часть программы лишь посещением Словакии, где градус сопротивления общества проводимой политике «нормализации» был чуть ниже; выезд в Прагу на уик-энд двух членов делегации, включая ее главу поэта Е. Долматовского, был неформальным и полусекретным. Приехав в Братиславу в момент начавшегося ужесточения культурно-идеологической политики, когда в Праге уже велась подготовка программных документов об «уроках кризисного развития», заложивших идейные основы курса послеавгустовской «нормализации», советская делегация стала свидетельницей запретительных мер в культурной жизни (кое-что из подлежавших запрету фильмов ей, судя по отчету, всё же удалось посмотреть) [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Д. 943. Л.1–8].

Августовское вторжение 1968 г. нанесло сокрушительной силы удар по традиционно развитым русско-чешским и русско-словацким культурным, научным, духовным, интеллектуальным связям. Не в пример богатой чешской культуре 1960-х годов к культуре периода «нормализации» интереса в СССР уже не было. Прерываются ранее интенсивные неформальные контакты ученых-гуманитариев. Чешская, чуть в меньшей степени словацкая интеллигенция отвернулась от русской культуры и гуманитарного знания едва ли не во всех их проявлениях, не исправили положения даже устроенные в 1970-е годы выставки корифеев искусства русского модернизма и авангарда (богатые материалы об этом также содержатся в РГАЛИ). Мало интереса друг к другу проявляли и творцы культуры андерграунда двух стран. Чешский самиздат зачастую обходил вниманием даже крупных русских писателей, имевших проблемы с советской властью, – их произведения, как правило, переводились на чешский с опозданием, только тогда, когда получали всемирную известность (это касалось и нобелевских лауреатов А.И. Солженицына и И.А. Бродского). Произошло не просто нарушение естественного диалога культур, а настоящий коллапс культурного и гуманитарно-научного сотрудничества сверх запротоколированного довольно грубого официоза. Последствия этого коллапса дают знать о себе и сегодня в глубоком российско-чешском взаимонепонимании, проявляющемся на различных уровнях.

Отчет о пребывании в ЧССР делегации советских писателей³

Делегация советских писателей выезжала в Чехословакию в соответствии с планом культурного сотрудничества на «Дни культуры РСФСР в ЧССР». Союз чехословацких писателей неоднократно просил (письменно и по телефону) Иностранную комиссию СП СССР прислать делегацию во второй половине октября, а не в ноябре, когда «Дни культуры РСФСР» должны были проводиться в общегосударственном масштабе, в период месячника советско-чехословацкой дружбы (7 ноября – 12 декабря). По просьбе СЧП делегация прибыла в Прагу 20 октября и находилась в ЧССР 12 дней (до 31 октября). За это время СЧП не организовал ни одной значительной встречи с читателем, ни одного серьезного разговора с писателями. Следует отметить, что делегация советских писателей была сформирована в соответствии с просьбой чехословацких товарищей: они назвали имена советских писателей, чьи произведения издавались и издаются в Чехословакии. Почти все произведения Д. Гранина, С. Залыгина и Г. Семенова переведены на чешский и словацкий языки. Тем больше вызывает недоумение, что чехословацкие товарищи не смогли ни в какой мере воспользоваться пребыванием в их стране известных советских писателей.

Если говорить о встречах с чехословацкими писателями, то это были встречи главным образом с теми, кто руководит издательствами и журналами, публикующими произведения советской литературы⁴. [...].

Значительное внимание оказали делегации два специалиста в области русской и советской литературы – Иван Слимак и Мирослав Дрозда, организовавшие встречи со студентами. Встреча со студентами педагогического института и сельскохозяйственного техникума, проведенная в Трнаве⁵ при активном участии двухсот студентов, явилась единственной и действительно серьезной и интересной встречей. Встреча прошла живо и вызвала много вопросов, которые носили в основном литературный характер. Были и вопросы, касающиеся идеалов советского молодого поколения, вопросы понимания социалистической демократии. Встреча со студентами в Трнаве, на которой председательствовал И. Слимак, – это единственная встреча с большой аудиторией, оставившая у делегации приятное воспоминание.

3. В делегацию входили Даниил Гранин, Сергей Залыгин, Алим Кешоков, Георгий Семенов и консультант Иностранной комиссии Союза писателей СССР, отвечавший за связи с Чехословакией, литературовед-славист Татьяна Миронова, которая, по-видимому, и составляла отчет.

4. Далее по тексту был перечислен ряд директоров издательств, главных редакторов периодических изданий.

5. Город в Словакии.

На встрече со студентами в Праге присутствовало около 80 человек. С самого начала председательствующий М. Дрозда как бы устранился от ведения встречи. Большинство заданных вопросов не носило литературного характера и было очень мало вопросов, касающихся творчества присутствующих на встрече писателей. Первый заданный вопрос: «Почему письмо Солженицына не было зачитано на съезде советских писателей и не опубликовано в советской печати?».

Далее вопрос был задан Д. Гранину, как он оценивает литературную ситуацию, сложившуюся в Чехословакии. Были вопросы о Вознесенском, Евтушенко и других поэтах. Писателей, с которыми члены делегации встречались в официальной и неофициальной обстановке, было очень немного⁶. [...]

Во время пребывания делегации советских писателей в ЧССР об их приезде не сообщалось ни в одной газете, ни по радио; ни один корреспондент не явился, чтобы побеседовать или взять интервью. Только после отъезда делегации 2 ноября еженедельник «Культурни творба» (№ 44) опубликовал беседу с писателями в своей редакции и также использовал материалы встречи со студентами-русистами на философском факультете Пражского университета. В статье, которая называется «Их было пятеро», даются короткие высказывания писателей о своей работе и о творческих планах на будущее⁷. [...]

За пять дней пребывания в Словакии делегация советских писателей осмотрела Братиславу, Трnavу и курортное место Пештяны, прожила два дня в Доме творчества словацких писателей Будмерице.

За неделю пребывания в Праге члены делегации осмотрели столицу, совершили поездки в Лидице, Терезин, Мельник, Карлштейн, дважды побывали в театре и кино, посетили гашековскую пивную «У калиха», слушали «Искусство любви» Овидия в поэтической винарне «Виола».

6. Далее по тексту перечисляется более десяти имен (в основном второстепенных литераторов, с которыми члены делегации встретились в Праге и Братиславе). Опуцен фрагмент о встречах и проходах советской делегации, в которых не принял участие никто из чешских и словацких писателей, только сотрудники издательства и журнала, специализирующихся на пропаганде СССР и советской культуры, а также функционеры Иностранной комиссии Союза писателей ЧССР, среди которых были люди, не знающие русского языка.

7. Далее опуцен фрагмент, в котором говорится о посещении делегацией советских писателей Общества чехословацко-советской дружбы в Праге и Дома дружбы в Братиславе. Словацкие хозяева сетовали, что не смогли собрать большой актив (100–150 человек), как это у них принято, так как узнали о приезде советских писателей в ЧССР всего за три дня до их прибытия в Братиславу. Всё же благодаря стараниям словацких русистов была организована встреча со студентами в Трнавe, а также встреча с представителями словацких издательств. Советские гости посетили пресс-конференцию, посвященную подготовке Словакии к 50-летию Октябрьской революции в России и услышали впечатлившие их цифры о том, что в Словакии ежегодно издается до 60 названий книг, переведенных с русского и других языков народов СССР (речь шла, очевидно, не только о художественной литературе).

В день отъезда из Праги в Москву члены делегации встретились с Антонином Лимом – критиком и переводчиком, исключенным из партии за антипартийное выступление на IV съезде СЧП. Идею встречи с Лимом подал главный редактор еженедельника «Культурни творба» Фр. Колар. Информирова делегацию о событиях, имевших место во время и после съезда чехословацких писателей, Фр. Колар и [сотрудник этого журнала] М. Филип дважды отметили желательность такой встречи, которая поможет советским писателям глубже и разносторонне понять те процессы, которые типичны для сегодняшней литературной ситуации в Чехословакии. На приеме в Союзе писателей в связи с вручением подарка писателям Чехословакии от писателей РСФСР (большая палехская коробка и юбилейное поэтическое издание «Пою мое Отечество») члены делегации посоветовались в отношении встречи с А. Лимом с референтом посольства В.К. Журавлевым, который также одобрил идею встречи с А. Лимом.

А. Лим вкратце изложил то, что было высказано им на съезде, не касаясь ряда острых политических проблем. (Все члены делегации перед отъездом в ЧССР подробно изучили материалы IV съезда СЧП.) Кроме того, некоторые события он старался осветить с наиболее благоприятной для себя стороны: он говорил, что никакого сговора с их стороны не было, хотя их стремятся представить как заговорщиков, что они не были группкой инакомыслящих писателей, а лишь ораторами, наиболее остро выразившими настроения 99% писателей, о чем свидетельствует «Резолюция съезда» и итоги выборов съездом Президиума СЧП в составе, не утвержденном Идеологическим отделом ЦК. Даже в отношении письма Солженицына, зачитанного на съезде П. Когоутом, А. Лим сказал, что почти все присутствующие на съезде знали его содержание, но тем не менее проголосовали за то, чтобы здесь оно было прочитано. Впечатление от сообщения А. Лима было воспринято делегацией как стремление Лима «реабилитировать съезд и реабилитировать самого себя», о чем откровенно и сказал в ходе беседы с Лимом С. Залыгин. Как подчеркивали в частных беседах с нами наши старые друзья (И. Скала, К. Розенбаум и др.), негативная программа у группы людей, представленной А. Лимом, М. Кундерой, И. Климой, Л. Вацуликом и другими, есть, но нет никакой положительной программы, которая в будущем могла бы привлечь на их сторону писателей.

Знаменательно, что из всех тех, кто работал в старой редакции еженедельника «Литерарни новины» и кто с передачей «Л.н.» Министерству культуры получил заработную плату за три месяца вперед до 31 декабря 1967 г., только А. Лим уже устроился на работу и работает редактором на телевидении.

Накануне отъезда на родину делегация советских писателей была приглашена в советское посольство в Праге. К сожалению, то, о чем нас информировал в посольстве Советник по культуре С.И. Прасолов, было уже известно делегации и было произнесено им накануне отъезда ее из Праги, т.е. не имело никакой практической ценности для делегации на время ее пребывания

в ЧССР. Посольство, хотя и знало о миссии делегации, ничего не предприняло для того, чтобы помочь осуществить ту программу, которая была запланирована для делегации еще до отъезда из Москвы. Никто из посольства не встретил делегацию и не проявил к ней никакого интереса, пока члены делегации сами не заявили о себе.

Несколько слов об общественно-политических событиях, имевших место в ЧССР в период пребывания делегации советских писателей⁸. [...] В октябре начали активизировать свою деятельность редакции художественной литературы, получившие значительное подкрепление в результате планомерной и целенаправленной деятельности партийных органов, руководящих издательской политикой. Критик Иржи Гаек (главный редактор журнала «Пламен») назначен главным редактором по художественной литературе в политическом издательстве «Свобода»; поэт Иван Скала возглавил молодежное издательство «Млада фронта»; писатель Алексей Плудек – профсоюзное издательство «Праце».

Издательство «Чехословацкий писатель», боясь потерять тех писателей-реалистов, которые ранее издавались здесь, а потом отошли на задний план или совсем сошли на нет, под предлогом, что читатель не читает их произведений, теперь разыскивает своих старых авторов и заключает с каждым из них договор, по условиям которого всё, что данный писатель напишет в течение пяти лет, он будет отдавать для публикации только в это издательство.

Писательница М. Томашова, работавшая в течение нескольких лет над романом о совместных боевых действиях чехословацкого корпуса и советских войск на Украине в годы II Мировой войны, не могла найти издателя. Военное издательство «Наше войско», отказавшееся в свое время включить в план книгу, теперь разыскало писательницу, предложило ей закончить работу над романом и даже выплатило ей аванс.

До сих пор многие чешские и словацкие писатели продолжают бойкотировать новое издание «Литерарных новин». По поводу «Л.н.» существует множество разнообразных мнений. Но ясно одно: те писатели-коммунисты, которые поддерживают линию партии и стараются сохранить «Литературную газету» для писателей, продолжают в ней сотрудничать, хотя и получают упреки и анонимные письма. Это И. Скала, Я. Глазарова, Фр. Кубка. Несомненно также, что старая редакция «Л.н.» активно продолжает нападать на тех, кто в той или иной форме сотрудничает с новыми «Литерарными новинами». Известны нападки на О. Шейнпflugову – артистку и вдову К. Чапека, передавшую редакции «Л.н.» ряд своих очерков. Известный критик и переводчик советской литературы Сергей Махонин (из белоэмигрантской семьи) позвонил жене пи-

8. Опуцен небольшой фрагмент, где говорится о заседании, на котором 26 октября был избран Президиум Союза чехословацких писателей в составе 16 человек, которые перечислены (должность председателя Союза осталась вакантной).

сателя М. Горничека, который находился в Монреале в качестве корреспондента «Л.н.», и потребовал, чтобы она сообщила мужу, что «Л.н.» уже нет и чтобы он категорически отказался писать в новые «Л.н.».

Словацкие писатели значительно спокойнее относятся как к проблемам вокруг «Литерарных новин», так и к другим литературным чешским проблемам. Они считают, что нечто подобное было у них в 1963–1964 гг. в отношении еженедельника «Культурни живот». Так что, как они говорят, свое они пережили.

Сейчас у словацких писателей одна из самых живых – проблема Мнячко. В октябре, как нам неофициально рассказывали, состоялось два заседания в Идеологическом отделе ЦК, на котором рассматривались проблемы, связанные с Мнячко. Л. Мнячко до сих пор является членом Союза словацких писателей. Руководство ССП вывело его только из состава ЦК, но отказалось исключить из Союза, ссылаясь на то, что Мнячко не совершил ничего, что бы противоречило Уставу Союза. Если он не вернется, то он автоматически останется за пределами Союза. А если, как он сам говорит, вернется на родину? Л. Тяжкий, П. Штевчек, П. Шпитцер, Д. Татарка, З. Ясенска – все они активно выступают за то, что Мнячко должен остаться членом Союза. Мало того, двое последних критикуют не столько Мнячко (хотя они и не одобряют его отъезда), а «глупый закон», позволяющий лишать гражданства человека, который этого не хочет и который утверждает, что он вернется на родину. Из Израиля Мнячко прислал в еженедельник «Культурни живот» три репортажа, «очень хорошие, но сейчас публиковать их мы не будем», как сказал нам П. Штевчек. Интересно то, что те писатели и критики (в том числе и группа вокруг «Л.н.»), которые раньше нападали на взгляды и литературную деятельность Мнячко, придавая ему значение лишь как журналисту, в лучшем случае – очеркисту, но не художнику, теперь повсюду защищают Мнячко. Защищая Мнячко, они нападают на основы социалистической демократии в ЧССР, на политику партии в области культуры. Кстати говоря, ездившие на юбилей Л. Арагона первый секретарь ССП поэт М. Валек и член ЦК СЧП прозаик Я. Отченашек, якобы, привезли письмо Л. Арагона А. Новотному, в котором тот выражает свое несогласие с политикой в области культуры, которую проводит Коммунистическая партия Чехословакии и лично А. Новотный. (Вполне возможно, что Л. Арагон получает основную информацию о событиях в ЧССР от А. Лима, который близко знаком с Арагоном и является почти монопольным переводчиком всех его произведений на чешский язык.)

Осенью этого года были исключены из партии писатели А. Лим, И. Клима и Л. Вацулик. П. Когоут получил строгий выговор с предупреждением. Сейчас Контрольная Комиссия ЦК рассматривает дело М. Кундеры, который вместе с Лимом явился вожаком оппозиционной группировки, обосновавшейся в старой редакции «Литерарных новин».

Подводя итоги сказанному, можно отметить следующее:

Литературная ситуация в Чехословакии сейчас очень сложна. Во многих случаях речь идет не только о литературных проблемах или вопросах идеологии, но о вопросах политических. Острый и открытый разговор только начал, и многие чехословацкие писатели сами не знают, чем он закончится. В разговоре с советскими писателями они не поднимали спорных вопросов и не ждали от нас участия в их решении. Беседы, которые были, носили в основном информационный характер.

Учитывая печальный опыт нашей делегации, а также отказ чехословацкой стороны от проведения совместной дискуссии в Москве, а затем в Праге по проблемам современной драматургии, считаем нецелесообразным планировать на 1968 год проведение каких-либо совместных дискуссий. Желательно сосредоточить наши усилия:

- на командировках писателей с творческими целями (сбор материалов для написания сборников стихов, книг, очерков, рассказов о наших странах);
- на поездках писателей и критиков с чтением лекций по русской и советской литературе (об этом просили нас в Обществе дружбы в Словакии);
- поддерживать личные связи и личные поездки писателей друг к другу;
- поскольку в ЧССР остро стоит проблема молодежи, то желательно было бы обмениваться делегациями молодых писателей с целью взаимного ознакомления с экономической и культурной жизнью наших стран;
- помогать через соответствующие инстанции чехословацким журналам, широко публикующим материалы о политике, экономике и культуре СССР. Речь идет прежде всего о чешском еженедельнике «Свет Советов», а также о детском журнале «Дружба», издающемся на русском языке в Братиславе.

А. Кешоков, Д. Гранин, С. Залыгин, Г. Семенов, Т. Миронова⁹

[Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 27. Д. 440. Л. 1–12].

Библиография

- Гавел В. Заочный допрос. Разговор с Карелом Гвиждялой. М.: Новости, 1991. 216 с.
- Груздинская В.С. «Два месяца в Чехословакии»: командировка П.Г. Богатырева осенью 1960 года // Славяноведение. 2023. № 6. С. 106–123.
- Жантовский М. Гавел. М.: РОССПЭН, 2021. 552 с.
- Ковалев М.В. Советско-чехословацкий технологический трансфер: от первых послевоенных лет до Пражской весны (по материалам отчетов советских инженеров о командировках) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021117-7-1/>.

9. Далее (л. 13–17) опубликован дневник пребывания делегации в ЧССР.

Шешнёв А.С. Советские геологи на международном геологическом конгрессе в Праге в 1968 году // Разведка и охрана недр. 2022. № 10. С. 58–62.

References

Gruzinskaya V. «Dva mesyatsa v Chekhoslovakii»: komandirovka P.G. Bogatyreva osen'yu 1960 goda [«Two Months in Czechoslovakia»: P.G. Bogatyrev's Trip in the Autumn of 1960]. Slavianovedenie [Slavic Studies]. 2023. N 6. P. 106–123. (In Russ.)

Havel V. Zaochnyi dopros. Razgovor s Karlem Hvížd'alou. Moscow: Novosti, 1991. 216 p. (In Russ.)

Kovalev M.V. Sovetsko-chekhoslovatskiy tekhnologicheskii transfer: ot pervykh poslevoyennykh let do Prazhskoy vesny (po materialam otchetov sovetskikh inzhenerov o komandirovkakh) [Soviet-Czechoslovak Technological Transfer: from the First Post-War Years to the Prague Spring (on the Base of the Foreign Trips Reports of Soviet Engineers)]. Istoriya [A History]. 2022. Vol. 13. N 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021117-7-1/> (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [The Russian State Archive of Literature and Art], RGALI.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii [The Russian State Archive of Contemporary History], RGANI.

Sheshnev A.S. Sovetskiye geologi na mezhdunarodnom geologicheskome kongresse v Prage v 1968 godu [Soviet Geologists at the International Geological Congress in Prague in 1968]. Razvedka i okhrana neдр [Exploration and protection of subsoil]. 2022. N 10. P. 58–62. (In Russ.)

Žantovský M. Havel. Moscow: ROSSPEN, 2021. 552 p. (In Russ.)

А.В. Полосин, Д.А. Аникин

О ВЕКТОРНО-ОСЕВОМ ПОДХОДЕ К ЦИВИЛИЗАЦИОННОМУ МНОГООБРАЗИЮ

***Аннотация.** Актуализация цивилизационного подхода в современной отечественной гуманитарной науке ставит ряд важных задач, связанных с раскрытием и проблематизацией отдельных элементов данного подхода в контексте новых социальных и политических вызовов. К числу таких проблемных элементов анализа цивилизаций относится выявление параметров для сравнительного анализа.*

Статья ставит своей целью методологическое обновление цивилизационного подхода за счет выработки методики сравнительного анализа цивилизаций, что предполагает формулирование универсальных параметров, позволяющих выявить существенные особенности каждой цивилизации. Существующие методологии сравнительного анализа (Р. Инглхарт, Г. Хофстеде, Ш. Шварц) акцентируют внимание на различных типах сообществ, но преимущественным предметом их анализа являются национальные культуры, что снижает эвристический потенциал разработанных методик при переходе к наднациональным сообществам, обладающим определенной культурной спецификой.

В статье представляется новый, векторно-осевой, подход к измерению цивилизационного многообразия, предполагающий обращение к шести параметрам, используемым для оценки конкретных культурных ареалов с точки зрения доминирующих ценностей. Каждый из указанных параметров (системность, социальность, антропность), упорядоченных в пары противоположностей (расширение-концентрация, связанность-расцепленность, логичность-эмоциональность), может присутствовать в качестве ценностного ориентира для представителя той или иной культуры / цивилизации, однако доминирование какого-либо из указанных векторов позволяет определить наиболее характерные для общества черты. Как отмечают авторы, такие характеристики стоит воспринимать не столько как изначальные и неизбежные черты некоего сообщества, сколько как актуальные ценностные ориентации, позволяющие выявлять ценностные различия и использовать их в рамках сравнительных сопоставлений.

***Ключевые слова:** культура; цивилизация; сравнительные исследования; ценности; язык; вектор; система координат; социальное развитие.*

**Полосин Андрей Владимирович – доктор политических наук,
проректор РАНХиГС. Россия, Москва.
E-mail: 79857610845@yandex.ru**

Аникин Даниил Александрович – кандидат философских наук, начальник отдела по методическому обеспечению проектов государственной политики Управления сетевых и партнерских проектов государственной политики РАНХиГС. Россия, Москва.

E-mail: dandee@list.ru

Scopus Author ID: 56426263200

Web of Science Researcher ID: D-7070-2013

Polosin A.V., Anikin D.A.

On the Vector-Axial Approach to Civilizational Diversity

Abstract. *The increasing use of the civilizational approach in modern domestic humanitarian science highlights several crucial tasks, particularly concerning the clarification and problematization of its elements in light of new social and political challenges. A major issue in the study of civilizations is defining parameters for comparative analysis. This article aims to refine the methodology of the civilizational approach by developing a framework for comparative analysis that formulates universal parameters to highlight the essential traits of each civilization. Current methodologies for comparative analysis (R. Inglehart, G. Hofstede, S. Schwartz) primarily address various types of communities, with a focus on national cultures. However, this concentration reduces the heuristic efficacy of these methods in analyzing supranational communities with unique cultural specifics.*

The article presents an innovative vector-axial approach for assessing civilizational diversity, using six parameters to assess cultural ranges based on dominant values. These parameters (systemicity, sociality, anthropicity), arranged in opposing pairs (expansion-concentration, connectivity-splitting, logicity-emotionality), offer value guidelines for representatives of different cultures or civilizations. The dominance of any of these vectors helps to determine the most distinctive features of a society. The authors suggest that these characteristics should be viewed not as intrinsic and inevitable community traits but as current value orientations that allow for identifying value differences within comparative frameworks.

Keywords: *culture; civilization; comparative research; values; language; vector; coordinate system; social development.*

Andrey Vladimirovich Polosin – Doctor of Political Sciences, Vice-Rector of RANEPA. Russia, Moscow.

E-mail: 79857610845@yandex.ru

Anikin Daniil Alexandrovich – Ph.D., Head of the Department for Methodological Support of State Policy Projects, Department of Network and Partner Projects of State Policy, RANEPA. Russia, Moscow.

E-mail: dandee@list.ru

Scopus Author ID: 56426263200

Web of Science Researcher ID: D-7070-2013

Дискуссия о содержании и границах применимости цивилизационного подхода, возникшая в публичном пространстве в последние годы, выявила существенные расхождения в формулировании понятий и положений, используемых различными авторами в отношении этой проблематики. Несмотря на значительное число теоретических работ, посвященных «цивилизации» и «цивилизациям», до сих пор можно наблюдать множественные различия как в прочтении самого этого термина «цивилизация», так и в выборе связанного с ним категориально-понятийного аппарата.

Безусловное влияние на подобную пестроту позиций оказывает то обстоятельство, что на протяжении десятилетий цивилизационный подход в России был вытеснен на периферию социального знания, причем лишь отчасти по причинам научно-исследовательского плана; не меньшее значение имела идеологическая составляющая. Доминирование марксистско-ленинской философии и пришедшее ему на смену господство либерально-индивидуалистических концепций ни в коей мере не способствовали популярности неортодоксальных взглядов и теорий, стремясь выставить последние в качестве опасных и недоверенных маргиналий. Таким было отношение к цивилизационному подходу в советские годы, но и в постсоветское время научная дискуссия по поводу достижений и недостатков подхода оказалась затруднительной. Сами тексты «классиков» цивилизационного подхода (А. Тойнби и др.) были опубликованы, быстро приобретя статус «нового канона», но не становясь предметом систематического изучения и критики, учитывающей ту временную дистанцию, которая возникла между временем написания данных текстов и временем их освоения постсоветской аудиторией.

Тем не менее цивилизационная оптика оказалась одним из подходов, способных обогатить социальные исследования и преодолеть наблюдаемый внутри последних раскол на два идейных «лагеря» (ортодоксов марксизма, с одной стороны, и апологетов либеральных стандартов – с другой). Это оказалось возможным не только за счет обращения к новой «повестке дня» (включавшей, среди прочего, идеи «столкновения цивилизаций»), но и благодаря подчеркиванию культурных различий и ценностной природы социального знания (и общества как объекта соответствующего исследования). Если во второй половине XX и даже в начале XXI в. популярной и даже «модной» доминантой социально-гуманитарной методологии были количественные исследования, которые рассматривались как лучший способ получения достоверной и верифицируемой информации, то в настоящее время гуманитарная наука стремится к совмещению количественных и качественных методов, учету аксиологического ракурса и мировоззренческих факторов общественного развития и многообразия социальной динамики [Публичные ценности 2014].

Вследствие подобного состояния большинства разработок, более чем актуальной представляется задача оформления и концептуализации такой моде-

ли культурно-цивилизационных различий, которая учитывала бы передовые достижения в области социологии, антропологии и политической науки, и, при этом, позволяла бы эффективно и результативно обращаться к цивилизационному подходу в рамках выработки прикладных решений, а не только теоретических (а подчас и надуманных) метафор. Решение такой задачи, базируясь на разработках предшественников, должно, в первую очередь, уделять внимание прикладному значению и, следовательно, апробированности применения их подходов.

Культура и цивилизация

Вопреки популярному мнению Терри Иглтона, рассматривающему «культуру» и «цивилизацию» как разные полюса важной исторической антиномии («Конфликт между культурой и цивилизацией, таким образом, относился к достигшей кульминации размолвке между традицией и современностью (...) По иронии судьбы теперь термин «культура» используется скорее для описания жизненных форм «дикарей», чем цивилизованных людей» [Иглтон 2012, с. 22–25]), мы полагаем, что при выборе из двух доступных современным социальным наукам значений «цивилизации» одна из сторон такого выбора представляется устаревшей и в актуальных условиях практически маргинальной. Сегодня высказывание о том, что «цивилизация» есть наиболее совершенная стадия общественного развития, противостоящая «дикости» или «варварству», выдает в его авторе ретрограда, не ознакомившегося ни с одним из исследований в рамках цивилизационного подхода за последние несколько десятилетий; в то же время, актуальным и валидным представляется определение Уильяма Макнила, в соответствии с которым цивилизация представляет собой сообщество, «скрепленное общим литературным каноном и поведенческими ожиданиями, заданными таким каноном» [Mcneill 1990, p. 8]. Очевидно, что в мире, несмотря на все унифицирующее влияние глобализации, по-прежнему существует множество разных культурных канонов, восходящих к принципиально различным «классикам» и воспеваемым ими «представлениям о человеческом поведении». Цивилизация, таким образом, становится конструкцией, объясняющей многообразие и равноправие различных культур.

Но где же можно обозначить границу, при пересечении которой «культура» (со всеми современными коннотациями этого термина, все чаще перемещающими то в пространство «отсталых сообществ», то в статичные мультикультурные реалии) трансформируется в «цивилизацию»? Несмотря на недопустимость пренебрежительного отношения в отношении так называемых «малых государств», следует признать, что реалии мировой политики и международных отношений все-таки позволяют провести различие между теми «канонами», которые сформировали вокруг себя определенную «зону влияния», и теми, которые за-

мкнулись исключительно в узких (чаще всего – национальных) границах. Вслед за отдельными языками, до сих пор остающимися *lingua franca* на значительных территориях, разделенных на множество независимых государств, отдельные народы на этом пространстве впитывают и культурные особенности исходной цивилизации. Творчество Лопе де Веги, Сервантеса и Гарсиа Лорки изучают в школах от Мексики до Аргентины; книги Диккенса читают в канадском Ванкувере и новозеландском Окленде; труды Ибн Маджи объединяют правоверных суннитов от Марокко до Индонезии. Произведения Пушкина и музыка Чайковского играют такую же объединяющую роль для евразийского пространства, распространяясь не только на русском, но и на других языках, но транслируя те смыслы, которые были выработаны в рамках российской (а еще конкретнее говоря – православной) культуры. Не зря Николай Данилевский, разрабатывая свою идею многообразия «культурно-исторических типов» человечества, указывал, что такие типы возникают на основе общности, рожденной языком и воплотившейся, среди прочего, в особом, уникальном и самобытном «культурном ядре».

Подобным признанием, однако, проблема не решается, а лишь трансформируется в вопрос о том, что именно следует считать цивилизационным «канон», и какого рода плюральность является для цивилизационного подхода релевантной, а какая – излишней. Допущенное выше упоминание Ибн Маджи в данном отношении отнюдь не случайно: историк Юрий Слезкин указывает, что в наиболее плодотворном ключе рассуждение о «западноевропейской» цивилизации как «христианах латинского обряда» опирается на их единство вокруг «священных текстов, унаследованных от устных традиций и учительских и пророческих откровений», размыкающих между собой «конфуцианскую, индийскую, персидскую, исламскую, еврейскую, греко-римскую» и иные «большие сообщества» [Слѣзкин 2023, с. 44–45]. Таким образом, различий между текстами и литературными памятниками, свойственными той или иной культуре, недостаточно – они будут присутствовать даже в случае максимально близких друг другу народов (таких, как немцы и австрийцы или белорусы и украинцы); основанием же как для объединения подобных «родственников», так и для их размежевания от других цивилизационных «миров» должны являться мифообразующие культурные феномены (религиозные или секулярные). Именно они, по-видимому, и могут быть определены как «ядро» ценностных систем, неизбежно связанных с цивилизационными сообществами.

Вместе с тем, несмотря на заманчивое предположение о возможности отождествления религиозной и цивилизационной идентичности, стоит отметить и существенные препятствия для утверждения подобной позиции.

Во-первых, любая мировая религия стремится к максимальному распространению, игнорируя различия в классовой принадлежности, национальности, расе и прочих культурных и биологических характеристиках (как сказано в Послании к Колоссянам: «Нет для меня ни эллина, ни иудея...»). В этом

смысле цивилизационный подход, исходящий из принципиальной множественности сообществ с различной культурой, вряд ли может быть синтезирован с религиозным мировоззрением в таком примитивно-прямолинейном значении, как это делает в своей работе «Столкновение цивилизаций» американский политолог Сэмюэль Хантингтон, когда определяет цивилизации в соответствии с преобладающим типом религии. Разумеется, религия является важным компонентом культурной и цивилизационной идентичности, но само соотношение религии и цивилизации можно трактовать и в обратном ключе. В конце концов, принятие Россией православия привело не только к приобщению России к византийской цивилизации, но и к возникновению самобытной цивилизационной общности, в которой универсальные христианские постулаты приобрели свое особое звучание.

Во-вторых, подобное отождествление ставит сложный вопрос о том, может ли считаться представителем цивилизации индивид, имеющий отличающуюся религиозную идентичность или вообще не имеющий таковой; в случае российской цивилизации этот вопрос звучит особенно остро. Да и сама история христианства демонстрирует, например, не последовательное сближение тех народов, которые испытали религиозное воздействие, а, скорее, обратную тенденцию – постепенные расколы единого религиозного поля в соответствии с теми культурными ориентациями, которые уже сложились у различных народов и культур.

Вполне очевидно, что на мировоззренческий фундамент цивилизации влияет, в первую очередь, язык – но, оставаясь *primus inter pares*, он дополняется религиозным своеобразием и иными историко-институциональными трендами (включая, прежде всего, опыт политического доминирования какого-либо государства в пределах религиозной или языковой группы). Именно последние определяют, почему Испания и Португалия, являясь, казалось бы, частью евро-романской цивилизации (что очевидно в силу принадлежности к единой группе языков), сформировали огромный ареал ибероамериканского мира. Языковые различия разделяют нередко постулируемую «исламскую цивилизацию» как минимум на три полноценных сегмента – «арабскую», «тюркскую» и «иранскую» цивилизации; вместе с тем исторические и военно-политические обстоятельства разрывают германскую языковую ветвь, оставляя по одну её сторону Центральную Европу и Скандинавию, а по другую – бывшие пространства Британской империи, включая Великобританию, США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию.

К сожалению, нередко приходится наблюдать утверждения эссенциалистского характера, будто бы «культурное ядро» цивилизаций остается категорически неизменным на протяжении тысячелетий; такая позиция как правило подкрепляется высказываниями политиков, уподобляющими «культурный код» коду едва ли не генетическому. На деле, даже в пределах «ядра» присутствует единство культурного многообразия, не отменяющее, однако, гетеротипической стабильности самих ценностей: как отмечает Николай Данилевский, «цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие» [Данилевский 2008, с. 113]. В этом нет противоречия с указанным выше принципом «культурного ядра», поскольку речь идет о совпадении базовых культурных характеристик при наличии определенных инвариантов. В динамическом аспекте подобное многообразие позволяет обеспечить преемственность без стагнации, поскольку в качестве импульсов для развития используются те или иные культурные элементы, принадлежащие изначальному комплексу.

Одной из наиболее значимых и резонансных концепций, связанных с постулированием подобного многообразия, является теория «множественных модерностей» Шмуэля Эйзенштадта. В соответствии с этой теорией, разнообразные культурные традиции, отличающие одно сообщество от другого, не являются препятствием на пути развития (как это приписывала бы прежняя идея «цивилизации» или даже «модернизации»), а становятся лишь источником своеобразия выбранного пути. В результате развивающиеся социальные миры, отличающиеся своим культурно-ценностным контекстом, не должны сплетаться в жестко универсальную рамку (как предполагалось ранее), а становятся примером своеобразного взаимного изменения: с одной стороны, прогрессистские

технологические и общественные тренды встраиваются в специфическую логику, продиктованную специфическими культурными переменными, а с другой – сами общественные традиции трансформируются и видоизменяются в соответствии с меняющимся социально-политическим окружением.

Можно констатировать, что понятия «культура» и «цивилизация» преодолели немалый путь трансформации своего содержания и соотношения между собой, начиная с XVIII в., когда европейская культура начала активно использовать термин «цивилизация» для обозначения высшей стадии общественного развития, противопоставляемой предшествующим стадиям (дикости и варварству). В XIX в. кризис линейно-прогрессивного мировоззрения вызвал к жизни концепцию локальных цивилизаций, в рамках которой был поставлен вопрос о культуре как причине различия цивилизаций. Это наиболее важные вехи, которые необходимо отметить для понимания поставленных в статье вопросов, хотя сама логика развития цивилизационного подхода не может быть охвачена одной публикацией, демонстрируя множество методологически различных вариантов понимания. Из относительно свежих обзорных публикаций можно упомянуть монографию «Российское общество: архитектура цивилизационного развития», подготовленную ФНИСЦ РАН и позволяющую представить многообразие современных представлений о цивилизации и цивилизационном подходе [Российское общество 2021]. Оставляя в стороне многообразие аспектов раскрытия цивилизационного подхода, сосредоточимся только на одном аспекте, а именно – методологии сравнительного анализа цивилизационных образований.

Исследование различий и материальность цивилизации

Исследование культурных различий между обществами – не новая страница для социальных наук. Именно этой проблематике посвящены разработки World Values Survey Рональда Инглхарта, одного из наиболее значимых в мировом масштабе лонгитюдных проектов, методология кросс-культурных сопоставлений («культурных измерений») Гирта Хофстеде или теория ценностных ориентаций Шалом Шварца.

Методология «Всемирного исследования ценностей» (WVS) подразумевает изучение культурных и ценностных ориентаций различных обществ по всему миру и проводится с 1981 г.; с этого времени было проведено семь волн исследований (в настоящее время реализуется восьмая волна) [2024–2026 World Values Survey Wave 8]. WVS ориентировано на изучение фундаментальных принципов мировоззрения населения различных стран и, в не меньшей степени, динамики ценностных ориентаций в различных аспектах жизнедеятельности. Структура актуальной волны предполагает внимание к различным подсекциям исследования – от вопросов счастья и благополучия до политической культуры и планирования семьи (см. табл. 1, 2).

Подсекции 8-й волны «Всемирного исследования ценностей»*Таблица 1*

1.	Общественные ценности, установки и стереотипы.
2.	Счастье и благополучие.
3.	Социальный капитал, доверие и участие в организациях.
4.	Индекс постматериализма.
5.	Безопасность.
6.	Экономические ценности, коррупция и миграция.
7.	Наука, технология и климатические изменения.
8.	Религия.
9.	Этнические ценности и нормы.
10.	Планирование семьи.
11.	Политические интересы и политическое участие.
12.	Политическая культура и режимные конфигурации.
13.	Демография.

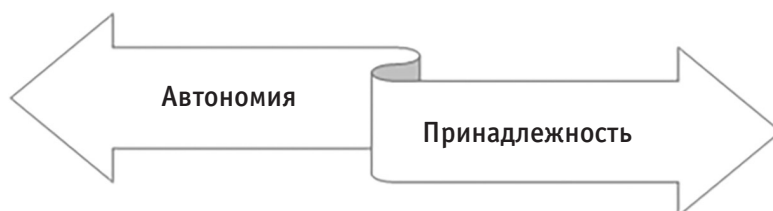
В свою очередь, методология Hofstede Insights включает шесть измерений кросс-национальных сопоставлений [Hofstede 2011]:

Таблица 2

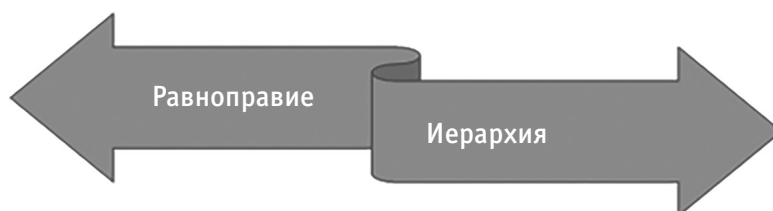
Измерение	Содержание
Power Distance.	Восприятие неравного распределения власти в обществе, отражающее степень, в которой менее влиятельные члены институтов и организаций в стране ожидают и принимают, что власть распределена неравномерно.
Индивидуализм vs коллективизм.	Степень взаимозависимости и ориентации человека на крупные сообщества и группы с сильно выраженным коллективным «Мы».
Мотивация достижения успеха.	Доминирующие формы ценностной мотивации людей – ориентация на конкуренцию и успех или на заботу о других, гармонию и качество жизни.
Избегание неопределенности.	Степень, в которой люди склонны избегать неопределенных и неизвестных ситуаций и ориентированы на создание институтов, предотвращающих такие ситуации.
Долгосрочная ориентация.	Ориентация обществ на поддержку освященных временем традиций или прагматичного подхода к планированию будущего.
Дозволенность vs сдержанность.	Степень, в которой население склонно к контролю за своими желаниями, эмоциями и поведенческими импульсами.

Схожую попытку дать классификацию культур с точки зрения преобладания в них того или иного параметра ценностных ориентаций дал Шалом Шварц. Он, во многом, опирался на методологию Хофстеде, но считал, что сам набор параметров, по которым можно выделить отличие национальных культур друг от друга, должен быть иным. В рамках его теории культурных ценностных ориентаций (КЦО), исследования по которой охватывают более

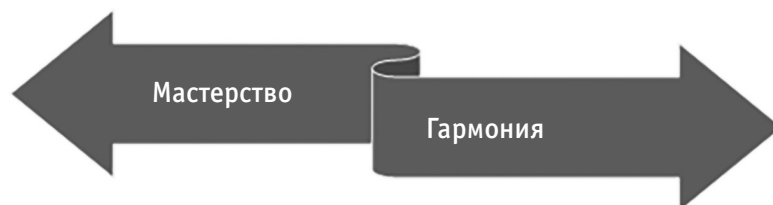
80 стран мира, были выявлены восемь культурных ареалов. В их основе лежали следующие базовые дилеммы [Schwartz & Ros 1995]:

Автономия (интеллектуальная и чувственная) Человек рассматривается как независимая и неповторимая личность.	Принадлежность Человек должен быть включен в определенное сообщество и разделять цели такого сообщества.
--	--

Равноправие Поддерживаются сотрудничество, справедливость и равенство.	Иерархия Поддерживаются авторитет и дисциплина.
--	---

Мастерство Поддерживаются смелость, инициатива, честолюбие и успех.	Гармония Поддерживаются мир, забота, единство с природой и окружающей средой.
---	---

Несмотря на отдельные преимущества каждой из представленных моделей, они, на наш взгляд, недостаточно учитывают значимый для современных культурных сопоставлений цивилизационный аспект, выражающийся, как минимум, в обоснованном предположении того, что мировой культурный диалог включает в себя не только разделенные национальными границами атомарные государственные единицы, но и более крупные сообщества, сформированные в результате близких траекторий исторического развития, языкового и гене-

тического родства, тесных экономических и коммуникативных взаимосвязей. Данный диалог ценен не только и не столько как некий автономный («исторический») фактор общественного развития, но в контексте социальных институтов, на практике воплощающих цивилизационные связи.

Например, за продвижение испанского языка в мире по-прежнему отвечают расположенные в Мадриде Институт Сервантеса (имеющий 90 центров в 45 странах мира) и Ассоциация академий испанского языка (включающая национальные учреждения 23 стран); интеграцию тюркского мира поддерживает расположенная в Анкаре Международная ассоциация тюркской культуры ТЮРКСОЙ и Организация тюркских государств, секретариат которой расположен в Стамбуле. Британское Содружество Наций со штаб-квартирой в Лондоне по-прежнему объединяет 56 государств, предлагая им постоянное взаимодействие через несколько десятков спортивных, культурных и образовательных организаций. «Юнион Джек», исторический флаг Великобритании, и сейчас используется во флагах четырех независимых государств (не считая самого Соединенного Королевства); выражающий принадлежность к исламской культуре полумесяц встречается на 13 флагах. По всему миру функционируют 73 Русских дома [География русских домов], созданных Россотрудничеством и выступающих в качестве инструментов сохранения и продвижения российских ценностей. Таким образом, не только определенный набор ценностей, но и вполне конкретные формы их продвижения и закрепления выступают основаниями для формирования цивилизационного единства, даже в контексте пересечения границ цивилизаций.

Иными словами, многие цивилизационные сообщества имеют вполне конкретное институциональное выражение, если не закрепление, – и именно эта, вполне «материальная» сторона, отличающаяся от ожидаемой «эфмерности» цивилизационного единства, определяет почти рутинное воспроизводство культурных связей внутри пусть и воображаемого, но все-таки обретающего существование (к примеру, в практиках взаимодействия или ритуалах) более крупного ценностного единства.

Векторно-осевой подход

Учитывая достижения ранее разработанных подходов и моделей, мы полагаем возможным предложить следующую модель цивилизационных различий, нуждающуюся в дополнительной верификации на основе широкого спектра социологических, культурологических и психологических инструментов. Базовым допущением для этой модели является представление о том, что институциональная система общества является производной от доминирующих ценностей, обращающихся к традициям, символам и идеалам. Любая цивилизация характеризуется стремлением к самореализации и продвижению собственных идеалов вовне, но выбор того набора средств воздействия, которым это продвижение

и будет осуществляться, позволяет говорить не просто об отличии одной цивилизации от другой, но и о выработке методологии сравнительного анализа, позволяющего классифицировать цивилизации, относя их к определенному типу. Таким образом, типологизация цивилизаций правомерно может базироваться не только на попытках определения ключевой идеи или описании культурного ядра цивилизации, но и на изучении отдельных обоснованных параметров.

Предлагаемая система описания цивилизаций основана на рассмотрении каждого цивилизационного образования как динамической социальной системы, базирующейся на трех ключевых параметрах: системности, социальности, антропности (см. табл. 3).

Для лучшей визуализации имеет смысл представить набор параметров для анализа цивилизации в виде трехмерной системы координат, принимая при этом, что привычное выделение плюса и минуса в оценке конкретных координат является продуктом дальнейшего развития математической мысли, в то время как у самого Декарта, к примеру, понятия «положительных» и «отрицательных» величин в оценке направления осей отсутствовали. Соответственно, из точки начала координат выводятся противоположно направленные пары векторов, образующие оси X, Y и Z и характеризующие дуалистичную ориентацию отдельных культурно-ценностных параметров.

Таблица 3

Ось координат	Ключевой параметр	Векторы
Ось X	Системность.	Энтропия (расширение) – негэнтропия (концентрация).
Ось Y	Социальность.	Связность – расщепленность.
Ось Z	Антропность (принятие решений).	Логичность – эмоциональность.

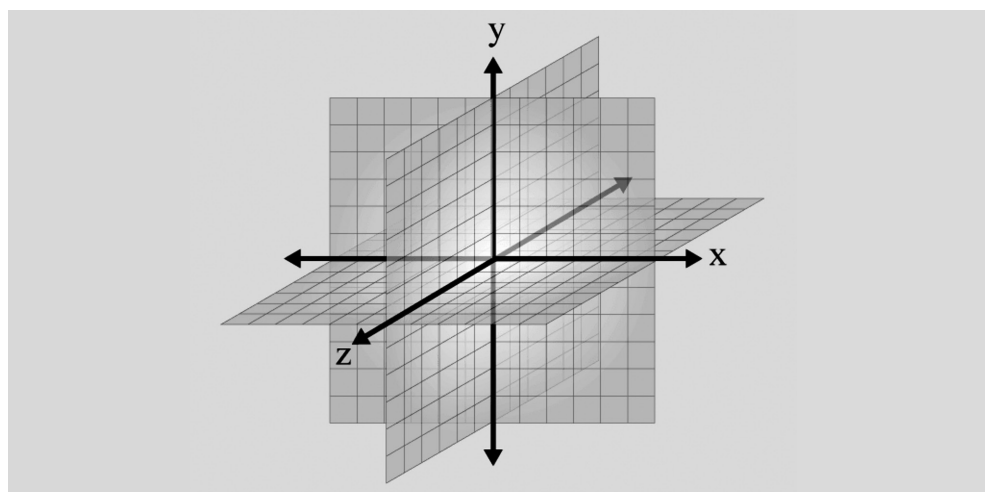
Первой из таких осей является пара векторов «энтропия (расширение) – негэнтропия (концентрация)». В отличие от энтропии, характеризующей стремление системы к хаосу и распаду, физический термин «негэнтропия» используется для описания противоположного процесса, характеризующего самоорганизацию и упорядочение. На психологическом уровне эта пара категорий может осмысливаться как ориентация на экстенсивное расширение (экспансию) либо как стремление к порядку (сосредоточение), т. е. реализацию личностных возможностей исключительно в пределах заданных границ позитивной свободы. Вместе с тем сознательный отказ от психологической интерпретации данной системы векторов позволяет говорить именно о характеристике цивилизации как социальной системы, а не только как совокупности определенных ментальных представлений.

Вторая ось определяет динамику ценностных ориентаций общества в дихотомии «индивидуальность – связность», где первый полюс выражает до-

минирующую ориентацию на личностное развитие или атомарно-номиналистское восприятие социальных процессов, а второй – ориентацию человека на более крупные и широкие сообщества с выраженной и доминантной коллективной (со-общественной) идентичностью. Безусловно, в чистом виде трудно представить себе общество, у которого присутствовала бы только одна из обозначенных тенденций, но сравнительный анализ позволяет увидеть, насколько та или иная ценность более ярко проявлена в соответствующем культурном ареале. Опять-таки, нет смысла пытаться свести данную дихотомию к классической схеме однозначной ориентации «индивидуализм versus коллективизм», поскольку речь идет о характеристике преимущественной (но не исключительной) ценностной направленности цивилизации.

Наконец, третья пара векторов характеризует когнитивные характеристики цивилизации с точки зрения ориентации ее представителей на рассудочно-логическое или, напротив, чувственно-эмоциональное поведение в ситуациях ценностного выбора. Психологическое измерение данных векторов отражается в выборе доминанты прагматических (конъюнктурных) приоритетов и материального благополучия или доминанты духовных приоритетов и культурной самоактуализации.

Пространственная разверстка этих векторов в виде трехмерной системы координат дает возможность выделить восемь сегментов, каждый из которых оказывается ограничен тремя векторами. Если в двухмерном пространстве такие области, которые описываются двумя координатами взаимно перпендикулярных плоскостей, называются квадрантами, то для трехмерного пространства в математике используется понятие «октант». Данные октанты для лучшего структурирования и восприятия могут быть обозначены римскими цифрами (I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII) или латинскими буквами: A, B, C, D, E, F, G, H.

Выраженность того или иного вектора в характеристике деятельности конкретной цивилизации может быть представлена с различной интенсивностью (в векторном анализе такое различие выражается в понятиях «сильный градиент» – «слабый градиент»), что позволяет не просто обозначить наличие того или иного вектора, а выявить специфику его проявления. Сильный градиент обозначает отчетливое доминирование конкретного фактора в системе цивилизационных ценностей, в то время как слабый градиент позволяет говорить о существенном (выявляемом на уровне социологических исследований), но не доминирующем положении анализируемого показателя.

Поскольку единица отсчета в векторной модели располагается в центре оси координат, а не в ее начале, это позволяет, во-первых, отказаться от изначального упрощения цивилизационной системы за счет введения положительных/отрицательных характеристик, а во-вторых, получить шесть отдельных параметров, по каждому из которых можно произвести оценку конкретного культурного ареала на предмет набора ключевых ценностей. Итогом всего вышесказанного является то, что применение векторной модели позволяет выявить обоснованные характеристики отдельных обществ. Каждый из указанных в модели параметров может присутствовать в конкретной цивилизации, но именно доминирование тех или иных векторов позволяет определить характерные черты данной цивилизации, отнести ее к определенному типу. Разумеется, такая модель позволяет говорить, что указанные характеристики являются не столько изначальными и объективными чертами конкретного общества, сколько ценностными ориентациями, позволяющими построить определенную классификацию (см. табл. 4).

Таблица 4

Вектор	Ключевые ценности
Связность.	Родство, преемственность, согласие, справедливость.
Расщепленность.	Автономия, права личности, персональный статус.
Эмоция.	Любовь, свобода, творчество / созидание.
Логика.	Знание, правильность, иерархия, истина.
Расширение.	Свобода, развитие, прогресс.
Концентрация.	Ответственность, порядок, единство.

При этом, важным моментом является то, что сформированная таким образом система описания цивилизации открывает возможность рассмотрения общественной системы через описание пространства власти и доминирования тех или иных конфигураций, определяющих развитие общественной системы. Измерение такого рода параметров проводилось в рамках исследований 2007–2009 гг. Ю.А. Барклянским и А.В. Полосиным при исследовании генезиса политических кризисов и разработки системы анализа факторов, определяющих

формирование протестных проявлений. Результаты этого исследования (в виде «метода логико-генетического анализа, позволяющий простроить причинно-следственные цепочки индикаторов») проходили апробацию в органах власти Российской Федерации и показали высокую эффективность [Полосин, Барклянский, Гречишников 2011, с. 519].

Таким образом, параметры цивилизации как социальной системы могут быть отображены в трехмерном пространстве, показывая наличие восьми октантов, имеющих выраженную ориентацию на тот или иной способ воздействия (или властвования, если понимать под властью в предельно широком смысле право и возможность влиять на поведение других субъектов); верификация подобных ориентаций октантов является предметом продолжающихся в настоящий момент исследований авторского коллектива. Важным является то, что конкретный набор параметров позволяет не только определить набор ценностей, использующихся для определения воздействия, но и сформулировать ключевую идею и набор инструментов воздействия.

Принципиально важным для прикладного использования векторно-осевого подхода к цивилизациям является то, что методы верификации предложенных инструментов классификации и анализа могут быть существенно расширены за счет использования цифровых систем анализа текстов нормативных и официальных документов, а также за счет анализа информационной среды. Таким образом, стандартные эмпирические исследования, связанные с историографическими методами культурологии, интроспективными методами социологии и прогностическими психологическими методами могут получить дополнительный инструментарий для сравнительного анализа цивилизаций.

С одной стороны, сравнительный анализ цивилизаций является одним из ключевых пунктов цивилизационного подхода со времен его возникновения, но с другой – специфика его применения в контексте современной стадии развития гуманитарных наук должна основываться на умении переосмыслить классические схемы, подвергнуть их научной ревизии. Происходящие в мире изменения, актуализация сущностных вопросов цивилизационного развития требует создания и апробации новых моделей понимания процессов общественного развития как на микроуровне, так и на уровне процессов формирования, существования и развития цивилизаций. Простое отрицание или попытка использовать модели, предложенные нашими предшественниками, требует реального переосмысления. Большого и быстрого шага к созданию новых концепций мироустройства невозможно достичь без критического отношения ко всем существующим моделям и без появления новых инструментов анализа, отвечающих как научным параметрам, так и тем задачам, которые ставятся перед исследователями с точки зрения общественных и политических вызовов.

Библиография

География Русских домов // Россотрудничество. URL: <https://rs.gov.ru/kontakty/predstavitelstva-za-rubezhom/represents-with-map/> (дата обращения: 15.11.2024).

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации. 2008. 816 с.

Илтон Т. Идея культуры. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 192 с.

Полосин А.В., Барклянский Ю.А., Гречишников С.Е. Проект создания системы анализа и прогнозирования социально-политической ситуации в регионах Российской Федерации: методологическое обоснование // Россия: тенденции и перспективы развития. 2011. № 6–2. С. 517–520.

Публичные ценности и государственное управление / Под ред. Л.В. Сморгунова, А.В. Волковой. М.: Аспект Пресс, 2014. 400 с.

Российское общество: архитектура цивилизационного развития / Под ред. В. В. Козловского. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. 340 с.

Слэзкин Ю.Л. Самобытное государство-цивилизация, его соседи и родственники // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 4. С. 44–55.

2024–2026 World Values Survey Wave 8. // World Values Survey. URL: https://www.worldvaluessurvey.org/documents/WVS-8_QUESTIONNAIRE_V11_FINAL_Jan_2024.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // IACCP. 2011. URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8/> (дата обращения: 12.11.2024).

McNeill W. «The Rise of the West» after Twenty-Five Years // Journal of World History. 1990. Vol. 1. № 1. Pp. 1–21.

Schwartz S. & Ros M. Values in the West: A Theoretical and Empirical Challenge to the Individualism-Collectivism Cultural Dimension // World Psychology. 1995. № 1. Pp. 91–122.

References

Eagleton T. Ideya kul'tury' [The Idea of Culture]. Moscow: Izdatel'skij dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki [Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics], 2012. 192 p. (In Russ.)

Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow: Institut russoj civilizacii [Moscow: Institute of Russian Civilization], 2008. 816 p. (In Russ.)

Geografiya Russkix domov [Geography of Russian Houses]. Rossotrudnichestvo. URL: <https://rs.gov.ru/kontakty/predstavitelstva-za-rubezhom/represents-with-map/> (date of access: 15.11.2024). (In Russ.)

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. IACCP. 2011. URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8/> (date of access: 12.11.2024).

Federacii: metodologicheskoe obosnovanie [The Project for the Creation of a System for Analysis and Forecasting of the Socio-Political Situation in the Regions of the Russian Federation: Methodological Justification]. Rossiya: tendencii i perspektivy' razvitiya [Russia: Development Trends and Prospects]. 2011. N 6–2. P. 517–520. (In Russ.)

McNeill W. «The Rise of the West» after Twenty-Five Years. Journal of World History. 1990. Vol. 1. N 1. pp. 1–21.

Polosin A.V., Barklyansky Yu.A., Grechishnikov S.E. The Project for the Creation of a System for Analysis and Forecasting of the Socio-Political Situation in the Regions of the Russian Federation: Methodological Justification [The Project for the Creation of a System for Analysis and Forecasting of the Socio-Political Situation in the Regions of the Russian Federation: Methodological Justification]. Russia: Development Trends and Prospects [Russia: Development Trends and Prospects]. 2011. N 6–2. P. 517–520. (In Russ.)

Polosin A.V., Barklyanskij Yu.A., Grechishnikov S.E. Proekt sozdaniya sistemy' analiza i prognozirovaniya social'no-politicheskoy situacii v regionax Rossijskoj Federacii: metodologicheskoe obosnovanie. Rossiya: tendencii i perspektivy' razvitiya. 2011. N 6–2. S. 517–520.

Publichny'e cennosti i gosudarstvennoe upravlenie [[Public Values and Public Administration]. Pod red. L.V. Smorgunova, A.V. Volkovoj. Moscow: Aspekt Press, 2014. 400 p. (In Russ.)

Rossijskoe obshchestvo: arxitektonika civilizacionnogo razvitiya [Russian society: the architectonics of civilizational development]. Pod red. V. V. Kozlovskogo. Moscow; SPb.: FNISCh RAN, 2021. 340 p. (In Russ.)

Schwartz S. & Ros M. Values in the West: A Theoretical and Empirical Challenge to the Individualism-Collectivism Cultural Dimension // World Psychology. 1995. N 1. Pp. 91–122.

Slyozkin Yu.L. Samoby'tnoe gosudarstvo-civilizaciya, ego sosedi i rodstvenniki [An original state-civilization, its neighbors and relatives] // [Russia in global politics] // Rossiya v global'noj politike. 2023. Vol. 21. N 4. P. 44–55. (In Russ.)

2024–2026 World Values Survey Wave 8 // World Values Survey. URL: https://www.worldvaluessurvey.org/documents/WVS-8_QUESTIONNAIRE_V11_FINAL_Jan_2024.pdf (date of access: 15.11.2024).

М.А. Шаткин, М.О. Орлов

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК НАСЛЕДИЕ:
РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ¹**

***Аннотация.** В настоящее время в России актуализировалась тема цивилизационной идентичности и этнокультурных традиций. Особенностью современного обращения к этой теме являются социокультурные изменения (акцентирование значения личности в выборе традиции) и углубление социальных и гуманитарных знаний о традиции, что требует реконцептуализации этого феномена через призму жизненного мира личности. В частности, стереотипное представление о традиции как наборе привычных моделей мышления и поведения, некритично воспринимаемых одним поколением от другого, не соответствует действительности традиционных обществ, где традиция являлась предметом постоянной рефлексии. Сегодня в государственной политике, например в сфере образования, личность предстает в образе собственника, который владеет различными ресурсами (например, компетенциями) поэтому попытки транслировать традицию через нарратив о принадлежности личности к традиции вступает в противоречие с данным образом. Предлагается рассматривать традицию как наследие, обращенное к личности в контексте отношений собственности. Выделяются четыре формы традиции как наследия: унаследованное – прошлое как неотъемлемая часть настоящего, определяющее среди прочего его специфику; наследство – совокупность объектов и практик, сохранившихся от прошлого в настоящем; завещанное – традиция как коллекция ценностей, взаимно поддерживающих значение друг друга; и последствия-пережитки, которые могут иметь форму либо частных анекдотических элементов прошлого, либо «токсичной ностальгии» в рамках борьбы либеральной традиции против традиционных ценностей. Навыки различения унаследованного, наследства, завещанного и пережитков позволят избежать ловушки интерпретации случайных явлений в качестве необходимых, а частных примеров в качестве выражения сути этнокультурной традиции.*

Ключевые слова: традиция; наследие; идентичность; собственность; личность; завещанное.

1. Работа выполнена при поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания (проект № FSRR-2024-0005).

Шаткин Максим Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Россия, Саратов.

E-mail: maximshatkin@gmail.com

Researcher ID: AAX-4034-2020

Scopus Author ID: 57210108126

Орлов Михаил Олегович – доктор философских наук, заведующий кафедрой теологии и религиоведения Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Россия, Саратов.

E-mail: orok-saratov@mail.ru

Researcher ID: D-9366-2013

Scopus Author ID: 57210108193

Shatkin M. A., Orlov M. O.

Ethnocultural Tradition as Heritage: The Modern Reconceptualization

Abstract. *Presently, the topic of civilizational identity and ethno-cultural traditions has gained urgency in Russia. The contemporary approach to this subject is characterized by socio-cultural changes that emphasize the individual's role in the selection of traditions, alongside the expansion of social and humanitarian understanding of tradition. This necessitates the reconceptualization of these phenomena from the perspective of the individual's life world.*

In particular, the stereotypical view of tradition as merely a set of habitual patterns of thinking and behavior uncritically received by each generation does not correspond to the reality of traditional societies, where tradition was continuously reflected upon. In contemporary public policy, especially within education, individuals are portrayed as holders of various resources (e.g., competencies). Therefore, efforts to transmit tradition via the narrative of personal belonging to tradition contradict this image. It is suggested to reconceptualize tradition as heritage directed toward the individual within the context of ownership relations.

Four forms of tradition as heritage are identified: inheritance, where the past is an integral part of the present, contributing to its specificity; bequest, which encompasses the objects and practices preserved from the past into the present; legacy, defined as a collection of values that mutually reinforce each other's meaning; and repercussions, or vestiges, which may manifest as private anecdotal elements of the past or «toxic nostalgia» within the conflict between liberal tradition and traditional values. Developing the ability to distinguish between inheritance, legacy, bequest, and vestiges helps avoid misinterpreting accidental phenomena as necessary and private examples as representations of the essence of ethnocultural tradition.

Keywords: *tradition; heritage; legacy; inheritance; identity; property; personality.*

Shatkin Maxim Aleksandrovich – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science at the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky. Russia, Saratov.

E-mail: maximshatkin@gmail.com

Researcher ID: AAX-4034-2020

Scopus Author ID: 57210108126

Orlov Mikhail Olegovich – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Theology and Religious Studies at the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky. Russia, Saratov.

E-mail: orok-saratov@mail.ru

Researcher ID: D-9366-2013

Scopus Author ID: 57210108193

Введение

Особенностью современного социокультурного ландшафта в России является актуализация темы цивилизационной идентичности в новых исторических условиях, когда ценности западного мира перестают быть глобальными и всё больше вступают в противоречие с устоями большей части человечества. Как следствие, происходит очередной цикл возрастания интереса к этнокультурным (в том числе духовным) традициям, воплощающим национально-культурную и цивилизационную идентичность [Кузнецов 2021, с. 96; Кутырева 2022]. В отличие от предшествующих периодов интереса к традиции, сегодняшний обладает принципиально новыми чертами. Во-первых, это изменение роли личности, которая в условиях глобального цифрового общества становится субъектом ответственного цивилизационного выбора [Синецкий, 2019], имеющего доступ ко всему богатству традиций мира. Некоторые авторы радикализуют изменение роли личности в утверждении о «системном приоритете индивида над общим порядком» [Саден 2023, с. 20], что ставит вопрос о понимании традиции, выполняющей функцию укрепления этого порядка. Во-вторых, это значительно углубившиеся знания в сфере социальных и гуманитарных наук, которые позволяют сформировать новый взгляд на феномен традиции, преодолевая стереотипы и методологические ограничения, связанные с ее рассмотрением только с точки зрения функционирования общества. В частности, это относится к расширенному пониманию традиции как процессу передачи накопленного социального опыта, т.е. фактически идентификация традиции с культурой в целом и воспроизводством духовной жизни человека как таковой [Сопов 2007, с. 7; Даренская 2023], так что перенос такого расширенного понимания в целом на этнокультурные традиции может вести к абсолютизации последних в качестве метафизической сущности (архетипов и «логосов»), довлеющей над народами и предопределяющей их мышление, поведение и историческую судьбу.

Таким образом, сегодня понятие «традиции» требует своей реконцептуализации, а именно, переосмысления через призму жизненного мира современной личности, чьи связи с социальным порядком менее очевидные, чем у прежних поколений. Это позволит выявить те концептуальные элементы традиции, которые оставались скрытыми при её рассмотрении с перспективы общества в целом, а не отдельной личности. При этом, с учетом того, что наиболее интенсивное и критическое осмысление этнокультурных традиций происходит в период, когда личность принадлежит возрастной группе молодежи, т.е. с 14 до 30 лет, при проведении исследования целесообразно рассматривать образовательный контекст, в котором личность, как правило, пребывает в данный отрезок жизни.

Поставленная задача реконцептуализации традиции как наследия требует решения двух исследовательских вопросов: во-первых, обоснование того, что рассмотрение традиции через призму жизненного опыта личности методологически оправданно, и определение основного содержания, наполняющего связь между личностью и традицией в современном мире; во-вторых, раскрытие различных форм традиции и отношения личности к традиции, раскрывающейся в данных формах.

1. Традиция и жизненный мир личности

Научная и общественная дискуссия, государственная политика в сфере сохранения этнокультурных традиций, как правило, сознательно или спонтанно опирается на теоретическую перспективу, в которой общество воспринимается как целостная система, в которой социальный порядок воспроизводится и легитимируется посредством традиции [Колядко 2021, с. 156]. В данном контексте традиция предстает как широкий и не имеющий четких границ набор традиционных нравственных и семейных ценностей, мировоззренческих установок, культурных символов и т.д., которые должны быть переданы подрастающим поколениям и тем самым обеспечить социальную когнитивную идентичность, осознанную причастность «индивида к определенной социальной группе или сообществу через внутренне принимаемые им нравственные, моральные, правовые, религиозные нормы, обычаи и традиции» [Драпезо 2022, с. 188]. Соответственно, задача определения точного набора и содержания традиций дополняется задачей найти язык, понятный молодежи, чтобы на этом языке транслировать традиционные ценности [Теплова 2019, с. 665]. В сфере народного образования разные формы воспитания (патриотическое, духовно-нравственное) также предполагают массовую трансляцию определенных нарративов в «увлекательной и доступной форме», что должно обеспечить их успешную рецепцию аудиторией.

Теоретической предпосылкой к передаче традиции через массовые коммуникации является основанная на трудах зарубежных авторов XX в. концеп-

ция конститутивного влияния медиа на сознание и саму структуру реальности [Клягин 2018, с. 15–16]. С этой точки зрения индивиды – реципиенты нарративов о традициях являются пассивной *tabula rasa*, на которой неизбежно отпечатываются идеи, ценности, интерпретации исторических событий. Соответственно, этнокультурные традиции, передаваемые всем арсеналом современных медиа, смогут снова играть ту всеобъемлющую и формирующую личность роль, которую они, в соответствии со сложившимся в науке XX в. представлениями, играли в так называемых «традиционных обществах». Однако такой подход, наделяющий традиции и медиа безоговорочной властью над личностью, в настоящее время уже не может быть признан обоснованным по следующим аргументам.

1. Представление о власти традиций опирается на образ тех обществ, которые на протяжении последних столетий получили название «традиционных». На основе работ М. Вебера, У. Бека, Э. Гидденса сложился стереотип о традиции как нереплексивном воспроизводстве привычных моделей мышления и поведения, контрастом к которым выступает характерная для общества Модерна рефлексивность, в том числе по отношению к самой личности как «проекту» [Веряскина 2017, с. 95]. По мере модернизации общества восприятие непосредственного «объективного» социокультурного содержания традиции всё более дополняется рефлексией личности относительно переданных из прошлого форм социального бытия [Иларионов 2015, с. 8–9]. На наш взгляд, подобное видение традиции и традиционного общества уже не соответствует современным знаниям об обществах, относимых к традиционным. Даже с учетом того, что традиции в архаических и средневековых обществах были функциональной заменой формальных институтов либо контекстом их существования, для этих обществ традиция являлась не столько «объективным» «грузом», который надлежало нести, и не «коридором», предопределяющим возможности движения, сколько «компасом». Этот компас не просто указывает ориентир для человеческой деятельности, но также постоянно находится в центре общего внимания как общее благо с точки зрения сохранения его целостности, доступности для всех, понимания его работы всеми членами сообщества, согласования ориентира и возникающих в реальном мире препятствий. Обращение к опыту социальных институтов, в значительной степени зависящих от передачи традиции (например, религиозные организации), показывает, что традиция в ее различных аспектах и интерпретациях – это то, что постоянно обсуждается, объясняется, применяется, толкуется, очищается, трансформируется и т. д. Многообразие религиозных и культурных традиций, средневековые ереси и вольнодумство [Клибанов 1996, с. 38–39], процесс дробления единых традиций на локальные, часто противостоящие друг другу – это реальность обществ до того, как централизованные государства Модерна стали предпринимать усилия по унификации этнокультурных традиций в пределах национальных общностей.

Как указывал Р. Жирар, для первобытных обществ при встрече того, что не вписывалось в традиционные представления, были характерны «долгие обсуждения перед всяким поступком, какого не предусматривает обычай», поскольку отступление от традиции могло привести к «непоправимому» [Жирар 2010, с. 31]. Другими словами, традиционное общество было в большей степени «обществом риска» – даже если это был метафизический риск, – чем современные общества, которые демонстрируют не столько «рефлексивность» в принятии решений, сколько импульсивность, некритичное следование идеологическим шаблонам вопреки собственным долгосрочным интересам, легитимацию решений не рациональными доводами, а политическими шоу. Если говорить о повседневной реальности социальных цифровых медиа, то в них наиболее полное воплощение получили импульсивность и шаблонность реакций, обусловленных внешним «соблазном» [Шаткин 2023, с. 43].

Важно отметить, что ключевым фактором передачи традиции являются не давление общества на индивида, а межличностные связи, благодаря которым у индивида открывается возможность сформировать личное отношение к традиции в жизненном мире интересубъективных связей [Дробовцева 2007, с. 180]. Таким образом, представление о традиции как о нерелексивно воспринимаемом личностью наборе убеждений и правил поведения не соответствует действительности. Традицию скорее можно описать как постоянно трансформирующийся социокультурный контекст, в котором личность рефлексирует о своих интересах и потребностях. Причем эта рефлексия поднимается над импульсивными расчетами выгоды, характерными для гиперрационального «рептильного мозга», отвечающего за выживание в высококонкурентной среде, требующей быстрых реакций, но не способного к учету долгосрочных последствий своих решений.

2. Массовая трансляция этнокультурных традиций, как и любая другая идеологическая работа, имеет ограниченное воздействие на население, которое не следует преувеличивать. Как показывает опыт денацификации Западной Германии в конце 1940-х годов, а также стремительный обвал коммунистических режимов в Восточной Европе в конце 1980-х годов, принятие насаждаемых идей часто приобретает форму идеологической мимикрии и расхождения между публичным дискурсом и частными мнениями. Пропаганда идеи или традиции не ведет автоматически к формированию позитивного отношения к ним со стороны получателей. Здесь уместно вспомнить известное высказывание К. Маркса «...теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. Теория способна овладеть массами, когда она доказывает *ad hominem*...» [Маркс 1955, с. 422]. Без объяснения связи пропагандируемых традиций с интересами и потребностями отдельного человека невозможно гарантировать то, что новые поколения, даже хорошо осведомленные о традициях своего народа, будут с бережностью относиться к ним. При этом даже

абстрактные доводы о пользе и ценности традиции (подобно доводам о «светлом будущем» или «благах всего человечества») могут быть недостаточными для того, чтобы субъект сопоставил ее со своими интересами.

Трансляция идей, ценностей и традиций становится результативной, когда они обращены к жизни личности. Стихийное распространение религиозных представлений связано с обещаниями видимых или невидимых благ для личности; антирелигиозная или гетеродоксная пропаганда опиралась на обещание освободить личность от обременительных обрядов и жертвований. Период признания либеральных ценностей в позднем СССР и ранние 1990-е годы совпал с ожиданиями бытового благополучия, которое советские зрители видели в западной кинопродукции, и закончился, когда разные слои общества стали испытывать нужду в стабильности, чтобы либо не потерять накопленное, либо избежать дальнейшего ухудшения своего социально-экономического положения. Другими словами, успешная передача традиции предполагает наличие нарративов, объясняющих ее значение для личности и формирующих отношение последней к традиции.

3. Связь личности и традиции часто осмысливается с точки зрения формирования персональной идентичности как принадлежности к социальной группе, либо как ускользания от любой фиксации своего социального места [Сергодеева 2013, с. 142]. На прикладном уровне такое понимание идентичности и традиций распадается на два полюса. На одном – попытки создать «общую идентичность» через проведение общих традиционных праздников и ритуалов, конечной целью которых является укрепление лояльности гражданина, особенно молодого. Предполагается, что участники (особенно молодые) мероприятий, через саму их «традиционность» почувствуют сопричастность чему-то большему, чем их отдельных жизни, и начнут воспринимать свою принадлежность некоему великому целому. На другом полюсе – попытка избавиться от любой навязанной идентичности, причем не только социокультурной и даже гендерной, но и человеческой вообще, например через популярные сегодня в школьной среде игры с визуальной и поведенческой идентификацией с животными.

Подобный подход вступает в явное противоречие с другим пониманием личности, лежащим в основе современной российской образовательной политики, а именно, образом личности как призванной (о) владеть собственностью, а не быть «частью» или «принадлежностью». К неотчуждаемой от личности собственности относятся разнообразные компетенции, включающие знания, умения и навыки (в том числе материализованные в форме «портфолио»), которые выступают в роли активов, позволяющих личности участвовать на рынке труда. Речь не идет о принадлежности личности к чему-либо: речь идет о том, что должно принадлежать личности. Соответственно, попытки убедить личность, которую воспитывают как «собственника» своих ресурсов, в том,

что она является «частью» и «принадлежностью» традиций, создают неразрешимый конфликт разных антропологических парадигм, ставящий вопрос об эффективности актуальной формы духовно-нравственного воспитания.

Обобщая представленные аргументы, можно прийти к выводу, что в современном социально-культурном и экономическом контексте трансляция этнокультурных традиций, лежащих в основе цивилизационной идентичности российской нации, требует такой формы презентации традиции, которая бы, во-первых, была направлена на личность, а не только на общество в целом, и, во-вторых, учитывала бы актуальный образ личности в ее базовой социально-экономической роли собственника. В отечественной социальной науке этим требованиям частично отвечает данное И.Б. Гофманом определение традиции как социального и культурного наследия, передающегося «от поколения к поколению и воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени» [Гофман 2015, с. 43]. Понятие наследия, коррелирующее с понятием собственности, на наш взгляд, является наиболее подходящим для выражения отношения между современной личностью и традицией. Интерпретации традиции как наследия создает концептуальное пространство, в котором в жизненном мире личности последняя неизбежно оказывается в тех или иных отношениях с традицией, притом, что выбор личности формы этих отношений будет определять ценность и социокультурный статус самой личности.

В то же время понятие наследия содержит в себе несколько разных смыслов, которые разделяются в других языках, например, английском, но в русском языке сливаются воедино, усложняя дифференциацию отношения субъекта к традиции. Поэтому представляется целесообразным выделить несколько смыслов «наследия» применительно к этнокультурным традициям.

2. Формы традиции как наследия для личности

Термин «наследие» может означать и совокупность произведений искусства прошлых веков, и зависимость от институтов, созданных прежними поколениями [Аузан 2022, с. 3–4], и «тяжелое наследие», например, техногенных катастроф или войн. Логика естественного языка позволяет выделить четыре значения понятия «наследие», которые коррелируют с возможными формами отношения личности к традиции.

Первая форма наследия может быть обозначена как «унаследованное» (англ. inheritance) и соотносится с тем из прошлого, что является неотъемлемой и неизменной частью настоящего (включая личность) вне зависимости от его желания. Этот тип наследия может называть «культурным кодом», «национально-культурной ДНК», «архетипами», «менталитетом», «идентичностью». «Унаследованное» отвечает не столько на вопрос «кто я такой», сколько на во-

просы «почему я такой» и «кто мои предки», причем ответы на эти вопросы взаимосвязаны. В рамках пропаганды этнокультурных традиций существует соблазн включить все формы традиции и наследия в категорию унаследованного, что по своему результату совпадает с ультралиберальной «политикой идентичности», и возлагающей на личность вину, привилегии и право на компенсацию за преступления против ее предков.

Вызовом для «унаследованного» являются современные и перспективные цифровые, биологические и иные технологии, способные целенаправленно изменить биологические основы человеческой природы, сокращая объем того, что в человеке и обществе является неизменным. Пропаганда традиции как неизменного унаследованного в контексте широких возможностей самоизменения может вызвать широкий спектр реакций, от скепсиса и скуки до мотивации продолжать эксперименты со своей природой в постгуманистическом ключе. В укоренившейся сегодня в массовой культуре концепции «мультивселенной» (обыденным аналогом которой является культ зарубежных путешествий и знакомства с чужими культурами) признавать что-то неизменным значит «запирать себя» в границах только одного мира и не видеть возможности и традиции других миров. Однако та же логика путешествий, виртуальных и физических самоизменений указывает на то, что в любых мирах ценным становится только то, что является аутентичным – не созданным произвольно, а органически выросшим в своей почве, и способным расти только в ней. Сам путешественник по мирам должен привнести в каждый из них что-то свое и неподдельное, чтобы сделать свое путешествие «реальным». Соответственно, традиция как унаследованное является основным фактором и гарантом аутентичности существования и опыта личности. В этом контексте этнокультурные традиции тесно переплетаются с экологическим дискурсом [Вагнер 2022], ориентированным на понимание и сохранение ценности унаследованного. Поэтому в рамках воспитательной работы с молодежью целесообразно рассматривать цивилизационную идентичность России не в контексте других цивилизаций или глобалистских либеральных ценностей, а в контексте нарастания искусственности и неаутентичности (в том числе неэкологичности) человеческой жизни, что ведет к потере уникальности и обесцениванию личностного опыта и всего того, что личность может считать своей собственностью.

Вторая форма наследия, **«наследство»** (англ. *heritage, bequest*), распространяется на совокупность культурных, исторических, инженерных, природных и иных объектов, а также практик (технологий, алгоритмов), сохранившихся от прошлого в настоящем, но не обязательно являющихся частью настоящего. В современной государственной политике уделяется достаточно мало внимания объяснению того, какую связь это наследство имеет с отдельным гражданином. Между тем эта форма наследия может быть в прямом смысле названа общим благом, вклад в развитие и поддержание которого определяет статус че-

ловека [Blanton 2016, p. 41–44], причем не только социально-политический, но и нравственный. Вступая в контакт с общим, в том числе своим наследством, личность не может сохранять нейтрально-отчужденный статус, выбирая этически окрашенные роли: «совладельца» (наследства), который вносит вклад в увеличение общего блага и доступ к нему для всех; «безбилетника», который пользуется общим благом только в личных интересах, увеличивая для других нагрузку его поддержания; «захватчика», стремящегося закрыть доступ к наследству для других; «разрушителя», который либо физически уничтожает наследство, либо обесценивает его через высмеивание. Таким образом, отношение личности к традиции как наследству неразрывно связано с нравственным самоопределением и формированием этических навыков, необходимых для полноценной социальной жизни и осознанию того, что является общей собственностью.

Третья форма наследия, «завещанное» (англ. legacy), является наиболее сложной для рефлексии. С одной стороны, она имеет самореференциальный характер: к завещанному (например, духовно-нравственному или политическому наследию) относится то, что сам источник наследия считал наиболее важным. С другой стороны, завещанное может рассматриваться в универсальной системе координат, задающих ценность передаваемому имуществу, как в случае фамильных драгоценностей. Для понимания завещанного целесообразно обратиться к логике современного артмаркета [Грав 2008; Болтански 2021]: произведение искусства нуждается в обосновании своей ценности (выражаемой в рыночной стоимости), которую оно может получить через помещение в коллекцию, так что схожие произведения искусства в рамках одной коллекции поддерживают стоимость/ценность друг друга. Аналогично, ценности и убеждения текущего поколения приобретают настоящее значение под отраженным светом интенций и идеалов прошлого, творившего и боровшегося ради будущего. Ценности не могут существовать изолированно и нуждаются во взаимном обосновании, которое возможно через помещение их в традицию, которая выступает в роли коллекции, дающей символическое значение тому, что в нее вошло. Обращение к традиции-наследию как завещанному помещает личность в сложный, организованный по принципу зеркальной комнаты контекст, в котором она учится пониманию того, что создание и оценка ценностей – не произвольное волевое решение, а диалектическое возвращение в себя через снятие внешнего инобытия традиции.

В то же время развитая традиция как коллекция обладает коварной привлекательностью в силу видимой легкости использования чужих «коллекций» для «продвижения» своих традиций. Так, развитая кино- и сериальная индустрия, построенная на голливудских традициях, провоцирует страны периферии дать «свой ответ Голливуду», включаясь в воспроизводство и обогащение чужой традиции на материале своего этнокультурного наследия.

Четвертая форма наследия связана с реальными или мнимыми негативными **последствиями** прошлого, которые (д) остались текущему поколению в качестве проблем, которые необходимо решать или ограничений, которые необходимо учитывать. Это прошлое, которое должно было остаться в прошлом, но сохранилось до сих пор. В научной и околонучной литературе этот тип наследия получил названия «пережиток», «эхо», «рудимент», «остаточное явление», «след», «длинная тень». В западной либеральной культуре наследие как «пережиток» концептуализируется в понятии «токсичная ностальгия», применяемом в адрес упрощающих прошлое попыток вернуться к традиционным гендерным ролям и ценностям [Stephan 2024]. Наследие-пережиток формирует пространство борьбы за обесценивание, где личность вынуждена принять риск того, что принимаемая ею традиция может быть «отменена» и лишена права говорить о себе и своих ценностях, которым традиция дает место.

В то же время личность несет риск воспринять сведенную с фрагментарным рудиментам традицию за её живой поток, включаясь в жизнь периферийных сообществ и сект. Другой риск – воспринять анекдотические проявления из жизни прошлых поколений за «унаследованное», видя в «традициях русского застолья» национальный характер, а в частных историях – проявление «государственнического» духа. В качестве гротескного примера можно привести известную историю, описанную у Н. О. Лосского. Когда некий крестьянин вопреки окрикам городского пошел по льду на Неве, провалился под лед, и городскому пришлось его спасать, «крестьянин вместо благодарности стал упрекать» городского: «Чего смотрите?» Городовой говорит ему: «Я же тебе кричал». – «Кричал! Надо было в морду дать!» [Лосский 1957, с. 52]. Навыки различения унаследованного, наследства, завещанного и пережитков позволяют избежать распространенной ловушки интерпретации случайных явлений в качестве необходимых, отдельных отклонений как структурной тенденции, а частных анекдотов в качестве выражения сути этнокультурной традиции.

Заключение

Стереотипное понимание этнокультурных традиций с точки зрения общества как системы, в рамках которой традиции играют роль консолидирующего фактора, привело к двум подходам к пониманию традиции в современном мире. Один подход провозглашает кризис традиции и переход к обществу, не имеющему постоянных оснований своего бытия. Другой подход, фиксируя кризис современного общества, видит в восстановлении влияния традиционных ценностей выход из этого кризиса. В любом случае традиции играют вспомогательную роль обеспечения солидарности и нормального функционирования общества и основных социальных институтов.

Реконцептуализация традиции как наследия раскрывает ее более богатый потенциал как фактора духовной жизни человека и общества. В зависимости от перспективы и укорененности личности в собственном живом мире этнокультурные традиции могут представлять либо в форме внешних музейных экспонатов, периодически выставляемых на всеобщее обозрение в целях укрепления единства нации и патриотического воспитания, либо в качестве центрального содержания непрерывных процессов создания, легитимации и девальвации ценностей, воспроизводства личного отношения индивида к ключевым элементам собственного бытия. Использование фактически представленной в образовательной сфере парадигмы личности как собственника позволяет более глубоко раскрыть значение традиции как социокультурного наследия, отношение к которому со стороны личности открывает пространство для различных стратегий самоопределения. На наш взгляд, для последующих исследований наибольший интерес представляет интерпретация традиции-наследия с точки зрения теории общего блага, которая позволяет артикулировать проблемы, связанные с личным участием индивида в поддержании традиции либо паразитированием на ней в качестве «безбилетника». Кроме того, рассмотрение этнокультурных традиций в качестве коллекции ценностей, получающих значение от соположенности другим ценностям в рамках единой традиции, открывает перспективу на концептуализацию базовых традиций, лежащих в основе цивилизационной идентичности, как метаколлекции, в пространстве которой локальные этнокультурные традиции народов России взаимно увеличивают свою ценность.

Библиография

- Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3–17.
- Болтански Л., Эскер А. Обогащение. Критика товара. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара, 2021. 600 с.
- Вагнер И.В. Приобщение школьников к ценностям экологической этики на основе традиций нравственного отношения к природе в Российской культуре // Педагогика искусства. 2022. № 3. С. 54–60.
- Веряскина В.П. Человек в обществе радикализованного модерна: проблемы и тренды развития // Ценности и смыслы. 2017. № 5(51). С. 85–99.
- Гофман А.Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты. Москва : Новый Хронограф, 2015.
- Грав И. Высокая цена. Искусство между рынком и культурой знаменитости. М.: «Ад Маргинем Пресс», 2008. 169 с.
- Даренская В.Н. Отчуждение как феномен разрушения социокультурной традиции // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 8–17.
- Драпезо В.Я., Грицкевич Т.И., Драпезо Р.Г. Поиски эмерджентности в системе соционормативного регулирования // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6. № 2. С. 188–197.

Дробовцева С.В. Формы и методы передачи знаний в духовных традициях. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 3(8). С. 179–185.

Жирар Р. Насилие и священное. Изд. 2-е, испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Илларионов Г.А. Социально-философский анализ «традиционалистского проекта». Автореф. дисс... канд. философ. наук. Красноярск, 2015. 22 с.

Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект Пресс, 1996. 368 с.

Клягин С.В. Феномен медиа в современном обществе: к вопросу о становлении политического // Вестник РГТУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 4(14). С. 9–23.

Колядко И.Н. Культурная традиция и кризис легитимации в развитии социальной системы: рецепция метамодерна // Труды БГТУ. Сер. 6: История, философия. 2021. № 1(245). С. 155–160.

Кузнецов И.М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 93–102.

Кутырева И.В. Теологическое образование как базовый фактор социализации и формирования ценностных ориентиров в условиях динамично изменяющегося общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. № 1. С. 19–23.

Лосский Н.О. Характер русского народа. Frankfurt am Main. Посев, 1957. 152 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч.. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. 723 с.

Саден Э. Тирания Я: конец общего мира / Пер. с фр. А. Захаревич. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. 336 с.

Сергодеева Е.А. Традиции в современном обществе: особенности конструирования идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 1(113). С. 138–143.

Синецкий С.Б. Личность как субъект ответственного цивилизационно-культурного выбора // Вестник культуры и искусств. 2019. № 3(59). С. 47–55.

Сопов В.В. Социально-философский анализ феномена традиции. Автореф. дисс... канд. философ. наук. Кемерово, 2007. 27 с.

Теплова Е.Ф. Разговор о традиционных духовно-нравственных ценностях с представителями поколения Z // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2019. С. 663–666.

Шаткин М.А. Диалектика платформизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23. № 1. С. 40–44.

Blanton, R.E., Fargher, L. How Humans Cooperate: Confronting the Challenges of Collective Action. University Press of Colorado, 2016.

Stephan, M. Toxic Nostalgia in the Wake of the Postmodern Turn. In: Bacon, S., Bronk-Bacon, K. (eds) Gothic Nostalgia. Palgrave Gothic. Palgrave Macmillan, Cham. 2024. P. 45–60.

References

Auzan A. A. «Effekt kolei». Problema zavisimosti ot traektorii predshestvuyushchego razvitiya – evolyuciya gipotez [«The effect of the track». The problem according to the trajectory of the preceding development – the evolution hypotheses]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6. Ekonomika [Bulletin of Moscow University. Ser. 6. Economy]. 2015. N 1. P. 3–17. (In Russ.)

Boltanski L., Esquerre A. Obogashchenie. Kritika tovara [Enrichissement. Une critique de la merchandise]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2001. 600 p. (In Russ.)

Darenskaya V. N. Otchuzhdenie kak fenomen razrusheniya sociokul'turnoj tradicii [Alienation as a Phenomenon of Destruction of Socio-Cultural Tradition]. Gumanitarnyj vektor [Humanitarian Vector]. 2023. Vol. 18. N 2. P. 8–17. (In Russ.)

Drapezo V.Ya., Gritskevich T.I., Drapezo R.G. Poiski emerzhentnosti v sisteme sacionormativnogo regulirovaniya [Search for emergency in the system of sacionormative regulation]. Sibirskiy antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]. 2022. Vol. 6. N 2. P. 188–197. (In Russ.)

Drobovtseva S.V. Formy i metody peredachi znanij v duhovnyh traditsiyah [Forms and methods of the transmission of knowledge in spiritual traditions]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki [Herald of Nizhny Novgorod University n. a. N. I. Lobachevsky. Social Sciences series]. 2007. N 3(8). P. 179–185. (In Russ.)

Girard R. Nasiline i svyashennoe [Violence and the Sacred]. Moscow, Novoe literatyrnoe obozrenie Publ., 2010. 448 p. (In Russ.)

Gofman A.B. Traditsiya, solidarnost' i sotsiologicheskaya teoriya. Izbrannye teksty [Tradition, Solidarity and Sociological Theory. Selected Works]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2015. (In Russ.)

Graw I. Vysokaya tsena. Iskustvo mezhdu rynkom i kul'turoy znamenitosti [Der große Preis: Kunst zwischen Markt und Celebrity-Kultur]. Moscow, Ad Marginem Press, 2008. 169 p. (In Russ.)

Illarionov, G.A. Social'no-filosofskij analiz «tradicionalistskogo proekta» [A socio-philosophical analysis of the «traditionalist project»]. Avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. Krasnoyarsk, 2015. 22 p. (In Russ.)

Klibanov, A.I. Dukhovnaya kul'tura srednevekovoi Rusi [Medieval Russia's Spiritual Culture]. Moscow: Aspect press, 1996. 368 p. (In Russ.)

Klyagin S.V. Fenomen media v sovremenom obshchestve: k voprosu o stanovlenii politicheskogo [On the constitutive transit in media phenomena: Investigations for political studies]. Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya» [RSUH/RGGU Bulletin. Series «Political Science. History. International Relations»]. 2018. N 4. P. 9–23. (In Russ.)

Kolyadko I.N. (2021) Kul'turnaya traditsiya i krizis legitimatsii v razviti social'noj sistemy: recepciya metamoderna [Cultural Tradition and the Crisis of Legitimation in the development of the social system: Reception of Metamodern]. Trudy BGTU. Ser. 6, Istoriya, filosofiya [Proceedings of BSTU. Ser. 6, History, philosophy]. 2021. Vol. 1(245). P. 155–160. (In Russ.)

Kutyreva I.V. Teologicheskoe obrazovanie kak bazovyy faktor socializatsii i formirovaniya cennostnykh orientirov v usloviyakh dinamichno izmenyayushchegosya obshchestva [Theological education as a basic factor of socialization and the formation of value orientations in a dynamically changing society]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2022. V. 22. N 1. P. 19–23. (In Russ.)

Kuznetsov I.M. Osnovaniya cennostnoj konsolidatsii rossiyan: tradicionalizm i obnovenie [Foundations of Russians' Value Consolidation: Traditionalism and Renewal]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2021. N 8. P. 93–102. (In Russ.)

Losskiy N.O. Kharakter russkogo naroda [The nature of the Russian people]. Frankfurt am Main: Posev, 1957. 151 S. (In Russ.)

Marx K., Engels F. Sochineniya [Works]. Vol. 1. Moscow, Gos. Izd. Polit. Lit. 1955. 723 p. (In Russ.)

Sadin E. Tiraniya Ya: konec obshchego mira [L'ère de l'individu tyran. La fin d'un monde commun]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2023. 336 p. (In Russ.)

Sergodeeva E. A. Traditsii v sovremenom obshchestve: osobennosti konstruirovaniya identichnosti [Traditions in Modern Society: Features of Identity Construction]. Vestnik Adygejskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Regionovedenie: Filosofiya, Istoriya, Sociologiya, Yurisprudentsiya, Politologiya, Kul'turologiya [Bulletin of Adyghe State University. The Series Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies]. 2013. Vol. 1 (113). P. 138–143. (In Russ.)

Shatkin M. A. Dialektika platformizacii [The dialectics of platformization]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2023. Vol. 23. N 1. P. 40–44. (In Russ.)

Sinetskii S. Lichnost' kak sub'ekt otvetstvennogo civilizacionno-kul'turnogo vybora [Personality as a Subject of a Thoughtful Civilized-Cultural Choice]. Vestnik kul'tury i iskusstv [Culture and Arts Herald]. 2019. N 3 (59). P. 47–55. (In Russ.)

Sopov V.V. Social'no-filosofskij analiz fenomena tradicii. Avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. Kemerovo, 2007. 28 p. (In Russ.)

Vagner I.V. Priobshchenie shkol'nikov k cennostyam ekologicheskoy etiki na osnove tradicii nra-stvennogo otnosheniya k prirode v Rossijskoj kul'ture [Introducing schoolchildren to the values of environmental ethics based on the traditions of moral attitude to nature in Russian culture]. Pedagogika iskusstva [Pedagogy of Art]. 2022. N 3. P. 54–60. (In Russ.)

Veriaskina V.P. Chelovek v obshchestve radikalizirovannogo moderna: problemy i trendy razvitiia [The human in the society of radicalized modern: problems and trends of development]. Tsennosti i smysly. 2017. N 5(51). P. 85–99. (In Russ.)

Е.О. Опарина, М.Б. Раренко

**ГОРОДСКИЕ ТОПОНИМЫ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР
И КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

***Аннотация.** В статье рассматриваются урбанонимы, или названия городских локусов: улиц и площадей, городских путей сообщения, а также объектов социального и культурного назначения, таких как магазины, химчистки, парикмахерские, салоны красоты, прачечные, пункты обслуживания автомобилей, памятники и пр.*

Локусами интенсивных межкультурных и межъязыковых контактов, приводящих к изменениям в разных сферах жизнедеятельности, являются современные города, особенно мегаполисы. Отметим, что тенденции к изменениям всегда оказывается противостоящей тенденция, которая направлена на сохранение стабильности. Эта тенденция позволяет социуму и его отдельным группам, в том числе жителям городов, сохранить культуру и традиции, что, в свою очередь, предполагает сохранение культурной памяти и идентичности.

В современных гуманитарных исследованиях одной из актуальных тем является формирование и закрепление культурно-исторической памяти. В этом процессе оказываются тесно задействованными вербальные и невербальные средства.

Урбанонимы сочетают в себе ряд функциональных характеристик: они являются средством наименования индивидуальных объектов, выделяют их среди подобных, воздействуют на взгляды и эмоции реципиентов и потенциальных клиентов. Их важная социокультурная характеристика заключается в том, что они сочетают в себе традиции в области наименований с тенденциями, свидетельствующими об изменениях в социальной и культурной сферах.

Цель авторов статьи – исследовать социокультурные характеристики урбанонимов как средства конструирования идентичности жителей современного города, с одной стороны, и как свидетельства интенсификации межкультурных и межъязыковых контактов – с другой.

Динамика урбанонимов рассматривается как закономерный способ их существования, особенно в условиях современных мегаполисов.

Ключевые слова: топонимы; урбанонимы – социокультурная роль; городской ландшафт; городская идентичность; историческая память; неофициальные vs официальные топонимы; миграция; урбанонимы в мегаполисах.

Опарина Елена Олеговна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языкознания, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Россия, Москва.
E-mail: ellenoparina@gmail.com

Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела языкознания, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Россия, Москва.
E-mail: rarenc@rambler.ru

Oparina E.O., Rarenko M.B.
**Urban Toponyms as a Socio-Cultural Factor
and as a Tool of Regional Identity**

Abstract. The article examines urbanonyms, i.e., the names of urban loci, such as streets and squares, communication routes, and social facilities like shops, car service points, monuments, dry cleaners, hairdressers, beauty salons, laundries, etc. Modern cities, especially megacities, are loci of intensive intercultural and interlingual contacts, leading to changes in various spheres of life. However, the tendency to change is always opposed by a tendency aimed at maintaining stability, allowing society and its individual groups, including urban residents, to preserve culture and traditions, which implies the preservation of cultural memory and identity.

In modern humanitarian studies, one of the relevant topics is the formation and consolidation of cultural and historical memory. Both verbal and non-verbal means are closely involved in this process. Urbanonyms combine several functional characteristics: they serve as a means of naming individual objects, distinguishing them from similar ones, and influencing recipients as well as customers. Their significant feature is the integration of naming traditions with trends indicative of social and cultural changes.

The purpose of the authors of the article is to explore the socio-cultural characteristics of urbanonyms as a means of constructing the phenomenon of «urban identity,» on the one hand, and as evidence of intensifying intercultural and interlingual contacts, on the other hand. The dynamics of urbanonyms are analyzed as a regular aspect of their existence, particularly in contemporary metropolitan areas.

Keywords: toponyms; urbanonyms – their sociocultural features; urban landscape; urban identity; historical memory; unofficial vs official urbanonyms; migration; urbanonyms in metropolitan areas.

**Oparina Elena Olegovna – PhD in Philology, Senior Researcher of Linguistics
Department of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the
Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: ellenoparina@gmail.com**

**Rarenko Maria Borisovna – PhD in Philology, Leading Researcher of Linguistics
Department of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the
Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: rarenco@rambler.ru**

Введение

Современные города, особенно мегаполисы, являются локусами интенсивных межкультурных и межъязыковых контактов, приводящих к изменениям в разных сферах жизнедеятельности. Однако тенденции к изменениям всегда противостоит тенденция, направленная на сохранение стабильности, позволяющая социуму и его отдельным группам, в том числе жителям городов, сохранить культуру и традиции, что предполагает сохранение культурной памяти и идентичности. В современных гуманитарных исследованиях одной из актуальных тем является формирование и закрепление культурно-исторической памяти. В этом процессе тесно задействованы вербальные и невербальные средства [Брагина 2007]. Вопросы сохранения памяти пересекаются с проблематикой межкультурных и межъязыковых контактов, усиление которых в настоящее время обусловлено, в том числе, интенсивной миграцией и образованием больших городов – мегаполисов.

Современный город, представляя собой сложное знаковое пространство, особым образом организованное и постоянно находящееся в динамике, выступает средоточием культурной, социально-политической, экономической жизни страны. Поскольку «человек не выносит смысловой и ценностной пустоты места, где он живет, ему насущно необходимо его осмыслить и ценностно упорядочить» [Абашев 2000, с. 5]. Одним из способов городской организации выступает так называемое коммуникативное пространство, т. е. пространство, нашедшее отражение в речевом общении горожан. Составными элементами этого пространства являются: «а) типы городской речи; б) устные и письменные жанры речевого общения в городе, формирующие его речевжанровое пространство; в) тексты городской среды; г) ономастическое пространство города как важнейшая часть его семиотического образа в языковом сознании говорящих» [Михайлюкова 2017, с. 68; Кузнецова 2020].

Выделенные элементы коммуникативного пространства являются не только способом организации города и его знакового образа, но также средством фиксации и передачи последующим поколениям городской памяти, посредством которой формируется идентичность жителей города. Значительную роль в данном процессе играют вербальные элементы – урбанонимы, или собственные имена внутригородских объектов. Их совокупность конструирует образ города в культурном и языковом сознании его жителей.

Урбанонимы как класс имен собственных. Их социально-культурные характеристики

Урбанонимы составляют отдельный класс топонимов – географических названий¹. Исследуя функции урбанонимов, необходимо помнить, что их содержание, или семантика, как и семантика слов других классов, – понятие более объемное, чем лексическое значение. В семантике языковых единиц запечатлены идеологические и ценностные установки, системы представлений носителей языка или их групп в тот или иной исторический период. Это утверждение относится и к классу имен собственных, в том числе к урбанонимам. Имена собственные обладают эмоциональной и символической значимостью для языкового сознания, что осуществляется благодаря их связи с широко известными в обществе ситуациями, текстами или с комплексами определенных качеств, высоко ценимых социумом. Благодаря этому в коммуникации они выполняют функции, свойственные прецедентным именам и выражениям [Словарь лингвокультурологических терминов 2017, с. 114]. Многие собственные имена, в том числе топонимы, составляют часть фонда прецедентных лексических единиц. Они выступают в языке и речи как вербальные знаки, отрывающиеся от своих первоначальных референтов и используемые для образного обозначения определенных ситуаций или свойств: *полтава* – символ победы; *ватерлоо* – наоборот, символ поражения; *вестминстер* – не только название лондонского района и памятника культуры, но также метонимическое обозначение британского правительства и его политики.

Обзор современной научной литературы показывает, что изучение топонимов городского пространства проводится в разных ракурсах. Так, Д.Н. Замятин, А.С. Шешнёв рассматривают динамику топонимов с учетом политической и социально-экономической географии [Замятин 2003; Шешнёв 2022], А.О. Полюшкевич и В.Х. Тхакахов – с позиций социологии [Полюшкевич 2017; Тхакахов 2019]; Р.В. Разумов и С.О. Горяев, а также Г.А. Шушарина изучают топонимическую репрезентацию региональной идентичности [Разумов, Горяев 2020; Шушарина 2016]; Е.П. Багирова и Э.О. Гаврикова, К.В. Демьянов и В.Г. Рыженко полагают, что топонимы играют важную роль в формировании языкового имиджа города [Багирова, Гаврикова 2015; Демьянов, Рыженко 2017]; Г.В. Овчинникова анализирует процессы десемантизации урбанонимов [Овчинникова 2023]. Есть также исследования, посвященные топонимике отдельных городов, например в России – Владивостока, Смоленска, Читы, Томска, Тюмени, Омска и других городов [Алисов 2020; Бутеев, Никифорова, Сергеев 2012; Багирова, Гаврикова 2015; Демьянов, Рыженко 2017].

1. В число урбанонимов входят такие виды наименований, как агоронимы – названия площадей и рынков; годонимы – названия улиц; хоронимы – названия зданий, дрононимы – названия путей сообщения и др. – Е. О., М. Р.

В современных работах также изучается роль урбанонимов как инструмента формирования и закрепления исторической и культурной памяти в городском пространстве. Например, Д.А. Алисов и А.В. Кузнецова подчеркивают, что урбанонимы, как и материальные мемориальные комплексы, через апелляцию к исторической памяти становятся символами культурной и национальной идентичности города и горожан [Алисов 2020; Кузнецова 2020]. А.В. Кузнецова ссылается на разработанное А.В. Дахиным понятие общегородской «loci-совкупности», в которую помимо мест повседневных бытовых и профессиональных практик горожан включаются учреждения городской коммеморации (музеи, библиотеки, архивы, архитектурные и другие памятники) и «топонимический язык городского сообщества» [Дахин 2006; Кузнецова 2020, с. 92].

Изучение топонимов – сложный, но вместе с тем увлекательный процесс, позволяющий узнать многое об истории, укладе жизни, предпочтениях, мечтах живших и живущих на определенной территории людей. Отметим, что городское пространство находится в постоянном движении, прирастая новыми объектами, а численный и качественный состав населения вследствие миграций, как внешней, так и внутренней, меняется. Это также отражается в динамике городских топонимов.

Урбанонимы исторических городов содержат в себе культурные и идеологические пласты, отражающие разные периоды времени. В целом история городских топонимов складывается на основании двух противоположных векторов: первый из них – это фиксация памяти и сохранение идентичности, что предполагает стабильность (относительную) внутригородской топонимики. Второй вектор – неизбежные изменения в системе урбанонимов, обусловленные историческим, социальным и культурным развитием. Однако и динамика урбанонимов, в свою очередь, выражает стремление зафиксировать в культурном пространстве города и в памяти его жителей определенные идеологемы и ценностные установки – новые, отличающиеся от предшествующих.

Таким образом, урбанонимы, имеющие, на первый взгляд, сугубо практическую цель – структурировать пространство для удобства жизни – выступают для жителей города в качестве определенного кода культуры, формирующего «свое» пространство.

Урбанонимы как стихийно возникающие наименования и как результат регулируемого процесса. Официальные и неофициальные урбанонимы

Изучение урбанонимов свидетельствует о том, что в истории европейских городов, в том числе российских, они первоначально возникали стихийно, «снизу», и их содержание отражало стремление жителей определенным образом организовать жизнь в городском пространстве. Процесс присвоения урбанонимов «сверху» (официальными институтами) начинается значительно

позже – с XVII–XVIII вв. Не следует отождествлять два ряда понятий: с одной стороны, стихийного vs институционального возникновения урбанонимов, с другой – их неофициального vs официального статуса. Тем не менее эти системы понятий связаны между собой. Наиболее старые пласты городских топонимов возникали, как правило, в коммуникации жителей города; по поводу их «официальности» в начальный период существования таких урбанонимов не задумывались. Однако постепенно эти наименования становились общепризнанными, закреплялись не только в устной, но и в письменной речи, в документах. Так они обретали официальный статус. В отличие от этой группы наименований, урбанонимы, присваиваемые «сверху», сразу становятся официальными. Однако часто параллельно с ними в речи горожан функционируют неофициальные наименования городских локусов.

Отметим, что сегодня, когда во многих крупных городах ведется интенсивное строительство новых районов, довольно часто новые городские застройки не сразу приобретают адрес, а некоторое время в официальных документах известны как «Проектируемый проезд, дом №». Приобретают они свои персональные официальные названия уже после сдачи объектов в эксплуатацию. Если при решении вопросов, связанных с осуществлением топонимической политики, ответственные лица обязаны руководствоваться Федеральным законом № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» [Федеральный закон], то неофициальные топонимы – плод не ограниченного никем коллективного волеизъявления. Современные неофициальные топонимы представляют большой интерес прежде всего потому, что в них объекты городского ландшафта подвергаются переосмыслению с учетом различных социокультурных, экономических и политических изменений, происходящих в обществе.

В наше время происходит активное взаимодействие официальных и неофициальных урбанонимов в коммуникации жителей города, и этот процесс отражает социальные и культурные характеристики как самих городских наименований, так и тех, кто использует их в коммуникации. Использование неофициальных топонимов характерно для определенных групп людей, объединенных принадлежностью к особому социальному или возрастному статусу. Так, московские старожилы – представители интеллигенции в советский период предпочитали старые, дореволюционные названия улиц, площадей, станций метро; урбаноним *Ленинка* по отношению к библиотеке используют представители университетских и научных кругов; топонимы *Ленинградка*, *Волоколамка*, *Рига*, *Можайка* в роли наименований московских шоссе используют профессиональные водители и автолюбители.

Роль неофициальных урбанонимов показательна в плане соотношения факторов стабильности и динамики городских названий. Официальные и неофициальные урбанонимы могут «меняться местами» в ходе истории. Опыт нашей страны свидетельствует о том, что старые, дореволюционные имена

городских улиц и районов, продолжали неофициально бытовать «в народе» в течение длительного советского периода, помогая тем самым сохранять городскую память и идентичность вопреки официальным переименованиям. Как было упомянуто выше, в языковом сознании и общении многих москвичей, особенно старших поколений, сохранялись дореволюционные названия старых центральных улиц: *Тверская* (официальное название было *улица Горького*), *Мещанская* (официально *проспект Мира*), *Остоженка* (официально *Метростроевская*), *Пречистенка* (официально *Кропоткинская*). В Ленинграде (которому после 1991 г. в качестве официального было возвращено название *Санкт-Петербург*) сохранялось старое неофициальное название самого города – *Питер*, а также имена улиц: *Большая Морская* и *Малая Морская* (официальные названия были *улица Герцена* и *улица Гоголя*), *Миллионная* (официально *улица Халтурина*). Аналогичная тенденция наблюдалась также в других городах России: Например, в работе Д. А. Алисова приводятся старые урбанонимы Омска и Томска: в Омске в 1955 г. *ул. Кузнечная*, которая существовала с таким названием в течение полувека, была переименована в *улицу Маяковского*; в Томске в 1920 г. *ул. Дворянская* была переименована в *улицу Равенства*, а в 1961 г. – в *улицу Гагарина* [Алисов 2020]. Однако в неофициальной коммуникации горожан сохранялись старые наименования. Необходимо отметить, что во многих случаях и известные дореволюционные названия не были первыми и единственными, они сами были результатом переименований, проведенных ранее, до 1917 г. Подобные ситуации свидетельствуют о связи статичности и динамики урбанонимов как двух сторон социокультурного процесса.

Известны случаи, когда жители одного и того же города используют для обозначения одного городского объекта и даже самого города обозначения, которые были официальными в разные исторические периоды. В этом отношении интерес представляет город *Киров* Кировской области. Считается, что первоначальное название этого древнего русского города (основан на Балясковом поле по разным источникам либо в 1181 г., либо в 1199 г.) было производным от гидронима *Вятка*. Позднее, при Василии Темном (1415–1462), в устье реки *Хлыновица* (название реки краеведами возводится к глаголу «хлынуть») была возведена крепость, получившая название *Хлынов*, и поселение переместилось под защиту крепостных валов. Новый город стал также называться *Хлынов*, хотя наряду с этим названием продолжало употребляться и первоначальное название – *Вятка*. В 1780 г. *Хлынов* был официально переименован в *Вятку* [Об учреждении Вятского наместничества]. В 1934 г., после убийства советского партийного деятеля С. М. Кирова, уроженца Вятской губернии, *Вятка* была переименована в *Киров*. Современные жители города, наряду с официальным, часто используют его «старое» название.

Одна из центральных улиц Москвы – *улица Пречистенка* за историю своего существования сменила несколько названий. До 1658 г. улица была извест-

на как *Чертольская*, затем *Покровская*, а потом *Пречистенка*. В 1921–1990 гг. носила имя *Кропоткинская* в честь русского революционера-анархиста П. А. Кропоткина, родившегося в одном из *Пречистенских переулков*, а именно в *Штатном* (который также в 1921 г. был переименован в *Кропоткинский*). Первоначальное имя улица получила по названию урочища *Чертолье*, которое в свою очередь образовалось по ручью *Черторый*. Ручей брал начало из *Козьего болота*, протекал вдоль нынешнего *Бульварного кольца* и впадал в *Москву-реку*. Весной и летом во время ливней ручей сильно наполнялся водой, из-за чего на своем пути промыл глубокий овраг, прозванный в народе «чертороем». Местность, примыкающая к нему, в свою очередь, со временем получила название *Черторье*, или *Чертолье* – «чёрт рыл этот овраг». Название *Пречистинка* улице было возвращено 25 октября 1994 г. [Имена московских улиц 1975, с. 217].

Как справедливо отмечают Е. Ю. Булыгина и Т. А. Трипольская, массовые изменения урбанонимов, характерные для эпох резких социально-исторических изменений, влекут за собой эклектику городских наименований в пределах одного города: возникает соседство знаков, принадлежащих к разным историческим и идеологическим пластам. Приводится пример российского города Владимира, в котором соседствуют улицы *К. Маркса* и *Дворянская*; *Княгининская* и *Урицкого* [Булыгина, Трипольская 2012, с. 19].

Источники урбанонимов в историческом и культурном освещении

В городах, относящихся к различным культурным и языковым общностям, наблюдаются аналогичные тенденции развития урбанонимов. Это сходство позволяет выявить устойчивые корреляции между выбором источников для наименований, или мотивацией урбанонимов, временем их присвоения и способом присвоения.

Исследователи указывают на то, что к группе наиболее старых городских названий, выбранных стихийно, «снизу» (т. е. без участия официальных институтов), относятся те, которые основаны на отсылке к природным – ландшафтным и географическим – характеристикам именуемого локуса [Леонович 2022; Овчиникова 2023]. В России такими были и до настоящего времени являются многие урбанонимы Москвы и Санкт-Петербурга. В Санкт-Петербурге недалеко от Таврического сада и Смольного собора есть район со старым названием *Пески*. В центре Москвы находятся *Болотная набережная*, *Болотная площадь* и *улица Болотная*; *улица Балчуг*, отсылающая к той же реалии – одна из самых старых в Москве: она возникала в XIV в. в местности, имевшей название *Болото*. Имя *Балчуг* этимологически восходит к татар. *балчек* «глина», «грязь», «болото» [Имена московских улиц 1975, с. 45]. Сходную мотивацию имеют многие старые улицы Лондона: *The Strand* –

слово *strand* имеет буквальное значение «берег». В Средние века дорога проходила по самому берегу Темзы, и данное наименование в форме *Stronde* фиксируется уже во второй половине XII в.; *Fleet Street* – улица, по одной из версий, названа по реке Флит, которая в XVIII в., была заключена в трубу; есть также *Meads Road* – букв. «луговая дорога». В топонимике Лондона распространены также урбанонимические термины природно-ландшафтной тематики, которые употребляются в названиях в качестве второго, уточняющего компонента, например: *garden* – букв. «сад» (*Covent Garden*); *grove* – букв. «роща» (*Lisson Grove*); *hill* – букв. «холм, невысокая гора». Урбанонимы с элементом *hill* относились к улицам и местностям, расположенным на возвышенности: *Garlic Hill* – букв. «чесночный холм», улица на высоком берегу Темзы, на которой в Средние века продавали чеснок [Леонович 2002; Варданян 2009]. Предпочтение природно-ландшафтных топонимов в давние времена объясняется тем, что они отражают наиболее ранний опыт, с которым встречается человек при восприятии и оценке местности.

К пласту старых урбанонимов, возникавших в коммуникации жителей города стихийно и впоследствии становившихся общепринятыми, принадлежат также те, которые отражают профессии жителей данного района и роль местности в трудовой деятельности. Например, в Лондоне на улице *Cheapside* длительное время находился главный городской рынок; *Old Seacoal Lane* – переулок, в котором с XIII в. разгружали уголь, доставленный с севера водными путями, что прямо отразилось в его названии [Варданян 2009]; *Haymarket Street* – улица в центре Лондона, на которой находился сенной рынок.

В Париже также есть урбанонимы с профессиональной мотивацией: *rue de la Verrerie* – букв. «улица стекольщиков»; *rue de la Ferronnerie* – букв. «улица медников» (существительное означает «изделия из железа»). Название появилось, в первой половине XIII в.; раньше эта улица также носила профессиональное название *rue de Charrons*, так как на ней жили изготовители колес. Из старых наименований также годоним *rue de Faubourg Poissonnières* – букв. «улица предместья торговцев рыбой»: она с XIII в. была частью пути, по которому торговцы рыбой доставляли свой товар из приморских районов севера Франции на знаменитый парижский рынок *Halles de Paris* [Овчинникова 2023].

Множество подобных урбанонимов есть в российских городах, в том числе столичных. В Санкт-Петербурге это, например *Литейный проспект*, *Кузнечный переулок*, *Гончарная улица*. Последнее из этих имен находим и в Москве – недалеко от *Таганской площади*, также, в свою очередь, получившей название по признаку профессиональной деятельности ее населения: она возникла на месте слободы, в которой изготавливали таганы (треножки для походных кухонь). Позднее рядом возникли *Сыромятническая набережная* и *Сыромятнические улицы* и *переулки*, которые получили название по находившейся здесь в XVII в. слободе, населенной мастерами кожевенного дела. *Серебряническая*

набережная и Серебрянический переулок названы по находившейся здесь в XVII в. слободе, которую населяли мастера монетного двора [Имена московских улиц 1975].

Значительный пласт в городах России и Европы составляют урбанонимы, мотивированные религиозными понятиями. Многие городские локусы в разные исторические периоды получали наименования по религиозным объектам, находящимся на данной территории, и по реалиям религиозной жизни. Так, к числу старых относятся английские годонимы *Blackfriars Lane* и *Whitefriars Street* – улицы в центре Лондона, названные по монастырям доминиканцев (по цвету рясы их называли «черные братья») и кармелитов (по цвету рясы – «белые братья»). Множество лондонских улиц названы по церквям, например, *St. Martin's Street*, *St. Michael's Street* и др. Знаменитая улица *Covent Garden* (*convent garden* – букв. «монастырский сад») находилась на земле, принадлежавшей Вестминстерскому аббатству, и там был монастырский сад [Великобритания: Лингвострановедческий словарь 1980, с. 314].

В столице Франции также немало локусов, названных по религиозным строениям и реалиям. К ним принадлежат: *rue St Denis*, *boulevard St Martin*, *boulevard St Michel*, *rue des Blancs Manteaux* – букв. «улица белых плащей» (ср. название лондонской улицы *Whitefriars*). Есть также мост, названный в честь короля Людовика IX (Людовика Святого) – *pont Saint Louis*; площадь на Монмартре *place du Sacre Coeur* – букв. «площадь Святого Сердца» названа по одноименной церкви.

Аналогичная ситуация в Москве, где многие улицы носили и сейчас снова носят имена расположенных на них храмов: *Ильинка*, *Варварка*, *Якиманка*, *Петровка*, *Страстной Бульвар* и др.

Историческая тенденция перехода от «стихийного» выбора имен для городских локусов к именам, установленным городскими и государственными институтами, также является общей для разных стран и культур. В столицах Европы тенденция официального присвоения городских названий проявилась в XVIII–XIX вв. и продолжилась в XX в. Д. А. Алисов отмечает, что в эти периоды народная, стихийно складывающаяся историческая память в городской среде уступает место фиксации государственной картины мира [Алисов 2020]. Например, в российском городе Омске появляются названия улиц: *Шпрингеровская*, *Офицерская*, *Гасфортовская*. В Лондоне – *Wellington Place* и *Wellington Street*, названные в честь герцога Веллингтона, одержавшего победу над армией Наполеона; *Victoria Street* и *Victoria Embankment* – улица и набережная, названные в честь королевы Виктории, правившей в 1837–1901 гг. В советский период в центре Ленинграда были улица *Халтурина* (после 1991 г. возвращено прежнее название *Миллионная*) и улица *Дзержинского* (возвращено одно из прежних названий – *Гороховая*). До настоящего времени сохранены урбанонимы, присвоенные в советский период в честь декабристов: улица *Пес-*

теля, улица Радищева. В дореволюционной России они в XIX в. носили названия *Пантелеймоновская* и *Никольская*. Первая – в честь строившейся церкви Св. Пантелеймона, вторая – в честь сына Николая I великого князя Николая Николаевича.

К числу институционально присвоенных относятся также многочисленные в городах России и других европейских стран улицы и площади, названные в честь деятелей культуры, главным образом – писателей. В Москве это топонимы *Пушкинская*, *Лермонтовская*, *Чехова*, в Ленинграде – улицы *Пушкина*, *Гоголя*, *Белинского*. В Париже это, например, *avenue Victor-Hugo*, *rue Balzac*; в Лондоне – *Shakespeare Road*, *Milton Avenue*.

Урбанонимы как отражение межкультурных контактов

Урбанонимы способны не только отображать особые исторические периоды в пределах одной культуры, но и переходить границы стран и культур. Этот процесс, характерный не только для современности, связан со стремлением отобразить в названиях городских объектов важные и позитивные с точки зрения государственных институтов и жителей городов события международной жизни: контакты и союзы между странами, победные битвы, личности дружественных политиков. Процесс присвоения инонациональных и инокультурных наименований характерен для институционально установленных урбанонимов, т. е. для относительно поздних исторических периодов. Например, в начале XIX в. площадь в восточной части Берлина указом короля Пруссии Фридриха Вильгельма III получила название *Alexanderplatz* – в честь посещения в 1805 г. города российским императором Александром I, союзником Пруссии в войне с Наполеоном Бонапартом. В честь Александра I в 1833 г. названа также центральная улица в столице Финляндии Хельсинки: *Aleksanterinkatu*, и это название – одно из немногих топонимов, которые сохранились со времени нахождения Финляндии в составе Российской империи.

Показательно в этом отношении и название *Улица Парижской Коммуны*. Годоним, присвоенный в память о Парижской коммуне, – событию из истории Франции – один из часто встречающихся в республиках бывшего СССР. Сегодня в России *Улица Парижской Коммуны* есть в Березниках Пермского края, в Бердске Новосибирской области, во Владимире, Ельце, Иванове, Казани, Комсомольске-на-Амуре, Красноярске, Оренбурге, Ростове-на-Дону, Самаре, Смоленске, Туле, Чебоксарах, Шахтах, Барнауле и других городах.

Урбанонимы, посвященные деятелям искусства, также переходят границы стран. Они являются знаком международного признания достижений писателей и музыкантов, других деятелей культуры. Например, в центре Парижа на площади рядом с Центром Жоржа Помпиду расположен необычный фонтан, открытый в 1983 г. и названный именем Игоря Стравинского – *Fontaine*

Stravinski (его другое название – Фонтан Тингелли, по имени одного из его создателей) [Фонтан Стравинского]. В Германии в г. Марбурге, в университете которого учился Б. Пастернак, одна из улиц названа его именем: *Pasternakstrasse*.

В Москве на пересечении проспектов Вернадского и Ломоносовского расположена *Площадь Джавахарлала Неру* (открытие состоялось 20 сентября 1982 г.), названная в честь премьер-министра Индии. В силу сложности произношения индийского имени для жителей Москвы площадь «обзавелась» неофициальным названием и известна, в основном среди студентов МГУ им. М.В. Ломоносова, как *Площадь Джа*, или *Фонтаны*.

Официальные и неофициальные урбанонимы в современной коммуникации

Неофициальные топонимы в современной речи, как правило, являются частью городского просторечия. Они функционируют параллельно с официальными наименованиями и часто составляют их варианты по форме: *Библиотека имени Ленина – Ленинка*.

В литературе отмечается, что неофициальные топонимы, как правило, используются представителями молодого поколения, однако, на наш взгляд, данное утверждение справедливо лишь отчасти. Довольно большое количество неофициальных топонимов признается и представителями старшего поколения.

Подобно официальным топонимам, регулярно воспроизводимым в различных регионах (городах) страны (таким как *Центральная улица*, *Московский проспект*, *Ленинский проспект*, *улица Декабристов* и пр.), неофициальные топонимы также могут редуцироваться. Так, топоним *Ленинка* используется для обозначения Российской государственной библиотеки в Москве, ранее носившей имя В.И. Ленина («я завтра иду в Ленинку»), а также *Площади им. Ленина* в Чите.

Образный характер номинации и свойственная образным номинациям эмоциональная оценка являются частыми признаками неофициальных топонимов, в том числе городских наименований. Образные неофициальные названия городских объектов содержат в себе как положительную оценку объектов со стороны говорящих (одобрение), так и, напротив, их неодобрение или иронию. *Пьяная дорога* часто встречается в разных регионах, обозначая второстепенную дорогу с плохим покрытием в объезд главной, используемой местными автолюбителями для сокращения времени в «пробках» (например, в Истринском районе Подмосковья). Ироничным является неофициальное городское название здания Президиума академии наук на Ленинском проспекте в Москве: оно известно как *Золотые мозги*. В данном урбанониме, метафорическом по своей природе, фиксируется визуальное основание уподобления, а именно необычное архитектурное решение верхней части здания, похожей

на мозг с его извилинами. Мотивация образа поддерживается уподоблением по функции: название напоминает о профессиональном назначении ученых – думать и через мышление открывать и создавать новое.

Другой характерный признак современных неофициальных урбанонимов – относительная компактность: по сравнению с официальными названиями они, как правило, лаконичнее. Их компактность обусловлена тем, что, в отличие от официальных наименований, указывающих на назначение объекта и включающих в свой полный состав нарицательное имя существительное (*магазин одежды «Толстяк», улица Маршала Жукова, салон красоты «Русалочка», химчистка «Диана», магазин Красной икры* и пр.), в неформальном общении коммуниканты обходятся без уточнения назначения объекта: *«встретимся у Ленинки», «пойдем в Третьяковку», «учится в Строгановке (Бауманке)»*. Кроме того, неофициальные названия городских объектов часто представляют собой сокращенные формы от официальных: *Маяковка* (от *станция метро Маяковская*), *Тишинка* (от *Тишинская площадь*); *Шарик* (от *аэропорт Шереметьево*), *Владик* (*город Владивосток*), *Склиф* (*НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского*). В данном случае мотивацией служит, вероятно, стремление коммуникантов к экономии речевых средств. Однако важно и то, что сокращенные наименования обретают фамильярность и экспрессивность – качества, ценимые в неформальной коммуникации. Нередко при таком способе образования неофициальных урбанонимов они переходят из одной части речи в другую, особенно часто происходит субстантивация прилагательных: *Тишинская площадь – Тишинка, Ленинградское шоссе – Ленинградка*.

Заключение

Авторами статьи была поставлена цель: исследовать роль урбанонимов – собственных имен городских объектов – как языкового феномена, участвующего в формировании культурной памяти и социально-культурной идентичности жителей города. Выбранный подход предполагает внимание к сочетанию свойств стабильности и динамики урбанонимов в истории. Стабильность урбанонимов позволяет сохранить в коммуникативном пространстве города память об идеологемах, о личностях и событиях, важных для горожан. Динамика обусловлена историческими процессами, предполагающими закономерные изменения в условиях жизни и деятельности горожан, в системе их представлений и ценностей. Названия городских объектов являются показательными для выявления динамики имен собственных, так как в городах, особенно в мегаполисах, социальные и культурные изменения носят более интенсивный характер. В настоящее время это во многом обусловлено усилением международных и межкультурных контактов, в том числе миграцией.

Изучение тенденций статистики и динамики позволило установить корреляцию между такими свойствами урбанонимов, как время их возникновения, мотивация (тематический источник наименования), способ присвоения имени (стихийный – «снизу» или институциональный), а также их официальный или неофициальный статус. Анализ урбанонимов городов России и Европы (главным образом Лондона и Парижа) также позволил выявить общие закономерности в их развитии.

Библиография

Абашев В.В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.

Алисов Д.А. Культурный ландшафт города, или Некоторые способы фиксации исторической памяти в городской среде // Культурные ландшафты современного города: сборник научных работ / под ред. Д.А. Алисова, И.А. Селезнева. М.: Институт Наследия, 2020. С. 4–21.

Багирова Е.П., Гаврикова Э.О. Языковой имидж современного города: (На материале годонимов и эргонимов г. Тюмень) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 4 (4). С. 43–55.

Басик С.Н. Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Географический вестник. 2018. № 1 (44). С. 56–63.

Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 520 с.

Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Карта современного города как источник лингвострановедческой информации // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 9: Филология. С. 18–24.

Бутеев Д.В., Никифорова В.В., Сергеев В.Ю. Под покровом имени: Словарь неофициальных топонимов г. Смоленска. Смоленск: Маджента, 2012. 163 с.

Варданян М. О названиях улиц Лондона // English. 2009. №9. URL: https://eng.1sept.ru/view_article.php?ID=200900916 (дата обращения 12.05.2023).

Великобритания: Лингвострановедческий словарь: 9500 единиц / А.Р.У. Рум, Л.В. Колесников, Г.А. Пасечник, А.В. Перова и др. Изд. 2-е, стереотип. М.: Русский язык, 1978. 480 с.

Дахин А.В. Город как место памятования // Гуманитарная география. 2006. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-mesto-pamyatovaniya> (дата обращения 29.07.2023).

Демьянов К.В., Рыженко В.Г. (2017) Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестник Омского университета. Исторические науки. 2017. № 4 (16). С. 153–160.

Замятин Д.Н. (2003) Гуманитарная география: Пространство и язык географических объектов. СПб.: Алетейя, 2003. 336 с.

Имена московских улиц. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под общ. ред. А.М. Пегова. М.: Московский рабочий, 1975. 536 с.

Кузнецова А.В. Отражение памяти о прошлом в культурном пространстве исторического малого города (на материалах города Куйбышева Новосибирской области) // Культурные ландшафты современного города: сборник научных работ / под ред. Д.А. Алисова, И.А. Селезнева. М.: Институт Наследия, 2020. С. 90–100.

Леонович О.А. В мире английских имен. М.: Астрель, 2002. 160 с.

Михайлюкова Н.В. Языковой облик современного города: учеб. пособие / отв. ред. Т.И. Петрова. Дальневосточный федеральный университет. Владивосток. 2017. 360 с.

Об учреждении Вятского наместничества из 13 уездов // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 20: 1775–1780. № 15058. С. 986.

Овчинникова Г.В. Особенности десемантизации урбанонимов во французском, английском и русском языках // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2023. № 3. С. 106–116.

Полушкевич О.А. Символическое конструирование территориальной идентичности: (На примере топонимики Иркутска) // Управленческое конструирование. 2017. № 11 (107). С. 80–94.

Разумов Р.В., Горяев С.О. Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 201–219.

Словарь лингвокультурологических терминов / Авторы-составители Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. М.: Гнозис, 2017. 192 с.

Тхакахов В.Х. Идентичность и память в урбанонимах Владикавказа // Дискурс. 2019. Т. 5. № 6. С. 108–119.

Федеральный закон от 18 декабря 1997 г. № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/12106462/> (дата обращения: 28.06.2023).

Фонтан Стравинского [Stravinsky Fountain] // Путеводитель по Парижу [Paris Travel Guide]. URL: <https://frenchparis.ru/fontaine-stravinski/> (дата обращения: 10.07.2023).

Шешнёв А.С. Побратимские связи чехословацких и нижеволжских городов во второй половине XX в. и их отражение в городской топонимике // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840019850-4-1/> (дата обращения: 28.06.2023).

Шушарина Г.А. Экспликация региональной идентичности Комсомольска-на-Амуре в региональном ономастическом пространстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (167). С. 76–80.

References

Abashev V.V. Perm' kak tekst: Perm' v russkoj kul'ture XX veka [Perm' as a text: Perm' in the Russian culture of the 20th century]. Perm': Univ. publishing House, 2000. 404 p. (In Russ.)

Alisov D.A. Kul'turnyj landshaft goroda, ili Nekotorye sposoby fiksacii istoricheskoi pamjati v gorodskoj srede [The cultural landscape of the city, or Some ways of fixing historical memory in the urban environment]. Kul'turnye landshafty sovremennogo goroda: sbornik nauchnyh rabot. Pod red. D.A. Alisova, I.A. Selezneva. M.: Institut Nasledija, 2020. P. 4–21. (In Russ.)

Bagirova E.P., Gavrikova Je.O. Jazykovoje imidzh sovremennogo goroda: (Na materiale godonimov i jergonimov g. Tjumen') [Linguistic image of a modern city: (Based on the godonyms and ergonyms of Tyumen)]. Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. Humanitates. 2015. T. 1. N 4 (4). P. 43–55. (In Russ.)

Basik S.N. Kriticheskaja toponimika kak napravlenie geograficheskikh issledovanij: problemy i perspektivy [Critical Toponymy as a Direction of Geographical Research: Problems and Prospects]. Geograficheskij vestnik. 2018. N 1 (44). P. 56–63. (In Russ.)

Bragina N.G. Pamjat' v jazyke i kul'ture [Memory in language and culture]. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. 520 p. (In Russ.)

Bulygina Ye.Yu., Tripol'skaja T.A. Karta sovremennogo goroda kak istochnik lingvostranovedcheskoj informacii [The map of a modern city as a source of linguistic and regional information]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: History, Philology. 2012. T. 11, Iss. 9: Philology. P. 18–24.

Buteev D.V., Nikiforova V.V., Sergeev V.Ju. Pod pokrovom imeni : Slovar' neoficial'nyh toponimov g. Smolenska [Under the cover of the name: Dictionary of unofficial toponyms of the city of Smolensk]. Smolensk: Madzhenta, 2012. 163 p. (In Russ.)

Dahin A.V. Gorod kak mesto pamjatovaniya [City as a place of remembrance]. Gumanitarnaja geografiya. 2006. N 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-mesto-pamyatovaniya> (date of access: 29.07.2023). (In Russ.)

Dem'janov K.V., Ryzhenko V.G. Ideologija, toponimika, politika pamjati: o massovom pereimenovanii gorodov v SSSR [Ideology, toponymy, politics of memory: on the mass renaming of cities in the USSR]. Vestnik Omskogo universiteta. Istoricheskie nauki. 2017. N 4 (16). P. 153–160. (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 18.12.1997 N 152-FZ (red. ot 30.12.2015) «O naimenovaniyah geograficheskikh ob'ektov» [Federal Law N 152-FZ of December 18, 1997 (as amended on December 30, 2015) «On the Names of Geographical Objects»]. Garant. URL: <https://base.garant.ru/12106462/> (date of access: 28.06.2023). (In Russ.)

Fontan Stravinskogo. Putevoditel' po Parizhu. URL: <https://frenchparis.ru/fontaine-stravinski/> (date of access: 10.07.2023). (In Russ.)

Imena moskovskih ulic [Names of Moscow streets]. Izd. 2-e, pererab. i dop. / pod obshh. red. A.M. Pegova. M.: Moskovskij rabochij, 1975. 536 p. (In Russ.)

Kuznecova A.V. Otrazhenie pamjati o proshlom v kul'turnom prostranstve istoricheskogo malogo goroda (na materialah goroda Kujbysheva Novosibirskoj oblasti) [Reflection of the memory of the past in the cultural space of a historical small town (based on the materials of the city of Kuibyshev, Novosibirsk region)]. Kul'turnye landshafty sovremennogo goroda : sbornik nauchnyh rabot / pod red. D.A. Alisova, I.A. Selezneva. Moscow: Institut Nasledija, 2020. P. 90–100. (In Russ.)

Leonovich O.A. V mire anglijskih imen [In the world of English names]. Moscow: Astrel', 2002. 160 p. (In Russ.)

Mihajljukova N.V. Jazykovej oblik sovremennogo goroda [Linguistic appearance of the modern city: textbook. allowance]: ucheb. posobie. Otv. red. T.I. Petrova; Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet. Vladivostok, 2017. 360 p. (In Russ.)

Ob uchrezhdenii Vyatskogo namestnichestva iz 13 uezdov [On the establishment of the Vyatka vicerealty from 13 districts]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda [Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. SPb.: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii, 1830. Vol. 20: 1775–1780. N 15058. P. 986.

Ovchinnikova G.V. Osobennosti desemantizacii urbanonimov vo francuzskom, anglijskom i russkom jazykah [Peculiarities of desemantization of urbanonyms in French, English and Russian]. Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubeznaja literatura. Serija 6: Jazykoznanie. 2023. N 3. P. 106–116. (In Russ.)

Poljushkevich O.A. Simvolicheskoe konstruirovanie territorial'noj identichnosti: (Na primere toponimiki Irkutskaja) [Symbolic Construction of Territorial Identity: (On the Example of Irkutsk Toponymy)]. Upravlencheskoe konstruirovanie. 2017. N 11 (107). P. 80–94. (In Russ.)

Razumov R.V., Gorjaev S.O. Transljacija regional'noj identichnosti v urbanonimii rossijskih gorodov: sovremennoe sostojanie [Translation of regional identity in the urbanonymy of Russian cities: the current state]. Voprosy onomastiki. 2020. T. 17, N 2. P. 201–219. (In Russ.)

Sheshnev A.V. Pobratimskie svyazi chekhoslovatskikh i nizhnepovolzhskikh gorodov vo vtoroy polovine XX v. i ikh otrazheniye v gorodskoj toponimike [Twin-City Relations between Czechoslovak and Lower Volga Cities in the Second Half of the 20th Century and Their Reflection in Urban Toponymy]. Istoriya. 2022. Vol. 13. N 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840019850-4-1/> (date of access: 12.05.2023). (In Russ.)

Shusharina G. A. Jeksplicacija regional'noj identichnosti Komsomol'ska-na-Amure v regional'nom onomasticheskom prostranstve [Explication of the regional identity of Komsomolsk-on-Amur

in the regional onomastic space]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2016. N 2 (167). P. 76–80. (In Russ.)

Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov [Dictionary of linguoculturological terms]. Avtory-sostaviteli Kovshova M.L., Gudkov D.B. M.: Gnozis, 2017. 192 p. (In Russ.)

Thakahov V.H. Identichnost' i pamjat' v urbanonimah Vladikavkaza [Identity and memory in the urbanonyms of Vladikavkaz]. Diskurs. 2019. T. 5. N 6. P. 108–119. (In Russ.)

Vardandjan M. O nazvaniyah ulic Londona [On the names of the streets of London]. English. 2009. N 9. URL: https://eng.i-sept.ru/view_article.php?ID=200900916 (date of access: 12.05.2023). (In Russ.)

Velikobritaniya: Lingvostranovedcheskij slovar': 9500 edinic [Great Britain: Linguistic and Regional Dictionary: 9500 units]. A.R.U. Rum, L.V. Kolesnikov, G.A. Pasechnik, A.V. Perova i dr. Izd. 2-e, stereotip. Moscow: Russkij jazyk, 1978. 480 p. (In Russ.)

Zamjatin D.N. Gumanitarnaja geografija: Prostranstvo i jazyk geograficheskikh objektov [Humanitarian Geography: The Space and Language of Geographical Objects]. St.Petersburg: Aletejja, 2003. 336 p. (In Russ.)

С.И. Коданева

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В БРИТАНИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

***Аннотация.** Миграция из стран глобального Юга в страны глобального Севера, прежде всего Европу, постоянно увеличивается в последнее десятилетие, вызывая один миграционный кризис за другим. Политики, ученые, общественные деятели спорят о том, как следует разрешать возникающие кризисы, какая политика должна проводиться в отношении вновь прибывших: следует ли разрабатывать меры по их интеграции в принимающие сообщества, либо более действенной является политика мультикультурализма, которая позволит каждой этнической общности сохранять свою национальную, культурную и религиозную идентичность, в то же время воспринимая ценности страны проживания.*

Соединенное Королевство предлагает наиболее яркий пример реализации политики мультикультурализма, последствия которой оцениваются неоднозначно как исследователями со всего мира, так и самими британцами, которые были вынуждены признать, что прибывающие в страну мигранты и беженцы не только не интегрировались в новых условиях, но зачастую не принимают и не уважают ценности принявшей их страны.

Однако представлять Великобританию как совокупность национальных гетто, каждое из которых является государством в государстве было бы неверным. Британское мультикультурное общество включает выходцев со всех континентов, и каждое этническое меньшинство по-разному воспринимает свою новую родину. Во многом, это обусловлено тем историческим контекстом, в котором происходила их иммиграция и продолжительностью существования соответствующей этнической диаспоры.

Это означает, что для более точного формирования представления о Великобритании как о стране мультикультурализма, а также об эффективности данной политики, необходимо изучение истории иммиграции на Британские Острова, выделение основных миграционных волн и определение их основных характеристик, обусловивших уровень ассимиляции соответствующих этнических общин. Именно это и является основной целью настоящего исследования, по результатам которого сформулирован вывод о том, что политика мультикультурализма может быть эффективна только в отношении тех этнических меньшинств, которые имеют либо тесную историческую, либо культурную связь с принимающей нацией. В отношении же народов, которые такой связи не имеют, данная политика стимулирует только их отчуждение, которое, в конечном итоге, и подпитывает экстремистские и националистические настроения как принимающей, так и прибывающей сторон.

Ключевые слова: Соединенное Королевство; миграция; миграционные волны; мультикультурализм; этнические меньшинства; миграционная политика; Брекзит.

Коданева Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Отдела правоведения ИНИОН РАН. Россия, Москва.
E-mail: kodanevas@gmail.com
Researcher ID: V-2683-2018
ORCID: 0000-0002-8232-9533

Kodaneva S.I.

Migration Policy in Britain: History and Modernity

Abstract. *Migration from the Global South to the Global North, particularly Europe, has been steadily increasing over the past decade, precipitating successive migration crises. Policymakers, academics, and public figures are engaged in debates regarding the appropriate resolution of these crises and the formulation of policies concerning new arrivals. Key questions include whether measures should be developed to integrate migrants into host communities or whether a multiculturalism policy, which permits each ethnic community to preserve its national, cultural, and religious identity while assimilating the values of the host country, would be more effective.*

The United Kingdom offers a striking example of the implementation of multiculturalism policy, the consequences of which are assessed ambiguously by both international researchers and the British themselves. It has been acknowledged that many migrants and refugees arriving in the country have not integrated into the new conditions and often do not accept or respect the values of the host country.

However, it would be inaccurate to depict Great Britain as a collection of national ghettos, each functioning as a state within a state. The British multicultural society includes people from all continents, with each ethnic minority perceiving its new homeland differently. This variation is largely due to the historical context in which their immigration occurred and the duration of the existence of the respective ethnic diaspora.

To form a more accurate understanding of the UK as a country of multiculturalism and assess the effectiveness of this policy, it is essential to study the history of immigration to the British Isles, identify the main migration waves, and determine their characteristics that influenced the level of assimilation of the respective ethnic communities. This study aims to conclude that the policy of multiculturalism can be effective only for those ethnic minorities with either a close historical or cultural connection with the host nation. For peoples without such a connection, this policy only stimulates their alienation, ultimately fueling extremist and nationalist sentiments among both the receiving and arriving parties.

Keywords: *United Kingdom; migration; migration waves; multiculturalism; ethnic minorities; migration policy; Brexit.*

Kodaneva Svetlana Igorevna – Candidate of Law Science, Leading researcher, Department of Jurisprudence, INION RAN, Institute of scientific information on social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: kodanevas@gmail.com
Researcher ID: V-2683-2018
ORCID: 0000-0002-8232-9533

1. Введение

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (далее – Великобритания, Королевство) сегодня – это многонациональная и поликультурная страна. Национальная статистическая служба («Office for National Statistics») выделяет 20 укрупненных категорий, каждая из которых содержит несколько различных этнических групп. Учитывая проводимую в стране с конца XX в. политику мультикультурализма, большинство этих этнических групп не интегрировались в единую британскую нацию, но сохранили свои традиции, культуру, религию, самобытность, поддерживая постоянные тесные связи со странами исхода.

Тем не менее представлять себе Великобританию как страну, состоящую из множества этнических анклавов или даже гетто с высоким уровнем депривации, в которых проживают маргализированные меньшинства, плохо говорящие по-английски, тоже было бы неверно, хотя такие взгляды бытуют и в самом Королевстве, особенно в отношении мусульман.

На самом деле каждая из диаспор представляет собой уникальный сплав национальной и британской культуры и образа жизни, который обусловлен не только особенностями соответствующей этнической группы, но и тем, насколько долго она проживает в Великобритании. Так, например, формирование нигерийской диаспоры началось еще в XIX в. выходцами из этой британской колонии, в то время как основной приток зимбабвийцев пришелся на самый конец XX в., когда эта колония обрела независимость. Соответственно, уровень интеграции у этих двух общин совершенно разный.

Если до 2004 г. основную массу приезжих составляли выходцы из бывших британских колоний, то после расширения ЕС на восток лидерами стали страны Восточной Европы – Польша, Прибалтика, позже – Румыния и Болгария. Так, в период с 2007 по 2016 г. (год проведения референдума о членстве Великобритании в ЕС) трудовым мигрантам из ЕС было выдано 4498 тыс. номеров национального страхования, получение которого являлось обязательным условием для проживания и работы граждан ЕС на территории страны. По данным переписи населения 2021 г. 36,4% всех иммигрантов (лиц иностранного происхождения) составляют выходцы из ЕС [International migration 2021]. Очевидно, что эти общины совершенно отличаются от выходцев из Британского Содружества, как в культурном плане, так и в плане интеграции в британское общество.

Это значит, что формирование полной картины современного британского мультикультурного общества невозможно без тщательного изучения истории иммиграции в нее из других стран, определения характеристик и сроков основных «волн» миграции, сформировавших неповторимый этнический ландшафт этой страны. Именно такой исторический анализ и является основной целью настоящей статьи.

2. Иммиграция в Великобританию до середины XX в.

На самом деле, как и в случае с другими странами, иммиграция в Великобританию существовала на протяжении всей его истории. Англия с давних времен позиционировала себя как торговую державу, что стимулировало приток иностранцев уже в XVI–XVII вв. Однако исторические масштабы миграции кардинально различались. Так, существуют данные о том, что в 1610 г. около 3% лондонцев родились за пределами Англии. В конце XVIII в. один лондонский врач подсчитал, что лишь один пациент из 60 родился не в Англии. Наиболее крупными диаспорами были евреи, которых к началу XX в. в стране насчитывалось 400 тыс. человек, выходцы из Восточной Европы (более 80 тыс. человек), протестанты, бежавшие из католических европейских стран (50 тыс. человек). Вторая мировая война стала причиной новой волны мигрантов, прежде всего, поляков (200 тыс. человек) и евреев (100 тыс. человек) [Дмитриева, Бражников 2016].

Отдельное место в британской миграции занимают потомки рабов и выходцы из колоний. Так, первоначально африканцы попадали в Великобританию в качестве рабов. К началу XIX в. до 20 тыс. переселенцев из Африки были гражданами страны [Дмитриева, Бражников 2016]. Позже африканская диаспора пополнялась двумя путями: посредством привлечения дешевой рабочей силы из колоний (прежде всего, в качестве моряков и портовых рабочих) и за счет африканской молодежи, прибывшей в страну в рамках политики Королевства по обучению жителей колоний в метрополии. Соответственно, первые селились, в основном, в портовых городах, а вторые – в Лондоне и других университетских городах страны. Африканские мигранты того периода демонстрировали сплоченность, создавали общественные организации задолго до массовой миграции представителей Африки в Великобританию (вторая половина XX – начало XXI в.). Эти структуры не были многочисленны, в том числе и потому, что самих мигрантов из Африки в метрополии тогда на постоянной основе проживали не более 10–15 тыс. человек [Карпов 2019]. Однако, они создали основу для социальной сплоченности будущих поколений мигрантов.

В целом приток мигрантов в Королевство до середины XX в. был достаточно небольшим и практически не оказывал влияния на рост численности и этнический состав населения страны.

3. Иммиграция в Великобританию во второй половине XX – начале XXI в. Шесть волн миграции.

Ситуация начала резко меняться во второй половине XX в. Так, к сравнению, за 80 лет 1851–1930 гг. численность населения страны выросла за счет миграции на 1 млн человек; за 40 лет, прошедших с начала Второй мировой войны – на 2 млн человек; за десять лет (1981–1991) – прирост составил уже

1,1 млн. Перепись 2001 г. показала, что население выросло на 1,7 млн человек. За следующие десять лет, к 2011 г. – еще на 4,1 млн. человек, составив 63,2 млн, 7,5 из которых были лица иностранного происхождения [Карпов 2017]. По данным переписи 2021 г. за последние десять лет в страну прибыли еще 2,5 млн человек. Таким образом, иммигранты составляют 10 млн человек или 16,8% населения страны. Из них 5,9 млн (9,9%) не имеют британского гражданства [International migration 2021].

Причины резкой интенсификации миграции являются различными, как и состав и правовой статус мигрантов. Можно говорить о нескольких волнах миграции, пришедшихся на XX в.

3.1. Первая и вторая волны миграции

Для восстановления экономики после Второй мировой войны Королевству требовались рабочие руки. И, как было отмечено выше, страна стала принимать тех, кто бежал на Британские острова во время и после войны. Причем, если во время войны они бежали от фашизма, то после войны многие выходцы из тех стран, которые оказались в социалистическом лагере, не захотели возвращаться на родину и остались на Британских островах навсегда. Эти европейцы составили первую крупную миграционную волну XX в. Соответственно, это были семьи, которые осели в стране, присоединившись к своим этническим диаспорам, до той поры крайне малочисленным.

Однако их оказалось недостаточно для восстановления разрушенной экономики и промышленности, и тогда был принят Акт 1948 г. О британском гражданстве (British Nationality Act), в соответствии с которым было признано единое «гражданство Великобритании и колоний» (позже – гражданство Великобритании и стран Содружества), заменившее британское подданство. Этот статус давал возможность свободно приезжать и работать в Великобритании гражданам колоний. При этом гражданство можно было получить как по праву крови, так и по праву почвы. Принятие указанного Акта стимулировало вторую волну трудовой миграции: в течение семи лет (1955–1962) в Британию прибыли 472 тыс. человек [Дмитриева, Бражников 2016].

Основу этой волны составили мужчины, многие из которых, проработав некоторое время в Британии, возвращались затем на родину. Первый пароход, доставивший на Острова крупную партию рабочих, поставил правительство страны в тупик – оно не знало, как и где разместить вновь прибывших. Однако оказалось, что этого и не требуется. Практически все они смогли самостоятельно найти себе жилье у своих соплеменников, проживавших в Королевстве еще с довоенных времен.

3.2. Третья волна миграции

Тем не менее резкий и неконтролируемый рост числа мигрантов из колоний вызвал серьезную озабоченность в британском сообществе, следствием чего стало принятие Акта 1962 г. Об иммиграции из стран Содружества (Commonwealth Immigrants Act), который ограничивал въезд для низкоквалифицированной рабочей силы и упорядочил приток мигрантов, однако разрешал въезд в Королевство близких родственников тех, кто уже находится на его территории.

Это спровоцировало качественно новую третью волну миграции – семейную. От предыдущей волны она отличалась тем, что, если раньше мигранты стремились заработать побольше денег и вернуться, то теперь они были нацелены на то, чтобы остаться на новой родине навсегда. Это стимулировало резкий рост диаспор. Так, всего за десять лет индийская диаспора в стране почти удвоилась. Если в 1961 г. в Королевстве проживали порядка 157 тыс. индийцев, то в 1971 г. их было уже 310 тыс. Быстрыми темпами увеличивалось число выходцев с Ямайки (достигшее 171 тыс. человек против 100 тыс. в начале 1960-х годов), а также из Пакистана и Африки [Новиков 2020]. Таким образом, если в 1945 г. число небелых жителей Великобритании составляло несколько тысяч, то к 1970 г. – около 1,4 млн, третья часть которых родились в Королевстве.

Следует отметить, что Ост-Индия была одной из старейших колоний Англии, освоение которой началось еще в 1600 г. При этом начиная с XIX в. британцы проводили активную политику ассимиляции (прежде всего, через миссионерскую деятельность и систему британского образования). Поэтому индусы достаточно легко интегрировались в британское общество, получали хорошее образование, занимая достойное положение в этой стране. Иначе дело обстояло с пакистанцами и большинством выходцев с Ямайки и многими африканскими общинами, которые у себя на родине проживали преимущественно с сельской местности, не имели образования, не знали английского языка и с трудом интегрировались на новой родине, занимаясь самой низкооплачиваемой работой.

Стремительный рост иммигрантов не мог не вызывать негативную реакцию у коренных жителей Туманного Альбиона. В рабочих районах крупных городов страны стали формироваться молодежные группировки, которые вступали в прямые столкновения с мигрантами. После погромов в Лондоне в августе 1958 г. проблема иммигрантов и межэтнических противоречий вошла в политическую повестку государства. Общественное мнение было озабочено масштабом беспорядков, началось обсуждение данной проблематики в СМИ, парламенте и правительстве [Котляров, Потапейко 2022]. В результате в 1965 г. был принят первый Акт О расовых отношениях (Race Relation Act 1965), в 1968 г. – второй, а в 1976 г. – третий. Целью этих законов было недо-

пущение дискриминации, например, при предоставлении жилья, при приеме на работу, в вопросах образования и предоставления услуг и т. д. Можно сказать, что именно тогда были заложены основы политики мультикультурализма, расцвет которой пришелся на 1990–2000-е годы.

С другой стороны, правительство Великобритании шаг за шагом ограничивало возможности свободной миграции для своих «подданных» из стран Содружества. Так, Акт 1971 г. Об иммиграции (The Immigration Act) закрепил одинаковый статус для мигрантов из стран Содружества и других стран мира.

Однако наиболее жесткую позицию в отношении иммиграции в Королевство заняла М. Тэтчер, которая полагала, что стране нужны только высококвалифицированные кадры, которые будут приносить пользу экономике. Заняв пост премьер-министра, она стала последовательно проводить новую миграционную политику, направленную на максимальное сокращение притока низкоквалифицированных и плохо образованных граждан Великобритании и стран Содружества. Приоритет отдавался либо «белым» выходцам из Доминионов, чьи предки – граждане Королевства когда-то перебрались в отдаленные уголки Британской Империи (например, большинство мигрантов из ЮАР, вынужденные покинуть страну после обретения ею независимости), либо высококвалифицированным специалистам.

Так, представляет интерес Акт 1981 г. О британском гражданстве (British Nationality Act), который создал сложную систему юридических взаимоотношений граждан с Королевством. Гражданство страны было разделено на несколько типов [Types of British nationality]:

- Британское гражданство (British citizenship). Как правило, гражданство получает человек, родители (или один из родителей) которого имеют гражданство Великобритании, либо человек, родившийся на территории Королевства от лица, имеющего право постоянного проживания в стране. После принятия Акта гражданами страны стали все граждане бывших британских колоний, которые имели право постоянного проживания в Великобритании 31.12.1982 г. Также возможна натурализация (для тех, кто проживает в стране не менее пяти лет и имеет право на постоянное проживание). Кроме того, Акт предусматривает возможность регистрации гражданства для отдельных категорий лиц, например, для тех, кто имеет другие типы британского гражданства или детей, родившихся в стране, но не получивших гражданство автоматически.

- Гражданство британских заморских территорий (British overseas territories citizen) (до 26.02.2002 г. именовалось Гражданство британских зависимых территорий) получили те, кто 31.12.1982 г. имел гражданство Великобритании и стран Содружества, а также имел связи с британской заморской территорией (он сам, его родители или бабушка и дедушка родились, зарегистрированы или натурализовались в ней). После 01.01.1983 г. действуют правила, аналогичные тем, что установлены для автоматического получения

британского гражданства: право крови. Гражданство британских заморских территорий дает право на британский паспорт и консульскую защиту, однако не дает право свободно жить и работать в Королевстве.

- Британское заморское гражданство (British overseas citizen) и Британское гражданство (заморское) (British national (overseas)) в целом аналогичны предыдущему типу, но применимы только к жителям Гонконга, поскольку 30.06.1997 г. после возвращения суверенитета над Гонконгом к Китаю проживавшие в нем граждане британских заморских территорий лишились этого типа гражданства. Соответственно, те из них, кто зарегистрировался до 01.07.1997 в качестве британских граждан, получили приставку «(заморские)», остальные именуются британскими заморскими гражданами.

- Британский подданный (British subject). До 1 января 1983 г. все граждане стран Содружества в совокупности неофициально именовались «британскими подданными». Однако Акт четко определил, что юридический статус «британского подданного» сохраняется только за теми, кто был таковыми на момент вступления в силу Акта 1948 г. (т.е. на 01.01.1949 г.) и после этого не получили официально гражданство Великобритании и стран Содружества, Пакистана или Ирландии. Статус британского подданного как правило не передается по наследству и утрачивается после получения любого гражданства. Британские подданные так же как и обладатели других типов британского гражданства имеют британский паспорт и консульскую защиту, но не могут свободно жить и работать в Королевстве.

- Защищаемое лицо (British protected person). Этот статус могут получить граждане Брунея, лица, которые не имеют гражданства, родились на территории Великобритании или стран Содружества, сами или их родители имеют статус защищаемого лица. Защищаемые лица имеют британский паспорт и консульскую защиту, но не могут свободно жить и работать в Королевстве.

Таким образом, законодательно было зафиксировано право крови на получение британского гражданства, отменено единое гражданство Великобритании и стран Содружества и закреплен запрет для бывших граждан стран Содружества свободно проживать и работать в Королевстве, хотя они и сохранили определенные права: иметь британский паспорт, консульскую защиту и право зарегистрироваться в качестве гражданина Великобритании при соблюдении определенных условий (за исключением защищаемого лица).

Однако к моменту принятия этого закона большинство тех, кто приехал в страну в период второй и, особенно, третьей волны иммиграции, уже приобрели гражданство, а их потомки становились гражданами Королевства автоматически при рождении.

Кроме того, Великобритания некоторое время сохраняла безвизовые режимы с некоторыми бывшими колониями, особенно теми, которые получили свободу позже других (например, Зимбабве). Соответственно, пик миграции из этих стран несколько сместился во времени и пришелся на 1990–2000-е годы.

Однако в целом, начиная с 1970-х годов, сформировалась тенденция сокращения трудовой миграции из бывших колоний. Правительство М. Тэтчер наряду с административными ограничениями стало вводить требования к квалификации приезжающих. Затем законодательно было закреплено требование, чтобы работодатели получали разрешения на привлечение иностранных рабочих. Стоимость одного разрешения для работодателя составляла £ 500–850. Начиная с 2001 г. разрешения на работу стал выдавать отдел «Разрешения на работу» в структуре Министерства внутренних дел страны (Home Office), одна из задач которого – определение дефицитных профессий и специальностей.

3.3. Четвертая волна миграции

Однако миграционная политика круто изменилась после прихода к власти правительства Т. Блэра, которое максимально либерализовало данную сферу, стало принимать меры поддержки иммиграции с целью наполнения рынка труда за счет иностранных рабочих. В основу государственной политики была положена идея мультикультурализма – формирование «единой британской нации», свободной от расовых предрассудков, уважающей культурное и этническое разнообразие. Было разрешено ношение религиозной одежды и знаков на работе, женщинам позволено плавать в общественных бассейнах в мусульманской одежде; в университетах стали создаваться молельные комнаты и кафе для мусульман; были изменены школьные программы – они перестали подчеркивать историю и культуру Великобритании в пользу поверхностного представления о разных культурах и религиях; государство стало выделять гранты на функционирование отдельных школ для мусульман, в том числе отдельных школ для мальчиков и девочек, музеи стали формировать сначала временные, а потом и постоянные экспозиции, посвященные истории миграции и культурным традициям этнических меньшинств [Летняков 2021] и т. д. В результате с 1997 по 2007 г. численность мигрантов в Королевстве выросла с 4,7 млн (8% населения) до 7,6 млн человек (12%) [Охошин 2020]. В эту волну миграции внесли свою лепту и беженцы. Так, в 1998 г. было подано более 46 тыс. ходатайств о предоставлении убежища, в основном за счет косовских албанцев. Между 1998 г. и 2000 г. около 45 тыс. человек приехали из Африки, 22 700 – из Индийского субконтинента, 25 000 – из Азии и почти 12 000 человек – из Америки. В 2000 г. в Великобритании было разрешено поселиться 125 тыс. беженцев [Бобкова 2020].

Этот резкий рост мигрантов, особенно из мусульманских стран стал причиной постоянной террористической угрозы со стороны мусульман-фундаменталистов. Как это ни парадоксально, но в экстремистские организации вступали те, кто получил убежище и должен был бы быть благодарен за это, а также те, кто родился уже в Великобритании и мог бы считать себя полноценным

гражданином этой страны, которая всячески поддерживает право этих людей на сохранение своей национальной, культурной и религиозной идентичности. Однако на деле политика мультикультурализма не стимулировала мигрантов к интеграции в принимающее сообщество, знакомство с его культурой и ценностями. Напротив, миграция третьей волны заложила основы для формирования этнических анклавов, которые в условиях мультикультурализма все больше стали обретать черты гетто.

Это в совокупности с негативными социально-экономическими последствиями финансового кризиса 2008 г. привело к росту социальной напряженности в стране. Если еще в 1990-х годах британское общество просто настороженно относилось к мусульманам, воспринимая их как коллективного «другого» (и в силу колониального прошлого «отсталого»), чуждого британским культуре и ценностям, то после теракта 11.09.2001 г. общество захлестнула открытая исламофобия: от устных оскорблений до физического насилия и погромов мечетей, офисов и жилья. В сентябре 2001 г. число преступлений на почве ненависти выросло на 72 % по сравнению с сентябрем 2000 г. Правительство Т. Блэра стало предпринимать меры для улучшения имиджа мусульман, а сам он заявил, что следует различать деяния террористов и ислам [Потапейко 2021]. Однако недовольство миграционной политикой продолжало нарастать.

В результате после победы на выборах 2010 г. правительство консерваторов объявило, что основной целью его миграционной политики будет сокращение чистой миграции до 100 тыс. человек в год. Была разработана и внедрена новая пятиуровневая миграционная система, основанная на бальной оценке [Субботин 2017]. Теперь иностранцам из стран, не входящих в ЕС, требовалось получить приглашение от работодателя (при этом он должен был сначала сделать предложение работы на внутреннем и европейском рынке труда) и подтвердить знание английского языка. При этом работник мог оставаться в Великобритании максимум шесть лет. Затем он должен был или получить разрешение на постоянное жительство или покинуть страну. В первом случае претендент должен был продемонстрировать уровень дохода не ниже £ 35 800. Во втором – он не имел права в течение 12 месяцев въезжать в страну (так называемый 12-месячный период охлаждения).

Одновременно правительство страны стало бороться с фиктивными студенческими визами (лицензии были отозваны у 300 колледжей) и браками (было введено требование спонсорства принимающим родственником, увеличен срок пребывания в стране по семейной визе для получения права на постоянное проживание, а также требование знания английского языка). В результате решительных мер правительства за два года (2011–2013) чистая миграция сократилась на треть [Карпов 2014].

В 2014 г. был принят Акт об иммиграции (Immigration Act 2014), который усложнял процесс предоставления права на проживание в стране, упрощал де-

портацию нелегальных мигрантов, создавал препятствия для аренды ими жилья, устройства на работу и т. д. В итоге с 2010 по 2015 г. численность иммигрантов из стран, не входящих в ЕС, сократилась на 13% [Кондратьева 2015].

3.4. Пятая волна миграции

Образовавшиеся «ниши» на рынке низкоквалифицированного труда заполняли трудовые мигранты из новых государств – членов ЕС, которые сформировали пятую волну миграции. Так, с 2004 по 2009 г. 70% всего миграционного потока из стран ЕС8 пришлось именно на Великобританию и Ирландию. Только польская диаспора за восемь лет (с 2003 по 2011 г.) увеличилась в 7 раз, став второй по численности в стране (579 тыс. человек в 2011 г., 743 тыс. человек – в 2021); а польский язык по распространенности занимает уже второе место после английского [International migration 2021]. Кроме того, многие прибывшие с краткосрочными планами затем осели в Королевстве навсегда.

Большинство мигрантов из ЕС8 были молодые (до 30 лет) высококвалифицированные люди, имеющие высшее образование. Однако в Великобритании им приходилось заниматься низкоквалифицированным трудом.

Причины, толкавшие молодых людей из стран ЦВЕ на такое положение, конечно, в первую очередь, были экономические: тяжелое социально-экономическое положение и высокий уровень безработицы в их родных странах, с одной стороны, и развитая экономика и система социальной защиты Великобритании, высокий курс фунта стерлингов и высокие, по меркам их родных стран, зарплаты – с другой. Новая работа, пусть даже и неквалифицированная, позволяла им содержать себя и поддерживать свои семьи на родине. Однако не менее важным фактором было то, что Великобритания была для них воплощением западного образа жизни: демократии, свободы, толерантности и развитого общества потребления [Jarosz, Gugushvili 2020]. Возможно, именно поэтому в отличие от мигрантов из бывших колоний, выходцы из ЦВЕ не формировали компактные диаспоры, а значительно более равномерно расселялись по всей стране: селиться в Лондоне предпочитают только высококвалифицированные специалисты востребованных профессий, составляющие 28% от всех приезжих из ЕС, остальные отдают предпочтение районам, ранее практически не охваченным миграцией (Шотландия, восток и юго-запад Англии, Мидлендс). Они значительно быстрее интегрировались в местные сообщества, вступали в браки (или партнерские отношения) с местными жителями, создавали семьи. Например, по числу родившихся детей польские женщины опережают даже женщин из Пакистана, Индии, Бангладеш, Нигерии, Сомали, Южной Африки и Китая. Это позволило польскому сообществу выйти в лидеры среди всех этнических сообществ, формирующих второе поколение иммигрантов в Великобритании [Кондратьева 2014].

На первом этапе это воспринималось обществом позитивно, поскольку европейцы с точки зрения культуры и внешнего вида менее выделялись в принимающей среде и гораздо легче в нее интегрировались. Однако, как это ни парадоксально, именно миграция из стран ЕС, прежде всего Польши, стала центральной темой риторики сторонников выхода из Евросоюза в период кампании референдума 2016 г. о членстве Великобритании в ЕС. Стали нарастать националистические настроения в обществе, выливающиеся порой в прямую агрессию по отношению к тем, кто говорит с акцентом. Одновременно был подготовлен новый билль об иммиграции, который был принят в 2016 г. Согласно этому новому закону, устанавливалась уголовная ответственность как для нелегальных мигрантов, так и для их работодателей и арендодателей жилья; возможность заморозки банковских счетов и аннулирования водительских прав, а также принцип «сначала депортация – потом апелляция».

Когда стали известны результаты референдума и правительство Т. Мэй вступило в переговорный процесс с ЕС, встал вопрос о будущем граждан Евросоюза, проживающих в Королевстве. Именно этот вопрос, наряду с рыболовством и статусом Северной Ирландии, был камнем преткновения в переговорах и конституционного кризиса в самой Великобритании [Коданева 2023]. Сами выходцы с континентальной Европы отреагировали на происходящее по-разному: часть из них поспешила получить статус постоянного проживания, часть покинула страну¹, а часть решила дожидаться большей определенности.

В результате в ходе переговоров между Великобританией и ЕС было достигнуто соглашение о том, что граждане ЕС, находящиеся в Королевстве по состоянию на 01.01.2021 г. могут получить «установленный статус» (settled status) (если проживают пять и более лет) или «предварительно установленный статус» (pre-settled status) (если проживают менее пяти лет). Установленный статус фактически равнозначен праву на постоянное проживание.

Одновременно была разработана новая схема привлечения трудовых мигрантов. В литературе ее часто сравнивают с австралийской моделью, поскольку она основана на баллах. Однако это не совсем верное сравнение. В Австралии не требуется от кандидата приглашения на работу от конкретного работодателя. Соответственно, заявителя оценивают не с позиции его будущей работы, а с точки зрения его личных качеств (образование, стаж работы, возраст и т. д.). При этом система достаточно гибкая и позволяет набрать необходимые баллы по различным пунктам.

Напротив, британская система является довольно жесткой. Заявитель должен набрать 70 баллов, 50 из которых обязательны и не имеют альтернативы: работа средней или высшей квалификации (20 баллов), наличие

1. В массовом порядке Королевство покидали граждане восьми стран – Чехии, Словакии, Венгрии, Эстонии, Литвы, Латвии, Польши и Словении.

«предложения о работе от утвержденного спонсора»² (20 баллов) и знание английского языка установленного уровня (10 баллов). Это так называемые «неторгуемые» баллы. Еще 20 баллов можно набрать за счет «торгуемых»: степень PhD, работа по дефицитной специальности (перечень утверждается правительством), работник является выпускником вуза (новым участником рынка труда).

С одной стороны, это привязывает работника к работодателю и даже создает возможности злоупотребления со стороны последнего. Однако, с другой стороны, в отличие от прежней системы для работника не устанавливается максимального срока пребывания в стране, по прошествии которых он должен продемонстрировать подтвержденный доход в £35 800. Достаточно просто подать заявление на продление рабочей визы или на получение права постоянного проживания³, подтвердив первоначально заявленный уровень дохода.

Кроме того, работодатели теперь не должны оплачивать разрешения на работу для каждого работника и проводить предварительный внутренний мониторинг рынка труда, доказывая, что на открытую вакансию нет претендентов в Великобритании и ЕС.

3.5. Пост-Брекзит – формирование шестой волны миграции

Если для выходцев с континентальной Европы новая система является видимым ужесточением правил, то для мигрантов из третьих стран – это, напротив, либерализация. Тем более, что в соответствии с новой системой восстановлено право студентов после окончания вуза оставаться в стране для работы по специальности на два-три года, после чего они смогут получить обычную рабочую визу.

2. Фактически речь идет о приглашении от работодателя, однако, приведенная формулировка неслучайна. Во-первых, выдавать разрешения могут только работодатели, получившие соответствующую лицензию. Во-вторых, они должны гарантировать установленный уровень заработной платы не ниже £25 600 в год (за исключением четко перечисленных случаев, когда оплата должна быть не ниже £20 480 или £23 040 в год), либо не ниже 75% средней заработной платы по профессии (например, для пилотов это будет £60 800 в год). В-третьих, работодатели должны приобрести «лицензию спонсора квалифицированного работника», которая стоит от £536 до £1 476, а также оплатить так называемый налог на навыки (skillslevy) – до £1 000 за одного работника (был введен еще в 2017 г. в отношении работников из третьих стран, а теперь распространился и на работников из ЕС).

3. Следует учитывать, что в Великобритании самая высокая стоимость получения визы и права постоянного проживания, которая складывается как из различных пошлин, так и включает обязательное требование оплаты медицинской страховки на все время проживания в стране. Медицинская страховка должна быть оплачена заранее (еще до подачи заявления на визу) на весь предполагаемый срок. В результате стоимость получения рабочей визы составляет £ 6 911.40 на человека, а права постоянного проживания – £ 2 389.

Неудивительно, что согласно отчету Национальной статистической службы, в 2022 г. в страну приехали 1,2 млн человек, выехали – 557 тыс. человек. Таким образом, чистая миграция составила 606 тыс. человек (на 118 тыс. больше, чем годом ранее и на 273 тыс. человек больше, чем в 2018 г.). При этом из ЕС прибыли 151 тыс. человек, из третьих стран – 925 тыс., а граждан Великобритании – 88 тыс. человек. Чистая миграция граждан ЕС была отрицательной (–51 тыс. человек). Для сравнения, в 2021 г. чистая миграция граждан ЕС была минус 42 тыс. человек, а в 2018 г. – минус 180 тыс. человек [Long-term international migration 2022].

Впрочем, резкое увеличение числа мигрантов из третьих стран обусловлено увеличением числа студенческих и гуманитарных виз. Так, в 2022 г. рабочие визы составили только 25% (включая иждивенцев), в то время как 39% были выданы для обучения, а 19% – по гуманитарным соображениям (в основном, это граждане Украины, а также британские граждане (заморские) из Гонконга, 8% виз получили просители убежища, 6% – семейные визы и 3% – остальные. Напротив, 40,9% прибывших из ЕС получили рабочую визу, 26,2% – студенческую, 5,4% – семейную, 27,5% – иные типы виз.

Количество студенческих виз выросло со 177 тыс. в 2020 г. до почти 220 тыс. в 2022 г. (хотя отчасти это можно объяснить карантинными мерами, дистанционным обучением в период пандемии COVID-19 и последующем прибытием в страну тех, кто фактически поступил в британские вузы в период пандемии). При этом наибольшее количество студенческих виз получили китайцы (30%), на втором месте жители Индии (16%), на третьем – нигерийцы (4%). Количество новых студентов из ЕС резко сократилось с 98,5 тыс. человек в 2020 г. до 48 тыс. в 2022 г. [Walsh 2023], что, видимо, объясняется необходимостью получения виз после выхода Британии из ЕС. Причиной же роста числа студентов из других стран мира, помимо, отмеченного всплеска, вызванного пандемией, является то, что новая миграционная система позволяет лицам, окончившим вузы оставаться в стране еще два–три года для работы по специальности.

При этом важно подчеркнуть, что период нахождения в стране по студенческой визе не входит в пятилетний срок, необходимый для получения права постоянного проживания в Великобритании. Кроме того, как показывают данные эмиграции за 2022 г., рост числа покинувших страну неевропейцев в основном также обусловлен отъездом лиц, проходивших обучение в британских вузах.

Иными словами, студенческая миграция в наименьшей степени способствует приросту постоянного населения страны. Напротив, семейная миграция в наибольшей степени связана с последующим получением гражданства или права постоянного проживания. Например, 85% тех, кто получил семейную визу в 2013 г. затем остались на постоянное жительство. Для сравнения доля оставшихся получателей рабочей визы в том же году составила 23%,

а студенческой визы – всего 16% [Kierans 2020]. Таким образом, несмотря на то что доля семейных виз на первый взгляд кажется незначительной (около 6%), доля этой категории в общем объеме долгосрочной иммиграции в страну значительно выше. Так, по данным за 2021 г. среди всех проживающих в Великобритании иммигрантов первоначально по семейной визе приехали в страну 45%, по рабочей – 32%, по студенческой – 13% [Walsh 2021].

Помимо официальной миграции, в последние годы резко возросло число нелегальных мигрантов, особенно тех, кто переплывает Ла-Манш на маленьких суденышках⁴. Традиционно существует четыре основания появления «нелегала» в Королевстве: незаконный въезд в страну, случаи, когда человек остается в стране после истечения срока действия визы или отказа в предоставлении убежища, а также рождение ребенка у родителей-нелегалов. Традиционно, нелегалов много в азиатских и африканских общинах. Например, сомалийские священники регулярно молятся о своих соплеменниках-нелегалах, чтобы они смогли успешно получить установленный законный статус. Также внутри диаспор процветает рынок незаконного труда нелегалов [Карпов 2017].

Вместе с тем в последние годы резко стало увеличиваться количество тех, кто незаконно прибыл в страну. Эксперты полагают, что это преимущественно связано с Брекзитом и пандемией COVID-19 [Андреева 2022]. Так, карантинные мероприятия ослабили пограничный контроль, а выход из состава ЕС лишил Великобританию доступа к базам данных Евросоюза и возможности полноценного участия в Европоле. Кроме того, Королевство лишилось возможности депортации в рамках соглашения Дублин III и не смогло добиться подписания аналогичного соглашения. Попытки воспрепятствовать лодкам достичь берегов острова при помощи военных кораблей вызвало осуждение мировым сообществом, как нарушающее Конвенцию ООН о беженцах. Это означает, что страна должна позволить тем, кто находится в лодках, достичь берега и принять у них заявления на предоставление убежища, и не вправе их депортировать.

В настоящее время по разным оценкам, в Королевстве проживают от 800 тыс. до 1,2 млн нелегальных мигрантов [Годованюк 2020] и их число постоянно растет. При этом в Великобритании, с одной стороны, начиная с 2020 г. активизировались исламские террористы, многие из которых прибыли в страну

4. Этот способ проникновения на территорию страны стал популярным относительно недавно – после ужесточения контроля за тоннельным и паромным сообщениями между Францией и Великобританией через пролив Ла-Манш в январе 2019 г. Согласно данным Министерства внутренних дел, в 2022 г. 45 755 человек прибыли в Великобританию таким способом. В первой половине 2023 г. (с января по июнь) количество прибывающих малых лодок сократилось на 10% (до 11 434) по сравнению с аналогичным периодом 2022 г., однако, эта цифра может еще увеличиться, поскольку большая часть нелегальных мигрантов прибывает во втором полугодии [People crossing 2023].

именно в качестве беженцев. С другой стороны, правозащитные организации отстаивают в судах права тех, кто незаконно пересекает Ла-Манш. Так, в июне 2021 г. Высокий суд (High Court) принял решение о том, что содержание мигрантов в бывших армейских бараках в Кенте в небезопасных для их жизни условиях незаконно и нарушает права человека.

Нарастание проблемы подтолкнуло правительство страны к принятию Акта 2022 г. О гражданстве и границах (Nationality and Borders Act 2022), заявленного как «краеугольный камень нового правительственного плана по иммиграции, который обеспечивает наиболее всеобъемлющую реформу за последние десятилетия» [Policy paper 2021]. Закон преследует три цели: повысить эффективность предоставления убежища тем, кто в нем действительно нуждается, уничтожить криминальный бизнес доставки в страну нелегальных мигрантов и депортировать из страны тех, кто находится в ней незаконно. Система мер включает: ужесточение уголовного наказания (для контрабандистов – пожизненное заключение), расширяются права пограничников, в том числе перехватывать и перенаправлять суда в другие страны (прежде всего, во Францию), закрепляется право направлять нелегалов в третьи страны (например, в Руанду) до урегулирования их статуса, возможность налагать «визовые штрафы» (т.е. отказывать в предоставлении виз гражданам тех стран, которые откажутся сотрудничать в депортации своих граждан, незаконно находящихся в Королевстве), а также ускоряются административные и судебные процедуры, связанные с принятием решения о предоставлении статуса беженца или о депортации.

4. Заключение

Проведенное исследование показывает, что XX век для Соединенного Королевства стал веком миграции. Страна прошла различные этапы развития миграционной политики: от стимулирования притока рабочей силы к крайнему ужесточению миграционных правил, от рассвета идеи мультикультурализма к его резкой критике.

При этом на разных этапах миграция качественно различалась, оказывая различное влияние на британский социум. Так, трудовая миграция второй волны, так же как и студенческая миграция, не оказывала на него существенного влияния, поскольку такие иммигранты, как правило, не оставались в стране надолго. Напротив, первая и третья волны семейной миграции стали основой для формирования этнических анклавов. Пятая волна миграции из ЕС имела собственную специфику, поскольку на первых порах прибывающие, как правило, не предполагали связывать свою судьбу с Королевством, просто пользуясь свободой передвижения в Евросоюзе. Однако именно эта группа мигрантов оказалась наиболее способной к быстрой ассимиляции в силу культурной близости с принимающим сообществом.

Если анализировать прибывающих из стран Содружества, то среди них быстрее интегрировались те этнические меньшинства, которые имели более долгие и тесные связи с Королевством: выходцы из Индии, ЮАР, Нигерии.

Напротив, четвертая и шестая волны беженцев сопровождалась ростом экстремизма и террористической угрозы, с одной стороны, а также исламофобии и национализма в среде коренных жителей – с другой.

Проведенный исторический анализ позволяет сделать вывод, что политика мультикультурализма может быть эффективной только в отношении этнических сообществ, имеющих долгие исторические или тесные культурные связи с принимающей нацией. Однако она может быть крайне опасной применимо к этническим сообществам, незнакомым с местной культурой, но поддерживающим тесные связи со странами исхода, поскольку подталкивает их к отчуждению от принимающего сообщества, а последнее – к неприятию и страху перед непонятными «чужаками». В таком контексте более эффективной была бы политика культурной и социальной интеграции.

Библиография

Андреева Т.Н. Нелегальная миграция: вызов для Великобритании (февраль 2020 – июль 2021 г.) // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 66. С. 75–83.

Бобкова Ю.С. Особенности развития иммиграционного законодательства Великобритании во второй половине XX века // Панорама. 2020. № 35. С. 58–62.

Годованюк К.А. Проблемы регулирования иммиграции в Великобритании после Брекзита // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2 (14). С. 76–82.

Дмитриева Ю.В., Бражников А.Г. Эволюция миграционных процессов в Великобритании // Народонаселение. 2016. № 4 (74). С. 24–30.

Карпов Г.А. Демография современной Великобритании: взрыв или кризис? // Социодинамика. 2017. № 9. С. 1–20.

Карпов Г.А. Общественная активность британских африканцев (XX – начало XXI в.) // Общество: философия, история, культура. 2019. № 12(68). С. 109–113.

Карпов Г.А. Сомалийцы в Великобритании: разобщенность или единство? // Азия и Африка сегодня. 2017. № 5 (718). С. 26–29.

Карпов Г.А. Великобритания: демография против мигрантов и мультикультурализма // Современная Европа. 2014. № 2 (58). С. 106–120.

Коданева С.И. Брекзит: причины, предпосылки и правовые последствия: монография / Отв. ред. Т.Г. Пархалина. Москва: ИНИОН РАН, 2023.

Кондратьева Т.С. Великобритания: масштабы и особенности польской миграции после расширения ЕС в 2004 г. // Актуальные проблемы Европы. 2014. № 4. С. 109–124.

Кондратьева Т.С. Великобритания: позиция ведущих политических партий страны по проблеме иммиграции // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 4. С. 85–111.

Котляров И.В., Потапейко П.О. Великобритания и мигранты: социально-политическая рефлексия // Весці БДПУ. Серія 2. Гісторія. Філософія. Політологія. Соціологія. Економіка. Культурологія. 2022. № 1 (111). С. 18–23.

Летняков Д.Э. Массовые миграции и трансформация исторической памяти принимающих сообществ: случай Великобритании // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 3. С. 86–109.

Новиков К.Е. Интеграция политиков с иммигрантскими корнями в политическую систему Великобритании // *Полития: анализ. Хроника. Прогноз* (журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 3 (98). С. 181–200.

Охошин О.В. Миграционная политика Великобритании до и после брекзита // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2020. Т. 22. № 3. С. 506–516.

Потапейко П. Мусульмане в Великобритании: социологический дискурс // *Иппокрена*. 2021. № 1–2. С. 148–158.

Субботин А.А. Особенности учета трудовой миграции в Соединенном Королевстве // *Миграция и социально-экономическое развитие* [Миграция и социально-экономическое развитие]. 2017. Т. 2 № 2 С. 90–100.

International migration, England and Wales: Census 2021 // Office for National Statistics. 2021. 02 Nov. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/internationalmigrationenglandandwales/census2021> (дата обращения: 05.10.2023).

Jarosz E., Gugushvili A. The ‘good life’ of Polish migrants in Britain: Daily behaviours and subjective well-being of migrants, stayers and the British // *Population, Space and Place*. 2020. Vol. 26, Issue 7. P. 2343. URL: <https://doi.org/10.1002/psp.2343> (дата обращения: 05.10.2023).

Kierans D. Who migrates to the UK and why? // *The Migration Observatory*. 2020. 30 March. URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/who-migrates-to-the-uk-and-why/> (дата обращения: 05.10.2023).

Long-term international migration, provisional: year ending December 2022 // Office for National Statistics. 2023. 25 May. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/longterminternationalmigrationprovisional/yearendingdecember2022> (дата обращения: 05.10.2023).

People crossing the English Channel in small boats // *The Migration Observatory*. 2023. 21 Jul. URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/people-crossing-the-english-channel-in-small-boats/> (дата обращения: 05.10.2023).

Policy paper. Nationality and Borders Bill: factsheet // GOV.UK. 2021. 06 Jul. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-nationality-and-borders-bill-factsheet/nationality-and-borders-bill-factsheet> (дата обращения: 05.10.2023).

Types of British nationality // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/types-of-british-nationality> (дата обращения: 05.10.2023).

Walsh P.W. Jorgensen N. Family Migration to the UK // *The Migration Observatory*. 2021. 06 Jul. URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/family-migration-to-the-uk/> (дата обращения: 05.10.2023).

Walsh P.W. Student Migration to the UK. // *The Migration Observatory*. 2022. 23 Sep. URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/student-migration-to-the-uk/> (дата обращения: 05.10.2023).

References

Andreeva T.N. Nelegal'naya migraciya: vy'zov dlya Velikobritanii (fevral' 2020 – iyul' 2021 g.) [Illegal Migration: A Challenge for the UK (February 2020 – July 2021)]. *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2022. N 66. P. 75–83. (In Russ.)

Bobkova Yu.S. Osobennosti razvitiya immigracionnogo zakonodatel'stva Velikobritanii vo vtoroj polovine XX veka [Peculiarities of the development of immigration legislation in Great Britain in the second half of the 20th century]. *Panorama*. 2020. N 35. P. 58–62. (In Russ.)

Dmitrieva Yu.V., Brazhnikov A.G. E`volyuciya migracionny`x processov v Velikobritanii [Evolution of migration processes in Great Britain]. *Narodonaselenie* [Population]. 2016. N 4 (74). P. 24–30. (In Russ.)

Godovanyuk K.A. Problemy` regulirovaniya immigracii v Velikobritanii posle Brekzita [The challenges of regulating immigration in the UK after Brexit]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy` RAN* [Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]. 2020. N 2 (14). P. 76–82. (In Russ.)

International migration, England and Wales: Census 2021. Office for National Statistics. 2021. 02 Nov. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/internationalmigrationenglandandwales/census2021> (date of access: 05.10.2023).

Jarosz E., Gugushvili A. The ‘good life’ of Polish migrants in Britain: Daily behaviours and subjective well-being of migrants, stayers and the British. *Population, Space and Place*. 2020. Vol. 26, Issue 7. P. 2343. URL: <https://doi.org/10.1002/psp.2343> (date of access: 05.10.2023).

Karpov G.A. Demografiya sovremennoj Velikobritanii: vzryv ili krizis? [Demography of modern Britain: explosion or crisis?] *Sociodinamika* [Sociodynamics]. 2017. N 9. P. 1–20. (In Russ.)

Karpov G.A. Obshhestvennaya aktivnost` britanskix afrikancev (XX – nachalo XXI v.) [Social activism of British Africans (20th – early 21st century)]. *Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul`tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2019. N 12(68). P. 109–113. (In Russ.)

Karpov G.A. Somalijcy v Velikobritanii: razobshhennost` ili edinstvo? [Сомалийцы в Великобритании: разобщенность или единство?] // *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today]. 2017. N 5 (718). P. 26–29. (In Russ.)

Karpov G.A. Velikobritaniya: demografiya protiv migrantov i mul`tikul`turalizma [Britain: Demography versus migrants and multiculturalism] // *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. 2014. N 2 (58). P. 106–120. (In Russ.)

Kierans D. Who migrates to the UK and why? The Migration Observatory. 2020. 30 March. URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/who-migrates-to-the-uk-and-why/> (date of access: 05.10.2023).

Kodaneva S.I. Brekzit: prichiny`, predposy`lki i pravovy`e posledstviya: monografiya [Brexit: Causes, Preconditions and Legal Consequences: Monograph]. *Otv. red. T.G. Parxalina*. Moscow: INION RAN, 2023. (In Russ.)

Kondrat`eva T.S. Velikobritaniya: masshtaby` i osobennosti pol`skoj migracii posle rasshireniya ES v 2004 g. [UK: Scale and characteristics of Polish migration after EU enlargement in 2004]. *Aktual`ny`e problemy` Evropy`* [Current problems of Europe]. 2014. N 4. P. 109–124. (In Russ.)

Kondrat`eva T.S. Velikobritaniya: pozitsiya vedushhix politicheskix partij strany` po probleme immigracii [UK: The position of the country's leading political parties on the issue of immigration]. *Aktual`ny`e problemy` Evropy`* [Current problems of Europe]. 2015. N 4. P. 85–111. (In Russ.)

Kotlyarov I.V., Potapejko P.O. Velikobritaniya i migranty`: social`no-politicheskaya refleksiya [Britain and Migrants: A Socio-Political Reflection] // *Vesczi BDPU. Sery`ya 2. Gistorya. Filosofiya. Palitologiya. Sacyyalogiya. E`kanomika. Kul`turalogiya*. 2022. N 1 (111). P. 18–23. (In Russ.)

Letnyakov D.E`. Massovy`e migracii i transformaciya istoricheskoy pamyati primimayushhix soobshhestv: sluchaj Velikobritanii [Mass migrations and the transformation of historical memory in host communities: the case of Great Britain]. *Zhurnal sociologii i social`noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2021. Vol. 24. N 3. P. 86–109. (In Russ.)

Long-term international migration, provisional: year ending December 2022. Office for National Statistics. 2023. 25 May. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/population-andmigration/internationalmigration/bulletins/longterminternationalmigrationprovisional/yearending-december2022> (date of access: 05.10.2023).

Novikov K.E. Integraciya politikov s immigrantskimi kornyami v politicheskuyu sistemu Velikobritanii [Integration of politicians with immigrant roots into the British political system]. *Politiya: analiz. Xronika. Prognoz* (zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki) [Polity: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)]. 2020. N 3 (98). P. 181–200.

Oxoshin O.V. Migracionnaya politika Velikobritanii do i posle brekzita [UK Migration Policy Before and After Brexit]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science]. 2020. T. 22. N 3. S. 506–516. (In Russ.)

People crossing the English Channel in small boats. The Migration Observatory. 2023. 21 Jul. URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/people-crossing-the-english-channel-in-small-boats/> (date of access: 05.10.2023).

Policy paper. Nationality and Borders Bill: factsheet. GOV.UK. 2021. 06 Jul. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-nationality-and-borders-bill-factsheet/nationality-and-borders-bill-factsheet> (date of access: 05.10.2023).

Potapejko P. Musul'mane v Velikobritanii: sociologicheskij diskurs [Muslims in Britain: A Sociological Discourse]. *Ippokrena*. 2021. N 1–2. P. 148–158. (In Russ.)

Subbotin A.A. Osobennosti ucheta trudovoj migracii v Soedinennom Korolevstve [Peculiarities of accounting for labor migration in the United Kingdom]. *Migraciya i social'no-e'konomicheskoe razvitie*. 2017. Vol. 2. N 2. P. 90–100. (In Russ.)

Types of British nationality. GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/types-of-british-nationality> (date of access: 05.10.2023).

Walsh P.W. Jorgensen N. Family Migration to the UK. The Migration Observatory. 2021. 06 Jul. URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/family-migration-to-the-uk/> (date of access: 05.10.2023).

Walsh P.W. Student Migration to the UK. The Migration Observatory. 2022. 23 Sep. URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/student-migration-to-the-uk/> (date of access: 05.10.2023).

Xronika. Prognoz (zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki) [Polity: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)]. 2020. N 3 (98). P. 181–200. (In Russ.)

Е.С. Матюнков

**ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
МОЛОДЕЖИ КРЫМА В КОНТЕКСТЕ РЕИНТЕГРАЦИИ**

***Аннотация.** В эпоху цифровых трансформаций, проходящих под влиянием геополитических процессов, важную роль для понимания общества играет изучение национально-государственной идентичности. Представленное в статье исследование имело целью оценить динамику развития национально-государственной идентичности жителей Крыма, находящегося с 2014 г. в процессе реинтеграции, и определить степень функциональности соответствующих моделей социализации. Избранные политико-психологические исследования крымской молодежи как наиболее активно социализируемой группы в области политики наряду с оригинальным срезовым исследованием позволили сделать необходимые выводы. С одной стороны, наблюдается положительная динамика развития гражданского компонента национально-государственной идентичности, в ходе которого представители разных этносов развивают ассоциативные связи с Россией, разнящиеся в своей природе в зависимости от этноса. С другой стороны, политическое сознание молодых крымчан характеризуется политическим абсентеизмом и слабой идеологической выраженностью. Воздержание от участия в политике и ориентация на личностное развитие в контексте гражданственности были также выявлены в ответах респондентов. Характерным образом имеет влияние этническая принадлежность: у крымских татар идентичность базируется на региональном и религиозном компонентах; у украинцев – на региональном, в то время как у русских в большей степени проявляется национально-политический компонент. Так, несмотря на то, что общественно-политическое развитие Крыма последних десяти лет создало эффективную базу для конструирования российской национально-государственной идентичности на основе федерального нарратива, дать положительную оценку функционированию соответствующих моделей социализации затруднительно. В контексте особенностей выборки и текущего напряжения информационного поля видится необходимым проведение уточняющих исследований.*

***Ключевые слова:** национально-государственная идентичность; Крым; Россия; социализация; интервьюирование; политическое сознание; формирование; этнос; политические ценности.*

Матюнков Егор Станиславович – ведущий редактор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: matyunkov98@mail.ru

Matiunkov Ye.S.

**Reintegration-Driven Development of The Crimea Youth Residents'
National Identity**

Abstract. *In an era of digital transformation influenced by geopolitical processes, the study of national-state identity is crucial for understanding societal dynamics. This research aims to assess the development dynamics of national-state identity among residents of Crimea, which has been undergoing reintegration since 2014, and to evaluate the functionality of relevant socialization models. Selected political-psychological studies of Crimean youth, the most actively socialized political group, combined with an original cross-sectional study, facilitated the necessary conclusions.*

On one hand, there is a positive dynamic in the development of the civic component of national-state identity, wherein representatives of various ethnic groups establish associative ties with Russia, differing in nature according to their ethnicity. Conversely, the political consciousness of young Crimeans is characterized by political absenteeism and weak ideological expression. Respondents' answers also reveal a tendency to abstain from political participation and to focus on personal development within the context of civic identity. Notably, ethnicity plays a significant role: the identity of Crimean Tatars is based on regional and religious components, that of Ukrainians on regional components, while Russians' identity maintains a more national-political component.

Thus, despite the socio-political development of Crimea over the past decade establishing a robust foundation for the construction of Russian national-state identity, driven by the federal narrative, it remains challenging to positively assess the functionality of the corresponding socialization models. Considering the specificities of the sample and the current tensions in the information field, further clarifying research appears necessary.

Keywords: *national-state identity; Crimea, Russia; socialisation; interviewing; political consciousness; formation; ethnicity; political values.*

Matiunkov Yegor Stanislavovich – leading editor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION), post-graduate, Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: matyunkov98@mail.ru

Формирование национально-государственной идентичности является крайне важным для современных обществ, проходящих через эпоху глобальной турбулентности и интенсифицированного информационного давления. Одним из регионов, находящихся в области подобного пересечения национально-государственных дискурсов, является Республика Крым. Начавшаяся в 2014 г. реинтеграция Крыма привела к официальной институционализации моделей формирования национально-государственной идентичности, функцией которых является воспроизводство позитивной российской идентичности. Целью данного исследования являлось проверить гипотезу о функционально-

сти данных моделей, определяющейся соответственным ростом позитивной российской идентичности на примере самой динамично социализирующейся социально-демографической группы – молодежи. Под последней понимается как молодежь в широком смысле – в возрасте от 18 до 35 лет, так и в узком – от 18 до 24–26 лет.

Национально-государственная идентичность широко исследуется отечественными учеными с конца 1990-х и определяется как «психологическая самоассоциация личности с геополитическим образом (образами) определенного национально-государственного конструкта, имеющая в своем основании персональные фреймы (мотивы и ценности), закрепляющаяся и проявляющаяся через символические репрезентации» [Евгеньева 2010, с. 123]. Несмотря на разграничение идентичностей национально-государственной и этнической, последняя может как лежать в основе упомянутого конструкта, так и влиять на него со стороны.

В политическом сознании индивидов этническая идентичность зачастую представлена неполно, в особенности если национально-государственная идентичность конструируется на цивилизационных или унитаристских основаниях. Данные официальных переписей, содержащие формализованную информацию о динамике развития этносов, позволяют сделать вывод о корреляции ее с развитием национально-государственной идентичности в целом, уточнить характеристики последней.

Упомянутая выше институционализация моделей формирования национально-государственной идентичности в Крыму проходит поэтапно, формально начавшись с 5 мая 2014 г. подписанием Президентом России закона №-84-ФЗ [ФЗ 2014] об интеграции систем образования, и в частности отразившись в применении ФГОС в образовательной системе Крыма. В 2022 г. в уже обновлённой системе образования Крыма был начат переход на модернизированные ФГОС НОО и ООО. Их полная адаптация должна завершиться к 2027 г. [О подготовке 2021] наряду с модернизацией и реконструкцией системы образования в рамках соответствующих национальных проектов [О реализации 2020]. Рост позитивной российской идентичности при этом может ожидать не только за счёт отдельных компонентов формальной системы образования [Указ 2014], но и иных институтов социализации – семьи, церкви, армии, кругов общения и проч.

В качестве одной из важнейших компонентов национально-государственной идентичности рассматривается этническая идентичность. До 1991 г. в официальном социализирующем поле крымчан этнический вопрос рассматривался с точки зрения советского интернационализма и не играл большой роли, впоследствии став объектом различной политики Украины и России. Независимая Украина решающее внимание уделяла развитию украинского этнонационального нарратива, постепенно стимулируя развитие установок и фреймов,

эксплицитно подчеркивающих самобытность украинского этноса и цивилизационную близость его к Европе, а не к России, часто рассматриваемой в качестве враждебной имперской державы. На территории Крыма развитие данного нарратива совпало с возвращением на полуостров крымских татар, чья депортация часто рассматривалась как акт вышеупомянутой имперской политики [Мукомель 2016]. Колебания в этноконфессиональном поле Крыма следовали противоречивым тенденциям, что в числе прочего выразилось в нарастании межконфессионального напряжения и консолидацией отдельных групп жителей по этноконфессиональному принципу.

Несмотря на изменение численной этнической составляющей за счёт прибытия крымских татар, разбавляющих русское этническое большинство, доля этнических украинцев за период 1991–2014 гг. не увеличилась. Предыдущее увеличение доли украинского населения с середины 1920-х до 1980-х годов до порядка 26% происходило на фоне целенаправленной политики по переселению для восстановления экономики региона, разрушенной Гражданской и Великой Отечественной войнами соответственно; в период же с 1989 по 2014 г. происходило постепенное снижение численности украинцев, вплоть до 14 (9)%¹ после событий Крымской весны [Узнародов 2022].

Так, изменения доли основных этносов Крыма (крымских татар, русских, украинцев) представляются следующим образом: 1897 г. – 35,6% крымских татар, 33,1 – русских, 11,8% украинцев; 1939 г. – 19,4%, 49,6, 13,7%; 1959 г. – нет данных, предположительно 0%, 71,4, 22,3%; 1979 г. – 0,25%, 68,40, 25,63%; 1989 г. – 1,58%, 67,05, 25,75%; 2001 г. – 12,1%, 58,3, 24,3%; 2014 г. – 10,6%, 67,9, 15,7% [Вишневыский 2020] соответственно. Согласно Переписи 2021 г., этническое («национальное») разделение в Республике Крым было следующим: 12,96% крымских татар, 67,01% русских, 7,54% украинцев; в городе Севастополе: 0,5% крымских татар, 74,9% русских, 4,6% украинцев (см. рис. 1). Подобное изменение этнического соотношения характерным образом сказывается на дискурсе и представленности этнически и этнонационально окрашенных нарративов в информационном поле, влияя на наполнение личностных национально-государственных идентичностей.

Рассмотрение динамики непосредственно национально-государственной компоненты идентичности требует анализа не только формальных данных, как правило, описывающих этническую принадлежность граждан, но и качественных замеров – в силу наличия многочисленных скрытых факторов формирования идентичности. Например, несмотря на почти полувековое нахождение Крыма в составе УССР, конструирование украинской национально-государственной идентичности в этом регионе было осложнено в силу особого регио-

1. В разных работах приводятся различные данные.

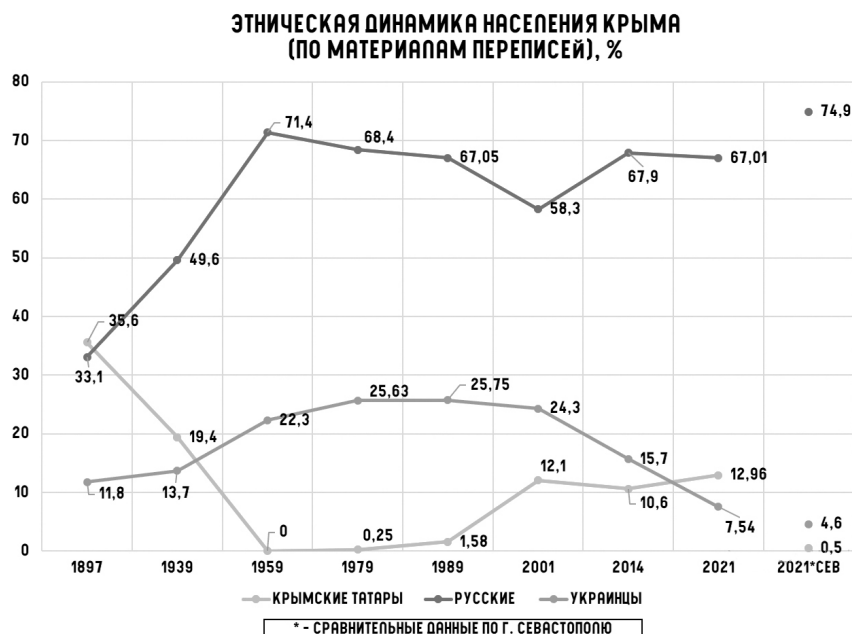

Рис. 1. Этническая динамика населения Крыма (по материалам переписей), %

нального самосознания крымчан и большой роли российско-советского субстрата их идентичности.

В 2012 г. в зарубежном исследовании «Сквозь национальный объектив: национальность, территория и формирование «крымско-российской» идентичности» Остина Черрона на примере многосекционного опроса 798 крымчан отмечается как существование различных моделей восприятия Крыма и себя как его части среди представителей разных этносов, так и весьма высокая интенсивность идентификации Крыма с этническими русскими и Россией. Так, 48,9% из этнических русских, участвовавших в опросе, указывали на необходимость вхождения полуострова в состав России на правах автономной республики, притом, что 32,8% крымских татар выступили за создание независимого государства. Общей характеристикой национально-государственной идентичности у большей части респондентов стало видение Крыма автономным – в составе какого бы государства он ни находился.

Косвенно о наличии подобного влияния могут говорить данные массовых опросов, в которых представители русского этноса (в сравнении с данными, собранными после 2014 г.) более часто идентифицировали себя как жители своего региона, нежели как россияне [Charon 2016], что, вероятно, связано с ситуативной формальной аффилиацией себя с украинским государством.

С вхождением Республики Крым и города Севастополь в состав России в 2014 г. и началом процесса реинтеграции государственная политика в сфере идентичности в Крыму подверглась значительному изменению, что сопровождалось изменениями внутрирегионального дискурса и интенсификацией информационного обмена с гражданами России. Несмотря на развитие концепта о решающей культурной, цивилизационной и геополитической роли Крыма для развития России, часто использующего «русский» нарратив в этнополитическом смысле, широкое распространение получает «федералистский» нарратив. В его рамках подчеркивается равенство этнических групп, населяющих Крым, и ценность их культурно-гуманитарного вклада в российское общество, что имеет потенциально консолидирующий эффект для полиэтнического крымского общества. Так, примечателен выпуск в 2022 г. хоть и малотиражного журнала на украинском языке «Крым сегодня» РГО «Украинская община Крыма», посвященного проведению Специальной военной операции.

Отмечая явный потенциал для функционирования моделей формирования идентичности в обозначенной динамике, следует рассмотреть данные из разных временных промежутков. Детальный, глубокий взгляд на характер и изменение отношения крымчан к российской идентичности дает исследование Е. А. Коджа, отмечающее трансформацию аккультурационных установок трех основных этносов Крыма (русских, украинцев, крымских татар) после вхождения его в состав России. Несмотря на возникновение угроз привычному соотношению идентичностей в новой реальности, текущее их состояние показывает благоприятный фон межкультурных отношений в контексте реинтеграции: по данным 2023 г. этнические русские крымчане положительно оценивают сохранение культуры иных этносов, у всех трех этносов имеются преимущественно положительные установки на интеграцию. Конфликтогенность российской гражданской идентичности проявляется у русских в связи с ожиданием сепарации; у украинцев – в этнической идентичности, у крымских татар же религиозная и местная идентичность способствуют развитию стратегии сепарации [Коджа 2023].

Выделяя молодежь как самую динамичную, а следовательно, показательную в контексте исследования динамики национально-государственной идентичности группу, следует упомянуть выводы комбинированного исследования крымской молодежи (1600 человек) в 2018 г. КФУ им. Вернадского. Важным дифференцирующим показателем характеристик национально-государственной идентичности выступает этничность, картирующаяся с последующим результатами. Согласно исследованию, половина студентов определяли себя как граждане России, притом, что 40% определили себя частью своего поколения, 38 – культуры, 36% – представителями полуострова. При поэтапном распределении русские респонденты соотносили себя с гражданами России (54%), жителями полуострова (38) и носителями своей

культуры (36%), украинцы – жителями полуострова (46), носителями культуры (46) и людьми своего поколения (32%), крымские татары – жителями полуострова (54%), людьми своего поколения (51) и носителями культуры (20) притом, что с гражданами России соотносили себя 32% украинцев и 51% крымских татар [Канах 2018].

Город Севастополь, будучи непосредственным центром российского военно-патриотического дискурса и заслуживая внимания отдельной исследовательской статьи, испытывает схожие тенденции с заметным уклоном в сторону российской гражданской идентичности. Так, еще в исследовании 2015 г. среди севастопольцев отмечался большой местный патриотизм по отношению к Крыму по сравнению с таким же к собственному городу, притом, что 55% указали Россию в качестве большой родины [Бараш 2017].

Примечательно, что среди крымской молодежи, согласно исследованию 280 респондентов в 2019 г., отмечаются относительные идеологическая некомпетентность и низкий уровень аффилиации с гражданской идентичностью, причем критическую позицию по отношению к государству разделили как приверженцы консерватизма, так и социал-демократического идеологического крыла. Корреляционная матрица ценностей и гражданской идентичности при этом показала связь гражданской российской идентичности с личностным развитием и когнитивной самоидентификацией, в то время как крымская идентичность показала значительную связь с традициями, жизненным опытом и сепарационной комфортностью. Несмотря на относительно малую выборку исследования, стоит отметить детальность его результатов, в частности, большее сопряжение ценностей респондентов славян с ценностями свободы и гедонизма при большей сформированности ценностных установок в целом у крымских татар [Черный 2019].

В рамках оригинального срезового исследования осенью 2023 г. на территории Крыма был опрошен 2081 респондент, производились замеры состояния политического сознания граждан, в частности, национально-государственной идентичности, а также связанных с нею демографических показателей. На вопрос «К какой национальности Вы себя относите» 1573 респондента ответили «русский» (75,59%), 88 – «татарин/крымский татарин» (4,23), 89 – «украинец» (2,93%), 19 – «армянин» (0,97%), 17 – «болгарин» (0,82), 4 – «грек» (0,19%). При ответе на вопрос об отношении к религии были даны следующие ответы на закрытый вопрос: «христианство» – 1581 (76%), «ислам» – 114 (5,5%), «буддизм» – 17 (0,8%), «иудаизм» – 4 (0,2%), «неверующий» – 224 (10,8%), «другое» – 135 (6%).

Русские респонденты в первую очередь отождествляли себя со страной Россией (37,19% от русских, ответивших на вопрос), населённым пунктом проживания (32,61%) и регионом (21,74%), крымские татары – с религией (47,73%), с национальностью (этносом) (39,77%) и населённым пунктом про-

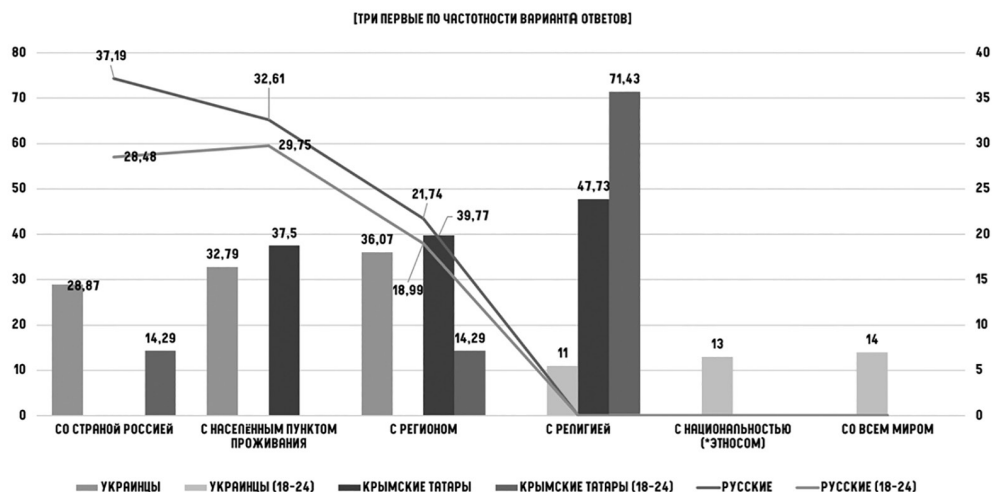

Рис. 2. Отождествляют себя с... (по материалам опроса 2023 г.), %

живания (37,5%), украинцы – с регионом (36,07%), населённым пунктом проживания (32,79%) и страной Россией (28,87%). С национальностью (этнотомом) в первую очередь соотнесли себя 19,67% ответивших украинцев. Распределение респондентов в возрасте 18–24 лет следующее: русские в первую очередь отождествляли себя с населённым пунктом проживания (29,75%), со страной Россией (28,48%), регионом (18,99%); крымские татары – с религией (71,43%), со страной Россией (14,29%) и регионом (14,29%); украинцы – с национальностью, религией и всем миром (по 10%) (см. рис. 2).

Релевантной для понимания особенностей формирования идентичности является аксиологическая корреляция с указанными этносами. Так, ценность безопасности была отмечена как важная 29,55% крымских татар, 95,93% русских, 84,27% украинцев; ценность демократии – 18,18% крымских татар, 86,78% русских, 89,89% украинцев, ценность коллективизма – 19,32% крымских татар, 69,87% русских, 59,55% украинцев; ценность национализма – 10,23% крымских татар, 55,12% русских, 33,71% украинцев; ценность прав человека – 25% крымских татар, 94,34% русских, 87,64% украинцев, ценности толерантности – 23,86% крымских татар, 79,59% русских, 76,4% украинцев, ценности традиционности – 21,59% крымских татар, 76,73% русских, 67,42% украинцев. Из данных групп респондентов в возрасте 18–24 лет выбрали «безопасность» – 100% крымских татар, 90,51% русских и 30,8% украинцев, «демократию», – 57,14%, 79,75%, 40%, «коллективизм» – 57,14%, 58%, 10%, «национализм» – 28,57%, 44,3%, 10%, «права человека» – 57,43%, 83%, 60%, «толерантность» – 57,14%, 70,25%, 40%, «традиционность» – 57,14%, 62%, 30% соответственно (см. рис. 3).

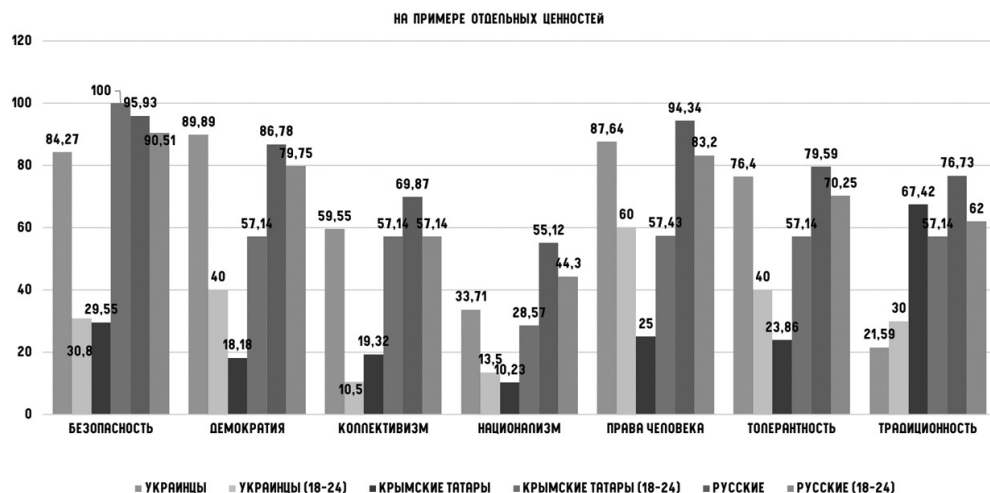

Рис. 3. Аксиологическое сравнение по этносам (по материалам опроса 2023 г.), %

Примечательны данные по двум возрастным группам 18–24 и 25–35 лет при ответе на вопрос «Чем для Вас ограничивается Россия?». Распределение самых частотных ответов среди более молодой когорты следующее: «регионом, местом проживания» – 14% крымских татар, 16% русских, 0% украинцев; «русскими регионами» – 0%, 4%, 0%; «территорией РФ» – 57%, 61%, 10%; «территорией СССР» – 0%, 3%, 0%; «территорией Российской Империи» – 0%, 2%, 0%. Для когорты 25–35-летних, прошедшей социализацию в более ранний, доинтеграционный период, Россия ограничивается: «регионом, местом проживания» – 0% крымских татар, 23% русских, 9% украинцев; «русскими регионами» – 0%, 5%, 9%; «территорией РФ» – 100%, 53%, 45%; «территорией СССР» – 0%, 5%, 18%; «территорией Российской Империи» – 0%, 2%, 0%.

Почвой для размышлений о состоянии политического сознания респондентов могут стать абсентеистские тенденции в ответах украинцев и крымских татар, что требует выяснения их причин в последующих исследованиях.

Описанная выше динамика аксиологической нестабильности национально-государственной идентичности и неполной адаптации гражданской идентичности молодежи (в сравнении с требованиями формального критерия системы образования – ФГОС) положительно коррелирует с политической динамикой и социально-политической обстановкой в регионе. Так, согласно исследованию крымской молодежи 2024 г., была отмечена колеблющаяся динамика социальных страхов: страх перед международным терроризмом и войной был свойствен опрошенным – 21,5% в 2020 г., 34,5% – в июле 2021 г., 21,5 – в декабре 2021 г., 47,3% – в апреле 2022 г., 59% – в апреле 2023 г., ограничением свободы выбора – 40% в 2020 г., 30% в апреле 2022 г., 26,2% в апреле 2023 г. Динамика других страхов –

социального, гуманитарного и личностного характера, показала постепенное их снижение [Габриелян 2024]. Примечательно, что в 2020 г. исследование, проведенное в Самарской области, также показало «отставание» молодежи от более старших групп в разделении государственных ценностей: патриотизма, желании приносить пользу Родине и ответственности перед обществом [Лебедева 2024].

Выявленные данные позволяют сделать выводы о функциональности возникших в Крыму моделей формирования национально-государственной идентичности. Чем более явным становилось расширение националистских проектов украинского государства до 2014 г. наряду с развитием пророссийских настроений в Крыму, тем ярче проявлялся переход с пассивно пророссийской, унионистской советской идентичности (или ее компонентов) к активно пророссийской (на основе русской этнической компоненты). Вместе с этим, согласно исследованиям недавних лет, на настоящий момент среди молодежи значительно распространены аполитические тенденции и неприятие ряда политических ценностей. В то время, как среди русских отмечается наличие политического абсентеизма, данные о крымских татарах свидетельствуют о существенном наличии традиционалистских компонентов идентичности. Учитывая особенности выборки представленных исследований наряду с противоречивыми эффектами от колебаний политического дискурса в ходе СВО [Нестик 2023] следует отклонить обозначенную гипотезу до получения более глубоких данных.

Библиография

Бараш Р.Э. Мировоззренческие, социокультурные и общественно-политические установки жителей г. Севастополя после 2014 г. // Власть. 2017. №11. С. 116–122.

Вишневский В.А., Гончар М.Б. Этнический состав населения Крыма в XXI веке: дидактический и социально-культурный аспекты // Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 45–51.

Габриелян О.А., Зоткин А.А. Социально-психологическое самочувствие молодежи в Республике Крым: испытание кризисами // Власть. 2024. № 1. С.131–138.

Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. 2010. Т. 19. №. С. 122–134.

Канах А.М., Нелина Л.П., Ярмук О.В. Факторы формирования национальной идентичности студентов Республики Крым и Севастополя: Некоторые результаты социологического исследования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Социология. Педагогика. Психология. Т. 4 (70). 2018. № 1. С. 50–63.

Коджа Е.А. Межкультурные отношения в Крыму: роль идентичностей и аккультурационных установок крымчан. Автореф. дисс. на... канд. психологических наук. М., 2023. 40 с.

Лебедева Л.Г. Ментально-поведенческие особенности поколений россиян (по социологическим материалам) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 286–294.

Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «Крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг. 2016. № 3 (133). С. 51–68.

Нестик Т.А. Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 4. С. 5–22.

О подготовке к введению новых ФГОС с 1 сентября 2022 года // Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым. 03.12.2021. URL: https://monm.rk.gov.ru/uploads/txteditor/monm/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpA5L1Hd_МОНМ%20РК,%20письмо%20о%20введении%20новых%20ФГОС,%2003.12.21.pdf (дата обращения: 25.10.2024)

О реализации в Республике Крым региональных проектов в сфере образования. 2020 // Джанкой. Официальный сайт. URL: https://dzhankoy.rk.gov.ru/uploads/txteditor/dzhankoy/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpfCхwoх_013.pdf (дата обращения: 22.01.2023).

Узнародов Д.И. Этнические меньшинства Крыма в XX – начале XXI века: специфика демографических трансформаций // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2022. №2 (214). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-menshinstva-kryma-v-xx-nachale-xxi-veka-spetsifika-demograficheskikh-transformatsiy> (дата обращения: 22.01.2023).

Указ Главы Республики Крым «Об утверждении Концепции патриотического и духовно-нравственного воспитания населения в Республике Крым» от 18 декабря 2014 г. // Правительство Республики Крым. Официальный сайт. URL: <https://rk.gov.ru/documents/c71d063c-93e8-438c-96a4-d0207e655461> (дата обращения: 22.02.2023).

Федеральный закон «Об особенностях правового регулирования отношений в сфере образования в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 5 мая 2014 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102349617&ysclid=m407iq29qr974367796> (дата обращения: 24.03.2023).

Черный Е.В., Латышева М.А. Психологический анализ становления политико-идеологической и гражданской идентичности молодёжи (на примере Крымского региона) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Том 5 (71). 2019. № 3. С. 117–132.

Charron A. Whose is Crimea? Contested Sovereignty and Regional Identity // Special Issue: Centrifugal Forces? Russia's Regional Identities and Initiatives 2016. Vol. 5. № 2. P. 225–256.

References

Barash R.E. Mirovozzrencheskie, sociokul'turnye i obschestvenno-politicheskie ustanovki zhitelej g. Sevastopolja posle 2014 g. [World outlook, socio-cultural and socio-political attitudes of Sevastopol residents after 2014]. *Vlast'*. 2017. N 11. 116–122 p. (In Russ.)

Charron A. Whose is Crimea? Contested Sovereignty and Regional Identity. Special Issue: Centrifugal Forces? Russia's Regional Identities and Initiatives. 2016. Vol. 5. N 2. P. 225–256.

Chernyj E.V., Latysheva M.A. Psixologicheskij analiz stanovenija politiko-ideologicheskoy i grazhdanskoj identichnosti molodjozhi (na primere krymskogo regiona) [Psychological analysis of the formation of political-ideological and civic identity of youth (on the example of the Crimean region)]. Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. Vol. 5 (71). 2019. N 3. P. 117–132. (In Russ.)

Evgen'eva T.V., Titov V.V. Formirovanie nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti rossijskoj molodezhi [Formation of national-state identity of the Russian youth]. *Polis. Political Studies*. 2010. Vol. 19. P. 122–134. (In Russ.)

Federal'nyj zakon «Ob osobennostjax pravovogo regulirovanija otnoshenij v sfere obrazovanija v svjazi s prinjatiem v Rossijskuju Federaciju Respubliki Krym i obrazovaniem v sostave Rossijskoj Federacii novyx sub'ektov – Respubliki Krym i goroda federal'nogo znamenija Sevastopolja i o vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii», 05.05.2014. [Federal Law “On the peculiarities of legal regulation of relations in the field of education in connection with the admis-

sion of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the formation of new entities – the Republic of Crimea and the city of federal significance Sevastopol – within the Russian Federation, and on amendments to the Federal Law ‘On Education in the Russian Federation’. 05.05.2014]. Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102349617&ysclid=m407iq29qr974367796> (date of access: 24.03.2023). (In Russ.)

Gabrieljan O.A., Zotkin A.A. Social’no-psixologicheskoe samochuvstvie molodjozhi v Respublike Krym: ispytanie krizisami [Socio-psychological well-being of youth in the Republic of Crimea: tested by crises]. *Vlast’*. 2024. N 1. P. 131–138. (In Russ.)

Kanax A.M., Nelina L.P., Jarmak O.V. Faktory formirovaniya nacional’noj identichnosti studentov Respubliki Krym i Sevastopolja: Nekotorye rezul’taty sociologicheskogo issledovaniya [Factors of formation of national identity of students of the Republic of Crimea and Sevastopol: Some results of the sociological study]. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. Vol. 4 (70). 2018. N 1. P. 50–63. (In Russ.)

Kodzha E.A. Mezhekul’turnye otnosheniya v Krymu: rol’ identichnostej i akkul’turacionnykh ustanovok krymchan: avtoreferat dissertacii [Intercultural relations in Crimea: the role of identities and acculturation attitudes of Crimeans: dissertation abstract]. *Avtoreferat dissertacii na... kandidata psihologicheskikh nauk*. Moscow. 2023. 40 p. (In Russ.)

Lebedeva L.G. Mental’no povedencheskiye ossobenosti pokolenij rossijan (po sociologicheskim materialam) [Mental and behavioral features of Russians generations (on the basis of sociological materials)]. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2024. Vol. 24, Iss. 3. P. 286–294. (In Russ.)

Mukomel’ V.I., Xajkin S.R. Krymskie tatory posle «Krymskoj vesny»: transformacija identichnostej [Crimean Tatars after the “Crimean Spring”: transformation of identities]. *Monitoring*. 2016. N 3. (133). P. 51–68. (In Russ.)

Nestik T.A. Vlijanie voennykh konfliktov na psixologicheskoe sostojanieobschestva: perspektivnye napravleniya issledovanij [The impact of military conflicts on the psychological state of society: promising directions of research]. *Social Psychology and Society*. 2023. Vol. 14. N 4. P. 5–22. (In Russ.)

O podgotovke k vvedeniju novyx FGOS s 1 sentjabrja 2022 goda [On preparation for the introduction of new FSES from September 1, 2022]. *Ministerstvo obrazovaniya, nauki i molodezhi Respubliki Krym*. 03.12.2021. URL: https://monm.rk.gov.ru/uploads/txteditor/monm/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpA5L1Hd_MOHM%20PK,%20письмо%20о%20введении%20новых%20ФГОС,%2003.12.21.pdf (date of access: 25.10.2024) (In Russ.)

O realizacii v Respublike Krym regional’nykh proektov v sfere obrazovaniya. 2020 [On the implementation of regional projects in the field of education in the Republic of Crimea. 2020]. *Dzhankoj. Oficial’nyj sajt*. URL: https://dzhankoy.rk.gov.ru/uploads/txteditor/dzhankoy/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpfCxwox_013.pdf (date of access: 22.01.2023). (In Russ.)

Ukaz Glavy Respubliki Krym «Ob utverzhenii Konceptii patrioticheskogo i duhovno-nravstvennogo vospitaniya naseleniya v Respublike Krym» ot 18 dekabrja 2014 g. [Decree of the Head of the Republic of Crimea «On Approval of the Concept of patriotic and spiritual and moral education of the population in the Republic of Crimea» dated December 18, 2014]. *Government of the Republic of Crimea. Official website*. URL: <https://rk.gov.ru/documents/c71d063c-93e8-438c-96a4-d0207e655461> (date of access: 22.02.2023). (In Russ.)

Uznarodov D.I. Etnicheskie men’shinstva Kryma v XX – nachale XXI veka: specifika demograficheskix transformacij [Ethnic minorities of the Crimea in the XX – early XXI century: the specifics of demographic transformation]. *Tidings of Universities. North Caucasus region. Series: Social Sciences*. 2022. N 2 (214). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-menshinstva-kryma-v-xx-nachale-xxi-veka-spetsifika-demograficheskix-transformatsiy> (date of access: 22.01.2023). (In Russ.)

Vishnevskij V.A., Gonchar M.B. Etnicheskij sostav naseleniya Kryma v XXI veke: didakticheskij i social’no-kul’turnyj aspekty [Ethnic composition of the Crimean population in the XXI century: didactic and socio-cultural aspects]. *Gumanitarnye nauki*. 2020. N 2. P. 45–51. (In Russ.)

Т.Г. Пархалина

**ЕВРОПЕЙСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ОБЩЕСТВО В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
(ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ)**

***Аннотация.** Данный материал посвящен обзору материалов общероссийской научной конференции по проблемам трансформации европейских институтов и общества в условиях геополитического разлома и переустройства всей системы международных отношений в Европе и мире.*

Проанализированы процессы реформирования и трансформации таких международных институтов, как ЕС, НАТО, ОБСЕ, ЕЦБ.

Отражены политические процессы, происходящие в отдельных европейских странах накануне выборов в Европарламент июня 2024 г.

***Ключевые слова:** Евросоюз; НАТО; ОБСЕ; Евробанк; политические дебаты; Франция; Швеция; Италия; страны Восточной Европы; выборы в Европарламент.*

**Пархалина Татьяна Глебовна – кандидат исторических наук,
советник директора, Институт научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: parkhalina@inion.ru**

Parkhalina T.G.

**European Institutions and Society in the Process of Transformation
(Overview of the Conference Materials)**

***Abstract.** This paper provides an overview of reports presented at the All-Russian Scientific Conference on the transformation of European institutions and societies amidst geopolitical shifts and the restructuring of the global system of international relations. The analysis focuses on the reform and transformation processes of international institutions such as the EU, NATO, OSCE, and the European Bank. The discussion also emphasized political processes within individual European countries on the eve of the European Parliament elections in June 2024.*

***Keywords:** EU; NATO; OSCE; European Bank; political debates; France; Sweden; Italy; Eastern European states; elections for the European Parliament.*

**Parkhalina Tatyana Glebovna – Candidate of Historical Sciences,
Advisor to the Director, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
Russia, Moscow.
E-mail: parkhalina@inion.ru**

14 мая 2024 г. в ИНИОН РАН прошла общероссийская научная конференция «Европейские институты и общество в процессе трансформации», на которой выступили с докладами известные российские ученые-европеисты из региональных вузов РФ, Москвы, академических институтов.

В течение последних двух лет Европа переживает один из самых серьезных кризисов после окончания холодной войны, связанный как с военным конфликтом высокой интенсивности на Востоке континента, так и с теми глубинными, сущностными изменениями, которые начали происходить в европейских политических структурах и обществах с середины прошлого десятилетия XXI столетия.

Участники политических и экспертных дискуссий из разных стран говорят об обрушении мирового порядка и формировании нового (контуры которого пока не очень проявлены), оставляя за скобками будущее его несущих конструкций, таких как ООН, ОБСЕ, НАТО, ЕС и т. д. При этом следует подчеркнуть, что процесс обрушения системы международной и евро-атлантической безопасности, начавшийся в 2014 г. и достигший своего апогея в 2022–2023 гг. в связи с вооруженным конфликтом на востоке Европы и резко обострившейся ситуацией на Ближнем Востоке, сопровождается поиском места и роли как международных институтов, так и отдельных государств в формирующейся на наших глазах новой мировой системе, которая идет на смену той, которая существовала после 1991 г.

Цель конференции состояла в том, чтобы обсудить роль таких европейских институтов, как ЕС, НАТО, ОБСЕ, ЕЦБ, на нынешнем этапе мирового развития, а также проанализировать внутривнутриполитическую и социально-экономическую ситуацию в отдельных европейских государствах накануне выборов в Европейский Парламент (июнь 2024 г.) Волеизъявление европейских избирателей с неизбежностью выявит тенденции, которые определяют развитие стран – участниц Евросоюза в ближайшие годы.

Первая сессия была посвящена анализу процессов трансформации и реформирования, которые происходят в НАТО, ЕС, ОБСЕ, ЕЦБ. Среднесрочная перспектива развития международных институтов неизбежно предполагает (если исключить сценарий мировой войны) варианты выхода из кризиса с Россией и формирование конструктивных отношений с Китаем, претендующим на место «второго полюса» в новой биполярной системе.

В ходе второй сессии во главу угла был поставлен анализ институциональных изменений и отношения к ним обществ отдельных европейских стран,

того, как основные политические силы смотрят на будущее Европы. Констатация факта, что не только постоянно меняющаяся ситуация в современном мире, но и рост правого и левого популизма в отдельных странах влияют на неопределенность и хаотизацию мировой системы приводит исследователей к необходимости обращать особое внимание на изучение тех процессов, которые меняют структуру государств и обществ.

Обрушение нынешней международной системы, хаотизация и неопределенность – вот те основные факторы, которые будут влиять на будущее международных отношений в целом, международных институтов, в том числе и в Евро-Атлантическом регионе. В начале 2023 г. казалось, что и ЕС, и НАТО значительно консолидировались на фоне российской СВО в Украине, а НАТО значительно усилилась военно-политически и военно-технически. Однако по прошествии ряда месяцев стало ясным, что эта консолидация ситуационная. Стратегически же оба евро-атлантических института будут всячески препятствовать изменению баланса сил в Европе, что неизбежно станет следствием расширения этих организаций.

В условиях обрушения старого и формирования нового мирового порядка, который сложится, скорее всего, не в ходе глобального конфликта, а в результате серии региональных конфликтов высокой интенсивности (в Европе, на Ближнем Востоке, на Южном Кавказе, возможно, в Южно-Китайском море), государства – члены двух евро-атлантических институтов будут заинтересованы в их сохранении, поскольку они не только являются форумами для обсуждения самых актуальных вопросов их нынешнего существования и будущего развития, но и обеспечивают благодаря интеграции их устойчивость (через программы помощи отдельным странам и регионам, через доступ к финансовым рынкам и рынкам новых технологий, через совместные усилия в программах производства вооружений и взаимодополняемости сил и средств; через оперативную совместимость вооруженных сил). Кроме того, за годы их существования сложилась кооперативная культура (несмотря на существующие различия в подходах по вопросам безопасности, трактуемой в самом широком понимании этого термина (военно-политическая, экономическая, правовая, образовательная и иные сферы).

При этом было бы непрофессиональным отрицание кризиса международных институтов, о котором ведутся основные дискуссии и заявляют сами представители этих институтов. Так, представляя отчет о работе ООН в сентябре 2022 г., генеральный секретарь этой организации сказал следующее: «Мы оказались в тупике колоссальной глобальной дисфункции. Международное сообщество не готово или не желает решать большие драматические задачи нашего времени. Эти кризисы угрожают самому будущему человечества и судьбе нашей планеты» [Guterres 2022].

Многосторонняя дипломатия испытывает трудности со второй половины 2010-х годов, но в особенности после начала конфликта между Россией

и Украиной, ибо крайне сложным (а в большинстве случаев и невозможным) оказался процесс принятия решений как в рамках СБ ООН, так и в рамках ЕС и НАТО. В связи с этим, канцлер Германии О. Шольц призвал реформировать Евросоюз; а именно к замене принципа единогласия при принятии решений как в области внешней политики, так и других сферах [Шольц выступил 2022]. Когда Евросоюз трансформировался из политико-экономического в геополитического актора, возникли сложные проблемы, связанные с его ролью и местом на мировой сцене.

Конференцию открыл директор ИНИОН РАН член-корреспондент РАН А.В. Кузнецов, который в своем вступительном слове отметил, что, несмотря на все более сложные отношения между Россией и европейскими институтами и отдельными европейскими недружественными странами, задачей научного сообщества в нашей стране по-прежнему остается объективное исследование тех процессов, которые происходят в Европейском регионе.

Доклад профессора Уральского федерального университета, доктора исторических наук В.И. Михайленко был посвящен теме: «ЕС: стратегическая автономия в условиях дифференцированной интеграции». Докладчик поставил вопрос: какие внешние факторы влияют на выбор современной стратегии ЕС? Это последствия пандемии и нелегальная миграция, обострившаяся конкуренция с Китаем, российская СВО, реальная конкуренция с США и ожидание неопределенностей в случае возвращения Трампа к власти. Продолжающаяся реконфигурация мировой экономики, вызванная ростом цен на энергоносители, фрагментация глобального торгового режима и появление новых технологических цифровых кластеров сделали эту традиционную модель роста неустойчивой. Чтобы восстановить конкурентоспособность, «производственное предложение» Европы нуждается в радикальной реструктуризации и реконверсии.

Европейский союз испытывает двойной вызов: обострение конкурентоспособности и угрозы экономической безопасности. В докладе пересекаются как минимум два фактора: открытая стратегическая автономия, все более перетекающая в тему экономической безопасности, и дифференцированная интеграция (ДИ). Под дифференциацией понимается освобождение отдельной страны от единого правила в течение определенного периода. В настоящее время это понятие можно истолковывать как освобождение от не только использования асимметрии в применении нормативов ЕС для отдельных стран, но и для всего ЕС под влиянием определенных обстоятельств. Сейчас ДИ становится мерилom для определения и измерения процесса интеграции и последствий ее приспособления к новым вызовам и условиям.

Концепция Стратегической автономии, которая затем перешла в Открытую стратегическую автономию (ОСА), впервые появилась более десяти лет назад в контексте вопросов европейской безопасности и обороны. В последнее

время происходит ее смещение в сторону европейских экономических интересов, таких как обеспечение безопасности цепочек поставок и укрепление технологического суверенитета.

Стратегия экономической безопасности ЕС, опубликованная в июне 2023 г., стала первой официальной попыткой представить более последовательный взгляд на европейский политический подход на стыке экономики и геополитики. Самое главное, что документ указывает на то, что ЕС все более серьезно относится к теме экономической безопасности, сигнализируя о попытке отойти от традиционного технократического подхода ЕС к экономической политике.

А в конце января 2024 г. Европейская комиссия опубликовала свой основной пакет мер экономической безопасности. Он включает в себя широкий набор инициатив: усиление проверки входящих и исходящих инвестиций, контроль над чувствительным экспортом и увеличение финансирования исследований в области технологий двойного назначения. Цель состоит в том, чтобы способствовать экономическому росту, защитить ЕС от несправедливой торговой практики и сотрудничать с союзниками, согласовывая это с принципами «поощрения, защиты и партнерства».

Докладчик тезисно рассмотрел реализацию ОСА через призму вызовов, проблем на этом пути и предложений по их преодолению.

Первый тезис. Геополитика возвращается в ЕС. Об этом, кстати, неоднократно говорил Ж. Боррель. Одна из сложнейших проблем современности для ЕС – интеграция экономических и геополитических процессов принятия решений.

Второй тезис. «Зеленый курс» и новая стратегия устойчивого роста. Что ожидает ЕС от «зеленой экономики» (только ли снижение потребления углеводородов)? Переход к «зеленой» экономике дает возможность модернизировать и реструктурировать европейскую экономику, которая в последние годы демонстрировала относительно скромный рост по сравнению с Китаем и США.

Однако реализация «Зеленого курса» сопряжена с серьезными проблемами: Масштаб инвестиций, необходимых для энергетического и экологического перехода, огромен. Кроме того, это отложенная прибыль по сравнению с сегодняшними затратами.

Поэтому реализация курса должна сопровождаться мерами по обеспечению социальной сплоченности и благосостояния на раннем этапе «зеленой сделки».

Третий тезис. Ключевая роль промышленности и промышленной политики

Фундаментальная трансформация европейского производства является обязательной. Она предполагает переход от энергоемкого производства к менее энергоемким промышленным сегментам и внедрение цифровых технологий

для повышения конкурентоспособности. Первые инициативы уже были приняты (например, Important Projects of Common European Interest, European Sovereignty Fund, Strategic Technology for European Platform, European Chips Act, Green Deal Industrial Plan, the Net-Zero Industry Act).

Тем не менее Европейский союз все еще далек от разработки эффективной и адекватной стратегии промышленной политики. ЕС не может выиграть технологическую гонку только за счет государственных денег. Ему необходимо высвободить частный капитал и усердно работать над своей общей конкурентоспособностью.

Четвертый тезис. Защита европейских стратегических интересов и чрезмерная зависимость от Китая.

Внутренняя разобщенность ЕС остается серьезным препятствием в его отношениях с Китаем. Во время визита китайского лидера Си Цзиньпина в Европу фон дер Ляйен выразила обеспокоенность по поводу потенциальной угрозы избыточных мощностей китайской промышленности для производственного сектора ЕС. В то же время ЕС импортирует 93% своего годового потребления стратегических материалов из Китая, что делает его уязвимым для внешних потрясений и потенциального использования торгового оружия.

Для решения этой проблемы ЕС инициировал в 2020 г. программу Европейского сырьевого альянса (European Raw Materials Alliance, ERMA). Его целью является повышение автономии ЕС в поставках важнейших материалов для энергетического и цифрового перехода. Кроме того, в марте 2023 г. Комиссия представила Закон о критически важном сырье (Critical Raw Materials Act, CRMA) – комплекс мер по достижению «безопасных, диверсифицированных и устойчивых» поставок стратегического сырья. И уже в 2024 г. произошло усиление Закона о контроле над прямыми иностранными инвестициями. Опубликована Белая книга, посвященная вопросу более эффективного контроля ЕС за экспортом товаров двойного назначения (гражданского и военного), которые могут создать проблемы безопасности внутри ЕС.

Не так просто ввести запретительные меры. Договоры ЕС, призванные поддерживать открытость для международных инвестиций и финансов, запрещают ограничения на движение капитала и платежей между ЕС и третьими странами.

Пятый тезис. Автономия в области вооружений.

ЕС просто не сможет стать автономным в обозримом будущем, особенно в сфере обороны, где зависимость от США останется определяющей чертой.

Шестой тезис. Реформирование управления в ЕС.

Европейская стратегическая автономия начинается дома. Прежде всего, предпосылкой европейской стратегической автономии является внутреннее единство, сплоченность, сила и устойчивость. Нынешние механизмы принятия решений запутаны и громоздки и плохо подходят для гибкого антикризисного

управления. Преодоление правила единогласия в пользу голосования квалифицированным большинством в соответствующих областях крайне важно, чтобы способствовать более быстрому и эффективному принятию решений, соответствующих целям роста и безопасности Европы.

Европа должна пройти глубокую реструктуризацию и активизацию своей архитектуры экономического управления, чтобы подготовиться к предстоящим вызовам. Это влечет за собой преодоление бюрократических препятствий, повышение гибкости принятия решений и обеспечение необходимых финансовых ресурсов. Сохранение статус-кво рискует сделать европейские страны ненужными и маргинализированными в фрагментированном и охваченном конфликтами мире.

Седьмой тезис. Из ограничительных мер обращает на себя внимание «безопасность исследований». Это включает в себя согласование целевых двусторонних дорожных карт с приоритетными партнерами из стран, не входящих в ЕС, с обязательствами по рамочным условиям для обеспечения равных условий игры и общих ценностей.

В заключение докладчик пришел к следующим выводам. Достижение последовательности и единой европейской стратегии должно стать первостепенной задачей единой европейской стратегии экономической безопасности. Предпосылкой европейской стратегической автономии является внутреннее единство, сила и устойчивость. Можно прогнозировать трудный процесс согласования единой стратегии между странами – членами ЕС и динамики от фрагментации и дифференциации к консолидации и монолитности.

Ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН кандидат юридических наук С.И. Коданева посвятила свой доклад теме: «Реформа институтов ЕС: правовой аспект».

В настоящее время Европейский союз столкнулся с рядом вызовов, поднимающих вопрос о необходимости совершенствования механизмов внутренней организации европейских институтов. Прежде всего, это связано с проблемами в экономике, которые побуждают говорить о необходимости более глубокой интеграции. Также это постоянно обсуждаемое возможное расширение заявок Западно-Балканских государств на вступление в Союз.

Это побуждает руководство ЕС начать процедуру реформирования общеевропейских институтов, что подразумевает необходимость внесения изменений в Договор о ЕС и Договор о функционировании ЕС (вместе именуемые Договорами).

Процедура внесения поправок в Договоры достаточно длительная и сложная. Инициировать ее могут государства-члены, Европейский парламент или Европейская комиссия. Затем Совет ЕС, проведя техническую оценку поступивших предложений, направляет их в Евросовет, который созывает Конвент или устанавливает мандат для Конференции представителей. В первом случае поправки,

разработанные Конвентом, также передаются на рассмотрение Конференции. Когда будет выработан согласованный вариант проекта, главы государств-членов должны его подписать, после чего проект подлежит ратификации каждым из государств в соответствии с его конституционной процедурой.

Как можно видеть, процедура реформирования основополагающих Договоров является крайне жесткой, а весь процесс разработки и принятия поправок сконструирован таким образом, что требует достижения согласия между всеми членами ЕС, причем не только их правительствами, но и народом, поскольку конституционная процедура в ряде стран предполагает проведение референдума.

Очевидно, что для того, чтобы реформа состоялась, необходимы очень весомые стимулы. Как показывает история ЕС, таким стимулом может стать принятие в его состав новых членов, которое объективно потребует оптимизации существующих механизмов управления и их большей централизации.

Именно с этим связано начало разработки поправок в Договоры в 2019 г., когда Урсула Фон дер Ляйен инициировала созыв Конференции «О будущем Европы», работа которой продолжалась с 9 мая 2021 по 9 мая 2022 г. В результате было выработано 49 предложений, сформулированных в 326 поправках. Эти предложения были переданы в Европейский парламент, который после их обсуждения и доработки принял резолюцию от 22.11.2023 № P9_TA (2023) 0427 [European Parliament resolution 2023].

В преамбуле этого документа отмечается, что внесение поправок в Договоры не является самоцелью, но оно необходимо для того, чтобы повысить дееспособность Союза перед лицом тех беспрецедентных вызовов, с которыми он столкнулся в последнее время (включая предстоящее расширение), его способности более эффективно решать геополитические задачи, а также повышения его демократической легитимности и подотчетности.

В следующем разделе резолюции в сжатом виде излагаются 40 предложений по изменению Договоров, а затем представлены 245 конкретных поправок, которые, однако, не в полной мере отражают содержащиеся в резолюции предложения, оставляя часть из них для будущего обсуждения в Конвенте.

В более общем плане предложенные изменения затрагивают 16 направлений и касаются как непосредственно реформ институтов ЕС, так и отдельных сфер компетенции Союза, которую предлагается расширить за счет отнесения к исключительной компетенции вопросов защиты окружающей среды, биоразнообразия и ведения международных переговоров по изменению климата, а к совместной компетенции вопросов образования, здравоохранения, включая полный доступ к сексуальному и репродуктивному здоровью и правам, создание системы «Единое здоровье», противодействие трансграничным угрозам здоровью; политику в области внешних границ, внешней безопасности и обороны, гражданской защиты, а также развитие промышленности.

При этом особое внимание уделено механизмам распространения общеевропейских ценностей как через единые образовательные стандарты, так и посредством включения их в сферу экономической политики.

Следующим вопросом, которому уделено особое внимание, являются вопросы безопасности, как внешней, так и внутренней. Для обеспечения первой предлагается создание Оборонного союза, т.е. единых вооруженных сил, финансируемых посредством формирования специального бюджета под контролем Европарламента. Вторая, в основном, связывается с вопросами миграции, поэтому поправки направлены на выработку единых для всех членов ЕС минимальных стандартов выдачи разрешений на въезд, видов на жительство и предоставления гражданства, а также борьбу с «торговлей паспортами».

В экономической сфере предлагается обязать государства-члены инвестировать в общеевропейские проекты, а также принимать все необходимые меры для привлечения внешних инвестиций. Кроме того, планируется создание интегрированного Европейского энергетического союза, основанного на принципах «зеленой» энергетики.

Что касается институциональных реформ, то они, в соответствии с проектом, разработанным европейским парламентом, нацелены прежде всего на повышение роли самого парламента и демократизацию механизмов управления Союзом. Так, предлагается закрепить разделение властей на принципах парламентской демократии. Законодательная власть должна быть двухпалатной (Совет ЕС и парламент), а Еврокомиссию предлагается переименовать в Исполнительную власть. Формировать ее будет Евросовет по предложению Европарламента с учетом результатов выборов. Нести ответственность Исполнительная власть также должна будет перед парламентом, который сможет выдвигать как коллективный вотум недоверия, так и недоверие к отдельным членам Исполнительной власти.

Предлагается максимально расширить сферу применения обычной законодательной процедуры, а основным способом принятия решений в Евросовете и Совете ЕС сделать квалифицированное большинство вместо единогласия.

Предлагается изменить и процедуру признания нарушения государствами-членами ценностей ЕС: этот вопрос должен стать прерогативой Суда ЕС, а в случае признания, что нарушение имеет место, Совет ЕС должен будет в течение шести месяцев наложить на виновника санкции, включающие как ограничение его прав, так и прекращение финансирования.

В настоящее время эти поправки находятся на рассмотрении Евросовета.

Выступление советника директора ИНИОН РАН кандидата исторических наук Т.Г. Пархалиной было посвящено теме: «НАТО на переломе эпох». Было отмечено, что если в случае ЕС много говорится о реформах самого этого института, то в случае с НАТО речь скорее идет о трансформации и адаптации к новым геополитическим условиям: ведения в Европе широкомасштабного

конфликта высокой интенсивности; резкого обострения ситуации на Ближнем Востоке; повышения роли Китая в формировании нового миропорядка и ряда других.

С момента начала Россией СВО на территории Украины прошло два саммита Альянса – Мадридский (июнь 2022 г.) и Вильнюсский (июль 2023 г.).

Мадридский саммит был приурочен к 40-летию вступления Испании в альянс и определил стратегическое направление трансформации на будущие несколько лет для обеспечения адаптации к новым условиям в сфере безопасности и в более широком контексте. В ходе саммита была принята новая стратегическая концепция, в соответствии с которой Россия была определена как «наиболее серьезная и прямая угроза», Китай «как вызов безопасности» стран-участниц, она включила такие вызовы безопасности, как терроризм, кибер- и гибридные угрозы [Встреча НАТО 2022].

По сути это означало: 1) коренной пересмотр осуществляемых НАТО коллективной обороны и сдерживания со времени окончания холодной войны; 2) усовершенствование планов обороны с большим количеством сил повышенной готовности и заблаговременно выделенными силами для обороны конкретных союзников; 3) увеличение количества войск и заблаговременно размещенных техники и запасов вооружений на восточном фланге Североатлантического альянса, усиливающих восемь многонациональных боевых групп НАТО. Помимо этого, был одобрен пакет помощи Украине, включая поддержку в таких областях, как защищенная связь, система борьбы с БПЛА; долгосрочная помощь Украине для перехода от военной техники советской эпохи к современной технике НАТО; новые пакеты поддержки для других партнеров, а именно – Боснии и Герцеговины, Грузии и Молдовы.

Что касается адаптации альянса к прочим вызовам, то предусматривалось создание инновационного фонда НАТО, который в течение следующих 15 лет инвестирует 15 млрд евро в стартапы, разрабатывающие новые технологии двойного назначения (прежде всего искусственный интеллект).

На Мадридском саммите НАТО подтвердила свою приверженность политике «открытых дверей» (т.е. действие ст. 10 Вашингтонского договора) и направила официальное приглашение Финляндии и Швеции стать членами альянса. Здесь следует отметить, что эти две страны Северной Европы обратились со своими заявлениями о вступлении в этот союз вскоре после начала Россией СВО в Украине.

К настоящему моменту обе страны являются членами альянса, причем обе они – не реципиенты, а доноры безопасности для НАТО. А в Финляндии создается новый штаб альянса повышенной боевой готовности (г. Миккели, где находится штаб финской армии и аэродром). Оттуда предполагается планирование операциями на севере Европы. Финские военные и политики считают, что само по себе членство в НАТО не является гарантией безопасности, поэто-

му Финляндия заключила оборонное соглашение с США (SDA), позволяющее последним быстро разворачивать свои войска в Суоми (доступ к 15 военным объектам).

Вильнюсский саммит 2023 г. стал для Украины, как писали эксперты, «повторением пройденного 15 лет назад в Бухаресте». На этот раз вместо формулы «рано или поздно Украина и Грузия станут членами НАТО», использовалась формула «когда для этого будут условия». Одновременно было заявлено, что Киеву не придется реализовать так называемый план действий по членству (ПДЧ) – стандартный набор военных и политических реформ, обязательный для всех вступающих государств. Здесь имеет смысл обратить внимание, что прецедент вступления без ПДЧ уже был создан в случае с Финляндией и Швецией.

В то время как внимание политических комментаторов в разных странах мира, включая Россию, было сосредоточено на вопросе приглашения к вступлению Украины, представляется, что ключевым моментом Вильнюсского саммита стало решение о принятии новой оборонной концепции, которая официально получила название «региональные оборонные планы нового поколения» альянса. По существу, лидеры альянса одобрили крупнейшую со времен холодной войны перестройку системы реагирования НАТО на любое нападение на их территорию. Пересмотр секретных планов обороны предусматривает, какое конкретно государство – член НАТО будет обязан ответить на нападение в любой точке Европы и Североатлантического региона. Командование НАТО будет знать, какие войска и технику оно может задействовать и сколько времени потребуется для приведения их в боевую готовность.

Предполагается создать более «значительный резерв специальных боеспособных сил, включая силы повышенной готовности (так называемые многонациональные и многосферные силы реагирования), новую модель ротации современных систем и средств ПВО, а также новую политику по улучшению логистической поддержки. При этом речь идет как о концепции сдерживания «на сегодня», так и в будущем. Когда речь заходит о «новой модели» сил НАТО, то под ней имеется в виду более значительный резерв специальных боеспособных сил, используя региональный опыт и географическую близость для повышения оперативности реагирования сил. В рамках этих усилий будут создаваться новые многонациональные силы быстрого реагирования в различных сферах [Сдерживание и оборона 2023].

Оба последних саммита НАТО продемонстрировали растущую атлантическую солидарность, в основе которой лежит не только противодействие и сдерживание России, но и сегодняшнее понимание членами Альянса серьезности качественно новых вызовов безопасности. И если в случае с Евросоюзом в здании солидарности существуют бреши, то в случае с НАТО ситуация более стабильная во всех вопросах, кроме вопроса расширения и будущего трансатлантических связей между Европой и США.

Есть все основания полагать, что по вопросу расширения двух евро-атлантических институтов будет очень трудно добиться консенсуса – и дело не сводится лишь к позиции Венгрии и Словакии, которые открыто будут блокировать интеграцию стран Восточной Европы, прежде всего Украины, но и гораздо более завуалированной позиции европейских грандов (Франции и Германии), которые опасаются перераспределения центра тяжести с Запада на Восток континента.

Что касается будущего трансатлантических связей между США и Европой, то намечается следующая тенденция. Если до недавнего времени НАТО была для Вашингтона главным военно-политическим альянсом, поскольку Европа находилась в фокусе американских интересов в сфере безопасности, то в последнее время складывается впечатление, что в будущей архитектуре глобальной безопасности (вне зависимости от того, кто займет Белый дом – республиканцы или демократы), фокус интересов Вашингтона смещается с Европы на регион АТР. Ведь уже созданы такие военно-политические альянсы с участием США, как QUAD (США, Япония, Австралия, Индия), AUKUS (США, Великобритания, Австралия), наконец, JAROKUS (США, Япония, Южная Корея). Таким образом, создается новая архитектура безопасности от Атлантики до Тихого океана.

Доклад старшего научного сотрудника ИНИОН РАН кандидата политических наук Ю.И. Надточей был посвящен тематике процессов, происходящих в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Ю.И. Надточей назвал свой доклад «ОБСЕ в условиях кризиса системы европейской безопасности».

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), созданная в эпоху холодной войны в целях содействия диалогу и сотрудничеству между странами Варшавского договора и НАТО, уже многие годы ассоциируется с неповоротливостью, неэффективностью и политической ангажированностью. По крайней мере, подобные упреки в ее адрес регулярно звучат со стороны одного из ведущих участников – Российской Федерации. Западные лидеры и дипломаты хотя и менее категоричны в своих выводах, однако и они далеки от мысли о полном соответствии структуры, порожденной еще Хельсинкским процессом далеких 70-х годов прошлого века, современным реалиям и потребностям стран-участниц.

Для лучшего понимания разночтения в оценках ОБСЕ, которые дают ей политические деятели по разные стороны Дуная – к Востоку и Западу от Вены, необходимо вспомнить о том, что в организацию с самого начала вкладывалось разное содержание со стороны советских/российских лидеров и их партнеров со стороны Запада.

Отметим, что сама заявка на сообщество безопасности, хотя и имела под собой основания, все же обладала определенным набором условностей.

Как известно, один из родоначальников теории сообщества безопасности К. Дойч разделял таковые на амальгамированные (однородные) и плюралистические (неоднородные). Очевидно, что ОБСЕ по своим параметрам больше приближается ко второму типу, хотя не достигла даже этого состояния. В конечном счете подобная «плюрализация» подразумевает довольно высокий уровень групповой сплоченности и идентичности стран – участниц сообщества, чего в современной Европе попросту нет. Континент по-прежнему разделен на различные категории акторов – на вовлеченных в евроатлантическую интеграцию стран – членов ЕС и НАТО и государства, не входящие в эти структуры (преимущественно страны СНГ). К числу таковых относится и Россия, которая будучи единственной (исключая КНР) из международной группы постоянных членов Совбеза ООН, стоявших у истоков создания еще СБСЕ (наряду с США, Великобританией и Францией), находится за пределами натоцентричного политического порядка. В связи с этим, настойчивые попытки Москвы вернуть ОБСЕ к состоянию близкому к первоначальному – к формату совещания, а не организации – вполне укладываются в логику российского руководства. На экспертном уровне порой звучат и более резкие заявления, смысл которых сводится к необходимости «ликвидации тех институтов, которые были созданы после холодной войны», с сохранением «только Совета министров, как это было в 1970-е и 80-е годы» [OSCE on Artificial Life 2023].

Разумеется, что ни о какой правосубъектности ОБСЕ в таком случае речь не идет, так как она теряет не только статус организации, но и весь тот расширенный функционал и институциональный дизайн, которым ее наделили страны – участницы в 1990-е годы. Вместе с тем, как показала практика тех лет, именно расширенные возможности организации, в том числе в правозащитной сфере – через институт Верховного комиссара по делам национальностей – позволяли России отстаивать свои интересы в таких областях, как защита прав русскоязычных жителей республик бывшего СССР (прежде всего в странах Балтии) [Zaagman 1999]. Важную роль органы ОБСЕ сыграли и в противодействии террористической угрозе в Европе [Скурко 2021].

Возврат же к своеобразной формуле «оригинального Хельсинки» будет подразумевать сокращение и без того весьма ограниченных полномочий ОБСЕ, не говоря уже о ее ресурсном обеспечении. Об этом свидетельствует и планомерное сокращение персонала мониторинговых миссий в различных частях Европы, наблюдаемое экспертами уже на протяжении многих лет [Загорский, Энтин 2008].

По всей вероятности, такое развитие событий не слишком беспокоит Москву, которая в последние два десятилетия неустанно акцентирует внимание на необходимости повышения значимости «корзины военной безопасности», существенно потерявшей в весе за счет «корзины гуманитарной». Именно подобной логикой объясняются настойчивые попытки российского руководства

продвигать на платформе ОБСЕ такие проекты, как Договор о европейской безопасности (2009 г.) или еще совсем недавние требования о гарантиях безопасности, выдвинутые странам НАТО и США (2021) [Россия заявила 2022].

В текущих условиях продолжающегося вооруженного конфликта между Россией и Украиной и стремительной деградации механизмов, обеспечивающих контроль над вооружениями и меры доверия в военной области, будущее ОБСЕ представляется крайне неопределенным [Пархалина 2020]. Очевидно, что в нынешнем своем виде организация бесконечно далека как от своей изначальной роли, так и от того концептуального содержания, которым она наполнялась в первые годы после окончания холодной войны. Постепенно ее функционал рассредоточивается по другим европейским и евро-атлантическим организациям. Отдельные измерения деятельности прямо или косвенно переходят к ЕС, НАТО и Совету Европы. Однако все эти структуры лишены важных преимуществ:

- **широкое представительство.** Это по-прежнему единственная пан-европейская и даже трансрегиональная организация, принимая во внимание участие в ней стран, находящихся на различных континентах и регионах – от Северной Америки до Центральной Азии.

- **гибкость.** Природа ОБСЕ является не столько препятствием, сколько преимуществом, связанным со способностью генерировать акты «мягкого права» – юридически необязывающие, но политически значимые договоренности (правила игры). Данное качество крайне важно в условиях стратегической неопределенности и, по всей видимости, затяжной конфронтации между Россией и странами НАТО.

- **накопленный опыт.** За свои почти 50 лет организация прошла целый ряд кризисов, доказав свою жизнеспособность даже в самых сложных условиях холодной войны, что несомненно является свидетельством способности адаптироваться к постоянно меняющимся условиям.

Доклад известного российского экономиста Н.И. Масленникова был посвящен теме: «Монетарная политика ЕЦБ: промежуточные итоги и перспективы».

По итогам 2023 г. экономический рост в Еврозоне составил 0,4% после 3,4% в 2022 г. Одна из причин – существенное ужесточение денежно-кредитных условий Европейским Центробанком в целях борьбы с инфляцией. С марта 2022 по сентябрь 2023 г. ставка по основным операциям рефинансирования выросла с 0% до 4,5%, по маржинальным кредитам (овернайт) с 0,25% до 4,75%, по депозитам – с отрицательных значений до 4,0%. Эти уровни сохраняются до сих пор (последний раз были подтверждены 11 апреля). При этом инфляция в годовом выражении замедлилась с 8,4% в 2022 г. до 2,4% в апреле 2024.

С формальной точки зрения ценовая динамика стабилизировалась: те же 2,4% наблюдались в марте после 2,6% в феврале, 2,8% в январе и 2,9% в декабре 2023. Но есть нюансы.

Потребительские цены без учета энергоносителей и продуктов питания выросли на 2,7% после 2,9% в марте. При этом энергетическая дефляция затухает: в феврале снижение насчитывало 3,7%, в марте – 1,8%, в апреле уже только 0,6%. Причина – рост мировых цен на нефть. Казалось бы, это обстоятельство должно было подтолкнуть общий рост цен. Но в апреле впервые с ноября прошлого года замедлилась ценовая динамика в сфере услуг – 3,7% после 4,0% в марте, что отражает замедление темпа роста заработной платы.

Главный экономист ЕЦБ Филипп Лейн оценил этот факт как знаковое событие, укрепляющее уверенность в приближении инфляции в зоне евро к целевому уровню в 2% (см. его интервью испанской газете *El Confidencial*, 6 мая 2024 г.). В принципе это может случиться в 2025 г., хотя прогноз ОЭСР по инфляции 2024 г. в Еврозоне – 2,3%, в 2025 – 2,2%. Ставки по корпоративным кредитам в настоящее время около 5%, по ипотеке – 3,6%. ВВП зоны евро в первом квартале вырос на 0,4% г/г. При интервале прогнозов ВВП-2024 в 0,7–0,9% (по Германии – 0,2%, Франции – 0,7%, Италии – 0,7%, Испании – 1,9%).

Наблюдаемая макроситуация закручивает главную монетарную интригу второго квартала – какое решение по ставке ЕЦБ примет 6 июня? Сигналы регулятора на этот счет участники рынков оценивают как возможность начала цикла снижения ставок. В апреле композитный PMI зоны евро (обработка + услуги) увеличился до максимальных за 11 месяцев 51,4 п с 50,3 п в марте. По итогам первого квартала ВВП Германии вырос на 0,2%, Франции – на 0,2%, Италии – на 0,3%, Испании – на 0,7%.

Соблазн умерить жесткость и дать стимул повышению деловой активности велик. Филипп Лейн прямо заявил, что это не будет сюрпризом, но важна вся совокупность новых данных, которые будут получены до заседания.

Сторонники снижения аргументируют его как стимул для экспорта через ослабление евро. Есть прогнозы, что во второй половине 2024 года он может выйти на паритет с долларом США или даже оказаться ниже, что неплохо для внешнеторговой экспансии. Но есть и сомнения. Во-первых, неясны направления, РФ закрыта, а объемы наращивания экспорта в США и Японию близки к пределу. В торговле с Китаем дефицит насчитывал в 2023 г. 1,7% ВВП Еврозоны, можно было бы двинуться туда, но в экономике Поднебесной по сути кризис внутреннего спроса и замедление роста. 68% респондентов из компаний, ведущих бизнес с Китаем, отмечают, что за год он стал более трудным.

Кроме того, усиление спреда со ставкой ФРС (там на заседании комитета по открытым рынкам 12 июня, как ожидается, менять ничего не будут) может через рынок облигаций нивелировать курсовой эффект от снижения ставки ЕЦБ.

Federal funds rate США сохраняется в диапазоне 5,25–5,5%. При этом инфляция с начала года начала расти: в марте общий индекс – 3,5%, без энергоносителей и продовольствия – 3,8%. В апреле прогнозируется снижение до 3,4

и до 3,6%. Но даже этого недостаточно, чтобы Федрезерв начал смягчаться. Финаналитики сдвинули сроки первого снижения на сентябрь и сократили потенциал до конца года с 75 базисных пунктов (по прогнозу ФРС) до 45 б.п. (в МВФ его оценивают в 50 б.п., для ЕЦБ – в 75 б.п.). При этом третьего мая представитель ФРС Мишель Боуман заявил, что повышение ставки остается в повестке дня.

Неопределенность монетарной траектории ФРС, естественно, будет осложнять принятием решений ЕЦБ. Кроме того, потребуется учитывать риски повышения нефтецен. Прогноз среднегодовой цены Brent – 87–88 долл. за баррель, что выше текущих значений.

Немаловажный риск для ЕЦБ и в том, что монетарное смягчение необходимо уравнивать бюджетной жесткостью, особенно в год выборов в Европарламент. Но она может оказаться недостаточной. Перспективы экономического роста в Еврозоне слабые, могут потребоваться дополнительные бюджетные импульсы, а это всегда усиливает инфляционное давление. Дефицит бюджета в Еврозоне в 2023 г. насчитывал 3,6% ВВП (3,7% ВВП в 2022). Но показатель первого квартала 2024 г. остался примерно на уровне четвертого квартала 2023 – 4,1%.

С точки зрения докладчика, вероятность снижения ставок в текущем году не менее 70%. Если этого не делать, можно получить нулевой экономический рост. 6 июня считаю равновероятными оба решения.

Вместе с тем принципиально важно учитывать признаки изменения природы самой инфляции, которые явно носят не краткосрочный характер:

- Замедление глобального роста в условиях усиления геоэкономической фрагментации, ведущей к росту издержек за счет удлинения транспортно-логистических цепочек и их усложнения (дополнительные посредники).
- Рост глобального мирового долга, сопровождающийся бюджетными эмиссиями (93% глобального ВВП, в том числе 123,3% ВВП в США; 88,6% ВВП в Еврозоне, 88,6% ВВП в Китае). К 2029 г. США – 133,9%, Китай – 110,1%, Еврозона – около 90%, но это оптимистическая оценка.
- Климатическая повестка и энергопереход (весьма затратны с учетом перспективы повышения температуры не на 1,20С, а на 2,50С). Доля ВИЭ в ЕС к 250 году – 30–38% энергобаланса.
- Старение населения (злоупотребление рыночной властью при ценообразовании на «классический» набор товаров и услуг, потребляемых возрастными группами).
- Трансформация системы международных платежей и расчетов (цифровизация может переносить инфляционные импульсы существенно быстрее, чем в настоящее время). Эффект пока неизучен, так как нет практик.

Центробанки оказались перед новым вызовом: можно достичь таргетов, но как надолго и какой ценой? К тому же природа инфляции может меняться,

и монетарное регулирование требует другого дизайна. Поэтому снижать ставки будут, иначе рост может стремиться к нулевому темпу. Но борьба с инфляцией в перспективе существенно усложняется, вирус роста цен сильно мутировал, традиционные «антибиотики» могут не сработать.

Это касается всех центробанков, в том числе и российского.

Выступление главного научного сотрудника ИНИОН РАН д.и.н. В.Н. Чернеги было посвящено теме: «Европейская политика Франции: стратегический разворот Э. Макрона». Докладчик напомнил, что в марте 2024 г. во Франции скончался, в возрасте 103 лет, Филипп де Голль, сын генерала Ш. де Голля. Он не любил общаться с прессой, но в 2004 г. дал интервью, в котором привел несколько высказываний своего отца о внешней политике Франции. Мне хотелось бы обратить внимание на одно из них, касающееся России. Генерал подчеркивал что когда отношения с ней развивались хорошо, позиция Франции в Европе усиливалась. Напротив, когда они ухудшались, французское влияние на континенте уменьшалось [Ardisson 2016, p. 37]. Известная формула Ш. де Голля «Европа от Бреста до Владивостока» отражала его убеждение в том, что Россия являлась важным элементом европейского расклада сил, расширяющим возможности Франции перед лицом Германии, Великобритании, а в более широком плане – США.

Э. Макрон в своей книге «Революция», опубликованной в 2016 г., назвал Ш. де Голля в числе деятелей, повлиявших на его внешнеполитические взгляды [Macron 2016, p. 37]. Трудно сказать насколько он был искренен. Генерал, как известно, видел европейскую интеграцию в рамках «союза наций», т. е., межгосударственного объединения, и вообще был жестким «суверенистом». Э. Макрон, убежденный «европеист», продвигает идею трансформации ЕС в «державу Европу», по определению предполагающую передачу большей части национального суверенитета на наднациональный уровень [Сидоров 2023]. Но по одному пункту он, действительно, следовал по стопам Ш. де Голля. Во многих своих выступлениях он указывал, что строить «державу Европу» против России контрпродуктивно, поскольку это будет постоянно вызывать напряженность на континенте и тем самым усиливать зависимость ЕС от Соединенных Штатов. Более того, Э. Макрон говорил о необходимости сформировать «единое европейское пространство от Лиссабона до Владивостока», которое он представлял в виде трех «концентрических кругов»: ЕС; затем ЕС и государства-кандидаты на вступление в него; Россия и (возможно – Турция) [Discours du Président 2018].

Докладчик не стал говорить о реалистичности данной идеи. Ее считало утопичной большинство «истеблишмента» во Франции, сам Э. Макрон в выступлении перед французскими послами в 2018 г. жаловался на противодействие ей «глубинного государства», прежде всего МИДа и спецслужб [Discours du Président 2018]. Еще большую враждебность выказывали восточноевро-

пейские члены ЕС, особенно Польша и Балтийские государства, построившие свою внешнеполитическую стратегию на русофобии и ориентации на США. Тем не менее Э. Макрон не отступал. Даже в начале российской СВО на Украине он указывал, что Россия в любом случае останется на Востоке континента и с ней придется договариваться.

Однако позже, как известно, Э. Макрон радикально поменял свою позицию. Сейчас он пытается возглавить в ЕС противодействие СВО, реанимировать против России «веймарский треугольник» в составе Франции, Германии Польши, образованный в 1991 г. и с тех пор находившийся в спящем состоянии, призывает к перевооружению Европы и не исключает направления на Украину войск НАТО. В начале своего президентства Э. Макрон пропагандировал «европейскую автономную оборону», которая создавалась бы в «дополнение» или «параллельно» НАТО. В 2018–2019 гг. он сделал на шумевшие заявления о необходимости создания «европейской армии, которая защищала бы ЕС от Китая, России и США. В тактических целях, чтобы успокоить Соединенные Штаты и настроенные проатлантически государства ЕС, он иногда говорил о «европейской опоре» НАТО – идее, продвигавшейся одним из «отцов» европейской интеграции Ж. Монне. Она подразумевает усиление европейской компоненты Альянса, оставляя за ним решающую роль в деле «европейской коллективной обороны». В апреле 2024 г., в выступлении в Сорбонском университете, Э. Макрон говорил уже только о такой «опоре», хотя одновременно подчеркивал, что ЕС должен обрести стратегическую самостоятельность и прежде всего отвергнуть роль вассала США. Он предложил также рассмотреть возможность участия французского ядерного арсенала в обеспечении безопасности ЕС [Discours sur l'Europe 2024].

Можно предположить, что, «развернувшись» таким образом, Э. Макрон стремится обеспечить Франции и себе лично лидирующую роль в ЕС. Но эти претензии наталкиваются на все большее противодействие других государств ЕС, в частности Германии и Польши. В ЕС существует согласие по поводу увеличения военных расходов и «перевооружения». Э. Макрон рассчитывает, что значительную долю «пирога» получит французский ВПК, что принесло бы экономические выгоды и усилило бы политическую позицию Франции в ЕС. Однако большинство государств ЕС, по-прежнему приверженные «зонтику безопасности» со стороны США, увеличили закупки американских вооружений. Германия приобретает американское оружие для оснащения бундесвера и одновременно продвигает на европейских рынках продукцию своего мощного ВПК [Трунов 2023].

В целом, как показывают все опросы общественного мнения во Франции, многие французы считают, что влияние Франции в ЕС медленно, но верно уменьшается. Одной из главных причин является ее недостаточный экономический вес. Прогнозируемое расширение ЕС с нынешних 27 государств-членов

до 33–35, лишь усугубит эту проблему. Наряду с недовольством значительной частью электората социально-экономической ситуацией в стране, ослабление международных позиций Франции все больше влияет на внутривнутриполитический расклад сил в стране. По прогнозам, на выборах в Европейский парламент 9 июня 2024 г. «суверенисты», выступающие за большую самостоятельность Франции перед лицом США, НАТО и ЕС, в частности. Национальное объединение во главе с Ж. Барделла (до июня 2023 г. эту партию возглавляла М. Ле Пен), должны превзойти «макронистов» с большим отрывом. Более того, если бы сейчас состоялись президентские выборы на них победила бы М. Ле Пен. Конечно, до этих выборов остается три года, многое может еще измениться. Но в любом случае продвижение «суверенистов» представляет собой серьезный вызов для внешней политики Э. Макрона, в частности, на европейском направлении.

В докладе ведущего научного сотрудника ИНИОН РАН кандидата политических наук Ф.О. Трунова была рассмотрена значимость новой модели войск НАТО как индикатора эволюции Альянса. Эта модель наделяет блок военной мощью в 0,8 млн военнослужащих (разделены на три категории в зависимости от времени достижения полной боевой готовности), притом практически все данные огромные силы выделяли европейские государства-члены: вклад США был точечным, но с сохранением за ними организующей роли в политическом плане. Четко декларируемое предоставление НАТО как организации таких крупных сил должно было показать солидарность действующего истеблишмента в европейских государствах-членах структурной мощи Запада в военном отношении. Переход к новой модели войск НАТО как принятие многосторонних взаимных обязательств на длительную перспективу должен быть стать мощной фактической преградой на пути реализации планов партий на политических флангах – на крайне правом и левом, которые демонстрировали критическое отношение к стратегической линии правящих элит. Сами они используют фактор стремления к усилению военной мощи как значимый аргумент в борьбе за избирателя на фоне роста конфронтационности между «либеральными демократиями» и наиболее активными державами вне Запада [Братерский 2023]. Показательна в связи с этим ситуация, как в крупнейших «западных демократиях» [Ананьева 2023; Арзаманова 2023; Дырина 2023; Лапина 2023; Тимофеев 2023; Трунов 2023], так и массиве таковых в целом [Биткова 2023; Саргсян 2023].

Новая модель войск НАТО фиксирует окончательный переход «западных демократий» к противодействию классическим угрозам безопасности (с преобладающей военной составляющей), которые, якобы, создавали державы не-Запада, от борьбы с угрозами нестабильности в зонах происхождения вооруженного конфликта. Последняя деятельность была приоритетом для стран – участниц НАТО с 1990-х годов и была признана стратегически незавершенной

[Алексеева, Трунов 2022; Сидоров 2022a]. Символами стала экстренная эвакуация контингентов войск из Афганистана [Новикова 2022], более плавная, но в итоге произошедшая утрата позиций в Мали и в целом в Сахаро-Сахельском регионе [Давидчук, Дегтерев, Сидибе 2022, Сидоров 2022b]; ограниченная способность противостоять международному терроризму в Сирии и Ираке [Тимофеев, Хорольская 2022; Трунов 2022; Чернега 2022]. Новая модель войск НАТО прежде всего нацелена на наращивание многосторонней мощи в европейской части зоны ответственности Альянса, но также опосредованно способствует военно-стратегической активизации США в Индо-Тихоокеанском регионе в контексте «сдерживания» КНР [Арзаманова 2022; Васильев 2022].

Научный сотрудник ИНИОН РАН А.Ф. Дырина основной акцент сделала на результаты муниципальных выборов в Польше и их влиянии на позиции РП в НАТО и ЕС. В Польше происходит череда выборов, уже состоявшихся и предстоящих. В октябре 2023 г. прошли парламентские выборы, в результате которых было сформировано оппозиционное правительство во главе с Дональдом Туском [Дырина 2024]. В апреле 2024 г.¹ состоялись муниципальные выборы, в скором времени Польшу, как и других членов ЕС, ждут выборы в Европарламент², а также выборы президента страны в 2025 г.

Докладчик рассмотрел результаты местных выборов. По сравнению с 2018 г. «Гражданская коалиция» смогла улучшить свои позиции, обеспечив себе большинство в 11 из 16 региональных ассамблей. В Польше наиболее влиятельны две политические силы, которые соперничают друг с другом – это партия Ярослава Качиньского «Право и справедливость», ее представляет президент страны, и партия «Гражданская платформа», которая в объединении с несколькими другими партиями³ составляет «Гражданскую коалицию», действующий премьер-министр является представителем этой политической силы.

Явка на местные выборы была достаточно низкой – чуть более 50%, в то время как на парламентских выборах она составила более 70%. Стоит отметить, что на западе Польши, где традиционно больше голосуют за Дональда Туска, явка была меньше, чем на востоке страны, где большинство поддерживают партию Анджея Дуды, что внесло свои коррективы в итоговые результаты. Таким образом, позиции правых сил остались достаточно прочны, суммарно «Право и справедливость» заняла первое место по стране.

Д. Туска принято считать проевропейским политиком, он занимал в свое время должность председателя Европейского совета (2014–2019), также был

1. 7 апреля 2024 г. (первый тур), 21 апреля 2024 г. (второй тур).

2. 6–9 июня 2024 г.

3. «Гражданская платформа», «Современная», «Польская инициатива», «Зеленые» и др.

председателем Европейской народной партии (2019–2022), его победу на парламентских выборах встретили позитивно и одобрительно в Евросоюзе. В то время как у партии Ярослава Качиньского из года в год противоречия с ЕС только возрастали. Однако даже с приходом во власть Д. Туска не все прояснилось в отношениях с ЕС.

Например, 10 мая 2024 г. в Варшаве прошла масштабная акция протеста против климатической политики Европейского союза, организованная профсоюзом «Солидарность», в которой приняли участие ведущие деятели партии «Право и справедливость». Протестующие настаивали, что «Зеленая сделка» ЕС «разрушит» польскую экономику, причинив особый вред фермерам и промышленным рабочим. В марше приняли участие около 25 000–30 000 человек. Ранее Д. Туск на фоне фермерских протестов заявлял, что польское правительство будет пытаться договориться об изменениях в «Зеленом курсе», однако «Зеленая сделка» является одной из ключевых программ ЕС. Польша по-прежнему производит около двух третей электроэнергии с помощью угля, что является самым высоким показателем в ЕС, Польша по сути является самой «не зеленой» страной Евросоюза [Large trade union 2024].

Что касается политики польского государства по линии НАТО, здесь все остается достаточно стабильным [Макаркин 2024]: в 2023 г. расходы на оборону в Польше составили почти 4% ВВП, что является самым высоким показателем в НАТО.

Сейчас в Альянсе проходят крупнейшие учения со времен холодной войны, в которых принимают участие в общей сложности 90 тыс. военнослужащих. И часть этих учений проходит на севере Польши с февраля 2024 г., в них участвуют 20 тыс. солдат и 3500 единиц техники [Twenty thousand NATO 2024].

Таким образом, можно утверждать, что и в настоящее время и в будущем, несмотря на флуктуации на внутреннем политическом поле, Польша была, есть и будет привержена евро-атлантической солидарности.

Дискуссия в ходе первой сессии конференции показала, что, несмотря на существующие геополитические явно кризисные явления, большинство европейских институтов, кроме, пожалуй, ОБСЕ, реформируются, адаптируются к новой ситуации и будут оставаться серьезными акторами мировой политики, хотя нельзя отрицать и рост значения национальных государств.

Вторая сессия была посвящена тем изменениям, которые произошли в обществах европейских стран в связи с резко изменившейся геополитической ситуацией, в условиях, когда популярность набирают правые силы, а на территории Европы происходит военный конфликт высокой интенсивности, который уже вряд ли можно назвать региональным, поскольку в эту «воронку» затягивается всё большее число глобальных игроков.

Ряд докладчиков посвятили свои выступления политическим дискуссиям в отдельных европейских странах накануне выборов в Европарламент, которые являются важным политическим событием в Объединенной Европе, поскольку от его результатов будет зависеть конкретная политика Евросоюза в целом.

Так, главный научный сотрудник ИНИОН РАН доктор политических наук Н. Ю. Лапина определила тему своего выступления как «Особенности политической кампании во Франции накануне выборов в Европарламент».

Докладчик отметила, что традиционно выборы в Европарламент рассматриваются во Франции как наименее политически значимые. Статус депутата Европейского парламента (ЕП) для французских политиков является либо стартом, либо завершением политической карьеры. Тем не менее выборы 2024 г. для Франции имеют особое значение, поскольку проходят за три года до президентских выборов, и все политические силы рассматривают их как подготовку к этому самому значимому в политической жизни страны событию.

В ходе предвыборной кампании в ЕП чаще всего обсуждаются вопросы европейской политики. В нынешнем году особенность дискуссии состоит в том, что каждая партия организует собственную кампанию, исходя из своих приоритетов и наиболее важных для нее вопросов. В этом отношении мнения участников разделились. Правые популисты сконцентрировали внимание на внутренних проблемах и прежде всего на иммиграции и ее последствиях для французского общества, тогда как леворадикальная «Непокоренная Франция», Французская социалистическая партия (ФСП), пропрезидентская партия «Возрождение» большое внимание уделяли внешнеполитической тематике.

Предвыборную кампанию следует рассматривать в контексте тех изменений, которые произошли на политической арене Франции. В последние годы наблюдалась растущая фрагментация политического пространства: в центре находится Э. Макрон и его партия («Возрождение»), справа – «Национальное объединение», праворадикальная партия, слева – леворадикальная «Непокоренная Франция» во главе с бывшим троцкистом Жаном-Люком Меланшоном. В последние годы эта конфигурация стала еще более фрагментированной: партия Макрона ослаблена, в то время как левый и правый фланги окрепли, там появились новые политические силы.

Левый лагерь в преддверии европейских выборов сохранил влияние в обществе, но внутри него произошла перегруппировка сил. В первом туре президентских выборов за кандидатов левых партий проголосовала треть избирателей (31,9%), 30% опрошенных французов намереваются проголосовать за левые партии в июне 2024 г.⁴ К выборам в ЕП левые силы оказались расколотыми. Меланшон в кампании сделал ставку на социальный протест, «гра-

4. Данные IFOP: FI – 7,5%, PC – 2,5, PS – 14, Ecol – 6,5% [Euro-Rolling IFOP 14 mai 2024, p. 7].

жданскую революцию» (révolution citoyenne). Он обращается в первую очередь к жителям неблагополучных кварталов, выходцам из иммиграции, молодежи. После начала израильско-палестинского конфликта внимание сконцентрировано на студенческой среде, «Непокоренная Франция» активно поддерживает акции левых пропалестинских студенческих организаций. В этой кампании агрессивность лидера «Непокоренной Франции» зашкаливала. Однако агрессия не пришлась по духу французам. В мае 2024 г. за партийный список партии готовы были проголосовать 7,5% избирателей [Euro-Rolling 14 mai 2024, p. 4].

Неожиданностью кампании 2024 г. стал удачный старт 44-летнего политика Рафаэля Глюксмана, который возглавил, как и в 2019 г., партийный список ФСП, объединившейся с созданной Глюксманом политической партией «Общественное пространство» (Place publique). Глюксман – журналист, эссеист, «новая надежда левого лагеря», как окрестила его французская пресса. В первой половине мая 2024 г. за объединенный партийный список ФСП были готовы проголосовать 14% избирателей [Lepelletier 2024].

В последние годы во Франции, как и повсюду в Европе, наблюдался рост влияния праворадикальных политических партий [Белинский 2023]. За их представителей в первом туре президентских выборов (2022) проголосовала одна треть избирателей (32,1% голосов). На крайне правом фланге произошла перегруппировка сил: появился новый политик – Эрик Земмур, создавший партию «Отвоевание» (Reconquête), ему удалось обойти М. Ле Пен справа [Лапина 2023]. В 2024 г. позиции правых популистов-суверенистов сильны, в общей сложности⁵ за них готовы проголосовать 39,5% избирателей. На сегодняшний день – это рекорд.

Кампанию «Национального объединения» вели два человека – депутат парламента и глава парламентской группы Марин Ле Пен и ее ставленник, ставший в 2022 г. председателем партии 28-летний Джордан Борделла. Борделла ведет себя очень сдержанно и «умно», пользуясь «рентой, которую получила его партия – первая партия оппозиции Э. Макрону», пишет журнал «Ле Пуэн» [Sapin 2024]. В ходе кампании Борделла оказался под огнем критики оппонентов. «Вы иностранный агент», – неоднократно звучало в его адрес в ходе дебатов ведущих французских политиков. Обвинения в сотрудничестве с Москвой не отразились на рейтинге партии и ее руководителя. Тогда как рейтинг партии Эрика Земмура явно проседает (только 6% опрошенных готовы за нее проголосовать) [Euro-Rolling 14 mai 2024, p. 4].

Главный вопрос, стоящий перед пропрезидентской партией «Возрождение»: удастся ли сохранить политическое лицо? За месяц до выборов за спи-

5. С учетом сторонников Партии патриотов Флориана Филиппо, объединившейся с партией «Голос Народа» Пуассона, и партии Франсуа Асселино Народно-республиканское объединение.

сок партии готовы были проголосовать 16,5% избирателей [Euro-Rolling IFOP 14 mai 2024, p. 5]. Кампания пропрезидентской партии стартовала не очень удачно, как неудачно была выбрана для ее ведения 38-летняя Валери Айе. Она – евродепутат, но не политик. В помощь ей президент Эммануэль Макрон направил премьер-министра и ведущих министров своего кабинета, которые активно включились в избирательную кампанию в мае.

Во Франции на европейских выборах 2019 г. существовало два центра силы: Макрону противостояла Марин Ле Пен. «Макронисты» рассчитывали, что этот сценарий повторится в 2024 г. Всю свою критику они направили против «популистов». Однако выборы во Франции никогда не проходят по заранее определенному сценарию. Нельзя исключить, что социалисты займут второе место и станут главным оппонентом «Национального объединения», в победе которого на сегодняшний день никто не сомневается.

Другой ключевой стране Евросоюза – Германии было посвящено выступление старшего научного сотрудника ИНИОН РАН кандидата политических наук А.В. Белинского «Внутренняя и внешняя политика ФРГ на переломе эпох». Докладчик отметил, что одной из констант внутренней и внешней политики ФРГ с момента ее основания была политическая преемственность, которая в первую очередь проявлялась в том, что любая пришедшая к власти партия, несмотря на все разногласия с политическими оппонентами, фактически продолжала их курс [Белинский, 2019, с. 35]. Сформированная в конце 2021 г. первая в истории страны «светофорная коалиция» (СДПГ, «Союз 90/Зеленые», СвДП) изначально планировала во многом продолжить курс ушедшей с поста канцлера А. Меркель. Однако события 2022 г. привели к серьезным изменениям как во внешней политике ФРГ, так и внутри страны.

Безусловно, самые радикальные изменения претерпели российско-германские отношения, которые подверглись полному пересмотру. Если в начале 2022 г. канцлер О. Шольц еще пытался по возможности избежать надвигающегося кризиса, прибегая к «челночной дипломатии», то после начала СВО, эскалации конфликта и давления со стороны союзников по НАТО Берлин взял курс на конфронтацию с Москвой. Введение экономических санкций, сворачивание энергетического сотрудничества и, наконец, поставка тяжелого вооружения Украине являются ярким свидетельством этой линии. В самом же политическом истеблишменте ФРГ сложился надпартийный консенсус относительно новой восточной политики, которая рассматривает Россию как геополитического противника.

Определенному пересмотру стали подвергаться отношения и с КНР [Трунов, 2023b, с. 179]. В свою очередь эти изменения были обусловлены по меньшей мере тремя обстоятельствами: 1) возросшей экономической конкуренцией между ЕС и КНР, 2) ухудшением отношений США и Китая, 3) поддержкой Москвы со стороны Пекина. Наметившийся сдвиг в отношениях ФРГ и КНР,

еще недавно считавшихся надежными экономическими партнерами, получил свое отражение в стратегии ФРГ в отношении Китая.

Достаточно непросто складываются отношения ФРГ с Францией и восточноевропейскими странами (Польша, Чехия, Словакия). Последние нередко обвиняли официальный Берлин в нерешительности в вопросах поставок вооружения Украине. На этом фоне ФРГ начала усиливать как расходы на бундесвер, так и свое военное присутствие в Восточной Европе [Трунов 2024, с. 204].

Неспокойной является и внутривнутриполитическая обстановка в самой Федеративной республике, которая в мае 2024 г. отпраздновала свое 75-летие. На начавшееся еще в 2020–2021 гг. снижение экономической активности наложился энергетический кризис и инфляция, поставившие под угрозу благосостояние как бизнеса, так и миллионов обычных граждан. Новой социальной реальностью ФРГ стал скачкообразный рост различных протестов, начиная от недовольных сокращением субсидий фермеров и заканчивая антивоенными маршами. Недовольство населения страны политикой правительства проявилось как в катастрофическом обрушении рейтинга «светофорной» коалиции, так и росте популярности оппозиции в несистемных партиях («Альтернатива для Германии», «Союз Сары Вагенкнехт»).

Усиление позиций последних обусловлена не только нынешним кризисом, но и общим разочарованием части населения курсом политического истеблишмента. Однако если стремительный взлет «Альтернативы для Германии» начался еще в последние годы канцлерства А. Меркель, то «Союз Сары Вагенкнехт» представляет собой новую политическую силу. Ее появление на политической сцене в конце 2023 г. было обусловлено, с одной стороны, кризисом левых, а с другой – рядом острых внутренних проблем. Умело сочетая необходимость защиты рабочего класса и ограничения миграции С. Вагенкнехт и ее партия быстро стали набирать политические очки.

Нынешний кризис миропорядка коснулся и ФРГ, которая до недавнего времени считалась оплотом стабильности в Европе. Необходимость адаптации внешней политики к новым реалиям, внутренние вызовы (миграция, энергетический кризис и т. д.) и общая политическая нестабильность вероятно станут теми константами, с которыми придется иметь дело правительству страны в независимости от цвета партийного знамени.

Доклад доцента РГГУ кандидата исторических наук С. Е. Князевой был посвящен теме «Борьба Италии за роль третьей силы в Европейском союзе в условиях постмодернистской парадигмы XXI в.». Докладчик отметил, что в конце первой четверти XXI столетия мировую политику отличает устойчивый тренд в направлении полицентричности, что проявляется во взаимодействии глобальных игроков – США, Китая, РФ, Индии и Европейского союза.

Геостратегия любого государства преемственна и устойчива. С начала XX в. в Средиземноморье сталкивались геополитические интересы крупных европейских государств, Османской империи и Италии, стремившейся к признанию европейскими державами своих привилегированных интересов в Средиземноморье – игроки на поле и сегодня все те же. В соответствии с формулой *Mare Nostrum* традиционной исторической ролью Италии была ее роль моста передачи информационных потоков между миром Европы и миром Востока.

В последние годы политикум Италии взял курс на роль третьей силы в Евросоюзе – все более реальной после завершения Великобританией процесса брекзита. Но в настоящее время в ЕС ускоряются процессы столкновения амбиций Франции, где президент Э. Макрон заявляет себя как лидер в Евросоюзе и, шире, в европейской политике, возрождая идею *Grandeur de France*, а также Германии – страны, использующей устойчивый привлекательный образ в качестве инструмента *мягкой силы*, к тому же являющейся тяжеловесом Европы. И, наконец, Италия, чей политикум, получив возможность исполнять *третью скрипку* в Европе, оспаривает лидирующие позиции Франции в Средиземноморье после неудач Африканской политики Франции в Магрибе и особенно в Центральной и Восточной Африке начиная с осени 2022 и в 2023 г.

Играть эту роль Италия может, во-первых, в тесном взаимодействии с руководством Евросоюза в деле консолидации интеграционных процессов (именно в Риме хранятся правоустанавливающие документы ЕЭС-ЕС), а во-вторых, с включением главного вектора ее геостратегии – *Mare Nostrum* – европейское лидерство через контроль в Средиземноморье. Участие Италии как страны – основательницы ЕС в европейской политике, взаимодействие с США и евроатлантизм (баланс между европеизмом и атлантизмом), а также усиление влияния в Средиземноморье – таковы традиционные направления внешнеполитической стратегии страны после 1945 г.

Современное государство, которое стремится играть лидирующую роль, должно иметь многовекторную модель внешнеполитической стратегии. Средиземное море – пространство пересечения привилегированных интересов не только европейских стран, где Италия стремится играть первую (или хотя бы вторую) скрипку, но и США, и Великобритании, которая не изменяет своей традиционной роли арбитра, и КНР, а в последнее десятилетие и Турции. Геополитический узел в Средиземноморье затягивается после арабо-израильского конфликта в октябре 2023 г.

Н. Саркози использовал возможности Барселонского проекта, инициированного Испанией осенью 1995 г., создав в июле 2008 г. «Союз для Средиземноморья». В рамках этой субрегиональной организации с 2010-х годов. Италия организует постоянные научные встречи. И отнюдь неслучайно, что первый государственный визит Дж. Мелони состоялся именно во Францию на следующий день после того, как правительство Италии было сформировано (октябрь 2022 г.).

Но и Турция усилила в последние годы внимание к региону Средиземного моря. Одним из направлений внешнеполитической стратегии турецкого политикума стал «Союз для Средиземноморья», о чем свидетельствуют последние официальные документы страны: Турция по-прежнему стремится вступить в Евросоюз. А 1 октября 2023 г., выступая на открытии сессии Великого Национального Собрания, Р.Т. Эрдоган подверг критике руководство Евросоюза за пребывание Турции в статусе кандидата в члены ЕЭС-ЕС с 1959 г.; вновь этот вопрос поднят в заявлении МИД Турции в конце марта 2024 г.

Магриб представляют зону особого внимания итальянской внешней политики. В течение 2023 г. Дж. Мелони совершила ряд визитов в Тунис и Египет, совместно с У. фон дер Ляйен и премьер-министром Нидерландов М. Рютте при *инициативной* роли Дж. Мелони, в ходе которых были уточнены двусторонние соглашения Италии-Туниса, Туниса-ЕС, подписаны меморандумы по регулированию миграционных потоков и по энергетике.

Лидерские позиции Дж. Мелони в ее альянсе с главой Европейской Комиссии не остались незамеченными.

В связи с обострением палестино-израильского конфликта глава итальянского правительства усилила внимание и к Израилю, сразу нанеся визит солидарности Б. Нетаньягу. Показательны итоги голосования в ГА ООН по урегулированию конфликта в Палестине в октябре–декабре 2023 г.: Италия воздерживалась от поддержки требования осуждения Израиля, в отличие от Франции, голосовавшей за осуждение его действий.

Лидер Турции Р.Т. Эрдоган определил государства Магриба и Ближнего Востока как зону своих привилегированных интересов, утверждая себя в качестве лидера ОИС. Взаимодействие Италии с Тунисом, Египтом, Албанией не было встречено в Турции с энтузиазмом, хотя резких заявлений это не вызвало благодаря присущей Эрдогану исключительной гибкости.

Значительное внимание итальянского истеблишмента обращено к проблеме европейской безопасности. В сентябре 2023 г. глава МИДа А. Таяни заявил о необходимости увеличения расходов на оборону в ЕС. Эта идея поддерживается в итальянской экспертной среде и на уровне руководства ЕС.

Постмодерн внес уточнения в представления о мировой политике – *постсовременный* вероятностный мир *новой нормальности* все менее предсказуем. В мире *постправды* и тотальных имитаций моделируются *deep fake* технологии, альтернативные представления о явлениях, подобных реальным, пропагандируется культ силы. Игра *представлений* политиков, воплощенная в действия, делает мир непредсказуемым, а возможности постмодернистской дипломатии снижены по сравнению с дипломатией холодной войны XX в. Цифровые технологии, информационные, прокси-войны повышают риски: любой региональный конфликт формирует опасные непредсказуемостью си-

туации. В постмодернистской парадигме мирового порядка важно принимать во внимание противостояние западной – евро-атлантической – цивилизации и цивилизации Глобального Юга, прежде всего на уровне аксиологии.

Доклад зав. сектором Восточной Европы ИНИОН РАН доктора исторических наук С.А. Романенко был посвящен теме: «Основные тенденции политического развития стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы в начале XXI в.».

Докладчик отметил, что историческое развитие последних тридцати лет постепенно привело к необходимости переосмысления понятия «Восточная Европа» и его критериев.

Ученые разных стран, направлений и специальностей весьма различно оценивают границы этого региона, содержание и сущность его развития. Существующие в современной исторической и политической науках определения региона или субрегиона позволяют исходя из различных подходов и оценок зачастую отнести каждое отдельно взятое государство к нескольким общностям: Балканы, Юго-Восточная Европа, Западные Балканы, открытые Балканы, Центральная Европа, Центрально-Восточная Европа, Восточная Европа... [Романенко 2021; Романенко 2023]. Исходя из произошедших и происходящих в последние годы изменений, распространяется тенденция разделить Восточную Европу 1945–1991 гг. на старую и новую Восточную Европу. К первой относятся все постсоциалистические страны, включая постъюгославские государства и Албанию (СФРЮ и НРА (последняя с начала 1960-х годов) в Восточную Европу СЭВ и ОВД не входили). Ко второй – Белоруссию, Украину, Молдову [Князева 2021, с. 178]. Под вопросом остается статус балтийских государств – их региональную идентичность оценивают по-разному.

В процессе присоединения стран старой Восточной Европы к европейским структурам, к межгосударственным и межрегиональным границам между ними добавилось еще одно понятие – членство в ЕС и, соответственно, включение в его политические структуры. В группу стран старой Восточной Европы – членов ЕС входят Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Хорватия, Румыния и Болгария. К числу стран, находящихся на разных этапах присоединения к ЕС относятся Сербия, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Черногория, Албания. По мере наметившегося в последние годы влияния Европарламента на развитие ЕС, можно предположить, что результаты проведенных 6–9 июня (намеченных на) 2024 г. результаты очередных выборов в Европейский парламент, окажут воздействие не только на ЕС в целом и отдельные входящие в него государства, но и на страны-соседи, в особенности на принадлежащие к региону Балкан/Юго-Восточной Европы.

Выборы в Европарламент 2024 г. будут отражать как общеевропейскую, так и региональную и национальную специфику разворачивающихся на кон-

тиненте процессов. Во-первых, это процесс национального самоопределения, который парадоксальным образом объединил Западную и Старую Восточную Европу. Во-вторых, это процесс иммиграции в Европу из стран Азии и Африки и его социальные и этнокультурные последствия. В-третьих, это процесс создания общеевропейской (в рамках ЕС) партийно-политической идейно-политической систем. В частности, он находит свое отражение в видоизменении партий как политического института. Партии более опираются не на идеологические системы, а на интересы, существующие угрозы, вызовы и риски, на психологические моменты. Выборы в ЕП для стран старой Восточной Европы играют важную роль в восприятии их политиком и обществом в целом декларируемой европейской системы ценностей, при неизбежном сохранении региональной и национальной специфики. В каждой стране существует своя собственная политико-идеологическая и партийная система.

С одной стороны, в странах региона старой Восточной Европы у части политического класса и общества наблюдается стремление к полноправному присоединению и адаптации к европейским и евроатлантическим структурам; с другой – тяготение других (а иногда и тех же) частей политических классов и общества сохранить национальную специфику, сопротивление части классов и части общества западноевропейской трактовке ценностей, интересов и идеалов.

В некоторых странах старой Восточной Европы наблюдается процесс изменения сути политической системы при формальном сохранении конституции и строя – в парламентских республиках возникают персоналистские режимы, тесно связанные с ролью личности политических лидеров и их стремлением использовать популистские схемы.

Результаты выборов в ЕП 2024 г. позволят проанализировать не только общеевропейские, но и региональные и национальные политико-идеологические и психологические процессы (и тенденции). Рассмотрение конкретных данных и обобщение итогов позволяют провести сравнительные исследования по нескольким направлениям: выявить специфику роли и влияния Европарламента как политического института на внутреннюю и внешнюю политику стран региона ВЕ; (рассмотреть соотношение национального и общеевропейского парламентаризма), проанализировать изменение соотношения сил между общеевропейскими политическими партиями в регионе старой ВЕ, рассмотреть соотношение (подтверждение или отрицание) итогов недавних парламентских и президентских выборов, а также построить прогнозы на предстоящие, в том числе во второй половине 2024 г. парламентские и/или президентские выборы в странах региона, что окажет несомненное влияние на внешнюю политику и международные отношения в глобальном и региональном масштабах [Пархалина, Романенко 2022].

Ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН кандидат исторических наук Т.Г. Биткова проанализировала «Направления внешней политики Румынии в Юго-Восточной Европе в контексте ее членства в НАТО и Евросоюзе».

2024-й год отмечен в Румынии четырьмя важными избирательными кампаниями. Здесь проходят выборы не только в Европарламент, но и в местные органы власти, а также парламентские и президентские выборы. Выборы в Европарламент совмещены с выборами в местные органы власти. Это, как считают в правительстве, должно побудить большее количество граждан прийти к урнам. Однако, чем бы ни завершился избирательный процесс, внешнеполитический курс Румынии останется прежним. Какие бы политические силы ни приходили к власти после 1989 г., Румыния стабильно демонстрировала евроатлантизм, который проявляется и в ее региональной политике.

Будучи членом НАТО и Европейского союза, Румыния активно участвует в ряде многосторонних региональных проектов и ассоциаций Юго-Восточной Европы. Особое значение придается переговорной платформе Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе (ПСЮВЕ), созданной в 1996 г. Эта всеобъемлющая площадка позволяет Румынии непосредственно контактировать с 12-тью участниками организации.

Докладчик задался вопросом об особенностях взаимодействия Румынии с отдельными странами. Главным стратегическим планом Бухареста остается максимальное сближение с Республикой Молдова для возможного объединения двух государств в будущем. Последнее раскалывает молдавскую элиту и вызывает крайнее недовольство Москвы [Бодиштяну, 2024, с. 294–301]. Здесь возникает много проблем, и нельзя не согласиться с мнением, что сегодня «Республика Молдова не является “румынской территорией”, которая по ошибке теперь не является частью Румынии, она – независимое государство с очень сложным этническим, культурным и языковым профилем» [Mârza, 2023].

А как этот план соотносится с членством Румынии в НАТО и ЕС? Никто на Западе прямо не поддерживает Бухарест в этом отношении. Напротив, некоторые немецкие политики прямо выступали с критикой румынских инициатив. При этом Румыния использует евро-атлантические гранты для продвижения политики малых шагов по «румынизации» молдавского общества.

Готовясь к вступлению в Североатлантический альянс, Румыния под давлением евро-атлантических структур подписала основные договоры с Россией, Украиной, Венгрией, хотя многие пункты этих договоров не устраивали Бухарест. Отсутствие основного договора с Молдавией, однако, не помешало вступлению Румынии в НАТО в 2004 г.

Что касается Украины, то Румыния озабочена социальной и культурной идентичностью украинских граждан, относящих себя к румынам и молдаванам, а их там проживает около 150 тыс. человек. Бухарест предоставляет румынские национальные паспорта этой категории граждан, что всегда вызывало и вызывает раздражение Киева. Бухарест, в свою очередь, неоднократно заявлял об ущемлении прав национальных меньшинств в Украине. Сегодня, однако, это не мешает Бухаресту поддерживать Киев в его противостоянии

с Россией, начавшей на территории соседней страны военную операцию в феврале 2022 г.

Та часть ЮВЕ, которую принято называть Балканами, не является приоритетным направлением румынской внешней политики, но государства Западных Балкан входят в круг постоянного внимания Бухареста, ибо здесь, как и в Причерноморье, присутствуют мировые игроки, включая Россию, отношения с которой находятся в критическом состоянии уже многие годы.

Наибольшее внимание Румыния уделяет взаимодействию с Сербией: обе страны заявляют о глубоком взаимном доверии. Несмотря на давление Брюсселя, Бухарест поддерживает своего балканского соседа, не желающего мириться с самопровозглашенной независимостью Косова. Однако в экспертном сообществе порой называют эти отношения «красивой легендой» [Perpine, 2018]. Во первых, румыно-сербские отношения отягощают разные подходы к политике РФ [Биткова, Румыния..., с. 243–244, 247]. И это не единственная причина нестыковок. Камнем преткновения является также положение румыноговорящего этнического меньшинства на территории Сербии. Оно представлено двумя сообществами. Одно называет себя влахами, другое – румынами.

Влахи, проживающие в основном на востоке Сербии, являются потомками выходцев из княжеств Валахии и Молдовы, бежавших сюда еще в XVIII в. от боярского произвола. Те же, кто называют себя румынами, в основном проживают в Воеводине. Это – центральная и южная часть исторического региона Банат. Банатские румыны оказались в Сербии не по своей воле. По результатам Первой мировой войны полиэтнический Банат был разделен между Румынией и Югославией.

Влахи, в отличие от банатских румын, являются признанным национальным меньшинством и вопросами их жизнеобеспечения занимается соответствующий Национальный Совет, хотя их жизнь как этнического меньшинства все же не отягощена большими проблемами.

В Бухаресте считают, что банатские румыны, так же как и влахи, должны получить официальный статус, это во-первых, а во-вторых – необходимо сближение обоих сообществ и большая поддержка этнической идентичности обоих. Румынию беспокоит то, что оба сообщества подвержены постепенной славянизации. С точки зрения румынских политиков, их сплочению и румынизации могла бы способствовать Румынская православная церковь как институт.

Но проблема эта непроста. Если банатские румыны в массе своей находятся сегодня под опекой Румынской православной церкви, то влахи традиционно являются прихожанами Сербской православной церкви. С начала 2000-х годов РумПЦ начала активно распространять свое влияние на территорию Тимокской долины, где и проживают влахи. А Тимокскую долину СербПЦ считает своей исключительной территорией.

Экспансия Румынской церкви стала проблемой не только в отношениях между церквями, но и затронула межгосударственные отношения. При этом вопрос о положении румынских национальных меньшинств в Сербии Румыния при всяком удобном случае поднимает в структурах Евросоюза. Особенно очевидно это проявилось в момент утверждения Сербии в 2012 г. в качестве кандидата на вступление в ЕС, хотя на декларативном уровне Румыния всегда поддерживает вступление в Европейский союз как Сербии, так и других стран Западных Балкан.

Что касается роли Румынии на Балканах в целом, она не обладает достаточными ресурсами для самостоятельной внешнеполитической линии и, как правило, встраивается в политику Евросоюза и США. В связи с этим необходимо упомянуть и Турцию, которая имеет непростые отношения с НАТО и Евросоюзом, проводя одновременно политику усиления собственного влияния на Балканах. Румынское руководство предпочитает воздерживаться от комментариев на этот счет [Fati, 2022]. На официальном уровне Румыния и Турция демонстрируют полное доверие, но их отношения, как следует из анализа внешнеполитических платформ и конкретных политических действий, развиваются, исходя из разных, а порой и противоположных подходов [Биткова, Интересы..., 2022, с. 63–66].

Важным направлением внешнеполитической деятельности Румынии, имеющим не только региональную составляющую, является усиление позиций страны в Черноморском регионе. Участие в Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) всегда считалось в Бухаресте главным фактором продвижения национальных интересов в Причерноморье. Правда, ОЧЭС переживает сегодня не лучшие времена после присоединения Крыма к России в 2014 г. и особенно после начала СВО РФ в Украине в феврале 2022 г.

В этой ситуации Румыния возлагает надежды на расширение и модернизацию при содействии США своей самой большой авиабазы «Михаил Когэлничану», находящейся всего в 12 км от черноморского побережья и в 93 км – от украинской границы.

Таким образом, региональная политика Румынии тесным образом связана с ее внешнеполитическим курсом, который определяется членством страны в НАТО и Евросоюзе, хотя существуют и некоторые упомянутые здесь нюансы.

Доклад профессора Ярославского государственного университета им. Ярослава Мудрого доктора исторических наук Г.П. Канинской был посвящен теме «Европейские экологисты накануне выборов в Европарламент». Было отмечено, что «Европейская зеленая партия» (ЕЗП), образовавшаяся в 2006 г., в 2014 г. объединилась в Европейском парламенте (ЕП) с рядом региональных партий, входивших в ЕП в группу «Свободный европейский альянс» (СЕА) в единую фракцию (по-французски EELV/ALE) и впервые стала пятой по численности, получив 52 депутатских мандата.

Особый успех пришел к экологистам вместе с партнерами по коалиции на евровыборах 2019 г., на которых они передвинулись на четвертое место, заняв 72 депутатских кресла. Тогда европейские аналитики и специалисты единодушно отмечали «подъем зеленой волны» в Европе [Канинская 2021; Канинская 2022; Современная Франция 2022, с. 157–167].

Важно, что проявился этот успех во «франко-германском ядре» ЕП, т. е., в партиях экологистов Германии и Франции. Немецкая партия «Союз 90-Зеленые», традиционно играющая ключевую роль в ЕЗП добилась невиданного для себя результата, заняла общее второе место в стране, впервые оказалась партией-лидером на левом фланге германской политики и получила рекордные для себя 20,5% голосов и 21 мандат в ЕП. На сегодня «Союз 90-Зеленые» участвуют в правительстве в «светофорной коалиции», и ее лидер Анналена Бербок – министр иностранных дел (всего пять министерских портфелей). Французская партия «Европа. Экология-Зеленые» получила 13,47% голосов, стала третьей партией страны после этих выборов, и в ЕП провела 12 депутатов. При этом, кандидат зеленых Я. Жадо (ныне сенатор во Франции), обходил по популярности даже президента страны: он получил одобрение у 32% французов, тогда как Э. Макрон – у 30, а молодежь в возрасте 18–24-х лет отдала ему 25% голосов, плюс из возрастной группы 25–38 лет за Я. Жадо проголосовали 28% электората.

Неплохих результатов добились также: партия «Зеленая альтернатива» Австрии (14,1%); финская «Зеленая лига» (16); шведская «Партия зеленых» (11,4); составленный из двух партий «картель Эколо-Зеленые» в Бельгии (соответственно 7,43% и 7,83 голосов); нидерландские «Зеленые левые» (10,9); люксембургская «Партия зеленых» (18,9%).

В результате после выборов 2019 г. в Европейском союзе (ЕС) были представлены экологи от 16 стран-членов; партии зеленых вошли в правительства в Германии, Австрии, Бельгии, Ирландии; они получили два из 14 постов вице-председателей ЕП и два из 20 председателей парламентских комиссий.

Вскоре после формирования новых институтов ЕС председатель КЕС У. фон дер Ляйен, провозгласила новую стратегию – «новый зеленый курс» до 2050 г. Таким образом, целевая установка экологистов стала мейнстримной для Евросоюза, что евродепутат от группы Зеленых в ЕП французка Карима Делли назвала «победой зеленой культуры».

Однако в 2020 г. на пути реализации «нового зеленого курса» возникли серьезные препятствия – COVID-19, затем в 2021 – инфляция, затем, 2022 г. – СВО РФ в Украине. Курс застопорился, а опрос общественного мнения, проведенный в ЕС и опубликованный в новостном сайте Euractiv 24 ноября 2023 г. свидетельствует о том, что среди первоочередных проблем, волнующих граждан, экология не на первом месте. Директор французского центра изучения общественного мнения Ipsos Матьё Галлар отмечает, что в общественном мнении уже бытуют брошенные правыми обвинения: «карательная экология».

2 декабря 2023 г. две правые партии Чехии и пришедшая к власти в Нидерландах правая партия заявили, что объединятся, чтобы провалить «зеленый курс».

Готовясь к очередным евровыборам, 2–4 февраля 2024 г. европейские зеленые провели в Лионе съезд, на котором 98,5% голосов был принят Манифест под названием «Зеленая и социальная повестка для Европы». Этот 55-страничный документ содержит 11 главных приоритетов для ЕС. Разрабатывался он и обсуждался предварительно на конференции 23–26 декабря 2023 г. «Мы запустим масштабный инвестиционный план стоимостью не менее 200 миллиардов евро в год для защиты людей и планеты», – гласила преамбула. В числе некоторых конкретных приоритетов значатся: 100% возобновляемая энергия к 2040 г.; биоразнообразие; здоровое и доступное по ценам «бесpestицидное питание»; конец жестокого обращения с животными; «сильная мирная и безопасная Европа» в деле защиты демократии, основных гражданских прав и свобод, феминизма.

Между тем, по мнению многих специалистов, для европейских зеленых прогнозы неутешительны. Пишут, что экологи могут стать главными жертвами выборов 2024 г., опросы общественного мнения дают им в целом не больше 5–7%. В этом раскладе «Союзу90-Зеленые» предсказывают 10%, а французской «Европа. Экология – Зеленые», которая изменила название на «Экологи» в стремлении стать более открытой для граждан, – 5–8%. В надежде улучшить электоральные показатели фракция «Европейская зеленая партия»/«Свободный европейский альянс» собирается усилить свой вес за счет «открытия» новым партиям, в частности, востока и юга Европы, в частности, латвийской Прогрессивной партии, хорватской «Мы можем!» и каталонской «Единая Каталония». Последние опросы общественного мнения свидетельствуют о том, после евровыборов 2024 г. европейские зеленые могут опуститься на шестое место в Европарламенте, получают 49 мандатов, а если учесть «не вписавшихся» ни в одну фракцию депутатов, которым собираются отдать голоса 50% электората, то ЕЗП/СЕА ожидает седьмое место.

Хотя стоит учитывать, как отмечает директор французского центра изучения общественного мнения Ipsos Матьё Галлар, специфику евровыборов, проходящих по пропорциональной системе, и то, что электорат нередко выбирает, кому отдать голоса, в последний момент⁶.

Выступление старшего научного сотрудника ИНИОН РАН кандидата политических наук С.В. Погорельской было посвящено теме: «Антивоенное движение в ФРГ в 2022–2024 г.». Докладчик задалась вопросом – могут ли силы гражданского общества воздействовать на политический процесс в демократи-

6. По результатам выборов в ЕП 2024 г. «зеленые» потеряли 18 мандатов. – Прим. ред.

ях, находящихся де-факто в состоянии войны, какими возможностями они располагают? Ведь поставляя, в рамках стратегии Запада, вооружения Украине, Германия все более втягивается в военный конфликт.

Еще несколько лет назад считалось, что антивоенное движение, в биполярном мире представлявшее в ФРГ серьезную силу гражданского общества, не отвечает реалиям новых угроз – локальных войн и борьбы с исламским терроризмом.

Однако ряд антивоенных общественных инициатив, которые, начавшись весной 2022 г., переросли в феврале 2023 г. в массовую демонстрацию за мир, а также активизация так называемых «пасхальных маршей», показали, что электоральный запрос на сохранение мирного характера внешней политики страны и на ее неучастие в военных конфликтах, остается актуален.

Будучи значительно шире, нежели пацифизм, не принадлежа к конкретному политическому лагерю, антивоенное движение плюралистично и носит широкий общегражданский характер.

Основной посыл протеста базируется на гражданской ответственности за политику собственной страны.

С вовлечением Германии в поставки оружия Украине для страны возникла опасность не просто стать участницей военных действий в Европе, но и их жертвой. Из моральной плоскости, как в югославском случае («удобно ли нам, немцам, умирять сербов, бывших жертв гитлеризма»), вопрос переместился в иную плоскость: выживут ли сами немцы («не придется ли нам самим воевать»)?

Три основных составляющих антивоенных сил в ФРГ сейчас, это:

1. Антивоенный интеллектуальный дискурс.
2. Пасхальные марши (общегражданское измерение).
3. Антивоенные силы на политическом уровне (в партиях).

1. Антивоенный интеллектуальный дискурс

Интеллектуалы, критически настроенная общественность, публичная сфера отметились вскоре после первых же решений правительства в связи с российской СВО. Симпатизирующих России среди них практически не было – **их беспокоила судьба своей страны, сохранность ее политической культуры**. Начало положило открытое письмо в журнале «Эмма» в конце апреля 2022, авторы А. Шварцер и Ю. Хабермас. Оно быстро получило сотни новых подписей, подписанты придерживались как левой, так и правой идеологий. Эссе Хабермаса «Война и возмущение» и год спустя «Пледоие в пользу переговоров» – манифесты этого дискурса. Основной посыл – сохранение западногерманской культуры внешнеполитической сдержанности как части демократической идентичности ФРГ.

2. Пасхальные марши

Гражданское антивоенное движение, состоящее из множества организа-

ций и локальных инициатив, зародилось в 1960 г., в 1983 г., на пике популярности, собрало более 700 000 участников. С 1989 г. оно координируется на федеральном уровне «Сетью кооперации за мир» (Netzwerk Friedenskooperative).

С началом российской СВО это движение активизировалось, критиковать, помимо России, стали и США и НАТО, причем даже в большей степени, поскольку втянутая в конфликт Германия оказалась благодаря им.

В 2024 г. с 28 марта по 1 апреля, по данным Сети миротворческих кооперативов, призыв к Пасхальному маршу подписали более 2000 человек и 71 организация – больше, чем в прошлом году. По стране было проведено более 120 маршей, мирных богослужений, велосипедных демонстраций или митингов, сообщило информационное агентство Ostermarsch во Франкфурте-на-Майне, самые крупные – в Берлине (3500 участников) в Гамбурге (2000) и в Бремене (1000). В общей сложности в акциях приняли участие более 10 000 человек.

Гражданское антивоенное движение в ФРГ как и в прошлом, активно и не подвержено политической конъюнктуре. Основной посыл манифестов – следует прекратить поставки оружия, вернуться к «культуре мира» и предпринять усилия для поиска путей к переговорам. На координационном сайте движения была размещена ссылка на письмо к федеральному канцлеру с этим требованием.

3. Партии

Партии решают сами, участвовать ли им в мероприятиях гражданского фронта или организовывать собственные мероприятия. Например в 2022–2023 Левая и Зеленые в некоторых городах организовывали собственные марши, так как были недовольны критикой НАТО, проявившейся в мероприятиях гражданского фронта. А вот Союз Сары Вагенкнехт и его лидер интегрировались в Пасхальные марши, кооперировались с участниками интеллектуального дискурса (совместная петиция Вагенкнехт и Шварцер в 2023 г.)

Антивоенная тематика расколола партии. Прежде всего пострадала **Левая**. (Обособление Союза Сары Вагенкнехт, электоральные потери). Затронута и **СДПГ** («Призыв из середины общества», петиция к Шольцу от тех, кто не желал поддерживать петицию Шварцер-Вагенкнехт). В каждой партии есть антивоенные силы, даже в консервативной **ХДС** – католические и протестантские пацифисты. Функционеры ХДС на востоке страны, в бывшей ГДР, в силу своего социального состава и протестантизма нередко рассуждают иначе, нежели центральное руководство или же организации в западных, преимущественно католических федеральных землях. Сомнения в целесообразности поставок тяжелых видов вооружения Украине высказывали в земельных организациях Саксонии, Тюрингии и Саксонии-Анхальт, причем ссылаясь на настроения избирателей.

Влиятельные политики **АдГ** не поддерживают поставки Германией оружия и ее участие в санкционном плане Запада, так как считают, что эти действия противоречат немецким интересам, а США – сила, «пространственно

чуждая Европе». Данная позиция закреплена в партийных документах. Их позиция не носит принципиально антивоенный характер, она идейно обоснована антиамериканизмом Шмитта и Хайдеггера.

На вопрос о том, сможет ли из ситуативного политического, общественно-го и интеллектуального антивоенного альянса, который сложился в Германии по ходу СВО в 2022–2023 гг. и к которому в 2024 добавились про-палестинские силы, вырасти некая новая политически релевантная сила, скорее всего, следует ответить отрицательно. До тех пор, пока ФРГ является силой коллективного Запада, амплитуда внутривнутриполитических колебаний в ней не должна превышать пределы, которые гарантируют стабильность ее политического курса в рамках Североатлантического альянса.

Движение за мир – мощная и в то же время диффузная сила, где с гражданским базисом пытаются в своих электоральных интересах взаимодействовать политические силы и на который в то же время пытается активно повлиять леволиберальная интеллектуальная среда. Однако леволиберальные интеллектуалы в своих антивоенных выступлениях действуют ситуативно, остаются случайными попутчиками борцов за мир (слева) и за немецкие интересы (справа) и могут покинуть хрупкий альянс в том случае, если политика Германии вновь приобретет узнаваемые и приемлемые для них контуры «мирной силы».

Проблема лишь в том, что в меняющемся мире Германия, скорее всего, уже не сможет вернуться к этой своей прежней роли.

Выступление научного сотрудника ИНИОНа Н. Турова было посвящено теме региональных партий стран ЕС накануне выборов в Европарламент.

В 2020-х годах поддержка региональных партий стала значительной, часто превосходя системные национальные партии, которые теряют свою традиционную аудиторию. Отдельные исследования [Туrow 2021] указывают, что они получают поддержку на 40% территории Европы. Региональные партии опираются на часть избирателей, критически настроенных к старой политической элите, часто связанной с национальными партиями.

Однако наибольшую поддержку региональные партии получают на региональных выборах, прежде всего, благодаря электоральному эффекту «друзей и соседей». Когда партии выходят на более высокие уровни выборов, они получают значительно меньшее число голосов, так как их представители растворяются в общей массе выборщиков [Зиновьев, Туrow, Чернецкий 2022]. На парламентских выборах отдельные региональные партии могут претендовать на широкое представительство, однако на выборах в Европарламент они не имеют такой возможности.

Региональные партии представлены в Европарламенте с первых выборов в 1979 г., когда места получили четыре партии. Они выступали как группы оппозиционного давления, которые имели возможность выдвигать законодательные инициативы, способные повлиять на позицию доминирующих коали-

ций. Однако реального влияния в Европарламенте не имели из-за малого числа представителей. На более высоком иерархическом уровне малые партии вынуждены вступать в коалиции, чтобы увеличить свои шансы на преодоление избирательного барьера. Поэтому в результате инициативы члена фламандской партии «Volkswij» Мауритса Коппелерса в 1981 г. сформировался Европейский свободный альянс (EFA). Сформировалась некая партия регионов, которая зонтично объединяет движения с общими идеологемами. В 1999 г. Альянс объединился с зелеными партиями в более крупный конгломерат – «Европейские зеленые – Европейский свободный альянс». Фракция стала пятой в Европарламенте, с наибольшим числом представителей (74) в созыве 2019–2024 [Осколков 2021, Еремина 2022].

Перед выборами в Европарламент 2024 г. Европейский свободный альянс объединяет 41 партию, представляющую регионы и меньшинства в Европе, в том числе из стран, не входящих в состав ЕС. Некоторые силы, несмотря на принадлежность к Европейскому свободному альянсу, участвовали в выборах в составе других коалиций. Например, «Новый фламандский альянс» из-за идеологических разногласий с фламандскими зелеными избирается в составе Партии европейских консерваторов и реформистов. В разные годы из-за расхождения в идеологических позициях Альянс покинули «Лига Севера» и «Фламандский интерес».

Таким образом, Альянс не обладает монополией для семьи региональных партий. Перед выборами в Европейский парламент 2024 г. зарегистрировано 65 партий, которые можно отнести к региональным.

Однако Альянс остается самым влиятельным игроком среди других регионов. В предвыборной программе Европейского свободного альянса (Манифест 2024) наряду с привычными требованиями защиты прав этнических меньшинств, увеличения числа полномочий регионов и Комитета регионов, закрепления механизма самоопределения сообществ, появились новые положения.

Некоторые положения уникальны. К примеру, Альянс считает несправедливой существующую нарезку избирательных округов при выборах в Европарламент и призывает к их уменьшению, чтобы лучше соответствовали местным интересам. Альянс поднимает вопрос доступа к выборам и выступает за снижение избирательного порога, лишаящего представительства множества малых партий. В Манифесте Альянс больше остальных партий уделяет внимание региональной политике ЕС, акцентируя его на потребностях сельских, труднодоступных, приморских, приграничных, горных и островных территорий. Альянс призывает к предоставлению особого статуса данным видам территорий, что предполагает дополнительную финансовую поддержку и льготы для их жителей.

Не остались без внимания ключевые вопросы выборов-2024: 1) Альянс, как основной союзник Европейской партии зеленых, поддержал продолжение «Зеленого курса»; 2) выступает за поддержку Украины, но больше сосредото-

точен на поисках дипломатических инструментов; 3) занимает более мягкую позицию по сравнению с большинством партий относительно секьюритизации границ и миграции.

Основные аналитические агентства прогнозируют общее сокращение числа представителей региональных партий в Европарламенте почти в 2 раза. На столь сильном ухудшении результатов региональных партий негативно скажутся следующие факторы. Во-первых, после выхода Великобритании из Евросоюза (Брекзит) на выборах больше не будет сильных региональных партий из этой страны, включая «Партию Уэльса» и Шотландскую национальную партию. Кроме того, прогнозы показывают, что наиболее пострадает Европейская партия зеленых, поэтому союз с зелеными скорее негативно скажется и на позициях регионалов. Наконец, на позициях региональных партий окажет влияние уменьшение мест итальянской «Лиги» (бывшая «Лига Севера»), которую условно можно отнести к региональным партиям [Валле 2019, Гуселетов 2023].

Однако главный фактор – основным победителем прогнозируются крайне правые, которые имеют иные ответы на краеугольные вопросы выборов в Европарламент 2024 г. Они добиваются более жесткой миграционной политики, большей секьюритизации границ и укрепления оборонно-промышленного комплекса. Кроме того, в основе идеологии крайне правых заложен национализм. Они используют дискурс, основанный на противопоставлении находящихся под угрозой «нас» и угрожающих «их». Вместе с мигрантами этнические меньшинства воспринимаются как угроза целостности государства [Белинский 2023, Гуселетов 2023, Князева 2023, Осколков, Тэвдой-Бурмули 2023, Шишов 2024].

Дискуссия, развернувшаяся в ходе конференции, продемонстрировала интерес к европейской проблематике, который не снижается, несмотря на очень сложный этап развития отношений между Россией, с одной стороны, и европейскими суверенными государствами и институтами – с другой. Все участники отмечали значимость исследования тех процессов, которые происходят на европейском континенте и являются в определенной степени следствием не только кризисного развития обществ, но и конфликта, происходящего в восточной части континента.

Выборы в Европарламент (июнь 2024 г.) показали, что, хотя центристские партии удержали большинство, но крайне правые усилили свои позиции в ряде стран, включая ФРГ, Францию, Италию, Австрию. При этом следует иметь в виду, что в Центрально-Восточной Европе часть крайне правых партий набрала намного меньше голосов, чем ожидалось, в особенности удивили результаты в Польше, Словакии, Венгрии. В странах от Балтии до Болгарии также евроскептики почти везде показали результаты хуже, чем ожидалось. Итоги выборов, вне сомнения, повлияют на политику всего Евросоюза, хотя никакого так называемого «завоевания Брюсселя» крайне правыми (как это предсказывали некоторые эксперты и политики) не произошло.

Сейчас уже очевидно, что смена эпох, которая характеризует нынешний этап развития человечества, неизбежно повлечет за собой серьезное реформирование международных институтов, изменение системы делегирования полномочий с уровня национальных государств на наднациональный уровень.

Пока основные игроки – как отдельные страны, так и институты – пытаются балансировать между различными сценариями, поскольку не определились, а какой результат они хотят иметь на выходе. Но может настать момент, когда быстро деградирующая система побудит их к быстрым решениям. Примерами тому являются, например, решения о досрочных выборах во Франции по результатам выборов в Европарламент, а также о досрочных выборах в Великобритании, связанные с развитием внутривластной и внутриэкономической ситуации.

Ответственность академического и экспертного сообщества как раз и состоит в том, чтобы не только фиксировать происходящие изменения и объективно оценивать основные тенденции европейского и мирового развития, но и пытаться на основе такого объективного анализа предлагать пути выхода из кризиса.

Библиография

Алексеева Т.А., Трунов Ф.О. Страны Запада и борьба с угрозами нестабильности в Азии и Африке: теоретико-практические аспекты // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 18–49.

Ананьева Е.В. Правые силы в Британии // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 105–129.

Арзаманова Т.В. Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 258–283.

Арзаманова Т.В. Правый популизм в Германии: нишевая «пария» в ловушке западногерманской политической культуры? // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 196–218.

Белинский А.В. Введение. Правый лагерь Старого света: от «конца истории» к ренессансу // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 7–17.

Белинский А.В. От канцлера – «знаменосца» к канцлеру – «менеджеру». К вопросу об эволюции политического лидерства в ФРГ во второй половине XX – начале XXI в. // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 2. С. 21–49.

Биткова Т.Г. (2022) Интересы Румынии в Юго-Восточной Европе и взаимоотношения с Турцией // Анализ и прогноз. 2022. № 3. С. 57–68.

Биткова Т.Г. Румыния и Балканы: Политические и историко-культурные аспекты // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. С. 233–252.

Биткова Т.Г. Старые и новые популисты в румынской политической парадигме // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 289–312.

Бодиштану Н.В. Неформализованные отношения в сфере безопасности: Российская Федерация и Республика Молдова // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 1. С. 289–305.

Братерский М.В. Постлиберализм против нелиберальной демократии: как мировоззрение разделяет Европейский союз и Россию // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 1. С. 18–39.

Валле Р. «Демократия чужда». Итальянский популизм в исторической перспективе // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 2. С. 121–140.

Васильев В.С. Англосаксонские скрижали нарастающего глобального цивилизационного противостояния // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 234–256.

Встреча НАТО в верхах 2022 года // НАТО: [официальный сайт на русском языке]. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_196144.htm (дата обращения: 07.05.2024).

Горбачев М.С. Речь перед депутатами Парламентской ассамблеи Совета Европы в Страсбурге. 6.07.1989 // Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд): официальный сайт. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/rech_v_strasburge_6_iyulya_1989_goda.pdf (дата обращения: 07.05.2024).

Гуселетов Б.П. Праворадикальные общеевропейские партии накануне общеевропейских выборов 2024 г. // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 38–60.

Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Сидибе О. Военное присутствие Франции в Мали: структурная власть субимперии «коллективного Запада» // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 50–78.

Дырина А.Ф. Польша накануне парламентских выборов 2023 г.: польские правые готовятся к третьему сроку // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 313–330.

Дырина А.Ф. Результаты парламентских выборов в Польше: новое правительство во главе с Д. Туском // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 2. С. 107–122.

Еремина Н.В. Этнорегиональные партии в Европарламенте: неочевидный потенциал политической субъектности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. № 2. С. 303–316.

Загорский А., Энтин М.Л. Зачем уходить из ОБСЕ? // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. С. 80–92.

Заявление по итогам встречи в верхах в Мадриде // НАТО: [официальный сайт на русском языке]. 29.06.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 28.09.2024).

Зиновьев А.С., Туров Н.Л., Чернецкий Ф.М. Локализм в политической динамике современной Европы: кейс Литвы // Политическая наука. 2022. № 4. С. 240–261.

Канинская Г.Н. «Европа. Экология – Зеленые»: стратегия национальной и европейской идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 1. С. 45–63.

Канинская Г.Н. В ожидании 2022: стратегия и тактика французской партии «Европа. Экология – Зеленые» // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3(111). С. 212–234.

Князева С.Е. Проблема вступления в ЕС Балканских стран и расширения ЕС в контексте ценностной модели Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. С. 176–193.

Князева С.Е. Электоральная активность новых популистов на восточном фланге Европейского союза (2010-е – начало 2020-х годов) // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 2. С. 63–90.

Лапина Н.Ю. Эрик Земмур: человек, взорвавший политическое пространство // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 130–154.

Макашкин А.В. Ярослав Качиньский и Виктор Орбан: внешняя политика консерваторов стран Центральной Европы (на примере Польши и Венгрии) // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 2. С. 40–63.

Новикова О.Н. Четвертая афганская война Великобритании // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 213–233.

Осколков П.В. Этнорегионалистские партии ЕС: феномен «Европейского свободного альянса» // Современная Европа. 2021. № 1. С. 141–150.

Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. Существует ли популизм? Переосмысляя «политологическую моду» // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 18–37.

Пархалина Т.Г. Введение. Кризис Россия. Запад и новые подходы к вопросу контроля над вооружениями // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 3. С. 5–15.

Пархалина Т.Г., Романенко С.А. Международные отношения в Восточной Европе: проблемы, методы, контуры исследования и перспективы развития // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 2. С. 7–24.

Романенко С.А. Балканы / Юго-Восточная Европа: Регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. С. 22–68.

Романенко С.А. Политические системы и политические процессы в странах Восточной Европы: этапы, методы изучения и результаты (2014–2022) // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 2. С. 7–30.

Россия заявила в ОБСЕ о требовании юридических гарантий безопасности от НАТО // ТАСС: офиц. сайт. 13.02.2022. URL: <https://tass.ru/politika/13416685> (дата обращения: 13.05.2024).

Саргсян А.З. Фламандские правые и проблема адаптации франкофонных мигрантов во Фландрии // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 331–353.

Сдерживание и оборона // НАТО: [офиц. сайт на русском]. 04.07.2023. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_133127.htm

Сидоров А.С. Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД // Актуальные проблемы Европы. 2022b. № 4. С. 79–108.

Сидоров А.С. Военно-политическое измерение европейской интеграции: позиция Франции (от де Голля до наших дней) / предисл. акад. РАН В.Г. Барановского. М.: ИНИОН РАН. 2023. 296 с.

Сидоров А.С. Европейские страны и зоны нестабильности Азии и Африки: проблемно-методологическое введение // Актуальные проблемы Европы. 2022a. № 4. С. 8–17.

Скурко Е.В. Борьба с терроризмом и права человека в Европе // Актуальные проблемы Европы 2021. № 4 (112). С. 283–300.

Современная Франция: между тревогами и надеждами / отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2022. 256 с.

Тимофеев П.П. «Национальное объединение» в Национальном собрании Франции: может ли разрушитель быть созидателем? // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 177–195.

Тимофеев П.П., Хорольская М.В. Подходы франко-германского тандема к взаимодействию с Турцией в очагах нестабильности Средиземноморья // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 134–159.

Трунов Ф.О. Вызовы для военного присутствия Германии в зонах нестабильности в Азии и Африке // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 160–187.

Трунов Ф.О. Подход правых партий (ХДС/ХСС) к развитию и использованию бундесвера // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 245–265.

Трунов Ф.О. Проблемы и перспективы глобальной субъектности ФРГ в военном и политическом отношениях: реалии начала 2020-х годов // Актуальные проблемы Европы. № 1. 2024. С. 196–221.

Трунов Ф.О. Ценностно-информационные аспекты внешней политики ФРГ (конец 2010-х – начало 2020-х годов) // Актуальные проблемы Европы. 2023b. № 1. С. 170–193.

Туров Н. «Дайте нам независимость, или дайте нам денег»: усиление влияния региональных партий в современной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 6. С. 33–41.

Чернега В.Н. Сирия и Ливия в «державной» политике Франции // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 109–133.

Шишов Н.Ю. Внешнеполитические воззрения ведущих праворадикальных партий Центральной Европы в 2014–2023 гг. (на примере Венгрии, Словакии и Чехии) // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 2. С. 263–282.

Шольц выступил за реформирование ЕС и отмену принципа единогласия при принятии решений // ТАСС: [официальный сайт]. 15.10.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16066701> (дата обращения: 13.05.2024).

Ardisson Th. L'interview «Papa a dit» avec Philippe de Gaulle // L'INA éclaire l'actu. 13.04.2024. URL: <https://www.ina.fr/ina-eclaire-actu/philippe-de-gaulle-general-de-gaulle-amiral-guerre-marine-president-thierry-ardisson> (дата обращения: 31.05.2024).

Discours du Président de la République à la conférence des Ambassadeurs // Elysée: [officiel Site Internet de l'Elysée]. 27 août 2018. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs> (дата обращения: 28.09.2024).

Discours sur l'Europe // Elysée: [officiel Site Internet de l'Elysée]. 24 avril 2024. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/04/24/discours-sur-leurope> (дата обращения: 28.09.2024).

European Parliament resolution of 22 November 2023 on proposals of the European Parliament for the amendment of the Treaties // European Parliament: [official website]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0427_EN.html (дата обращения: 28.09.2024).

Fati S. De ce (nu) joacă Turcia cu Romania la Marea Neagră // Spotmedia.ro: [ediție pe internet]. 01.06.2022. URL: <https://spotmedia.ro/stiri/eveniment/de-ce-nu-joaca-turcia-cu-romania-la-marea-neagra> (дата обращения: 05.12.2023).

Freire M.R. The evolving role of the OSCE in the shaping of European security // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 15. Ч. 2. С. 123–137.

Guterres calls for 'coalition of the world' to overcome divisions, provide hope in place of turmoil // Union Nation News: official website. 20.09.2022 URL: <https://news.un.org/en/story/2022/09/1127071> (дата обращения: 28.09.2024).

Euro-Rolling IFOP – Fiducial 2024, 14 mai 2024 // Ifop Group. URL: https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2024/05/ROL24_20240514.pdf (дата обращения: 28.09.2024).

Ischinger W. The OSCE in the European Concert // OSCE Yearbook 2000: Baden-Baden: IFSH, 2001. P. 35–40.

Large trade union protest in Warsaw against EU climate policies // Notes from Poland. 10.05.2024. URL: <https://notesfrompoland.com/2024/05/10/large-trade-union-protest-in-warsaw-against-eu-green-deal>

Lepelletier P. Glucksmann poursuit sa percée sondagière // Le Figaro. 27 avril 2024. P. 4. URL: <https://kiosque.lefigaro.fr/catalog/le-figaro/le-figaro/2024-04-27> (дата обращения: 30.04.2024, доступ по подписке).

Macron E. Révolution. Paris: XO Edition. 2016. 270 p.

Mârza R. Despre Republica Moldova (și România) în anul 2023. Considerații subiective // Contributors.ro. 19.02.2023. URL: <https://www.contributors.ro/despre-republica-moldova-si-romania-in-anul-2023-consideratii-subiective/> (дата обращения: 10.04.2024).

OSCE on Artificial Life Support or a Return to the CSCE? Results of the OSCE Ministerial Council in Skopje. An Expert Discussion // Valdai: Discussion Club. 01.12.2023. URL: <https://valdaiclub.com/events/posts/articles/osce-on-artificial-life-support-or-a-return-to-the-csce/> (дата обращения: 12.05.2024).

Pepine H. Relația cu Serbia, o frumoasă legendă // Deutsche Welle [Română]. 08.03.2018. URL: <https://www.dw.com/ro/relatia-cu-serbia-o-frumoasa-legendă/a-42890947> (дата обращения: 10.11.2023).

Sapin Ch. La drole de non-campagne de Jordan Bardella // Le Point. 01.05.2024. URL: https://www.lepoint.fr/politique/europeennes-pourquoi-jordan-bardella-fait-il-campagne-a-minima-01-05-2024-2559181_20.php#11 (дата обращения: 05.05.2024).

Twenty thousand NATO troops join Dragon 24 exercises in Poland // Notes from Poland.

05.03.2024. URL <https://notesfrompoland.com/2024/03/05/twenty-thousand-nato-troops-join-dragon-24-exercises-in-poland>

Zaagman R. (1999). Conflict Prevention in the Baltic States: The OSCE High Commissioner on National Minorities in Estonia, Latvia and Lithuania. Flensburg: European Centre for Minority Issues (ECMI), 1999. 67 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/71726453.pdf> (дата обращения: 10.05.2024).

References

Alekseeva T.A., Trunov Ph.O. Strany Zapada i bor'ba s ugrozami nestabil'nosti v Azii i Afrike: teoretiko-prakticheskie aspekty [Western countries and the struggle against instability in Asia and Africa: theoretical and practical aspects]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022. N 4. P. 18–49. (In Russ.)

Ananieva E.V. Pravye sily v Britanii [Right-wing forces in the UK]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 4. P. 105–129. (In Russ.)

Ardisson Th. L'interview «Papa a dit» avec Philippe de Gaulle // L'INA éclaire l'actu. 13.04.2024. URL: <https://www.ina.fr/ina-eclaire-actu/philippe-de-gaulle-general-de-gaulle-amiral-guerre-marine-president-thierry-ardisson> (date of access: 31.05. 2024).

Arzamanova T.V. Otdel'nye aspekty strategicheskogo planirovaniya Germanii v Indo-Tihoookeanskom regione v usloviyakh vozvrashheniya sopernichestva velikih derzhav [Some aspects of German strategic planning in Indo-Pacific region facing the return of great power rivalry]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 4. P. 257–283. (In Russ.)

Arzamanova T.V. Pravyj populizm v Germanii: nishhevaya «pariya» v lovushke zapadnogerman-skoy politicheskoy kul'tury? [Right-wing populism in Germany: a niche «pariah» trapped in West German political culture?]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 4. P. 196–218. (In Russ.)

Belinskij A.V. Ot kanclera – «znamenosca» k kancleru – «menedzheru». K voprosu ob evolyucii politicheskogo liderstva v FRG vo vtoroj polovine XX – nachale XXI v. [From Chancellor-Flagbearer to Chancellor-Manager. On the Evolution of Political Leadership in Germany in the Second Half of the 20th – Early 21st Century]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2019. N 2. P. 21–49. (In Russ.)

Belinsky A.V. Vvedenie. Pravyi lager' Starogo sveta: ot «kontsa istorii» k renessansu [Introduction. The right-wing camp of the Old World: from the «end of history» to renaissance]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 4. P. 7–17. (In Russ.)

Bitkova T.G. Interesy Rumynii v Yugo-Vostochnoj Evrope i vzaimootnosheniya s Turciej [Interests of Romania in South-Eastern Europe and relations with Turkey] // Analiz i prognoz [Analysis and forecast]. 2022. N 3. P. 57–68. (In Russ.)

Bitkova T.G. Rumyniya i Balkany: Politicheskie i istoriko-kul'turnye aspekty [Romania and the Balkans: Political and historical-cultural aspects]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2021. N 2. P. 233–252. (In Russ.)

Bitkova T.G. Starye i novye populisty v rumynskoj politicheskoy paradigme [Old and new populists in the Romanian political paradigm]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 4. P. 289–312. (In Russ.)

Bodishteanu N.V. Neformalizovannye otnosheniya v sfere bezopasnosti: Rossijskaya Federaciya i Respublika Moldova [Informalized security relations: Russian Federation and Republic of Moldova] // Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 1. P. 289–305. (In Russ.)

Bratersky M.V. Postliberalizm protiv neliberal'noj demokratii: kak mirovozzrenie razdeljaet Evro-pejskij sojuz i Rossiju [Post-liberalism versus «illiberal democracy»: how ideology divides the

European Union and Russia]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 4. P. 22–39. DOI: 10.31249/ape/2023.01.02. (In Russ.)

Chernega V.N. Sirija i Livija v «derzhavnoj» politike Francii [Assertive policy of France in Syria and Libya]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022. N 4. P. 109–133. (In Russ.)

Davidchuk A.S., Degterev D.A., Sidibe O. Voennoe prisutstvie Francii v Mali: strukturnaja vlast' subimperii «kollektivnogo Zapada» [France's military presence in Mali: structural power of the sub-empire of the «collective West»]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022. N 4. P. 50–78. (In Russ.)

Discours du Président de la République à la conférence des Ambassadeurs // Elysée: [officiel Site Internet de l'Elysée]. 27 août 2018. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs> (date of access: 28.09.2024).

Discours sur l'Europe // Elysée: [officiel Site Internet de l'Elysée]. 24 avril 2024. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/04/24/discours-sur-leurope> (date of access: 28.09.2024).

Dyrina A.F. Pol'sha nakanune parlamentskih vyborov 2023 g.: pol'skie pravye gotovjatsja k tret'emu sroku [Poland on the eve of the 2023 parliamentary elections: Polish right preparing for a third term]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 4. P. 313–330. (In Russ.)

Dyrina A.F. Rezul'taty parlamentskih vyborov v Pol'she: novoe pravitel'stvo vo glave s D. Tuskom [Results of the parliamentary elections in Poland: a new government headed by D. Tusk]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 2. P. 107–122. (In Russ.)

Eremina N.V. Etnoregional'nye partii v Evroparlamente: neochevidnyi potentsial politicheskoi sub"ektnosti [Ethnoregional parties in the European Parliament: the unobvious potential of political subjectivity]. Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologija [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science]. 2022. N 2. P. 303–316. (In Russ.)

European Parliament resolution of 22 November 2023 on proposals of the European Parliament for the amendment of the Treaties // European Parliament: [offic. website]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0427_EN.html (date of access: 28.09.2024).

Euro-Rolling IFOP – Fiducial 2024, 14 mai 2024 // Ifop Group. URL: https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2024/05/ROL24_20240514.pdf. (date of access 28.09.2024).

Fati S. De ce (nu) joacă Turcia cu Romania la Marea Neagră // Spotmedia.ro: [ediție pe internet]. 01.06.2022. URL: <https://spotmedia.ro/stiri/eveniment/de-ce-nu-joaca-turcia-cu-romania-la-marea-neagra> (date of access: 05.12.2023).

Freire M.R. The evolving role of the OSCE in the shaping of European security // Vestnik Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia [Bulletin of Saint Petersburg State University. Series: International Relations]. 2022. Vol. 15. Issue 2. P. 123–137.

Gorbachev M.S. Rech' pered deputatami Parlamentskoi assamblei Soveta Evropy v Strasburge [Speech to the deputies of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe in Strasbourg]. 6.07.1989. Mezhdunarodnyi Fond sotsial'no-ekonomicheskikh i politologicheskikh issledovani (Gorbachev-Fond) [International Foundation for Socio-Economic and Political Research (Gorbachev Foundation)]; official. website. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/rech_v_strasburge_6_iyulya_1989_goda.pdf (date of access: 07.05.2024). (In Russ.)

Guseletov B.P. Pravoradikal'nye obshcheevropeiskie partii nakanune obshcheevropeiskikh vyborov 2024 g. [Right-wing radical pan-European parties on the eve of the pan-European elections of 2024]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 4. P. 38–60. (In Russ.)

Guterres calls for 'coalition of the world' to overcome divisions, provide hope in place of turmoil // Union Nation News: offic. website. 20.09.2022 URL: <https://news.un.org/en/story/2022/09/1127071> (date of access 28.09.2024).

Ischinger W. The OSCE in the European Concert // OSCE Yearbook 2000: Baden-Baden: IFSH, 2001. P. 35–40.

Kaninskaia G.N. «Evropa. Ekologiya – Zelenye»: strategiya natsional'noi i evropeiskoi identichnosti [«Europe. Ecology – Greens»: Strategy of National and European Identity]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia [Bulletin of St. Petersburg University. Series: International Relations]. 2022. Vol. 15. Issue 1. P. 45–63. (In Russ.)

Kaninskaia G.N. V ozhidanii 2022: strategiya i taktika frantsuzskoi partii «Evropa. Ekologiya – Zelenye» [In anticipation of 2022: strategy and tactics of the French party «Europe. Ecology – Greens»]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2021. N 3 (111). P. 212–234. (In Russ.)

Kniazeva S.E. Elektoral'naia aktivnost' novykh populistov na vostochnom flange Evropeiskogo soiuza (2010-e – nachalo 2020-kh godov) [Electoral activity of new populists on the eastern flank of the European Union (2010s – early 2020s)]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 2. P. 63–90. (In Russ.)

Kniazeva S.E. Problema vstupleniia v ES balkanskikh stran i rasshireniia ES v kontekste tsennostnoi modeli Evropeiskogo soiuza [The problem of the accession of the Balkan countries to the EU and the EU enlargement in the context of the value model of the European Union] // Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2021. N 2. P. 176–193. (In Russ.)

Lapina N.Yu. Erik Zemmur: chelovek, vzorvavshii politicheskoe prostranstvo [Eric Zemmour : the man who blew up political space]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 4. P. 130–154. (In Russ.)

Large trade union protest in Warsaw against EU climate policies // Notes from Poland. 10.05.2024. URL: <https://notesfrompoland.com/2024/05/10/large-trade-union-protest-in-warsaw-against-eu-green-deal> (date of access 28.09.2024).

Lepelletier P. Glucksmann poursuit sa percee sondagiere // Le Figaro. 27 avril 2024. P. 4. URL: <https://kiosque.lefigaro.fr/catalog/le-figaro/le-figaro/2024-04-27> (date of access 30.04.2024, access by subscription).

Macron E. Révolution. Paris: XO Edition. 2016. 270 p.

Makarkin A.V. Jaroslav Kachin'skij i Viktor Orban: vneshnjaja politika konservatorov stran Central'noj Evropy (na primere Pol'shi i Vengrii) [Jaroslav Kaczynski and Viktor Orban: the foreign policy of the conservatives of the Central European countries (on the example of Poland and Hungary)] // Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 2. P. 40–63. (In Russ.)

Mârza R. Despre Republica Moldova (și România) în anul 2023. Considerații subiective // Contributors.ro. 19.02.2023. URL: <https://www.contributors.ro/despre-republica-moldova-si-romania-in-anul-2023-consideratii-subiective/> (date of access 10.04.2024).

Novikova O.N. Chetvertaja afganskaja vojna Velikobritanii [Britain's Fourth Afghan war]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022. N 4. P. 213–233. (In Russ.)

OSCE on Artificial Life Support or a Return to the CSCE? Results of the OSCE Ministerial Council in Skopje. An Expert Discussion // Valdai: Discussion Club. 01.12.2023. URL: <https://valdaiclub.com/events/posts/articles/osce-on-artificial-life-support-or-a-return-to-the-csce/> (date of access: 12.05.2024).

Oskolkov P.V. Etnoregionalistskie partii ES: fenomen «Evropeiskogo svobodnogo al'iansa» [Ethnoregionalist parties of the EU: the phenomenon of the «European Free Alliance»]. Sovremennaja Evropa [Modern Europe]. 2021. N 1. P. 141–150. (In Russ.)

Oskolkov P.V., Tevdoi-Burmuli A.I. Sushchestvuet li populizm? Pereosmysliaia «politologicheskuiu modu» [Does Populism Exist? Rethinking the «Political Science Fashion»]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 4. P. 18–37. (In Russ.)

Parkhalina T.G. Vvedenie. Krizis Rossii. Zapad i novye podkhody k voprosu kontrolya nad vooruzheniiami [Introduction. Crisis Russia. The West and New Approaches to Arms Control] // Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020. N 3. P. 5–15. (In Russ.)

Parkhalina T.G., Romanenko S.A. Mezhdunarodnye otnosheniia v Vostochnoi Evrope: problemy, metody, kontury issledovaniia i perspektivy razvitiia [International relations in Eastern Europe: problems, methods, contours of research and prospects for development]

lems, methods, research contours and development prospects]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022. N 2. P. 7–24. (In Russ.)

Pepine H. Relația cu Serbia, o frumoasă legendă // Deutsche Welle [Română]. 08.03.2018. URL: <https://www.dw.com/ro/relația-cu-serbia-o-frumoasă-legendă/a-42890947> (date of access 10.11.2023).

Romanenko S.A. Balkany / Iugo-Vostochnaia Evropa: Region-zagadka i region zagadok [Balkans / South-Eastern Europe: Region-mystery and region of mysteries]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2021. N 2. P. 22–68. (In Russ.)

Romanenko S.A. Politicheskie sistemy i politicheskie processy v stranah Vostochnoj Evropy: jetapy, metody izuchenija i rezul'taty (2014–2022) [Political systems and political processes in the countries of Eastern Europe: stages, methods of study and results (2014–2022)]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 2. P. 7–30. (In Russ.)

Rossija zajavila v OBSE o trebovanii juridicheskikh garantij bezopasnosti ot NATO [Russia stated in the OSCE its demand for legal security guarantees from NATO]. TASS: official website. 13.02.2022. URL: <https://tass.ru/politika/13416685> (date of access: 13.05.2024). (In Russ.)

Sapin Ch. La drole de non-campagne de Jordan Bardella // Le Point. 01.05.2024. URL: https://www.lepoint.fr/politique/europeennes-pourquoi-jordan-bardella-fait-il-campagne-a-mini-ma-01-05-2024-2559181_20.php#11 (date of access 05.05.2024).

Sargsian A.Z. Flamandskie pravye i problema adaptacii frankofonnyh migrantov vo Flandrii [Flemish right-wing forces and the problem of the adaptation of French-speaking migrants in Flanders]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 4. P. 331–353. (In Russ.)

Sderzhivanie i oborona [Deterrence and Defense]. NATO: [official website in Russ]. 04.07.2023. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_133127.htm (date of access: 13.05.2024). (In Russ.)

Shishov N.Ju. Vneshnepoliticheskie vozzrenija vedushhih pravoradikal'nyh partij Central'noj Evropy v 2014–2023 gg. (na primere Vengrii, Slovakkii i Chehii) [Foreign policy views of the leading right-wing radical parties of Central Europe in 2014–2023 (using Hungary, Slovakia and the Czech Republic as examples)]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 2. P. 263–282. (In Russ.)

Shol'ts vystupil za reformirovanie ES i otmenu principa edinoglasija pri prinjatii reshenij [Scholz spoke in favor of reforming the EU and abolishing the principle of unanimity in decision-making]. TASS: [official website]. 15.10.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16066701> (date of access: 13.05.2024). (In Russ.)

Sidorov A.S. Evropejskie strany i zony nestabil'nosti Azii i Afriki: problemno-metodologicheskoe vvedenie [European countries and the instability zones of Asia and Africa: problem-methodological introduction]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022a. N 4. P. 177–195. (In Russ.)

Sidorov A.S. Voенно-politicheskij balans vozmozhnostej Francii v Sahele: jetapy i mehanizmy vyhoda s TVD [The military-political balance of France's capabilities in the Sahel: stages and mechanisms of exit from the theater of operations]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022b. N 4. P. 79–108. (In Russ.)

Sidorov A.S. Voyenno-politicheskoe izmereniye evropejskoj integracii (ot de Gollia do nashih dnei) [Military – political dimension of the European integration (from de Gaulle to the present day)]. Foreword by Academician V.G. Baranovskij. Moscow: INION RAS. 2023. 296 p. (In Russ.)

Skurko E.V. Bor'ba s terrorizmom i prava cheloveka v Evrope [The fight against terrorism and human rights in Europe] // Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2021. N 4(112). P. 283–300. (In Russ.)

Sovremennaia Frantsiia: mezhdru trevogami i nadezhdami [Modern France: between worries and hopes]. Ed. M.V. Klinova, A.K. Kudryavtsev, P.P. Timofeev. Moscow: Institute of World Economy and International Relations RAS Publishing, 2022. 256 p. (In Russ.)

Timofeev P.P. «Nacional'noe ob'edinenie» v Nacional'nom sobranii Francii: mozhet li raz-rushi-tel' byt' sozidatelem? [«National Union» in the National Assembly of France: are disrupters

capable of being creators?]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 4. P. 177–195. (In Russ.)

Timofeev P.P., Khorolskaya M.V. Podhody franko-germanskogo tandema k vzaimodejstviyu s Turciej v ochagah nestabil'nosti Sredizemnomor'ja [Approaches of the Franco-German tandem to interaction with Turkey in the hotbeds of instability in the Mediterranean]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022. N 4. P. 134–159. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Podhod pravih partii (HDS/HSS) k razvitiyu i ispolzovaniyu bundesvera [The approach of the right-wing partis (CDU/CSU) to the development and usage of the Bundeswehr]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 4. P. 245–265. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Problemy i perspektivy global'noj sub'ektnosti FRG v voennom i politicheskom otnosheniyah: realii nachala 2020-h godov [Problems and Prospects of the Global Subjectivity of the FRG in Military and Political Relations: Realities of the Early 2020s]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 1. P. 196–221. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Tsennostno-informacionnye aspekty vneshnej politiki FRG (konec 2010-h – nachalo 2020-h godov) [Value-information aspects of the foreign policy of Germany (late 2010s – early 2020s)] // Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 1. P. 170–193. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Vyzovy dlja voennogo prisutstviya Germanii v zonah nestabil'nosti v Azii i Afrike [Challenges for maintaining the presence of the Bundeswehr in zones of instability in Asia and Africa]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022. N 4. P. 160–187. (In Russ.)

Turov N. «Dajte nam nezavisimost', ili dajte nam deneg»: usilenie vlijanija regional'nyh partij v sovremennoj Evrope [«Give us independence, or give us money»: the growing influence of regional parties in modern Europe]. Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2021. N 6. P. 33–41. (In Russ.)

Twenty thousand NATO troops join Dragon 24 exercises in Poland // Notes from Poland. 05.03.2024. URL: <https://notesfrompoland.com/2024/03/05/twenty-thousand-nato-troops-join-dragon-24-exercises-in-poland> (date of access 28.09.2024).

Valle R. «Demokratiia chuda». Ital'ianskii populizm v istoricheskoi perspektive [«Democracy of the Miracle». Italian Populism in Historical Perspective]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2019. N 2. P. 121–140. (In Russ.)

Vasiliev V.S. Anglosaksonskie skrizhali narastajushhego global'nogo civilizatsionnogo protivostojaniya [Anglo-Saxon guidestones of growing global confrontation between civilizations]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022. N 4. P. 234–256. (In Russ.)

Vstrecha NATO v verkhakh 2022 goda [NATO Summit 2022] // NATO: [official website in Russ.]. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_196144.htm (date of access: 07.05.2024). (In Russ.)

Zaagman R. Conflict Prevention in the Baltic States: The OSCE High Commissioner on National Minorities in Estonia, Latvia and Lithuania. Flensburg: European Centre for Minority Issues (ECMI), 1999. 67 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/71726453.pdf> (date of access: 10.05.2024).

Zagorskii A., Entin M.L. Zachem ukhodit' iz OBSE? [Why leave the OSCE?]. Rossiia v global'noi politike [Russia in Global Affairs]. 2008. N 4. P. 80–92. (In Russ.)

Zaivlenie po itogam vstrechi v verkhakh v Madride [Statement following the Madrid Summit]. NATO: [official website in Russ.]. 29.06.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm?selectedLocale=ru (date of access: 28.09.2024). (In Russ.)

Zinov'ev A.S., Turov N.L., Chernetskii F.M. Lokalizm v politicheskoi dinamike sovremennoi Evropy: keis Litvy [Localism in the political dynamics of modern Europe: the case of Lithuania]. Politicheskaya nauka [Political Science]. 2022. N 4. P. 240–261. (In Russ.)

В.С. Мирзеханов

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РОССИЙСКИЙ ОТВЕТ НА НИХ. РЕЦ. НА КНИГУ:
ПРЕОДОЛЕВАЯ ПРЕДЕЛЫ РОСТА. ДОКЛАД РИМСКОМУ КЛУБУ:
МОНОГРАФИЯ / ПОД РЕД. В.А. САДОВНИЧЕГО. М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2024. 553 С.**

Аннотация. В рецензируемой монографии анализируется научный доклад «Преодолевая пределы роста», подготовленный коллективом ученых МГУ имени М.В. Ломоносова. Затрагиваются вопросы, связанные с ролью России в контексте глобальных трансформаций, местом БРИКС в новом мироустройстве. Современные процессы рассматриваются в широком макроэкономическом контексте.

Ключевые слова: Римский клуб; Россия; БРИКС; макроэкономика.

Мирзеханов Велихан Салманханович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.

E-mail: lum62@yandex.ru

Researcher ID: J-1238-2018

Scopus Author ID: 57202778122

Mirzekhanov V.S.

**Global Challenges and Russia's Response to Them. Book review:
Overcoming the Limits of Growth. Report to the Club of Rome: a
monograph / ed. by V.A. Sadovnichy. Moscow: Moscow University Press,
2024. 553 p.**

Abstract. The peer-reviewed monograph analyses the scholarly report *Beyond the Limits to Growth*, prepared by scholars from Lomonosov Moscow State University. The discussion encompasses Russia's role amid global transformations and the position of BRICS in the emerging world order. The analysis considers modern processes within a broad macroeconomic framework.

Keywords: The Club of Rome; Russia; BRICS; macroeconomics.

**Mirzekhanov Velikhan Salmankhanovich – Doctor of History, Professor,
Chief Research Fellow of the Institute of Scientific Information on Social
Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.**

E-mail: lum62@yandex.ru

Researcher ID: J-1238-2018

Scopus Author ID: 57202778122

В издательстве Московского университета вышла монография «Преодоле-
вая пределы роста. Доклад Римскому клубу» под редакцией академика В. А. Са-
довниченко. В подготовке книги приняли участие 16 авторов, усилиями которых
создано 17 глав и 12 расширенных приложений, по объему не уступающих ос-
новной части работы. Исследование производит впечатление монолитной ин-
теллектуальной конструкции – настолько авторам удалось добиться концепту-
ального и терминологического единства. Несложно понять, что за этим лежит
большой труд, многократные обсуждения коллективом основных принципов
и подходов. Книга заслуживает внимания серьезной читательской аудитории,
но, возможно, не все читатели смогут справиться с ее заключительной частью –
приложениями, которые насыщены математическими формулами, графиками
и схемами. Тем не менее они легко смогут убедиться, что все выводы и рас-
суждения, представленные в повествовательной части – их всего пять – ра-
боты, появились не на голом месте, а являются следствием добросовестного
научного исследования.

Как сообщают авторы, прежде чем вышло русское издание книги, сна-
чала появилось краткое ее издание на английском языке, в котором основное
внимание было уделено сюжетам, характерным и для других, более ранних,
докладов Римского клуба. Русское же издание книги включает в себя весь-
ма интересные разделы, касающиеся вопроса о месте России в контексте
глобальных трансформаций (Часть IV) и роли БРИКС как движущей силы
нового мироустройства (Часть V). Эти последние две части основного (пове-
ствовательного) раздела выглядят как вполне законченное исследование, од-
нако логически, концептуально и терминологически они образуют с первыми
частями легко опознаваемое органическое единство. Тем самым кни-
гу можно читать и полностью, и только ее повествовательную часть – тем,
кто пасует перед формализованным языком, и только лишь те ее части, кото-
рые касаются России и БРИКС. В любом случае, это будет полезное чтение.

В предисловии к монографии академик В.А. Садовнический поясняет,
в чем заключается отличие данного доклада Римскому клубу от тех, что уже
были сделаны другими авторами более чем за полвека. «В отличие от зару-
бежных ученых, которые сосредоточились в основном на физических и био-
логических ресурсах планеты, способности ее природы поглощать антропо-
генные загрязнения, в своем исследовании российские ученые стремились
рассматривать современные процессы в более широком макроэкономическом

контексте с учетом особенностей долговременного технологического развития» [Преодолевая пределы, с. 9]. Профессор университета Индианы Уильям Томпсон, подготовивший собственное предисловие к монографии, указывает еще на одну особенность этой книги – ее оптимизм. «Московский доклад удивительно оптимистичен в отношении того, что эти проблемы, или большинство из них, могут быть легко решены. Я говорю “удивительно” только потому, что проблемы серьезны, и большинство политиков неохотно расходуют ресурсы на будущие проблемы – то есть только под давлением общественности» [там же, с. 14]. В самом деле, те читатели, которые знакомы с более ранними докладами Римского клуба, смогут не только отметить определенное смещение в тематике и акцентах, но и в общей тональности изложения, на которую обратил внимание американский ученый.

Название данной монографии отсылает к самому первому докладу, который был подготовлен группой Денниса Медоуза в 1972 г. [Meadows 1972; Медоуз 1991].

Там «пределы роста» связывались, прежде всего, с ситуацией бурного демографического роста на планете на фоне вполне уже предсказуемого предела развития индустриальной экономики, вызванного возрастающим дефицитом ископаемых природных ресурсов. Как хорошо известно, этот первый доклад вызвал целую серию новых (см., напр.: [Tinbergen 1976; Pestel 1989; King, Schneider 1991; Meadows 1992; Meadows, Randers 2004; Тинберген 1980; Пестель 1988; Кинг, Шнайдер 1991]), а также появление разнообразных футурологических прогнозов. За этим также последовала мобилизация политической и интеллектуальной элиты на Западе, прежде всего в США, которая направила все свои усилия на подготовку новой технологической революции и проведение структурных реформ в экономике. В свою очередь, эти изменения способствовали радикальной трансформации геополитической ситуации, распаду советского государства и демонтажу биполярного мира. В этом смысле «пределы роста», с которыми столкнулось человечество в 1970-х годах, были успешно преодолены США, а затем и остальной частью западного мира, но, увы, не были преодолены нашей страной – прежде всего ее тогдашним политическим руководством и интеллектуальной элитой. Назвав свою книгу «Преодолевая пределы роста», авторы нынешнего доклада Римскому клубу недвусмысленно намекают на то, что наступает время, когда со своими «пределами» теперь должна справиться и Россия. Однако это совершенно другие «пределы», а потому и способ их преодоления со всей очевидностью должен быть другим.

Российские авторы считают, что нынешние пределы не являются непреодолимыми и предлагают рассматривать их как «сильные вызовы» [Преодолевая пределы, с. 207]. Таких пределов-вызовов они называют семь. Первый из них – предел роста населения. Авторы полагают, что этот предел уже не является

настолько актуальным, как полвека назад, когда во всем мире наблюдался безудержный демографический рост. Сегодня он имеет место лишь в Африке, но и там – во все более ослабленной форме. Второй – предел системных ограничений существующего типа общества и государства и мировых отношений. Он был характерен для эпохи индустриальных обществ, которые предполагали обязательное существование суверенных государств, соревнующихся между собой. Кроме того, он предполагал обязательное наличие государств-лидеров, вокруг которых объединялись те, кто слабее. В конце XX в. на роль безусловного лидера-гегемона вырвались США. Но теперь эта эпоха заканчивается, и в условиях «кибернетического общества» наличие чьей-либо гегемонии окажется невозможным. Вся система, весь мировой порядок, изменится. Третий – предел ограниченности ресурсов. Этот предел тоже преодолим. «Предполагается постепенный переход от приоритета “роста” к приоритету “оптимизации”, сочетающий необходимый для здорового общества уровень экономического роста и устойчивого долгосрочного развития» [Преодолевая пределы, с. 209]. В новых условиях акцент будет делаться на использование новых ресурсосберегающих и энергосберегающих технологий. Авторы считают, что при использовании атомной и термоядерной энергетики может быть решена и проблема глобального потепления.

Четвертый предел – предел нынешней длительности ожидаемой продолжительности жизни. Кибернетическая революция затронет медицину и позволит расширить эти пределы еще на 10–20 лет. Пятый предел – проблема неравенства в уровне жизни разных обществ (развитых, среднеразвитых и слаборазвитых) и разных социальных слоев в рамках одного общества. Здесь авторы говорят о необходимости перестройки социальных отношений и проведении более сильной социальной политики. Ясно, что это один из самых «сильных» пределов, преодолеть который позволит лишь согласованная работа всех стран и народов в рамках нового, многополярного миропорядка. Шестой предел – проблема разобщенности обществ. Авторы связывают это с поэтапным переходом к новой глобальной социально-экономической системе – от «Мира-системы конкурирующих государств» к «Миру-организму», основанному на сотрудничестве. Они предполагают, что в течение следующих 10–15 лет удастся выйти из нынешнего состояния мирового политического противостояния, к 2050 г. – произойдет формирование нового мироустройства, основанного на «диалоге цивилизаций», к 2100 г. – формирование новых принципов и институтов, которые бы позволили двигаться к реальному единству на основе кооперации, к 2030 г. – формирование новой глобальной системы мира («Мира-организма») на основе принципов кооперации. Седьмой предел – проблема неизбежности разрушения старого при переходе к новому. Авторы связывают это с преодолением глобального наследия капитализма и в особенности с демонополизацией средств массовой информации.

Очевидно, что это один из самых сложных вопросов, но авторы полагают, что и он разрешим, поскольку сохранение чьей-либо монополии на информацию автоматически будет означать сохранение всего прежнего миропорядка, гегемонии одного геополитического игрока и т. п.

Отрадно отметить, что важная роль в преодолении нынешних пределов роста с необходимостью будет принадлежать России. Авторы считают, что «цивилизационный опыт России», на протяжении многих веков, сталкивающейся с проблемами ограниченности ресурсов, климатическими и экологическими проблемами, может оказаться полезным для всего человечества. Кроме того, Россия обладает уникальным опытом организации совместного существования разных народов, который столь необходим для преодоления нынешнего глобального положения вещей, когда все еще торжествуют индивидуализм, эгоизм и беспощадная конкуренция. «Российская стратегия» на новом этапе предполагает «решительный отказ от либеральной идеологии» [Преодолевая пределы, с. 191] и налаживание отношений партнерства между цивилизациями. «Отличительной чертой нашей цивилизации, в отличие от многих других цивилизаций, является то, что основной ее детерминантой была не религия, не этническая принадлежность, не социальные институты, а этика коллективистского типа. У России огромный исторический опыт цивилизационного строительства (на трудном для проживания севере Евразии) с использованием коллективистской этики как общей скрепы. И именно этот опыт будет критически важен при формировании нового мироустройства в наступающую историческую эпоху» [там же, с. 195].

Отмечая возрастающую роль объединения БРИКС, авторы считают, что она обусловлена переходом от миропорядка национальных государств, характерного для индустриальных обществ XX в., к миропорядку «локальных цивилизаций», который становится актуальным в XXI в. Путь, пройденный странами БРИКС за последние 30 с небольшим лет, впечатляет. Из отстающих по многим параметрам от развитых стран Запада, страны БРИКС постепенно превращаются в мировых лидеров, в особенности Китай. При этом Индия, Россия и Бразилия по своему технологическому развитию также прочно вошли в десятку технологических лидеров. В БРИКС участвуют представители всех локальных цивилизаций, кроме Запада. Растущее сотрудничество между странами объединения и постепенный отказ от долларовой зависимости делает их все более сильными в экономическом и стратегическом плане. Вступление в объединение БРИКС новых азиатских, африканских и латиноамериканских стран, начиная с 2023 г., знаменует начало качественно нового этапа в развитии БРИКС и всей системы международного общения.

Остается сказать, что хотя работа над книгой велась на протяжении довольно продолжительного периода, в ней нашло место отражение и текущего политического момента, связанного с началом специальной военной опера-

ции и обострением конфликта между Россией и странами Запада. Возможно, какие-то из представленных авторами наблюдений и предлагаемых прогнозов предстоит скорректировать в ту или иную сторону. Но авторы готовы и к этому, весьма трезво оценивая свой вклад в решение глобальных проблем и «преодоление пределов роста». Они призывают всех, кто заинтересован в достижении более справедливого, безопасного и гуманного будущего, продолжать исследования в указанном направлении, дополняя их новыми научными знаниями.

Библиография

- Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М.: Прогресс, 1991. 339 с.
- Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рендерс Й., Беренс В.В. Пределы роста. М.: Изд-во МГУ, 1991. 205 с.
- Пестель Э. За пределами роста. М.: Прогресс, 1988. 268 с.
- Преодолевая пределы роста. Доклад Римскому клубу: монография / под ред. В.А. Садовниченко. М.: Издательство Московского университета, 2024. 553 с.
- Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. М.: Прогресс, 1980. 416 с.
- King A., Schneider B. The First Global Revolution. A Report by the Council of The Club of Rome. New York: Pantheon books, 1991. 259 p.
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J. Beyond the Limits: Confronting Global Collapse, Envisioning a Sustainable Future. Vermont: Chelsea Green Publishing, 1992. 300 p.
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York: Universe Book, 1972. 205 p.
- Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L. Limits to Growth: The 30-Year Update. London: Earthscan, 2004. 338 p.
- Pestel E. Beyond the Limits to Growth: A Report to the Club of Rome. New York: Universe Books, 1989. 191 p.
- Tinbergen J. Reshaping the International Order: A Report to the Club of Rome. New York: Dutton, 1976. 325 p.

References

- King A., Schneider B. Pervaja global'naja revoljucija. Doklad Rimskogo kluba [The First Global Revolution. A Report by the Council of The Club of Rome]. Moscow: Progress, 1991. 339 p. (In Russ.)
- King A., Schneider B. The First Global Revolution. A Report by the Council of The Club of Rome. New York: Pantheon books, 1991. 259 p.
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J. Beyond the Limits: Confronting Global Collapse, Envisioning a Sustainable Future. Vermont: Chelsea Green Publishing, 1992. 300 p.
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. Predely rosta [The Limits to Growth]. Moscow: MGU, 1991. 205 p. (In Russ.)
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York: Universe Book, 1972. 205 p.
- Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L. Limits to Growth: The 30-Year Update. London:

Earthscan, 2004. 338 p.

Overcoming the Limits of Growth. Report to the Club of Rome: a monograph / edited by V.A. Sadovnichy. Moscow: Moscow University Press, 2024. 553 p. (In Russ.)

Pestel E. Beyond the Limits to Growth: A Report to the Club of Rome. New York: Universe Books, 1989. 191 p.

Pestel E. Za predelami rosta [Beyond the Limits to Growth]. Moscow: Progress, 1988. 268 p. (In Russ.)

Tinbergen J. Peresmotr mezhdunarodnogo porjadka [Reshaping the International Order]. Moscow: Progress, 1980. 416 p. (In Russ.)

Tinbergen J. Reshaping the International Order: A Report to the Club of Rome. New York: Dutton, 1976. 325 p.

А.В. Белинский

**БЛИЗКИЕ И ОПАСНЫЕ. РЕЦ. НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ: НЕВОЕННЫЕ
УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЕС. М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВСЬ МИР», 2023. 658 С.**

***Аннотация.** В фокусе внимания авторов рецензируемой коллективной монографии находятся вопросы безопасности ЕС, не связанные с военными действиями. Проблема безопасности во все времена была одной из центральных онтологических проблем человечества. Политика в области обеспечения безопасности – политической, экономической, социальной – один из приоритетов объединения с момента его создания. На пороге третьего десятилетия XXI в. вместе со всем миром ЕС столкнулся с новыми, в том числе невоенными вызовами безопасности, и был вынужден на них реагировать.*

Ключевые слова: безопасность; ЕС; COVID-19; энергетический кризис.

Белинский Андрей Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела европейской безопасности Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: belinskii_andrei@mail.ru

Belinskii A.V.

**Close and Dangerous. Review of the Collective Monograph
«Non-military threats to EU security»**

***Abstract.** The authors of this peer-reviewed collective monograph focus on security issues within the EU that are unrelated to military actions. Security has consistently been a fundamental ontological issue for humanity. Since its formation, the EU has emphasized policies aimed at guaranteeing political, economic, and social security. As the third decade of the 21st century begins, the EU, in concert with the rest of the world, has confronted new security challenges, including non-military ones, and has had to formulate responses to these challenges.*

Keywords: security; EU; COVID-19; energy crisis.

Belinskii Andrei Viktorovich – Candidate of Political Sciences, Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: belinskii_andrei@mail.ru

Безопасность. На протяжении всей истории рода человеческого, начиная от «битвы за огонь» (Ж. Рони-Старший) среди угрюмых серых скал и заканчивая нынешнем обществом комфорта с его высокоскоростным Интернетом, развитым сервисом и воистину гаргантюаским потреблением, она была альфой и омегой его бытия. От безопасности зависело развитие общества, его экономическое и социальное благополучие, а нередко и физическое выживание.

Угрозы подстерегали человека повсюду. Дикие звери, голод, наводнения и, конечно же, войны, которые становились подлинной катастрофой для человечества, вынуждая его искать различные способы защиты.

Деревянный частокол вокруг поселения со временем уступил место каменным крепостям, этим неммым часовым, призванным охранять покой разбогатевшего на торговле городе или сиятельных господ, ведущих свой род от Хлодвиги или Карла Мартелла. В XX столетии на смену обветшавшим крепостям пришли бетонные коробки фортов, а карту Старого Света прорезали тянущиеся на сотни километров линии укреплений. Мажино, Маннергейма, Зигфрида... А на излете длинного XX столетия частоколы ядерных ракет стали той стеной, которая должна была обеспечить безопасность страны.

Однако времена изменились. Нет, вспыхивающие то там, то здесь вооруженные конфликты и «невиданные мятежи» (А. Блок) по-прежнему тревожат человечество. Однако их отблески не могут оттенить того факта, что в XXI столетии роду человеческому придется столкнуться с новыми (а может быть просто позабытыми) вызовами, которые будут носить невоенный, но от того не менее опасный и масштабный характер.

Что это за вызовы? Какие риски они несут с собой? И как реагируют различные страны на них? Именно поиску ответов на эти вопросы посвящена коллективная монография «Невоенные угрозы безопасности ЕС», подготовленная коллективом Института мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО РАН). Выбор Евросоюза в качестве объекта исследования представляется логичным и актуальным, поскольку «богатый опыт преодоления сложных проблем, накопленный ЕС за многие десятилетия, традиционно вызывал у исследователей повышенный интерес к нестандартным и нетривиальным решениям, к которым страны – участницы Евросоюза и его наднациональные органы неоднократно прибегали в самые ответственные, переломные моменты существования объединения» [Надточей, 2024, с. 107].

На страницах солидного исследования, охватывающего без малого 600 с лишним страниц, дан практически полный обзор невоенных угроз безопасности ЕС, начиная от пандемии COVID-19, унесшей миллионы жизней по всему миру и заканчивая «войнами» в киберпространстве.

Хотя в названии исследования и присутствует аббревиатура ЕС, географически оно выходит за рамки Евросоюза и включает в себя также Великобританию, Норвегию и Западные Балканы. Несмотря на то, что эти государства

не являются членами объединения, в силу политических и экономических причин их роль в Старом Свете является значительной. В этом отношении анализ ситуации в этих странах безусловно дополнит общеевропейскую картину.

Наряду с этим нельзя не отметить и продуманный структурный подход, который был положен в основу исследования невоенных угроз для ЕС. Каждый раздел работы предваряет небольшая общетеоретическая глава, посвященная той или иной проблеме (терроризм, миграционный кризис и т.д.). С одной стороны, такой экскурс позволяет плавно читателю подробнее ознакомиться с проблемой, а с другой – дает тот фон, который «подсвечивает» подход той или иной европейской страны к ее разрешению.

Открывает монографию глава о борьбе стран ЕС с пандемией COVID-19 и ее последствиями. Пришедший из КНР вирус стал не только колоссальным вызовом для Европы (как, впрочем, и для всего мира), но и своего рода стресс-тестом, лакмусовой бумажкой, демонстрирующей эффективность работы государственных институтов, прочность экономики, солидарность властей и общества.

Авторы коллективной монографии дали оценку не только политике национальных правительств по борьбе с пандемией, но и ее экономическим, социальным, демографическим и, конечно, политическим последствиям для обществ европейских стран. В частности, в параграфе, посвященном борьбе с пандемией во Франции (Зуева К.П. и Тимофеев П.П.) говорится: «В целом рейтинг президента до пандемии составлял 30%, а уже в апреле 2020 г. он вырос на 13% и составил 46%» [Невоенные угрозы 2023, с. 44]. Наблюдаемый во Франции эффект «объединение вокруг флага»¹ проявился и в других странах ЕС. Как мы видим, несмотря на протесты против антиковидных ограничений, произошло усиление роли и авторитета национального государства, которому еще недавно пророчили кончину в волнах глобализации. Вместе с тем, на наш взгляд, в работе не уделено достаточного внимания феномену ковид-диссидентства, которое в 2020–2021 гг. стало заметным явлением внутривнутриполитической жизни во многих европейских странах (ФРГ, Австрия и др.)

Однако не только пандемия COVID-19, которую многие эксперты уже успели сравнить со средневековой чумой и гриппом испанкой, стала предметом исследования ученых ИМЭМО. Наряду с ней в монографии затрагиваются проблемы миграции, которая стала одним из основных вызовов для ЕС. В монографии рассматривается как политика ЕС в целом, так и отдельных стран – членов Евросоюза. Отмечается, что после миграционного кризиса 2015–2016 гг. ЕС взял курс на усиление охраны границ и ограничение миграции. «Европейский союз планомерно усиливает координацию своей миграционной деятельности с республиками Западных Балкан» [там же, с. 210].

1. *Сплочение общества вокруг действующей власти.*

Не были обойдены вниманием проблемы экологии, кибербезопасности, терроризма и, конечно же, энергетической политики, которая с 2022 г. потребовала своего радикального пересмотра. Авторам монографии в полной мере удалось показать как общие тенденции, характерные для большинства европейских стран (поиск новых поставщиков), так и особенности национальной «охоты» на энергоносители. В то время как ФРГ окончательно отказалась от АЭС, соседняя с ней Франция по-прежнему делает ставку на атомную энергию, видя в ней залог своей безопасности.

Вступивший в третье десятилетие XXI век не обещает ЕС и государствам Старого Света легких времен. Новые вызовы требуют глубокого анализа, новых ответов. А это значит, что подготовленная в стенах ИМЭМО коллективная монография «Невоенные угрозы безопасности ЕС» обладает несомненной актуальностью и имеет значение для понимания экономических, политических и социальных процессов, происходящих в Европейском союзе, наднациональных и национальных подходов объединения к обеспечению безопасности.

Библиография

Надточей Ю.И. Европейский союз в меняющейся парадигме глобализации // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 1. С. 106–130.

Невоенные угрозы безопасности ЕС / под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева, Е.Г. Черкасовой; ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2023. 658 с.

References

Nadtochei Yu.I. Evropeiskii soiuz v meniaiushcheisia paradigme globalizatsii [The European Union in the changing paradigm of globalization] // Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. 1. P. 106–130.

Nevoennye ugrozy bezopasnosti ES [Non-military threats to EU security]. Edited by N.K. Arbatova, A.M. Kokeev, E.G. Cherkasova. Moscow: Ves' Mir Publishing House, 2023. 658 p.

В.Н. Чернега

РЕЦ. НА: GOMART TH. LES AMBITIONS INAVOUÉES: CE QUE PRÉPARENT LES GRANDES PUISSANCES. PARIS: TALLANDIER, 2023. 336 P.

***Аннотация.** В рецензии анализируется монография французского специалиста по геополитике Т. Гомара «Скрытые амбиции: что готовят великие державы». В основном монография посвящена соперничеству держав на международной арене в контексте «геополитического шока», вызванного обострением кризиса на Украине. Рецензент отмечает, что Т. Гомар проделал большую аналитическую работу. Его освещение упомянутого соперничества реалистично. Интерес представляет деление Т. Гомаром основных держав на три группы: «суша» (континентальные государства), «море» (морские государства), «небо» (государства, использующие в борьбе за влияние религиозный фактор). Монография насыщена множеством фактических данных. Главным ее недостатком является отсутствие альтернативных точек зрения на затрагиваемые проблемы, последние освещаются исключительно через призму сложившихся западных стереотипов.*

***Ключевые слова:** геополитика; украинский кризис; соперничество держав; реализм; западные стереотипы.*

**Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук,
Чрезвычайный и Полномочный Посланник, главный научный сотрудник
ИНИОН РАН. Россия, Москва.**

E-mail: v.n.tchernega@gmail.com

Web of Science Researcher ID: AAD-3569-2022

ORCID:0000-0002-3031-0187

Chernega V.N.

Review: Gomart Th. Les ambitions inavouées: ce que préparent les grandes puissances. Paris: Tallandier, 2023. 336 p.

***Abstract.** This review offers an analysis of the monograph «Hidden Ambitions: What the Great Powers Are Preparing» by French geopolitics specialist T. Gomart. The monograph primarily explores the competition among major powers on the international stage, within the context of the «geopolitical shock» triggered by the escalating crisis in Ukraine. The reviewer acknowledges the depth of Gomart's analytical work and the realistic nature of his depiction. A notable aspect is Gomart's classification of the major powers into «land»*

(continental states), «sea» (maritime states), and «sky» (states using religious factors for influence). The monograph is rich in factual content, though it is critiqued for its lack of alternative viewpoints, relying solely on established Western stereotypes.

Keywords: geopolitics; Ukrainian crisis; rivalry between powers; realism; Western stereotypes.

Chernega Vladimir Nikolaevich – Doctor of Law, Envoy Extraordinary and Plenipotentiary, Chief Researcher of INION RAN. Russia, Moscow.

E-mail: v.n.tchernega@gmail.com

Web of Science Researcher ID: AAD-3569-2022

ORCID:0000-0002-3031-0187

Директор программ Французского института международных отношений (IFRI) Т. Гомар считается во Франции одним из крупнейших специалистов в области геополитики. Однако правильнее было бы назвать его видным представителем господствующего течения во французской внешнеполитической мысли. Рецензируемая монография Т. Гомара «Скрытые амбиции: что готовят великие державы» интересна прежде всего тем, что она одновременно отражает и развивает взгляд на современную международную ситуацию, который характерен для упомянутого течения.

В монографии, например, реалистично описывается соперничество великих держав на международной арене, которому она, собственно, и посвящена. Характеризуя его, Т. Гомар употребляет термин «хищничество» и для этого есть основания. Международные отношения – область повышенного цинизма, где если не все, то почти все определяется национальными интересами и соотношением сил между главными игроками. Однако Т. Гомар отходит от принципа реализма, когда объясняет это соперничество главным образом обострением конфликта на Украине. По его словам, оно развеяло иллюзии, которые питали многие на Западе, особенно в Европе, что «чаяния общества, социальные проблемы, рыночная логика стоят выше воли государств» [Gomart 2023, p.10]. Геополитика вновь заявила о себе во всю мощь, столкновения между государствами, обусловленные борьбой за влияние, становятся обыденностью. Франция должна адаптировать свой внешнеполитический курс к этим изменениям и Т. Гомар формулирует свои рекомендации на сей счет.

Автору настоящей рецензии вспоминается в связи с этим одна международная встреча в Москве в 2017 г. с участием посла Франции, в ходе которой он заявил, что его страна решительно отвергает понятие «сфер влияния», которое якобы давно устарело. Посол, как и подобает дипломату, отражал позицию своего государства, которая, кстати, была также официальной позицией ЕС и США. Но вот что написал в 2018 г. американский политолог Г. Аллисон: «Американские политики перестали признавать сферы влияния – возможность

для других держав требовать уважения от соседних государств в собственных регионах или осуществлять там определенный контроль – не потому, что эта концепция отжила свое. Скорее, весь мир де-факто превратился в сферу влияния США. На смену многим сферам влияния пришла одна сфера влияния» [Allison 2018, p.3]. Далее Г. Аллисон отметил, что с кризисом однополярного миропорядка понятие «сфера влияния» начало вновь становиться для американских элит актуальным [там же].

Возвращаясь к монографии Т. Гомара, следует подчеркнуть, что борьба государств за влияние никогда не исчезала. Достаточно напомнить, что в период, когда, по его словам, Запад предавался «иллюзиям», имели место натовские бомбардировки Югославии в 1999 г., американское вторжение в Ирак в 2003 г. или франко-британская интервенция в 2011 г. Нет сомнения, что в основе этих действий лежали геополитические амбиции соответствующих акторов. Можно согласиться с Т. Гомаром, что обострение украинского кризиса вызвало «геополитический шок» в мире, но само оно явилось результатом процессов, которые происходили ранее. Ошибочность подхода Т. Гомара закономерно приводит к тому, что вопрос о какой бы то ни было ответственности Запада, в частности США, за данный конфликт им не поднимается, хотя, сославшись на З. Бжезинского [Brzezinski 1998], он пишет, что американская стратегия после исчезновения СССР исходила из установки, что «Россия без Украины не сможет возродиться в качестве империи» [Gomart 2023, p.83]. Иначе говоря, США никоим образом не были заинтересованы в сближении России и Украины.

Признание этого факта не мешает Т. Гомару писать о «слепоте» Западной Европы, «игнорировавшей» предостережения Польши и ряда других восточноевропейских государств, которые с 90-х годов предупреждали об «опасности», исходящей от России. В связи с этим стоит упомянуть, что другой известный французский специалист, директор Института международных и стратегических исследований П. Бонифас, называет эти государства «пожарниками-пироманами», которые, движимые «врожденной русофобией», вольно или невольно сделали все, чтобы конфликт на Украине состоялся [Boniface 2023, p.184]. Но Т. Гомар, отталкиваясь от тезиса о «слепоте», рекомендует Франции активнее противодействовать российскому влиянию в Европе, укреплять французскую военную мощь и сотрудничество с союзниками по НАТО, в том числе с восточноевропейскими, готовиться к становлению «нового равновесия» в Евросоюзе в связи с возможным принятием Украины [Gomart 2023, p. 57–58].

Однако если общий подход Т. Гомара к нынешней международной ситуации не выходит за рамки французского и в целом западного «мейнстрима», то в прикладном плане он демонстрирует определенную специфику. В частности, расценивая возможности основных соперничающих держав на международной арене, Т. Гомар делит их на три группы: «суша» (континентальные держа-

вы); «море» (морские державы), «небо» (государства, использующие в борьбе за влияние религиозный фактор). В первую группу Т. Гомар включает Россию, Китай и Германию, во вторую – США, Великобританию и Индию, в третью – Турцию, Саудовскую Аравию. Россия в этом списке занимает особое место в связи со СВО на Украине, но, представляя ее, Т. Гомар основывается на стереотипах, укоренившихся на Западе. К примеру, он пишет об экономической слабости России и в подтверждение приводит данные о ее ВВП в номинальном исчислении, игнорируя тот факт, что по паритету покупательной способности (ППС) ее вес в мировой экономике значительно выше. Но когда Т. Гомар переходит к Китаю, он оперирует как раз данными по ППС и не скрывает своего восхищения. В монографии приводятся следующие цифры: в 2005 г. китайский ВВП исчислялся по ППС в 6,5 млрд долл. США, американский – в 13 млрд. В 2017 г. по этим показателям две страны уже почти сравнялись: ВВП КНР достиг 17,9 млрд долл., у Соединенных Штатов он равнялся 18,2 млрд. По приведенным в монографии прогнозам к 2030 г. Китай достигнет планки в 36 млрд долл., США займет второе место с 28 млрд (с.73). Т. Гомарт также пишет о впечатляющем прорыве КНР в передовых технологиях, ее успехах в наращивании возобновляющих источников энергии.

Вместе с тем Т. Гомар видит в китайском гиганте угрозу международному порядку, основанному на «либеральных ценностях». КНР, по его словам, все активнее пытается продвигать в развивающемся мире свою модель, опирающуюся на сочетание элементов рыночной экономики с марксистской идеологией и тоталитарным режимом. В более узком плане Т. Гомар выражает обеспокоенность убежденностью лидеров КНР в неизбежности «объединения» с Тайванем, а также их поддержкой России в контексте конфронтации между ней и Западом по поводу Украины. Наиболее вероятными сценариями будущего Китая он считает его дальнейший подъем или стагнацию. Рекомендации Т. Гомара для Франции в основном направлены на улучшение координации ее политики на китайском направлении с западными союзниками и усилении ее возможностей противостоять китайскому влиянию в заморских департаментах и территориях, особенно Новой Каледонии и Полинезии. Вместе с тем Т. Гомар указывает на риск втягивания ЕС и, соответственно, Франции, в конфронтацию с Китаем и нежелательного «ужесточения китайского курса в отношении Европы» [Gomart 2023, p. 84].

Помещение Т. Гомаром в список важнейших континентальных держав Германии говорит о том значении, которое она имеет для Франции. Экономический «локомотив» ЕС, как называют ФРГ, является ее крупнейшим торговым партнером, а франко-германский «тандем» до сих пор был «мотором» европейской интеграции. Т. Гомара явно беспокоит изменение соотношения сил в «тандеме» не в пользу Франции. Но он не может избежать явного противоречия в этом вопросе. С одной стороны, он делает исторические аллюзии, утверждая, напри-

мер, что в центре «схватки» между Германией и Россией, Германией и СССР, во время Первой и Второй мировых войн была борьба за контроль за Восточной Европой, особенно Украиной, и подчеркивает, что «если бы не было российского противовеса, германское влияние было бы доминирующим в Европе» [Gomart 2023, p. 11]. Т. Гомару явно не нравится, что сегодня, под предлогом «угрозы, связанной с обострением конфликта на Украине, ФРГ создает самую крупную конвенциональную армию в Евросоюзе. Он также критикует Берлин за «чрезмерную» ориентацию на экономическое сотрудничество с Пекином. Однако в рекомендациях для Франции он пишет о необходимости для Парижа больше учитывать германские интересы, сотрудничать с ФРГ в вопросе расширения ЕС, в частности, по приему в него Украины, вместе «предвосхищать чаяния Киева и Варшавы, касающиеся наращивания их военной мощи» [Gomart 2023, p. 113].

Самое большое внимание в монографии все же уделено Соединенным Штатам и их противостоянию с Китаем. Как уже было сказано, Т. Гомар относит США к морским державам, поскольку они обладают самыми сильными ВМС в мире и контролируют основные морские коммуникации. В действительности, из его монографии вытекает, что Соединенные Штаты одновременно являются континентальной державой. Они доминируют в НАТО и с его помощью в Европе, стремятся установить свой контроль над Евразией. Помощь Украине, ослабление России, ограничение экономических, технологических и военных возможностей Китая являются важнейшими элементами нацеленной на это американской стратегии. США содержат самую мощную на Западе сухопутную армию и не жалеют средств на оснащение ее самыми передовыми военными технологиями. «Мультипликатором» военных возможностей Соединенных Штатов являются разветвленная сеть баз за рубежом и система альянсов – многосторонних и двухсторонних. Китай также наращивает военную мощь, в том числе на море, однако, по утверждению Т. Гомара, «ужесточение его националистической политики ставит под вопрос свободу мореплавания, что препятствует утверждению его в качестве морской державы» [Gomart 2023, p. 83].

Стоит особо отметить, что Т. Гомар не питает иллюзий по поводу главного мотива американской конфронтационной стратегии в отношении Китая. Идеологический фактор он считает вторичным. «США и Китай разделяют одну и ту же религию материального успеха и сражаются друг с другом за господство над энергетическими потоками и лидерство в цифровых технологиях. Речь отныне идет о том, кто будет боссом мирового капитализма в 2050 году» [Gomart 2023, p. 13]. В конкурентной борьбе Соединенные Штаты не жалуют и своих союзников, Т. Гомар упоминает в связи с этим продвижение Вашингтоном принципа экстерриториальности своего права, позволяющий им устанавливать контроль над финансовой деятельностью европейских пред-

приятый, а также принятый в 2022 г. Inflation Reduction Act, побуждающий европейские «зеленые» компании делать инвестиции не у себя дома, а в США [Gomart 2023, p. 140].

Тем не менее применительно к противоборству США и Китая он афиширует про-американскую позицию. Сравнивая конкурентные возможности двух сверхдержав, он называет, помимо контроля над морями, три принципиальные преимущества Соединенных Штатов. Во-первых, они соединяют в себе *imperium* и *dominium*, т. е. огромную совокупную государственную мощь и силу частной собственности, в данном случае корпораций, «влияние которых обеспечивается движением капиталов через границы» [там же, p. 126]. Во-вторых, США, являются одним из крупнейших производителей нефти и газа, в то время как Китай зависит от поставок энергоносителей от Саудовской Аравии, Ирана и России. Более того, Соединенные Штаты вкладывают все больше средств в «зеленые технологии» и в перспективе имеют все шансы стать лидером и в этой области. В третьих, благодаря уникальной роли доллара, привлекательности своего рынка для иностранных капиталов и ведущей роли во Всемирном банке и МВФ, Соединенные Штаты доминируют в мировой финансовой системе. В своих рекомендациях для Франции Т. Гомар подчеркивает, что США «занимают центральное место» в ее политике безопасности». Отсюда необходимость укреплять союзные отношения с ними [там же, p. 145]. Кроме того, американская поддержка жизненно нужна Парижу для сохранения контроля над своими заморскими департаментами и территориями в Индо-Тихоокеанском регионе.

Другие морские державы, Великобритания и Индия, как отметит Т. Гомар, далеко уступают по влиянию США с той, однако, разницей, что первая, хоть и претендует на глобальную роль, представляет собой «угасающую силу», а вторая является будущей сверхдержавой. Великобритания после Брекзита пытается найти свою «нишу» в мире, но в целом она вынуждена следовать за Соединенными Штатами. Индия же утверждает на международной арене путем маневрирования: она противостоит Китаю и Пакистану, развивает отношения с Соединенными Штатами и Россией и входит в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), включающую ее соперников. Рекомендации Т. Гомара для Франции, относящиеся к Великобритании, сводятся к усилению двухстороннего «стратегического сотрудничества», поскольку, она как морская держава дополняет возможности Франции перед лицом «общих угроз» на международной арене. Кроме того, ее «решительная поддержка Польши и Украины важна для происходящей сейчас перестройки европейских балансов» [Gomart 2023, p. 174]. Стоит добавить, что Великобритания традиционно рассматривается французскими элитами как определенный противовес Германии. Рассуждая об Индии, Т. Гомар делает акцент на императивности для Франции продвигать «стратегическое партнерство» с ней, дающее возможность двум

странам «выйти за рамки соперничества между Китаем и США» [Gomart 2023, p. 196].

Среди «держав неба» Т. Гомар ставит на первое место Турцию в связи с ее самым значительным экономическим потенциалом и второй по мощи армией в НАТО. Он называет Р. Эрдогана «исламо-националистом», ностальгирующим по Османской империи. Однако исламизм турецкого президента, как подчеркивается в монографии, не мешает ему проводить очень прагматичную политику, позволяющую сохранять отношения и с Украиной, и с Россией. Вместе с тем участвовавший «военный интервенционизм» Турции «вынуждает ее действовать на трех фронтах – в Сирии, Ливии, Восточном Средиземноморье», что ведет к напряжению ее ресурсов [Gomart 2023, p. 220]. Саудовская Аравия также претендует на державную роль в своем регионе. Наследный принц М. ибн Салман аль-Сауд пытается ослабить зависимость страны от нефти и одновременно несколько модернизировать ее в социально-культурном плане. Однако Саудовская Аравия по-прежнему остается в «центре нефтяной геополитики», а «ее способность к модернизации будет определяться тем, какова будет ее связь с исламом» [там же]. Эта проблема существует и в Иране с той разницей, что там имеет место «постоянная исламская революция», по определению препятствующая модернизации [там же, p. 255]. Главный внешнеполитический приоритет Ирана – противоборство с Западом, «обложившим» его санкциями. Отсюда «подрывные действия» Тегерана в Ливане, Сирии, Йемене, поддержка России на Украине. Вызовом для Запада являются ядерные амбиции Ирана.

Рекомендации Т. Гомара для Франции по Турции сводятся к необходимости противостоять ей на Кавказе (поддерживая Армению против Азербайджана), в Восточном Средиземноморье (поддерживая Грецию) и вместе с тем не забывать, что она является союзницей по НАТО. Весьма противоречивую позицию Т. Гомар занимает и в отношении Саудовской Аравии. Она важна как крупнейший игрок на нефтяном рынке, заказчик для французских компаний в рамках модернизационных проектов и покупатель французского оружия, но вызывает обеспокоенность из-за растущего влияния на национальную экономику (инвестиции) и «религиозного прозелитизма» (поддержка исламизма). Куда более однозначное отношение Т. Гомар выражает к Ирану: он является прежде всего геополитическим противником, а борьба с его ядерными амбициями «должна быть для Парижа одним из главных приоритетов» [там же, p. 280].

Стоит отметить замечание Т. Гомара о том, что «французская стратегическая мысль затрудняется интегрировать религиозное измерение отношений» с указанными государствами. Как он указывает, «в связи с окончательным разрушением католической матрицы в нашей стране она оказалась в продвинутой стадии религиозной декультуризации, которая мешает понять религиозный пыл других, в частности мусульман» [там же, p. 295].

В заключение Т. Гомар призывает Францию выработать глобальную стратегию, которая содержала бы ответы на основные угрозы – от военных до климатических – с учетом описанных им особенностей «суши», «моря» и «неба». Способна ли, однако, Франция реально осуществлять такую стратегию – вопрос остается открытым. Во всяком случае, продолжающееся изменение соотношения сил не в ее пользу во франко-германском тандеме или стратегическая зависимость Франции от США в Индо-Тихоокеанском регионе, о которых Т. Гомар упоминает ранее, побуждают поставить этот вопрос.

Библиография

Allison G. The New Spheres of Influence. Sharing the Globe with other Great Powers // Foreign Affairs. 2020. March-April. P. 3–8.

Boniface P. La guerre en Ukraine. L'onde de choc géopolitique. Paris: Editions Eyrolles, 2023. 233 p.

Brzezinski B. The Grand Chessboard. American Primacy and its Geostrategic Imperatives. New York City: Basic Books, 1998. 240 p.

Gomart Th. Les ambitions inavouées: ce que préparent les grandes puissances. Paris: Tallandier, 2023. 336 p.

References

Allison G. The New Spheres of Influence. Sharing the Globe with other Great Powers // Foreign Affairs. 2020. March-April. P. 3–8.

Boniface P. La guerre en Ukraine. L'onde de choc géopolitique. Paris: Editions Eyrolles, 2023. 233 p.

Brzezinski B. The Grand Chessboard. American Primacy and its Geostrategic Imperatives. New York City: Basic Books, 1998. 240 p.

Gomart Th. Les ambitions inavouées: ce que préparent les grandes puissances. Paris: Tallandier, 2023. 336 p.

С.А. Глотов, И.П. Скворцов

**КАК ВСЕГДА БЛИСТАТЕЛЬНО, НО ВОПРОСЫ ОСТАЮТСЯ... К ВОПРОСУ О ДОКЛАДЕ
«ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ МИРОВОГО БОЛЬШИНСТВА»**

***Аннотация.** Одним из важнейших следствий специальной военной операции России на Украине выступает необходимость переосмысления своего положения в системе координат мировой политики, поиск путей и средств обеспечения национальной безопасности страны в изменившихся военно-политических и геоэкономических условиях.*

Очевидно, что в этой ситуации вполне правомерно ожидать формулирования концептуально-доктринальных документов в различных сферах политики, отражающих новые реалии. Таковой стала и обновленная Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ № 229 от 31.03.2023 г. Вполне естественно, что этот документ открывает возможности дальнейшего развития и конкретизации своих положений.

Плодотворной и весомой попыткой такого развития можно считать опубликованный в конце 2023 г. доклад С. Караганова, А. Крамаренко и Д. Тренина «Политика России в отношении Мирового большинства». Он содержит крайне интересные и глубокие положения относительно направлений углубления связей России с новым феноменом глобальной мировой политики – странами Мирового большинства. Каков потенциал сотрудничества России с этими государствами? Что необходимо сделать для его укрепления? Каково существо проблем на этом пути, требующих своего решения? Поиск ответов на эти и другие вопросы представляется очень важным в контексте повышения эффективности внешней политики Российской Федерации.

В данной статье авторы представляют своё видение и оценку данного доклада как актуального и своевременного документа, открытого для обсуждения и дискуссий, направленного на усиление действенности усилий России в деле защиты национальных интересов на современном этапе своего развития.

Ключевые слова: международные отношения; внешняя политика Российской Федерации; национальная безопасность Российской Федерации; Мировое большинство; стратегическое планирование; цивилизационная идентичность.

**Глотов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: glotov_rgsu@mail.ru**

Скворцов Игорь Петрович – заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, профессор Краснодарского высшего военного училища им. генерала армии С.М. Штеменко. Россия, Краснодар.
E-mail: igskvorcov@yandex.ru

Glotov S.A. , Skvortsov I.P.

Brilliant as always, but still leaves some questions... On the report «Russia's Policy towards the World Majority»

***Abstract.** One important consequence of Russia's special military operation in Ukraine is the necessity to reconsider its position in the global political landscape and seek effective measures to guarantee the country's national security amid the changed military-political and geoeconomic conditions.*

In this context, it is entirely reasonable to anticipate the formulation of conceptual and doctrinal documents across various policy areas that reflect new realities. This is exemplified by the updated Concept of Foreign Policy of the Russian Federation, which was approved by Decree of the President of the Russian Federation №. 229 on March 31, 2023. Naturally, this document opens avenues for further development and specification of its provisions.

A notable and significant contribution to this development is the report by S. Karaganov, A. Kramarenko, and D. Trenin, published at the end of 2023, titled «Russia's Policy towards the World Majority». This report offers extremely interesting and profound insights regarding the directions for deepening Russia's ties with an emerging phenomenon in global politics – the countries of the World Majority. It explores the potential for Russia's cooperation with these states, the necessary actions to strengthen these ties, and the essence of the challenges that need to be addressed. Finding answers to these and other questions is crucial for enhancing the effectiveness of Russia's foreign policy.

In this article, the authors present their perspective and evaluation of this report, viewing it as a relevant and timely document, open to discussion and debate, and aimed at enhancing the effectiveness of Russia's efforts in safeguarding national interests at its current stage of development.

Keywords: international relations; Russian Federation's foreign policy; Russian Federation's national security; World majority; strategic planning; civilizational identity.

Glotov Sergey Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: glotov_rgsu@mail.ru

Skvortsov Igor Petrovich – Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Krasnodar Higher Military School named after Army General S.M. Shtemenko. Russia, Krasnodar.
E-mail: igskvorcov@yandex.ru

В конце 2023 г. в российских средствах массовой информации в краткой форме был аннотирован 40-страничный доклад Сергея Караганова, Александра Крамаренко и Дмитрия Тренина «Политика России в отношении Мирового большинства» [Политика 2023], подготовленный при поддержке большой группы участников ситуационного анализа¹.

Уже во введении Доклада говорится, что в задание исследования входит выработка базовых принципов, направлений и целей работы с «мировым большинством», под которым авторы доклада подразумевают совокупность незападных стран мира, не вовлечённых в обвязывающие отношения с США и патрионируемые ими организациями (на англ. World Majority, не путать с вариантом названия Global Majority, предупреждают С. Караганов и его коллеги, поскольку последнее связано с нарративом либеральной глобализации).

Речь идёт также о попытке сформулировать в своём исследовании ни много, ни мало:

а) повестку мирового развития и мировой политики, которая была бы альтернативой существующей;

б) стратегию России в отношении мирового большинства (т.е. более 100 стран мира), «упаковав» её в долгосрочную, например, до 2040 г., по мнению авторов, программу действий (решаемых задач). И это притом, что в Российской Федерации уже существует и даже отчасти эффективно действует утвержденная совсем недавно для подобного рода документов Концепция внешней политики Российской Федерации (далее – Концепция)², исходящая из культурно-цивилизационной самобытности России, расположенной на огромной территории в Европе и Азии, выполняющей исторически сложившуюся уникальную миссию поддержки глобального баланса сил в широком смысле этого понятия [Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г.].

Концепция корреспондируется с обновленной Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, которая содержит раздел II «Россия в современном мире: тенденции и возможности», состоящий из 18 пунктов [Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г.].

1. В своего рода предисловии к докладу говорится, что он подготовлен по итогам серии исследований, семинаров и ситуационного анализа в рамках программы ситуационных анализов факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Совета по внешней и оборонной политике при поддержке Комитета Государственной думы РФ, журнала «Россия в глобальной политике» и под эгидой Министерства иностранных дел РФ. Правда, при этом не говорится, в чем заключается эта поддержка, вероятнее всего, в предоставлении экспертов и определённых материалов.

2. Концепция внешней политики Российской Федерации стала действительно во многом революционным документом, способным надлежащим образом нацелить Российское государство, властные органы, а также гражданское общество на решение актуальных внешнеполитических задач, определив при этом отдельные механизмы реализации этого важного документа доктринального характера.

Нельзя не отметить тот факт, что Концепция в ряде случаев опирается на поправки 2020 г. в Конституцию РФ, касаемые международного положения и внешней политики Российского государства, в том числе ст. 67.1. Основного закона России: «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР...»; ст. 79.1 «Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов...» (на этом направлении, как известно, СССР работал весьма активно и действительно много сделал для дела мира и защиты народов от империализма); ч. 2.1 ст. 67.1 «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности...»; ч. 3 ст. 69 «Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав...» и т. д. [Конституция 2020].

Концепция является документом стратегического планирования и представляет собой систему взглядов на национальные интересы Российской Федерации во внешнеполитической сфере и приоритетные направления современной внешней политики России.

В связи с этим, и не только, представляется правомерным постановка вопроса о целесообразности ещё одного доктринального документа в сфере внешней политики РФ и всего незападного мира, тем более, что, как утверждают сами авторы доклада, «лидерство в рамках большинства не может подразумевать чьего-либо доминирования, любые идеи возможны только как результат добровольного принятия всеми заинтересованными сторонами».

К сожалению, конституционно-правовые основы доклада «Политика России в отношении Мирового большинства» и их дальнейшее развитие в тексте документа, претендующего на стратегический план в будущих международных отношениях России, «призванный стать генератором новых идей и практики межгосударственного сотрудничества» (как считают авторы доклада), представлены весьма слабо. А зря, поправки 2020 г. в Конституцию России дают повод и основание, как минимум, обсуждения указанной выше темы [Закон Российской Федерации от 14 марта 2020 г.].

Например, как правильно сегодня понимать такие конституционные положения: «на своей территории» (ч. 1 ст. 67.1); «преемственность в развитии Российского государства» (ч. 2 ст. 67.1); «защита исторической правды» (ч. 2 ст. 67.1); «защита интересов соотечественников за рубежом» и «сохранение общероссийской культурной идентичности» (ч. 3 ст. 69); «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий...» (в ст. 79, правда, теперь подразумеваются несколько иные условия, чем когда принималась данная статья в 1993 г.). Удивительного в этом ничего нет. Достаточно посмотреть список участников

совещаний по подготовке данного доклада 31 марта и 6 июня 2023 г. (приложение № 1 и № 2 к самому докладу), и мы заметим, что в них нет специалистов в области конституционного (или, как его называли в советские годы – государственного) права. В свою очередь, это еще раз подтверждает важность междисциплинарных исследований, о чём так много говорится сегодня.

Между тем представленный доклад С.А. Караганова, А.М. Крамаренко и Д.В. Тренина представляет собой значительный интерес для науки и практики, как в сфере внешней, так и во многом внутренней политики.

Навеянный специальной военной операцией (СВО) на Украине (авторы, конечно, об этом упоминают), он характеризуется рядом новых подходов и, в какой-то мере развивает указанную выше Концепцию внешней политики Российской Федерации. Более того, он может быть полезен и для реализации хорошо известного сегодня Федерального закона «О стратегическом планировании», который десятилетиями находился в «нерабочем» состоянии, а сегодня упоминается во многих важных государственных документах [Федеральный закон от 28 июня 2014 г.]; модернизации Военной доктрины России, тем более, что авторы доклада не исключают возможность применения в ходе вооруженной борьбы тактического ядерного оружия (а может быть, и стратегического), «в крайнем случае прямое задействование ядерного фактора» (с. 9 доклада) и предлагают широко обсуждать это с экспертами стран Мирового большинства; различного рода стратегий, концепций, которых сегодня множество в Российской Федерации, а главное, для практических шагов МИД РФ, Минпрома РФ, Министерства обороны РФ, Министерства внутренних дел РФ, других силовых и иных структур, по активному практическому сотрудничеству со странами Мирового большинства (что мы отчасти наблюдаем сегодня).

Здесь стоит упомянуть о предложенной авторами и экспертами доклада (с. 6) краткой схеме под названием «Стратегия РФ в отношении Мирового большинства», которая включает следующие пять направлений сотрудничества: обеспечение системного присутствия России на растущих рынках; развитие новых логистических коридоров; развитие торгово-экономических связей; развитие технологических, биотехнологических проектов, в том числе ИКТ; сдвиг духовного центра и материального развития России на Восток.

Жаль только, что в этой схеме не нашлось места такому компоненту, как широкое противодействие России вместе со странами Мирового большинства незаконным рестрикциям США, ЕС и других стран меньшинства. Как известно, против России, Ирана, Китая, Венесуэлы и т. д. введено огромное количество санкций, и против этих рестрикций следует вести более решительную совместную борьбу, а не повторять традиционную формулу «мы не работаем против...». Этот термин, равно как и словосочетание «наши партнёры на Западе» уже набил оскомину и должен быть исключён из лексикона российских политиков и практиков внешнеполитической и внешнеэкономической деятель-

ности. Этих западных «партнёров» уже давно нет, они во многом превратились в наших врагов (к сожалению, за редким исключением).

В докладе представлена содержательная характеристика Мирового большинства как не анти-Запада, не монолитного образования или блока (раздел 2), а сообщества стран с собственными интересами, традициями, уровнем развития. С удовлетворением можно отметить, что авторами доклада предложены также новые акценты, направления и методы работы с Мировым большинством (п.1.9.1). В связи с этим справедливо указывается на необходимость усилий народной дипломатии, развитых сетей взаимодействия экспертов и специалистов, журналистов и лидеров общественного мнения. В докладе можно было бы усилить внимание к этой проблематике (раздел 8.10), хотя частично она рассматривалась в разделе 4.15 – необходим выход России на образовательные рынки Азии, Африки и Латинской Америки.

Это можно и нужно делать, как отмечают авторы доклада, путем повышения роли движения БРИКС, ШОС (разделы 4.14, 1.11.1, 1.2), реформы ООН (раздел 4.6), Группы 77 с участием 134 государств (раздел 2.7.), путем укрепления сотрудничества с конкретными странами – Китаем, Вьетнамом, Ираном и другими странами (раздел 7) и, конечно, развивая Союзное государство Белоруссии и России, Евразийский Экономический союз (раздел 7.2).

Каковы механизмы этого процесса? Об этом авторы доклада подробно рассуждают в завершающем разделе 8 – «Практические шаги: широкий маневр». За это им отдельная благодарность, так как многие доклады подобного рода страдают отсутствием конкретных полезных рекомендаций. Здесь же подход иной, более деловой, содержательный и в меру реалистичный, включая предложение разработать долгосрочную программу и стратегию действий до 2040 г. в отношении мирового большинства, а заодно и меньшинства.

Отрадно, что авторы доклада представляют (п.п. 8.3, 8.5, 8.6, 8.8, 8.9, 8.10 и др.) конкретные контуры этого стратегического плана с использованием конкурентных преимуществ Российской Федерации (п. 8.10), способной быть поставщиком «военной и продовольственной безопасности для Мирового большинства, а также оказывать значительную помощь в вопросах здравоохранения».

Анализируемый доклад, на наш взгляд, объективен, позитивен и имеет исключительно вдохновляющий посыл к глубоким свершениям в российской внешней политике. Вместе с тем знакомство с ним вызвало мысль о том, что в нем речь идет о какой-то не нынешней, а России будущего, с возможностями и ресурсами наподобие СССР. Неслучайно обращение к опыту СССР во взаимодействии со странами Юга и Востока широко представлено в тексте доклада. Проблема в том, что нынешняя Россия по своему внутри – и внешнеполитическому потенциалу вовсе не СССР.

Среди инструментов внешней политики находятся различного рода взаимодействия и обмена. В обмен на готовность стран Юга и Востока полноценно

включиться вслед за Россией в процессы совершенствования мировой политической системы, потенциально подставляясь под удары нынешнего глобального гегемона, нашему государству необходимо ведь что-то им предложить взамен. У СССР среди этого «что-то» присутствовали значимые технологии и производственные возможности, крупнейший военно-политический потенциал мирового уровня, реальные достижения в сфере социальной и культурной политики, сложившиеся особый образ жизни и базовые конструкции сознания.

Внешнеполитический потенциал самым непосредственным образом связан с уровнем социально-экономического и культурного потенциала. Есть ли потенциал реализации смело заявленной высокой миссии России по поддержанию глобального баланса сил (п.1.1) – это, по нашему мнению, дискуссионный вопрос, ответ на который должен формулироваться не безусловно-явочным порядком, а из комплексного анализа явления. Заявленная миссия вполне может быть осуществлена именно у той России, что способна решить актуальные задачи своего социально-экономического развития.

Далее. Целесообразно было бы подчеркнуть, что становление России как самобытного государства-цивилизации есть не уже свершившийся факт, а длительный исторический процесс. Интеллектуальная осторожность и трезвая оценка возможностей есть важная составляющая при принятии политических решений и достижении соответствующих целей. Вполне актуален вопрос о том, каким образом наша страна видится государствам Юга и Востока. В этом видении отражены ли наши отличия от других цивилизаций, западной в первую очередь? В чем они состоят? Каким образом это должно быть реализовано в процессе внешней политики? Каков ценностный пакет российской цивилизации и находит ли он органичное проявление в функционирующих социальных институтах, политических и культурных практиках? Каковы реально работающие механизмы ослабления 300-летней цивилизационной зависимости страны от западного образца?

Указание на то, что Россия – это северная в геокультурном плане страна (п.7.1), плодотворна для разработки наших представлений о своей идентичности, но еще не носит общепринятого и отраженного в базовых документах стратегического характера концепта.

Интеллектуальным кругам и правящему классу страны предстоит предпринять ещё много усилий, чтобы достичь согласия по базовым параметрам определения российской цивилизационной идентичности и применения их к оценке российского социокультурного своеобразия. Считаем, что текст доклада выиграл бы при указании на это важное обстоятельство.

С другой стороны, контрпродуктивно бесконечно строить прогнозные варианты и выяснять суть, образно говоря, мерцающей во времени российской цивилизационной идентичности. По нашему мнению, необходимо вырабатывать ясный технологичный язык стоящих ныне целей и задач, моделей пере-

стройки практической работы внешнеполитических структур, которые могут быть использованы при реализации различных вариантов социокультурной самоидентификации. Подчеркнем, что попытка изложения подобных целей и технологий представлена в докладе.

Среди некоторых присутствующих в докладе противоречий считаем необходимым остановиться также на следующем. С одной стороны, в разделе 7 п. 3.4 авторы выступают за нормализацию отношений на западном фланге в той мере, в какой это будет возможно. С другой стороны, в разделе 1 п.3 утверждается, что подобная нормализация невыгодна. Указания на характер исторической перспективы здесь по существу роли не играют.

Нам представляется, что нормализация отношений выгодна всегда, как с точки зрения выстраивания соответствующих балансов с другими субъектами мировой политики, так и перенаправления средств на задачи внутреннего развития.

Естественно, подобная нормализация ни в коей мере не означает случавшихся ранее в российской истории идеализации и впадения в соблазн встраивания в чужой социокультурный проект. Конкуренция и соперничество на мировой арене никуда не уйдут, до нового мышления в этой сфере пока далеко, умение проводить свои интересы в сложноустроенном, тем более в многополюсном мире будущего должно формироваться во всех звеньях управленческого аппарата российского государства.

Но вернемся к положительным сторонам доклада. Они присутствуют в каждом его разделе, остановимся на некоторых из них. Например, раздел 1 «Два поля российской внешней политики», пункт 1.4.3 доклада: «Россия выступает в качестве силы, оказавшейся на острие борьбы с Западом неслучайно, а по причине своей истории и национальной идентичности. Соответственно, нападки Запада на Россию являются борьбой против эмансипации Большинства. Стоит подчеркнуть преемственность такого международно-го позиционирования России, например, значение «Русской революции» для пробуждения Востока и огромную роль Советского Союза в процессе «деколонизации». В данном случае целесообразно было бы показать эту роль в пунктах доклада, например 1.4.4, которого нет, с применением для наглядности таблиц, диаграмм, которые были использованы в процессе работы над докладом, отражающие огромную роль СССР в этом вопросе. Зачем же стесняться, тем более, что Россия правопреемник Советского Союза и уже в наши дни, как СССР ранее, безвозмездно передает зерно, удобрения и т. д. бедствующим африканским странам. Что касается истории отношений Россия – Запад, то нелишне вспомнить слова философа и писателя Александра Зиновьева, покинувшего СССР, а затем вернувшегося в современную Россию: «Целились в коммунизм, а попали в Россию». Сказано им точно. Западу всё равно какая Россия: имперская, коммунистическая, социалистическая,

капиталистическая, либеральная, она большая и опасная в его (Запада) понимании, её всячески необходимо сдерживать.

Авторы доклада справедливо, причем уже не в первый раз, пишут (раздел 1.9) – необходимо «сломать волю Запада к конфронтации» и для этого потребуется «коренная перестройка всей дипломатической работы», работы МИД России. С. Караганов – А. Крамаренко – Д. Тренин еще надеются (раздел 1.9), что возможно «убедить Западные столицы относительно мирно отступить» и сделать это России можно вместе с Мировым большинством, в том числе с использованием ядерного фактора. Согласны.

Вместе с тем надеяться, как известно, не вредно, но может быть уже пришло время указать конкретные законные военные цели на территории стран меньшинства (проще говоря, НАТО), откуда исходит угроза России и странам мирового большинства, ведь танки с черными крестами уже на территории соседней с нами Украины. Может быть, одним потенциальным противникам предоставить с нашей стороны гарантии ядерной безопасности, другим нет?

Ведь было бы наивно ждать, что сами западные страны возглавят процесс своего нисхождения с вершины 500-летнего господства. Пока что, как справедливо отмечено в Докладе, они обладают громадными ресурсами глобальной гегемонии и будут жестко сопротивляться попыткам ослабления их могущества. Нельзя в связи с этим не замечать очевидных тенденций к фашизации политики стран Запада. Эти тенденции должны быть учтены в долгосрочной российской внешнеполитической стратегии.

Если ставки в нынешней геополитической ситуации так высоки, как указано в докладе, и речь идет действительно об уничтожении России (п.1.3), то мы должны работать не только (по традиции) в «белых перчатках» и лишь с существующим руководством стран, но и с отрядами элиты внутри них, необходимо осваивать методы социокультурного и организационного воздействия на иные общества, всемерно расширять инструментарий внешней политики. В частности, у стран Юга и Востока не всё благополучно с традициями длительного, особенно успешного, противостояния с Западом. Вооружить их технологиями такой борьбы – одна из задач российской внешней политики.

Важное вытекающее следствие из положений доклада состоит также в том, что никто не обязан поддерживать Россию в самых справедливых ее начинаниях, и что на получение этой поддержки предстоит долго и кропотливо работать. Не следует ожидать быстрых результатов от перестройки международных отношений, а важно быть в готовности развивать свою стратегическую культуру и умение длительной системной работы по достижению поставленных целей. Прагматизм, деловитость, нацеленность на результат должны стать общепринятыми нормами функционирования всех задействованных в сфере внешней политики институтов. Отрадно, что в докладе этому аспекту уделено должное внимание.

Единство действий государств может строиться на разных основаниях, в том числе ценностей и интересов. Поскольку, как справедливо указано в докладе, различные цивилизации единства ценностей не обеспечивают, придется выстраивать стратегию внешней политики на основе сложного баланса интересов различных государств и народов. Какими путями обеспечить этот баланс (о чем в докладе также идет речь) – это важный вопрос текущей и перспективной стратегии. Нам представляется, что базовой безусловной ценностью и интересом для всех участников международных отношений может выступать сохранение жизни на планете, обеспечение свободного суверенного развития и благосостояния народов.

Хотелось бы всецело поддержать авторов доклада в необходимости переосмысления применения западных интеллектуальных и идеологических понятий и схем в научной, культурной, образовательной практике, в их убежденности в необходимости выработки собственного политологического, социологического, культурологического и т. п. языка (п. 2.6.4). Речь идет по существу о важнейшем методологическом повороте в российском общественном сознании на всех уровнях.

Отметим и важный тезис доклада о наличии России как важного фактора международных отношений, что обеспечивает миру политико-экономическую альтернативу, которая исчезла после распада СССР, уступив место гегемонии и лишив страны большинства выбора (п. 8.10). Действительно, как отмечает сам Президент России В.В. Путин, крушение СССР есть крупнейшая геополитическая катастрофа XX в., её последствия ощущаются и в наши дни.

Несомненно, трудно ожидать даже от такого проработанного в концептуальном плане документа, как рассматриваемый доклад, полного ответа на все актуальные вопросы современности. Но один из главных выводов, который хочется сделать по итогам данных размышлений, состоит в том, что представленный на суд общественности и власти доклад «Политика России в отношении Мирового большинства» может и должен (при последующей доработке) в скором времени перерасти в Доктрину внешней политики Российской Федерации с аналогичным или модернизированным названием. Следует продолжить линию на разработку столь важных сегодня документов для теории и практики внешней, а через нее и внутренней политики современной России. Можно и нужно собирать предложения к данному докладу.

Библиография

Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280> (дата обращения: 16.01.2024).

Конституция Российской Федерации в редакции 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 16.01.2024).

Политика России в отношении Мирового большинства (доклад группы экспертов под руководством заслуженного профессора, научного руководителя факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, почетного председателя президиума Совета по внешней и оборонной политике, руководителя программы ситуационных анализов С.А. Караганова). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1923234/ (дата обращения: 22.01.2024).

Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 16.01.2024).

Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 14.01.2024).

Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 14.01.2024).

References

Federal'nyj zakon ot 28.06.2014 g. N 172-FZ «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of June 28, 2014. N 172-FZ «On strategic planning in the Russian Federation»]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (date of access: 14.01.2024). (In Russ.)

Konstitucija Rossijskoj Federacii v redakcii 2020 g. [Constitution of the Russian Federation as amended in 2020]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (access date: 16.01.2024). (In Russ.)

Politika Rossii v otnoshenii Mirovogo bol'shinstva (doklad grupy jekspertov pod rukovodstvom zaslužennogo professora, nauchnogo rukovoditelja fakul'teta mirovoj jekonomiki i mirovoj politiki NIU VShJe, pochetnogo predsedatelja prezidiuma Soveta po vneshnej i oboronnoj politike, rukovoditelja programmy situacionnyh analizov S.A. Karaganova) [Russia's policy towards the World Majority (report of a group of experts led by Emeritus Professor, Scientific Director of the Faculty of World Economy and World Politics at the National Research University Higher School of Economics, Honorary Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy, Head of the Situation Analysis Program S.A. Karaganov)]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1923234/ (date of access: 22.01.2024). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 g. № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 N 400 «About the National Security Strategy of the Russian Federation»]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (date of access: 16.01.2024). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta RF ot 31.03.2023 g. № 229 «Ob utverzhdenii Konceptii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 N 229. «On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation»]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (date of access: 14.01.2024). (In Russ.)

Zakon Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2020 g. N1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovanija otдел'nyh voprosov organizacii i funkcionirovanija publichnoj vlasti» [Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 N1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority»]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280> (date of access: 16.01.2024). (In Russ.)

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Россия и современный мир № 4 – 2024 (125)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка И.С. Николаева

Корректор
О.П. Дормидонтова

Подписано к печати 11.02.2025 г.
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1

Усл. печ. л. 26,8 Уч.-изд. л. 23,1
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № ____

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

**Отдел печати и распространения
изданий**

Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6